

Цетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

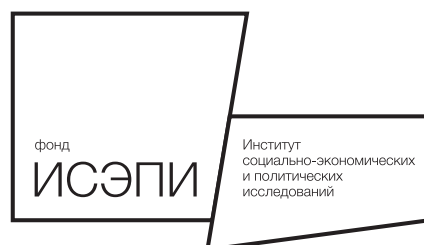
[№ 1 2016]

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

{ Февраль – апрель 2016 г. }

Тетради

по консерватизму

[№ 1 2016 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2016

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Ю. Зудин, Б.В. Межуев (редактор-составитель номера),
А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов, Л.В. Поляков (председатель), М.В. Ремизов, А.С. Ципко,
А.Л. Чечевишников (гл. редактор)

Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2016. – 276 с.

Очередной номер альманаха посвящен американскому консерватизму. На фоне разворачивающейся президентской избирательной кампании анализируются основные направления и феномены консервативной мысли и консервативной политики в США.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 59947.

© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2016

Леонид Поляков
Слово к читателю
7

Консервативная Америка и праймериз-2016

Американские элиты перестали понимать свое общество
Интервью с Томасом Грэмом
11

Пол Гренье
Дефиниции и диалог. Размышления консерватора поневоле
о русском и американском консерватизме
15

А.С. Галстян, Ф.А. Лукьянов
Реализм в тени
31

Как исчезли «умеренные республиканцы» и кто пришел им на смену
Интервью с Джеффри Кабасёрвисом
39

Стратегии консервативного истеблишмента

А.А. Сушенцов
Внешнеполитические платформы Республиканской партии США:
изоляционисты, реалисты, неоконсерваторы
47

Б.В. Межуев
«Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны»
56

В.В. Ванчугов
Информационно-коммуникативные технологии американских
консерваторов в президентской кампании 2016 года
64

Консерваторы / республиканцы

Пол Готфрид
Палеоконсерваторы: правые изгои Америки
79

Б.В. Межуев
Господин палеокон. Послесловие к статье Пола Готфрида
«Палеоконсерваторы: правые изгои Америки»
85

И.В. Денисов, А.В. Павлов
Политическое либертарианство
89

А.В. Павлов
Основания неоконсерватизма
101

Д.О. Дробницкий
Движение Чаепития: американский правый консерватизм
в информационную эпоху
117

К.В. Аршин
«Религиозные правые» Америки: безуспешные «десекуляризаторы»
129

Предвыборный консервативный пасьянс

К.С. Бенедиктов
Черный лебедь. Политическая биография Дональда
Трампа (Главы из книги)
141

Т.А. Шаклеина
Джон Эллис (Джеб) Буш – мейнстрим американской стратегии
166

В.В. Ванчугов
Марко Рубио: неоконсервативный образ американской мечты
174

И.В. Денисов
Бен Карсон: триумф черного консерватизма
179

М.В. Перепёлкина
Тед Круз: возрождая «американскую мечту»
185

Б.В. Межуев
Джон Кейсик: умеренный и упорный
189

И.А. Истомина
Рэнд Пол: «фискальный ястреб», «консервативный реалист»
и «одинокий флибустьер» американской политики
195

Н.А. Демченко
Крис Кристи: чем грозит «консервативная недостаточность»?
204

Н.Е. Войкова
Карли Фиорина: звезда или метеор Республиканской партии?
211

М.А. Девлин
Майк Хаккаби – ревнитель христианской Америки
222

Публикации

Сэмюэль Хантингтон
Консерватизм как идеология
231

Рецензии

Д.О. Дробницкий
Бизнесмен-харизматик на пути в Вашингтон
253

Е.С. Холмогоров
Путешествие в геополитику и обратно
262

Слово к читателю

Первый номер «Тетрадей по консерватизму» за 2016 год посвящен американским консерваторам, которые с помощью республиканцев, контролирующих обе палаты Конгресса, уже в этом ноябре могут получить и своего президента. Если это произойдет, Америка будет походить на Россию, в которой президент, по автохарактеристике Владимира Путина, является «прагматиком с консервативным уклоном», а «Единая Россия», стоящая – опять же по характеристике президента – на консервативной, центристской платформе, обладает большинством в парламенте. Окажется ли это сходство чисто внешним, или же оно станет поворотным пунктом во взаимоотношениях наших держав?

Вопрос не праздный, поскольку эпоха безоговорочной гегемонии, в которой США неожиданно для самих себя оказались после добровольного саморасформирования Советского Союза в конце 1991 года, очевидным образом заканчивается. Эйфория победителя в холодной войне, четверть века вдохновлявшая американский политический истеблишмент, все больше уступает место новому геополитическому алармизму. Проект однополярного мира, который согласно диагностике Фрэнсиса Фукуямы казался самым естественным и самым надежным способом организации миропорядка после «конца истории», рушится на глазах, как «карточный домик». С тем существенным отличием от одноименного американского сериала, что последствия этого разрушения реализуются не в виде остроумных сюжетных находок голливудских сценаристов, а в виде разрушения десятков государств и гибели миллионов ни в чем не повинных людей.

Если использовать образ из знаменитого романа Айн Рэнд, то можно сказать, что Атлант (США) «расправил плечи» настолько неумело и настолько не вовремя, что всему остальному миру еще не одно десятилетие придется преодолевать последствия деятельности самоназначенного «гегемона». И при понимании этого становится чрезвычайно важно разобраться в том, что сейчас происходит в той части американского истеблишмента, которую принято обозначать как «консерваторов». Именно там разворачивается острейшая – идеологическая в политическом смысле и идейная в смысле мировоззренческом – борьба не только за финальную номинацию на июльском конвенте Республиканской партии. В ходе конвейера праймериз и кокусов дюжина претендентов презентовали *urbi et orbi* разнообразные проекты не только радикального переустройства США, но и переустройства мира. И в этом вдумчивый чита-

тель усмотрит определенный парадокс: каким образом те, кто именуют себя и именуются другими как «консерваторы», вдруг выступают в роли яростных «радикалов»?!

Первое и самое вроде бы убедительное объяснение такой несурезицы сводится к тому, что нетипичный (хочется сказать сильнее – неприличный) для настоящих консерваторов радикализм обусловлен спецификой самого формата президентской гонки. Это именно гонка, в которой если не единомышленники, то уж точно однопартийцы старались обойти друг друга, не стесняясь в приемах и не заботясь о сохранении имиджа консервативного комильфо. Шла охота за голосами избирателей (точнее – выборщиков), и потому законы непрерывного политического шоу диктовали его участникам соответствующую стилистику.

В этом объяснении все верно. Но это не значит, что оно объясняет все. Радикализм в среде республиканских соискателей права на ноябрьскую дуэль с Хиллари Клинтон являлся следствием еще как минимум двух обстоятельств. Во-первых, нарастающего радикализма самого американского консервативного электората, который все острее начинает ощущать маргинальное положение в «своей собственной стране». И, во-вторых, острой конкуренцией на смысловом фронте в среде самих консерваторов, иными словами – кризисом консервативной идентичности.

Для иллюстрации последнего обстоятельства стоит взглянуть на ситуацию в противоположном лагере. Либеральная идентичность абсолютного лидера президентской гонки в стане демократов настолько самоочевидна, что в роли спарринг-партнера Хиллари выступает независимый социал-демократ, сенатор от Вермонта Берни Сандерс. А при обратном сравнении мы обнаруживаем, что как раз в роли явного (чтобы не сказать – абсолютного) лидера в республиканском лагере выступил независимый Дональд Трамп, консервативная идентичность которого настолько неразличимо смешивается с имиджем популиста, что от этой смеси оторопь не проходит ни у высоколобых экспертов, ни у республиканского политического истеблишмента. Зато никакой оторопи не чувствуется у среднего американца, который на большинстве праймериз с восторгом голосовал за вызывающе неполиткорректного миллиардера.

Уже по этому эскизу политической ситуации в США понятно, насколько сложно, непредсказуемо и драматично была закручена интрига именно в республиканской среде. Трамп выиграл праймериз. Но смирит ли консервативный истеблишмент с этой победой или на съезде республиканцев 18–21 июля в Кливленде нас ждет сюрприз? И что это будет означать для судеб американского консерватизма?

В поисках ответа на последний вопрос будет весьма кстати вспомнить о Сэмюэле Хантингтоне, статья которого «Консерватизм как идеология» публикуется нами впервые в русском переводе. И отнюдь не в качестве раритета или архивной находки. А в качестве подлинно научного стандарта исследований по консерватизму, сохраняющего свою актуальность даже спустя шестьдесят лет.

1 июля 2016 года

*Американские элиты перестали понимать свое общество
Интервью с Томасом Грэмом*

*Пол Гренье
Дефиниции и диалог. Размышления консерватора
поневоле о русском и американском консерватизме*

*А.С. Галстян, Ф.А. Лукьянов
Реализм в тени*

*Как исчезли «умеренные республиканцы» и кто пришел им на смену
Интервью с Джеффри Кабасёрвисом*

Американские элиты перестали понимать свое общество

В ходе праймериз 2016 года имела место интрига с возможностью появления третьего кандидата – миллионера, владельца известного информационного агентства и бывшего мэра Нью-Йорка Майкла Блумберга. На пике таких ожиданий «Тетради» встретились с известным политологом, сотрудником администрации Джорджа Буша-мл. в первый срок его президентства Томасом Грэмом в Нью-Йорке, в помещении консалтинговой фирмы Kissinger Associates за день до праймериз в штате Южная Каролина. Электоральная революция в США набирала обороты, и становилось ясно, что партийная жизнь в Америке меняется радикально. О причинах этих изменений и их вероятных последствиях для международных отношений мы говорили с Томасом Грэмом, который, в отличие от многих российских и американских энтузиастов этих перемен, рассматривает происходящее отнюдь не в радужных тонах, и у него кризис истеблишмента вызывает скорее оправданную тревогу, чем оптимизм.

* * *

Борис Межуев. *Томас, при описании того, что сейчас происходит на праймериз в США, наблюдатели в основном отмечают две вещи. Первая – это кризис истеблишмента. Второе – более конкретно – разрушение Республиканской партии, которая в лице почти всех своих именитых членов и лояльных СМИ начала бороться с фаворитом собственных праймериз. По общему мнению, Демократическая партия тоже начала разрушаться, но кризис республиканцев более заметен. Как вам представляется, в чем истоки и каковы возможные последствия этого процесса? Могут ли республиканцы выжить после Трампа, а демократы – после Сандерса?*

Томас Грэм. Это очень интересный и очень сложный вопрос. И у него большая предыстория. Дело в том, что когда возникла нынешняя партийная система, в середине XIX века, то есть еще до Гражданской войны между Севером и Югом, на политической сцене появились республиканцы, которые потеснили вигов с позиции второй партии Америки.

В то время не было никаких праймериз, и кандидатов в президенты выдвигал партийный истеблишмент на съездах партии. Однако в конце 1960-х – начале 1970-х годов, после Вьетнама, подъема антивоенного движения и, наконец, Уотергейта, было огромное давление со стороны обычных демократов и республиканцев. Они хотели играть большую роль в определении кандидатов от собственных партий, добивались большего влияния на партийную политику. Количество штатов, проводивших предвыборные праймериз или кокусы, к тому времени неуклонно увеличивалось, пока, наконец, не стало обязательным требованием для любого партийного кандидата проходить праймериз в каждом

штате с тем условием, чтобы набравший большинство делегатов претендент становился основным кандидатом на выборах президента. До этого времени авторитет руководителей партии имел огромное влияние на съезд, который отбирал из претендентов наиболее достойного.

Что произошло за последние несколько лет? В Республиканской партии набрало силу Движение Чаепития, представители которого были недовольны истеблишментом, хотя он и пытался установить свой контроль и над этим движением, что не очень получилось. И это всё происходило на фоне растущих социальных проблем в Америке, особенно проблемы имущественного неравенства. И не только социальных проблем – есть общее понимание, что Конгресс не работает должным образом. Поэтому и в стане республиканцев, и в стане демократов усиливаются крайние настроения. Хотя у демократов они пока выражены не столь радикально.

Получается, как у Ленина: верхи не могут, низы не хотят. Чем эта ситуация закончится, пока неизвестно. Сейчас – начальная фаза этой борьбы. Огромный успех Трампа было невозможно предсказать заранее, его сохраняющееся лидерство оказалось неожиданностью для партийного руководства. Еще несколько месяцев назад никто не предполагал столь мощного его успеха. Пока я продолжаю думать, что он не получит номинации и не станет кандидатом в президенты. Но, конечно, бесследно эта история для партийной жизни США не пройдет.

Каковы же перспективы разрешения ситуации? Один вариант – это внутрипартийное перемирие. Но возможно и другое развитие событий. *Появится третья партия и займет свое устойчивое место в политической жизни Америки.* Такая возможность может реализоваться в том случае, если на выборы в качестве третьего независимого кандидата пойдет бывший мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг. Если он добьется серьезного успеха, то появится шанс на создание новой партии, которая может включить в себя как умеренных республиканцев, так и умеренных демократов.

Центристы вообще-то главная сила в нашей политике, несмотря на то, что в обеих партиях сейчас доминируют крайности, то есть как крайне левые, так и крайне правые. *Историческая задача сегодня – создание партии центра из осколков двух партий.* Демократическая в этом случае уйдет резко влево, а Движение Чаепития станет особой консервативной силой.

Проблема, однако, в том, что американские политические институты пока не приспособлены к трехпартийности: непонятно, как будут, скажем, функционировать комитеты Палаты представителей, которые всегда возглавляют представители большинства, притом что меньшинство может выразить особое мнение. Сами президентские выборы могут столкнуться с проблемой. В Америке, как известно, президента выбирают члены Палаты выборщиков, но если они оказываются не способны это сделать (голоса разделяются поровну, и никто не набирает большинства, что очень возможно в условиях трехпартийности) – выбор президента будет предоставлен Палате представителей, и каждый штат будет иметь один голос на этих выборах.

Сама система достижения компромисса – в том числе между ветвями власти – в Америке основана на двухпартийности. Как сможет функционировать система из трех партий – центристской, левой и правой, – пока непонятно. Во всяком случае, вы правы – нас ждут очень интересные времена.

Скажите, а в случае описанной вами трехпартийной системы будет ли вообще возможна сбалансированная политика в США, которая в период холодной войны строилась на принципе поиска двухпартийного консенсуса? Может ли возникнуть новый консенсус, если все силы прежнего выделятся в одну партию (bipartisanship as a party)?

Начну с того, что, как мне представляется, мир и в самом деле серьезно меняется. Я один из тех, кто считает, что в настоящий момент мы действительно являемся свидетелями становления многополярного мира. Такого не было с момента выхода США на сцену международной политики в качестве великой державы. У нас не было соответствующего опыта, мы не знаем, как действовать в многополярном мире. Пожалуй, из всех американских президентов такой опыт был только у Теодора Рузвельта в начале XX века, он реально хотел проводить политику баланса сил. Ему казалось, что Россия очень усилилась как военная держава, и он поддерживал Японию в конфликте с ней. Но когда в ходе русско-японской войны 1904–1905 годов выяснилось, что Россия очень слаба и уязвима, на Портсмутском мире он чуть сдвинулся в сторону России и помог ее делегации достичь компромиссного соглашения с японцами. Но уже президент Вильсон категорически отрицал подход, основанный на балансе сил, как циничный и призывал к созданию в Европе порядка, основанного на самоопределении народов.

После неудачи Вильсона закрепить сложившийся после образования Лиги наций порядок участием в этой организации Соединенных Штатов американцы хотели максимально дистанцироваться от европейского расклада. Но после вступления во Вторую мировую войну они свою внешнеполитическую стратегию пытались строить на основе разделения «друзей» и «врагов». Первоначально «врагами» были фашисты, потом Советский Союз, при Буше-мл. такого врага хотели найти в «Аль-Каиде», но не получилось. С другой стороны, внешняя политика строилась на каком-то одном идеологическом принципе: в эпоху Второй мировой речь шла о «безоговорочной капитуляции» (unconditional surrender) противника; в холодную войну мы уже говорили о его «сдерживании» (containment); наконец, при Буше была установлена повестка Свободы (Freedom Agenda). Так или иначе, политика подчинялась морали: Добро против Зла.

В многополярном мире это оказывается невозможно: здесь нельзя найти главного врага, против которого нужно объединить все усилия. Здесь нужен тот самый подход, который развивал Теодор Рузвельт, – основанный не на морали, а на принципе баланса сил. Как Америке научиться такому подходу, когда у нас не было опыта его применения?

Или, точнее, он развивался очень короткое время. Республиканцы хотели бы вернуться к эпохе начала 2000-х годов, когда Америка единолично доминировала в мире. Они зовут вернуться туда. Однако новый мир поставит нас перед совершенно новыми проблемами, и нужно будет ответить на вопрос: какие коалиции требуются для того, чтобы справиться с проблемами современного человечества. Придется освоить новые навыки, перевоспитать дипломатов, научиться артикулировать эти идеи, произносить их вслух и публично обосновывать ими свои действия.

И вы полагаете, что такая «двухпартийная партия» сумеет усвоить этот подход лучше, чем правые и левые полюса?

Центристы, как правило, большие прагматики, чем любые радикалы. Они смотрят на мир реалистически, они видят мир, как он есть, а не мир, каким ему следует быть. Поэтому центристы всегда большие реалисты.

Мы на грани больших перемен в американской политике. На весь процесс ее переформатирования потребуется около пятнадцати лет. Только к 2030 году станет ясно, в какую форму облеклись нынешние революционные перемены в американской политике. Дискуссия по этому поводу начнется сразу после окончания нынешней президентской кампании. Но только гораздо позже мы сможем выработать новый формат.

Так стоит ли нам всё же опасаться итогов 2016 года?

Пока ничего не ясно. Блумберг – богатый человек, со своими капиталами, он может и в самом деле хорошо выступить на этих выборах. А в более общем масштабе, конечно, произошло значительное событие. Выяснилось, что элиты совершенно не представляют своего избирателя. Как сказал когда-то один ваш лидер, мы не знаем своей страны. Думаю, сегодня то же самое могли бы сказать об Америке и наши политики. Сегодня мы перестали понимать свое общество.

Дефиниции и диалог. Размышления консерватора поневоле о русском и американском консерватизме

Предисловие

На днях решил не совершать кражу. На выходе из продуктового магазина вдруг заметил, что случайно оставил в корзинке баночку с дорогими витаминами, не оплатив ее. Впоследствии я рассказал об этом жене, и она спросила, что я сделал дальше. «Сначала подумал – не присвоить ли ее, – ответил я, – однако потом решил, что (я говорил по-русски) “это было бы некрасиво”».

Русское выражение *это было бы некрасиво*, конечно, сильно отличается от выражения той же мысли в американском английском, в котором почти наверняка присутствовали бы слова *неправильно (wrong)* или *плохо (bad)* (например: *it would have felt wrong* – это было бы неправильно). Тенденция выражать категории моральной добродетели в терминах эстетики – типично русская черта. А использование этических терминов для выражения того же самого по-английски – типично американская. Это всего лишь один (из множества других) примеров того, как американцы и русские по-разному смотрят на человека и на его место во Вселенной¹.

Блестящий американский католик-консерватор Гленн Олсен (Glenn Olsen) однажды заметил, что у каждой страны своя судьба, которая определяется ее исконными и глубинными представлениями о том, чем она является. Наблюдение Олсена вполне подтверждается реальной историей России и США. Черты, специфичные для культуры США, были очевидны уже 300–400 лет назад и продолжают развиваться и поныне в рамках одного и того же неизменного курса, заданного кальвинистами, которые мыслили в категориях морали, индивидуума, воли и могущества (последние две в то время приписывались Богу). У русской культурной идентичности собственные детерминанты, связанные в значительной степени с влиянием Византии и с визуальными и слуховыми практиками русского православного богослужения, песнопения, архитектуры и иконописи, которые все имеют эстетическую ориентацию. Что именно определило русскую

¹ Выдающееся положение слова *мы* в русском мире и русском языке хорошо известно, хотя это положение зачастую некорректно ассоциируется с коммунистическим опытом. Русский язык изобретен вовсе не коммунистами. Задолго до них русские говорили: *мы с братом пошли на рынок*, что означало «мой брат и я пошли на рынок».

Пол Гренье, исследователь русской и сравнительной политической философии, эссеист, публицист. Окончил аспирантуру и Русский институт (ныне Институт имени А. Гарримана) в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Там же изучал русскую интеллектуальную историю у Марка Раева. Работал как синхронный переводчик по контракту для Госдепартамента, Министерства обороны США, Всемирного банка. Был научным руководителем Совета по экономическим приоритетам (The Council on Economic Priorities, CEP, Нью-Йорк). Является одним из основателей сообщества публицистов и издательства “Solidarity Hall”.
E-mail: psgrenier@gmail.com

ориентацию на понятия «единое» и «мы», рассматривать здесь нет нужды. Достаточно просто отметить, что за этим стоит давняя традиция.

Безусловно, идея о судьбах наций и о связи этих судеб с определенными культурными и духовными аспектами в наши дни горячо оспаривается. Современные мужчины, равно как и женщины, отвергают подобные «эссенциалистские» точки зрения, относя их в лучшем случае к прошлому, которое должно быть преодолено. Согласно этому новому «гуманистическому» взгляду, как отметил французский политический философ Пьер Манан (Pierre Manent), всячески подчеркиваться должна как раз одинаковость (*sameness*) всех людей без исключения.

Конечно, либеральная, «гуманистическая» точка зрения в определенном и вполне однозначном смысле верна: все люди одинаковы (*are the same*) в том, что касается человеческого достоинства («Все мы дети Божии»). И если бы это было всё, что имеет в виду современное либеральное мировоззрение, то никаких возражений и не возникало бы. Но здесь кроется причина, по которой я – с известной неохотой – пришел к осознанию себя консерватором: не могу согласиться с дальнейшим развитием современной логики, согласно которому все особенности общественной жизни и культуры, выходящие за рамки простейших потребностей – таких, как пища, материальный достаток и безопасность, – должны быть низведены до уровня сугубо частной жизни. Только упростив таким образом жизнь и взгляды людей, то есть сведя их к соображениям потребления и безопасности и выкорчевав из человеческого мира все, что сверх этого, – только тогда можно с достоверностью утверждать, что «все люди одинаковы» (*the same*)¹. И такой мир, на мой взгляд, некрасив.

Два вида консерватизма

На американский консерватизм заметное влияние оказывают персонажи, работающие за пределами США. В числе влиятельных не-американцев можно назвать шотландца Аласдера Макинтайра (Alasdair MacIntyre), англичанина Роджера Скрутона (Roger Scruton) и уже упомянутого Пьера Манана. Из этих троих дальше речь пойдет только о Макинтайре и Манане. В рамках данного контекста они представляют собой интерес ввиду важной роли в определении одного из двух основных типов консерватизма: консерватизма, основанного на определенном понимании того, что существует (онтология), и того, что означает быть человеком (антропология). Их консерватизм всерьез принимает важность христианской религии (в особенности католической церкви с ее давней интеллектуальной традицией) как для онтологии, так и для антропологии.

В отличие от второго, «методологического» (ситуационного) типа консерватизма (о котором см. ниже) первый тип консерватизма, именно потому, что он уходит корнями в философию, одновременно стоит – по крайней мере в определенном смысле – вне консерватизма. Его корни уходят не только в традиционное христианство, но и в Древнюю Грецию. Насколько мне известно, ни Макинтайр, ни Манан обычно не относят себя к консерваторам как таковым. Манан признает, что, в современных терминах, он находится в некотором смысле «на правом фланге» (*on the right*). В любом случае оба эти автора определяют себя прежде всего через отсылку к своим *источникам*. Манан называет себя последователем Аристотеля². Макинтайр неоднократно говорил о себе как о

¹ Я позаимствовал эту интерпретацию современного либерального гуманизма из работ Пьера Манана, в особенности из его статьи [16].

² Об идеологических убеждениях и источниках Манана см. его интервью в “National Review” (Aug. 21, 2012): <http://www.nationalreview.com/article/314230/design-and-choice-interview>

философе, принадлежащем традиции Аристотеля и Фомы Аквинского. (Макинтайр, как будет видно ниже, оказывает растущее влияние также и на русскую консервативную мысль.)

Очерк, который предполагает разговор – хотя бы часть времени – об американском консерватизме, несколько странно начать с упоминания только французского и шотландского философов. Попытаюсь исправить эту неловкость, заметив, что целый ряд значимых американских консерваторов тоже относится к этому философскому типу консерватизма. В их число входят (мой список весьма неполон и субъективен): Дэвид Л. Шиндлер (David L. Schindler), Дэвид С. Шиндлер (David C. Schindler), Гленн Олсен, Эдриан Уокер (Adrian Walker), Майкл Хэнби (Michael Hanby), Майкл Мартин (Michael Martin), Джон Медэйл (John Medaille), Род Дреер (Rod Dreher), Аллан Карлсон (Allan Carlson) и многие другие. Расселл Кирк (Russell Kirk) (1918–1994) принадлежал скорее к этой философской школе мысли, нежели к ситуационной, однако присутствовал в обеих. Именно в соответствии со специфическим характером этого направления консерватизма его приверженцы НЕ придерживаются того, что – по крайней мере в недавней американской истории – стало представляться вполне естественным сближением, а именно, объединения консерватизма со свободным рыночным капитализмом. Но ни один из только что упомянутых авторов не является сторонником либерального (в смысле *laissez-faire* – «пусть все идет своим ходом») свободного рыночного капитализма. В этом нет ничего странного – это естественное следствие их философских убеждений, которые в значительной степени пересекаются с взглядами Макинтайра и Манана, по меньшей мере в том, что касается сильного влияния Аристотеля и Фомы Аквинского. Манан хотя и не марксист, но и отнюдь не горячий приверженец капитализма, а философия Макинтайра и вовсе содержит, помимо прочего, фундаментальную критику капитализма.

Кроме вышеописанного типа консерватизма – то есть консерватизма, обусловленного определенной философской традицией, – существует другой, весьма от него отличный тип, гибкий в отношении философских воззрений. Вместо того чтобы быть укорененным в какой-то интеллектуальной традиции, этот консерватизм укоренен, так сказать, сам в себе как в методологии, как в способе адаптации к происходящим в мире изменениям.

Если русский и американский консерватизмы вступят в плодотворный диалог, то на какой почве этот диалог мог бы проистекать? Ясно, что в той мере, в какой каждый из них тесно связан с уникальной судьбой и всеобъемлющим значением конкретной нации, точки двустороннего интереса найти будет сложно. Но общие философские установки – если таковые будут приняты как первостепенно важные – должны, по идее, создать серьезное основание для диалога. Приверженность же взаимно исключающим и несовместимым философским традициям будет иметь обратный эффект.

Однако мы опережаем события. Прежде чем пытаться ответить на такой запутанный с дипломатической и философской точки зрения вопрос, нам необходимо выяснить с неким подобием точности, что американцы и русские имеют в виду, когда употребляют слово «консерватизм».

Ситуационный консерватизм Хантингтона

Кажется вполне очевидным, что любая политическая программа, имеющая какое-либо будущее, должна хотя бы стараться учитывать изменения духа времени, в которое она живет. Разумно предположить, что подобное требование должно предъявляться также и к консерватизму. Однако в какой момент подобный «учет» превращает такую политическую программу (программу кон-

серватизма) во что-то столь специфическое, что она уже перестает быть... консервативной?

Выше мы упомянули, что существуют философский и «методологический» типы консерватизма. Существует ли, однако, в природе предельный случай? Иными словами, должен ли тот или иной подход, чтобы оставаться консервативным, сохранять какой-то абсолютный минимум определенного идейного (философского) содержания, или же консерватизм и в самом деле может быть чисто ситуационным? В США, во всяком случае, сторонники этих противостоящих типов консерватизма представляют широкий спектр варьирующихся, промежуточных оттенков серого – от белого («философские основания – это всё») до черного («ситуационный процесс – это всё»). Рассмотрим это, для конкретности, на примерах Рода Дреера (Rod Dreher) и Дэвида Брукса (David Brooks).

Американский консерватор Род Дреер уже давно пишет (прежде всего на страницах журнала “The American Conservative”) о явлении, которое он называет «выбор Бенедикта». Происхождение этого термина хорошо известно. Он взят из заключительных строчек знаменитой книги Аласдера Макинтайра «После добродетели», в которой автор сравнивает и противопоставляет то, как понятие добродетели трактовалось в древнем мире, и то, как оно трактуется сегодня. Макинтайр доказывает, что современный либеральный мир роковым образом сбился с пути и перестал понимать даже значение такого базового слова, как «добродетель». Признавая, что проводить параллели между настоящим временем и эпохой упадка Римской империи опасно, Макинтайр тем не менее бесстрашно идет вперед и допускает, что «некоторые параллели все же существуют». Более того, продолжает он, «варвары не дожидаются за границами [нашего мира]; они уже в течение некоторого времени правят нами». Похоже, у нас нет выбора, продолжает Макинтайр, кроме как вновь обратиться к ответной реакции христиан на заре Средневековья, когда, «полностью не отдавая себе в этом отчета, они создали новые формы общин, в рамках которых можно было поддерживать нравственное бытие, так чтобы нравственность и цивилизованность смогли пережить надвигавшиеся времена варварства и тьмы». Но как же нам это сделать? Неужели путем воссоздания средневековых монастырей? Макинтайр ничего об этом не говорит. Его книга заканчивается словами: «Мы находимся в ожидании не Годо, а второго св. Бенедикта – несомненно, сильно отличающегося от первого» [14, р. 263]. Это и есть тот самый «выбор Бенедикта», к которому апеллировал Дреер. С точки зрения Дреера, этот «выбор», помимо прочего, означает признание того факта, что те, кто хотят оставаться христианами в каком бы то ни было традиционном смысле, не могут более рассчитывать на то, что их станет поддерживать окружающая их американская, или шире – «западная», культура. Однако, как признает сам Дреер, точные очертания некоей отдельной, контркультурной христианской культуры остаются пока размытыми.

После решения Верховного суда США легализовать однополые браки во всех пятидесяти штатах умеренный неоконсерватор Дэвид Брукс отметил тот шок, который испытали многие христиане в стране, и в частности выразил симпатию к негативной реакции Рода Дреера. Брукс признал, что США на самом деле отказываются от традиционно принятых христианских ценностей в том, что касается целого ряда социально значимых вопросов. Хоть и признавая, что сам он «левее» Дреера, Брукс настаивает на своем глубоком уважении к последнему, лестно отзываясь о нем как об авторе «по-настоящему выдающейся книги» «Как Данте может спасти вашу жизнь» [6]¹.

¹ Полное название книги Дреера – “How Dante Can Save Your Life: The Life-Changing Wisdom of History’s Greatest Poem”, то есть «Как Данте может спасти вашу жизнь: Изменяющая жизнь мудрость величайшей поэмы в истории». – *Примеч. перев.*

Но вместе с тем Брукс говорит о том, что Дреер неправ, призывая вновь обратиться к выбору Бенедикта. Продолжать борьбу, пишет Брукс, тоже было бы неправильно. Вместо этого Брукс рекомендует Дрееру и всем остальным консервативным христианам «отложить в сторону... культурную войну, ведущуюся вокруг сексуальной революции». Он предлагает им вместо этого сосредоточиться на исправлении других социальных пороков – и двигаться вперед.

Предлагая такую стратегию, Брукс оказывается в лагере методологического (или «ситуационного», как мы увидим ниже) консерватизма. Однако, может быть, более корректно было бы сказать, что он просто отказывается от консерватизма (и «консервативных ценностей») как такового? В конце концов, наблюдаемые перемены, то есть те, которые уже реально совершились, резко противоречат традиции – в том числе, разумеется, традиции католической церкви. Настало время глубже взглянуть в природу того, что я назвал методологическим консерватизмом (что представляет собой то же самое, что и ситуационный консерватизм Сэмюэла Хантингтона).

Насколько мне известно, именно Сэмюэл Хантингтон в 1957 году впервые дал определение консерватизма в чисто ситуационных терминах. В своей работе «Консерватизм как идеология» [9] он определил консерватизм как нечто, лишь косвенным образом связанное – если связанное вообще – с каким-то конкретным содержанием. «Сущностью консерватизма, – писал Хантингтон, – является настойчивое утверждение ценности существующих институций». Другими словами, консерватизм сам по себе изначально является риторической стратегией, и именно в этом риторическом смысле он имеет регулярно воспроизводимое содержание, например, через апелляцию к благоразумности *медленных* изменений; настаивание на том, что интересы общества выше интересов индивидуума; рассуждение о мудрости предшествующих поколений, и т.п.

Задача консерватизма, определенного в ситуационных терминах, заключается в том, чтобы замедлить ход изменений – *но только тогда, когда такое замедление еще возможно*. То есть только до тех пор, пока общество остается тем, чем оно было до этого. После того как общество – все равно какими способами или по каким причинам – изменило характер своих институций и идей, «истинный» консерватор не может, не должен продолжать держаться за свои предыдущие убеждения, потому что тогда он не сможет более защищать то, что есть, но будет взывать к чему-то отличному от того, что есть, а это, с точки зрения чистого ситуационного консерватизма, уже не что иное, как радикализм. Подобно г-ну Бруксу, ситуационно ориентированный консерватор должен вместо этого (однако постепенно и неохотно) переходить на защиту нового.

Американские институции, говорит Хантингтон, всегда были либеральными, народными (popular) и демократическими. Поэтому и американские консерваторы могут и должны быть «либеральными, народными и демократическими». Ибо «подобно тому, как аристократы были консерваторами в Пруссии в 1820 году, а рабовладельцы – консерваторами в Южных штатах в 1850 году, так и либералы должны быть консерваторами в сегодняшней Америке». Объявив либералов консерваторами в 1957 году, Хантингтон, по существу, основал то, что получило известность как американское неоконсервативное движение.

В той мере, в какой консерватизм рассматривается как чисто ситуационный, возникает искушение отмахнуться от него как от чего-то немногим большего, нежели разновидность софистики, напоминающей о таком типе политика, который заявляет: «Вот мои взгляды; а если они вам не нравятся, я могу их поменять»¹. Однако это было бы, по-видимому, несправедливо. В конце концов,

¹ Эта цитата позаимствована мною из трактата Эрика Фегелина о диалоге Платона «Горгий», где он сравнивает Калликла с такого рода политиком.

вполне возможно, что у ситуационалиста имеются свои философские убеждения, как они, несомненно, есть у Дэвида Брукса, как они, несомненно, есть у многих американских неоконсерваторов, в большинстве своем числящихся учениками Лео Штрауса (Leo Strauss), а он был, безусловно, философ – пусть и такой, который (возможно, предусмотрительно) предположил, что философы не всегда могут вслух говорить о том, что они полагают истиной. Вероятно, отличительной чертой американских (нео)консерваторов является не софистика, а желание действовать в реально существующем мире. Я снова здесь акцентирую слово *действие*. Любое действие, в противоположность созерцанию, происходит в рамках конкретного политического контекста. В современном государстве такого масштаба, как США или Россия, первоначальные философские убеждения того или иного лица обычно не имеют большого значения. Характер и «судьба» американской культуры создают дополнительный барьер для философского подхода, который по определению не подлежит выбору большинством голосов.

Правда и то, что Хантингтон, конечно, упоминает религию как средство из арсенала ситуационного консерватизма. Но что это за *религия*? Это не какая-то определенная теология или философия в ее конкретике. И не католические убеждения Расселла Кирка (которого Хантингтон высмеивает за его упорную «романтическую» привязанность к сторонам жизни, «выпадающим из ритма современной Америки»). Взамен всего этого Хантингтон предлагает общую апелляцию к «божественному одобрению, [которое] пронизывает законный, существующий общественный порядок», иными словами, некую религию без содержания. В результате «религия», вдохновляющая американского консерватора, не обязательно должна быть католической или христианской. Она вполне может быть *американской религией*¹. Там, где это «божественное одобрение» действительно становится американской религией (а это часто случается – я утверждаю – как среди американских неоконсерваторов, так и среди американских идеологов демократизации), американский консерватизм становится неотличимым от американского *национализма* [7]. Как бы то ни было, для философски или религиозно (в традиционном смысле) ориентированного консерватора удовлетвориться ситуационализмом невозможно.

Сущностный и ситуационный консерватизм в трактовке Михаила Ремизова

Привержен ли русский консерватизм сущностному (substantive) философскому проекту (в духе Манана, Макинтайра и др.), или же это ситуационалистский проект, подобный описанному Хантингтоном в его эссе 1957 года? Ответ: и то, и другое, но со своими особенностями.

Марлен Ларюэль (Marlene Laruelle), много пишущая о русском консерватизме и национализме, находит параллели между современным русским кон-

¹ Ср. утверждение Харолда Блума о том, что христианство в США тяготеет к нарциссическому гностицизму, имеющему мало общего с исторической церковью [5]. Блум, специалист по Шекспиру, преподающий в Йельском университете, является атеистом. Лютеранский теолог Стэнли Хауэрвас в своем эссе «Бог Америки» [8] заявил, что «Бог Америки – это не тот Бог, которому мы поклоняемся как христиане». Американцы, утверждает Хауэрвас, верят, что каждый человек творит себя полностью сам. Это не оставляет места для христианского понятия Создателя. Но разве Америка не известна как верующая страна, по крайней мере в лице своих протестантов-евангелистов? Возможно, но даже среди них американское христианство носит глубоко индивидуалистический характер. Американские верующие, пишет Хауэрвас, это люди, склоняющиеся к такому высказыванию: «Я верю, что Иисус наш Господь – но это всего лишь мое личное мнение».

серватизмом и американским неоконсерватизмом, который она ассоциирует с цивилизационным подходом, выдвинутым Сэмюэлом Хантингтоном в конце 1980-х годов [13]. Хотя я не во всем солидарен с взглядом Ларюэль на современный русский консерватизм, я согласен с ней в том, что Хантингтон оказал на него очень серьезное влияние, а также разделяю ее высокую оценку Михаила Ремизова. Ларюэль воздает последнему должное за высокий уровень его теоретического вклада в русскую философскую мысль, добавляя, что его статьи часто базируются на «великой классике русской историософии» (и, как можно также заметить, демонстрируют обширное знакомство с западными источниками).

Ремизов соглашается с Хантингтоном лишь отчасти; и влияние последнего обусловлено не его книгой «Столкновение цивилизаций», а гораздо более ранним (и более фундаментальным в том, что касается неоконсервативного проекта), цитированным выше эссе «Консерватизм как идеология»¹. Согласно Ремизову, консерватизм действительно определяется по своему конкретному историческому отношению к прошлому. Однако Хантингтон исказил и чрезмерно упростил природу и сущность этого отношения. Не только *консерватизм* ситуационен: *все современное общество сталкивается с той же ситуационной дилеммой*. Консерваторы или либералы, верующие или неверующие – все стоят перед лицом необходимости как-то реагировать на дезинтеграцию традиционного христианского общества, которое предшествовало современной эпохе в Европе. До современной эпохи христианская традиция наделяла легитимностью как политическую власть, так и нормы морали². В отсутствие такой разделяемой всеми традиции «современное общество обречено на проектный способ существования», потому что «традиция в рамках современности не может быть самоочевидным и достаточным основанием легитимности общественного порядка» [2]. Не будучи сама по себе конкретным проектом, пишет Ремизов, современность вместо этого разворачивается как «арена столкновения различных проектов или, точнее, программ, стратегий... ответа на общий исходный вызов». Консерватизм представляет собой одну из стратегий, стоящих перед лицом одной и той же *ситуации*, которая характеризуется, пишет Ремизов, цитируя Карла Мангейма, распадом «объективного онтологического единства мира».

Верно и то, продолжает Ремизов, что консерватизм ситуационен в том смысле, что отвечает на разнообразные вызовы различными способами в различные исторические моменты. Однако Хантингтон не видит за деревьями леса, когда утверждает, что поэтому консерватизм сам по себе не формирует традиции со своим собственным сущностным содержанием. Наоборот, «...в современной истории многие частные ситуации, делающие актуальным консерватизм, оказываются спецификациями той исходной, общей ситуации – “ситуации современности”, о которой шла речь выше». Говорим ли мы о событиях 1789 года или о проблемах биоинженерии, в обоих случаях мы сталкиваемся со сходной в основе своей попыткой посредством либерального проекта переосмыслить мир на базе эмансипации, свободы и прав индивидуума. Консервативный ответ, конечно, варьируется в зависимости от данного ситуационного вызова. Но в каждом случае он базируется на присущем консерватору непреходящем чувстве укорененности в более раннем традиционном порядке.

¹ Ларюэль, когда она писала в 2009 году, не могла знать об эволюции подхода Ремизова, поскольку интересующее нас эссе появилось только в 2013 году.

² Ремизов здесь вторит рассуждению Ханны Арендт в ее работе «Что есть авторитет?» [4]. Арендт пишет, что, возможно, ее эссе было бы разумнее назвать «Чем был авторитет», поскольку «авторитет исчез из современного мира».

Вышеописанная схема, предостерегает Ремизов, может ввести консерватора в опасное и ошибочное заблуждение, что консерватизм представляет собой реакцию на *настоящий* двигатель истории – революционный дух. Что еще хуже, такое понимание может соблазнить потенциального консерватора начать демонизировать деятелей Просвещения или Французской революции. Но это неправильно. В отрывке, который по своей базовой логике напоминает интеллектуальную историю Запада в изложении Манана, Ремизов констатирует, что Просвещение не вызвало распад традиционного мира, а само было симптомом этого распада. Просвещение представляло собой попытку восстановления мира из небытия путем замены христианской логики на логику рационализма. Тогда у общества действительно имелась нужда в новом основании. Другое дело, говорит Ремизов, что проект реконструкции общественного порядка на базе секулярного рационализма потерпел неудачу¹. В этом месте аргументация Ремизова гораздо ближе к аргументации Макинтайра, нежели Хантингтона, и он открыто выражает свою признательность первому.

Ремизов обращает внимание на усилия одного из самых оптимистично настроенных сторонников «незавершенного» проекта Просвещения Юргена Хабермаса по возрождению данного проекта. «“Дискурсивная этика” последнего, – говорит Ремизов, – удивительно точно повторяет принципиальный изъян “старой версии” проекта... Так, “теория коммуникативного действия”, стремясь реконструировать общество (прежде всего – публичную сферу) на свободных и разумных основаниях, исключить все элементы господства или принуждения, кроме принуждения убеждающей аргументации, вынуждена постулировать на “входе” примерно то же, что она хочет получить на “выходе”: свободно и добросовестно рассуждающих субъектов, мыслящих в общей системе координат и ориентированных на консенсус» [2, с. 70].

Тот же самый недостаток выявляется и в «социальном контракте» (который требует такого уровня доверия, какой в естественном состоянии в принципе недостижим), равно как и в других попытках современного философского обоснования морали, исходя из чисто рациональных предпосылок.

Несмотря на свои теоретические достижения, Ремизов, по крайней мере в настоящий момент, не является кабинетным ученым. Он работает в качестве консультанта политиков, связанных с правительством РФ. Во время моей короткой встречи с ним прошлым летом он произвел на меня впечатление человека, глубоко озабоченного социальным здоровьем российского общества, который сам испытал горечь от созерцания потери – потери не советской системы, а утраты в 1990-х годах конструктивного и стабильного социального баланса. Для Ремизова консерватизм означает создание на новой основе более здорового гражданского общества и государства. Вот что стоит на кону для него, когда он размышляет об опасностях современности, лишенной своих корней, даже если он формулирует вопрос в очень общих терминах: «История современности – это не только история научно-технического прогресса или прогресса рационализации, или прогресса в осознании свободы, но и история растраты “ресурсов” традиционного общества. Таких, как трудовая или семейная этика, аскетизм общественного служения, потенциал доверия и солидарности, религиозно определенный стандарт человека. Все эти и им подобные социальные опоры жизненно необходимы для успешной модернизации, но не производятся ею самостоятельно, а заимствуются из предшествующей эпохи. И кардиналь-

¹ Тут мы слышим отголоски работы английского философа-теолога Джона Милбанка, который только недавно начал оказывать влияние на русскую философскую мысль (из-за проблем с переводом). Однако его влияние на американский философский консерватизм весьма велико.

ный вопрос состоит в том, возможно ли сохранение жизненно важных фрагментов (артефактов) традиционной картины мира в ситуации распада той целостности, которой они были исходно порождены?» [2, с. 71].

Достаточно прочесть этот отрывок, чтобы осознать, что это вряд ли исключительно российские проблемы. Более того, эти рассуждения Ремизова сильно напоминают многих американских философов-консерваторов (особенно принадлежащих к школе “*Communio*”, таких как Шиндлеры). Например, Карлсон в числе других авторов тоже озабочен демографическим кризисом и распадом «семейной этики» в наш век потребления. И, конечно, многие американцы, даже никогда не считавшие себя «консерваторами», могли бы разделить тревогу Ремизова, обусловленную исчезновением духа служения и социальной солидарности, что ведет к полному дисбалансу в распределении богатств, о чем много пишет в своих работах придерживающийся католической концепции дистрибутизма экономист Джон Медайл.

Национализм и консерватизм

В других работах я уже писал об американском либерализме как о движущей силе американской революционной культурной политики и революционно-геополитического поведения. Мне кажется по меньшей мере очень странным применять к этому революционному государству термин «консервативное», даже если, как мы видели выше, крайнее ситуационалистское определение консерватизма позволяет сделать именно это. Более того, как отмечают Макинтайр и другие авторы, либерализм в США (да и на самом деле «на Западе») сам превратился в *традицию*. И, таким образом, в этом отношении защита революции в Америке одновременно превращается в защиту традиции с консервативных позиций.

Хантингтон, если не ошибаюсь, является творцом (по крайней мере в том, что касается современных США) понятий консерватизма как *ситуационализма* и консерватизма как *функции цивилизационных типов*¹. Однако было бы совершенно неправомерно объединять эти два понятийных подхода в один и трактовать их как вариации на одну и ту же тему. В конце «*Столкновения цивилизаций*» Хантингтон открыто призывал уважать границы различных цивилизаций². Его основная мысль заключалась в том, что национальное государство (*nation state*) в дальнейшем будет становиться все более и более оправданным с точки зрения его связи с конкретным цивилизационным типом. По крайней мере он *утверждал*, что ужасается при мысли о том, что Соединенные Штаты решат относиться к своей цивилизации как к универсальному идеалу (хотя понятно, что сам он предпочитал ее любой другой). Хантингтон рассматривает цивилизации как партикулярист (*particularist*). Он не националист в агрессивном значении этого слова.

Ситуационалистский тезис, напротив, помогает легко оправдать американский консервативный национализм, который *реально* агрессивен, как это

¹ Хантингтон, конечно, вполне осознавал, что цивилизационная методология – далеко не его оригинальное изобретение. Он признает, что до него в этом же направлении работали Шпенглер, Тойнби, Сорокин, Бродель, Валлерстайн и многие другие [10, р. 40; рус. пер. с. 16].

² «Западная вера в универсальность западной культуры страдает тремя недугами: она ошибочна; она аморальна; она опасна». [10, р. 310; рус. пер. с. 212]. Это далеко не случайная фраза, а тема, пронизывающая всю книгу: «Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую были обращены не так уж многие жители других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда не забывают этого» [10, р. 51; рус. пер. с. 25].

можно увидеть на примере одного из отцов-основателей современного американского ситуационалистского (и империалистического) неоконсерватизма – Роберта Кагана. В работе «Опасная нация» [11] Каган предлагает свою интерпретацию всего американского опыта как развертывания универсалистской идеи, которая, по его мнению, является идеей абсолютно либеральной – идеалом процветания и безопасности. Методология Кагана научна – в позитивистском, неовеберианском смысле – в том, что подает исторические факты как простую наработку того, что является неизбежным социальным процессом, но в то же время – *имплицитно* – и как развертывание того, что правильно и хорошо, пусть даже по неизвестным и невысказанным причинам.

Чтобы передать колорит кагановского описания агрессивного либерализма США, достаточно нескольких примеров. «На деле, американские государственные деятели чаще всего полностью сознавали, какие могущественные силы действуют в их пользу. Большинство из них верило в предопределенность того, что триумф их либеральной англо-саксонской цивилизации, превосходящей все остальные, неизбежен». «Согласно либеральному взгляду на мир, победа американской цивилизации над обоими этими низшими народами в конечном счете не зависела от причуд европейских войн или от сейсмических подвижек в европейском балансе сил... Завоевание испанских и индейских владений на континенте было со временем неизбежно».

Прозаический стиль Кагана не лишен некоторой обезоруживающей прямоты. Например, он описывает *якобы стихийный* (в глазах многих рядовых американцев, как он утверждает) характер торгового покорения американского континента. Отсутствие какого бы то ни было очевидного долгосрочного плана игры, за исключением «плана» постоянной экспансии, где только можно и где только выгодно, создало у населения в целом впечатление, что завоевание континента не имело ничего общего с внешней политикой и было всецело *внутренним* делом. «Но описывая так [то есть как стихийный – *Примеч. авт.*] ранний американский экспансионизм, – пишет Каган, – историки и американцы в целом только закрепили традиционную фантазию либералов о том, что “мирное покорение” силами наступающей либеральной цивилизации должно рассматриваться как явление совершенно иной природы, нежели другие формы покорения и экспансии». Следует заметить, что книга «Опасная нация» была издана в 2006 году, стало быть, она была написана на пике войны США против Ирака, которую неоконсервативные коллеги Кагана описывали как естественное расширение Американской империи. Каган был одним из основателей «Проекта в пользу Нового американского столетия» (Project for a New American Century), члены которого активно выступали за эту войну. Его консерватизм либерален и консервативен в ситуационалистском понимании, а также *опасно* националистичен и универсалистичен – и он сам первый бы это признал [11, р. 23].

Еще один характерный представитель неоконсервативного национализма в США сегодня – Уолтер Расселл Мид. Его отстаивание капиталистической экспансии как способа хорошо вести дела для США, при этом награждая остальной мир американскими либеральными институтами, сильно напоминает точку зрения Роберта Кагана. Недавние статьи Мида в журнале “The American Interest” имеют сильную христианскую религиозную направленность, однако религиозность никоим образом не умаляет его американского национализма. В своем эссе об американской геополитике Мид пишет:

«В 1945 году, не считая Хиросимы и Нагасаки, американские зажигательные бомбы убили 900 тысяч японцев (гражданских лиц) за последние пять месяцев Второй мировой войны. В одну из ночей марта 1945 года зажигательные бомбы, сброшенные на мирные кварталы Токио, убили намного более 80 тысяч гражданских лиц. Восемьдесят тысяч – это больше, чем все людские потери США

во время Корейской и Вьетнамской войн, вместе взятых. 900 тысяч гражданских смертей – это примерно вдвое больше всех военных потерь США во всех войнах с внешним противником, начиная с войны за независимость и по сей день.

В рамках этой джексоновской традиции – вы хотите безоговорочной капитуляции и абсолютной победы. Вам неинтересны оправдания или точка зрения другой стороны – вам интересна только победа»¹.

С точки зрения Мида, оправданием вышеописанных деяний, что понятно уже даже из этой краткой цитаты, является поддержка со стороны американского демократического, народного процесса, преследующего собственные интересы. Это популистское джексоновское течение в Америке позволяет Миду проводить прямое сравнение между вторжением США в Ирак в 2003 году и американскими войнами против индейцев в начале XIX века. В те времена генерал армии США Эндрю Джексон (позднее избранный президентом), по словам Мида, «положил конец атакам индейцев племени семинолов на поселенцев в Джорджии», после того как обнаружил, что «эти террористы, как мы теперь можем их называть, снабжались “оружием массового поражения” – винтовками, боеприпасами и алкоголем – двумя британскими торговцами, действовавшими в том, что тогда формально называлось Испанской Флоридой». Ссылка на Флориду как на только «формально так называвшуюся» часть Испании ясно показывает: с точки зрения Мида, то, что находится в пределах досягаемости США, – уже в силу этого им принадлежит. И любое препятствие не имеет права на существование просто потому, что является *препятствием Соединенным Штатам*. Это напоминает замечание Кагана, полное отеческого недоумения по поводу того, что американские первопроходцы воспринимали сопротивление американской экспансии (здесь Каган имеет в виду сопротивление канадских французов в конце XVIII века) как форму совершенно неспровоцированной *агрессии*, «таким образом положив начало стереотипу, который активно действовал в последующие 200 лет» [10, с. 23].

Как уже было отмечено, Уолтер Расселл Мид – убежденный христианин (член епископальной церкви, если не ошибаюсь). В этом он сходен с такими неоконсерваторами, как Джордж Вайгел и Майкл Новак (оба они католики), однако отличается от других, не имеющих сильных религиозных убеждений, но обычно апеллирующих к «традиционным ценностям» или даже к добродетелям Древней Греции. Каковы бы ни были их религиозные или философские убеждения (если они вообще имеются), их всех объединяет общий *консервативный* элемент – преданность Америке. Их консерватизм – это консервация американского образа жизни, который одновременно и либерально-индивидуалистический, и капиталистический. Однако те неоконсерваторы, которые являются, например, убежденными католиками (или епископами, или кем-то еще), должны каким-то образом примирить два способа понимания общего добра (*common good*) и природы человеческой личности. Похоже, они делают это посредством разделения собственной личности на манер, описанный французским теологом начала XX века Жаком Маритеном². С одной стороны, имеется личность (*self*), ориентированная на высший мир и полностью отделенная от личности социальной; с другой стороны, имеется

¹ Цитата взята из работы [17]. Еще одним примером того, как пишет Мид, имея в виду религиозную точку зрения, может служить его недавнее эссе [18], где Мид проясняет религиозность, которая во многих своих аспектах – как и следовало ожидать – либеральна: он подчеркивает универсальное сходство всех людей, трактует веру наиболее инклюзивным, общим для всех способом (как поиск смысла и т.п.). Его взгляды, что абсолютно неудивительно, столь же американские, сколь и яблочный пирог.

² *Schwindt D. Bad Personalism and the Primacy of the Common Good // The Mad Papist* (blog post, Jan. 12, 2016). URL: <http://thepadpapist.com/blogs/thechair/85789126-bad-personalism-and-the-primacy-of-the-common-good>

публичное лицо со своей гражданской позицией в обществе. Каждая «личность» упорядочена в соответствии с отдельной и реально противоречивой логикой. В своей духовной ипостаси индивидуум ориентируется, скажем, на католического Бога (или на какой-то другой источник «высшего смысла»). А в своей мирской ипостаси индивидуум руководствуется рыночной логикой с ее вечно меняющейся смесью товаров и идей, популярных в каждый конкретный момент.

Российские аналогии: Александр Дугин

Вопрос Дугина проблематичен по многим причинам. Если его исключить – особенно в контексте разговора о русском национализме, – потенциальные американские читатели-критики воспримут это как злоумышленный уход от главного. В американской публицистике Дугин давно рекламируется чуть ли не как центральная фигура русского национализма и консерватизма вообще. А если его включить, многие русские читатели, особенно среди ученых, будут в недоумении, потому что Александр Дугин очень мало фигурирует в научных дискуссиях в сегодняшней России.

И это еще не все. Многочисленность сочинений Дугина, часть которых к тому же, как говорят, издана под псевдонимом, затрудняет вынесение о нем общих суждений без риска впасть в противоречия. Более того, некоторые его идеи выглядят не только малосимпатичными, но к тому же еще и неудобопонимаемыми. Но все же Дугин тоже может быть интересен (и даже неприятные идеи иногда бывают истинными)¹.

Система политической философии и геополитики Александра Дугина устроена гораздо сложнее аналогичной системы американских неоконсерваторов. Тем не менее в определенных отношениях мысли Дугина могут рассматриваться как их зеркальное отображение. Как и неоконсерваторы, Дугин является универсалистом в своих претензиях и амбициях; сходно у них и видение своих государств как империй². Как неоконсерваторы, так и Дугин, абсолютизируют важность и перспективу государства «хартленда». В случае Дугина «хартленд» – это Россия, для неоконсерваторов – конечно, Америка³. Для американских нео-

¹ Есть еще одна мотивация, побуждающая говорить о Дугине – помимо того, что он (якобы) являет собой пример русского националиста. Интеллектуальная жизнь невозможна, если позволять именам и политическим категориям превращаться в оружие, напрочь пресекающее любое обсуждение еще до того, как начался анализ. Имя Дугина уже использовалось таким образом как раз в вышеупомянутой американской публицистике, и я противник этого. Я признателен Марлен Ларуэль за живой пример того, как надо отказываться принимать политические ярлыки в качестве предлога для бегства от беспристрастного анализа. В число исследований Марлен Ларуэль о Дугине входит работа «Александр Дугин: русская версия европейской радикальной правой?» [12].

² «Потеря имперского масштаба для русских означает конец и провал их участия в цивилизации, поражение их духовной и культурной системы ценностей, падение их универсалистских и мессианских чаяний...» [см.: 1, с. 200–201]. Дугинский взаимоисключающий подход коренится в некоем (вполне знакомом) геополитическом реализме, а не только в его неудобном геополитическом мистицизме. Для Дугина статус России как региональной державы сущностно нестабилен. Россия как национальный проект только подвигнет суб-нации в своих пределах на разыгрывание той же самой *националистической* карты. Опасности, другими словами, не только связаны с некоей угрозой извне, хотя такие угрозы, согласно Дугину, тоже определено присутствуют. Стоит заметить, что М. Ремизов занимает в точности противоположную позицию, см. [3]. Ремизов выступает за русское национальное государство, отвергающее любые имперские или мессианские формы самоидентификации.

³ Ср. их понятие «Нового американского века». Даже в англоязычном названии нового, созданного после 11 сентября 2001 года Министерства внутренней безопасно-

консерваторов единственная жизнеспособная политическая перспектива – это либерализм, поскольку Америка – страна либеральная. Для Дугина наибольшей жизненной важностью обладают традиционализм и перенниализм [12, р. 9–12]. Однако не потому ли, что примером этого традиционализма является Россия? Здесь – с учетом специфической природы дугинского извода традиционализма – присутствует ощутимая неоднозначность. Американские неоконсерваторы обычно отличались непримиримостью своего противостояния России как стране, чуждой либеральным ценностям. Дугин как минимум столь же непримирим в своем противостоянии Соединенным Штатам как стране, олицетворяющей либеральную идеологию и стремящейся навязать ее всему миру.

Консерватизм Дугина явно не ситуационный, а философский. Отрицая либеральный проект современности, он не зовет вернуться к прошедшему золотому веку и громогласно отвергает присутствующую в России ностальгию по царизму и советскому прошлому. В некотором смысле он типично российский системостроитель, имеющий целью синтезировать все, что можно взять из прошлого: либерализм, традиционализм, социализм и, прискорбным образом, даже элементы фашизма (см., однако, ниже). Он готов принять либерализм и современные технологии в той мере, в какой они поддерживают единство и мощь государства как такового. Но он отвергает современную концепцию нации-государства как инструмента «профанических, буржуазных ценностей, сводящих качественные социальные различия к упрощенной количественной административной структуре» [1, с. 194]. Россия в его понимании – это обязательно империя. Хотя он до известной степени зависим от взглядов Карла Шмитта, идеи последнего используются Дугиным в очень общем виде. Он принимает разделение Шмиттом истории на две эпохи: большую часть времени до начала доминирования таких морских держав, как Великобритания и Соединенные Штаты, и относительно более короткий исторический период, наступивший после их возвышения. До возникновения морских держав доминирующими были сухопутное сознание и стабильность континентального порядка. Старый порядок ориентировался на сушу, и суша эта была стабильной, пронизанной корнями и традиционной. Напротив, торговые империи, ориентированные на море, принимают перемены как свою главную ценность. Этот последний аспект размышлений Дугина, несмотря на его «шокирующую» (для наивных и для тех, кто никогда не слышал, например, о Хайдеггере) ассоциацию со Шмиттом, представляет собой возможный мост между «дугинизмом» и вполне разумными аспектами западного философского консерватизма.

Тем не менее детали дугинской «традиции», имеющей для него всеобъемлющую значимость, из Шмитта не выводятся. Вместо этого они представляют собой эклектическое и, по-моему, не очень вразумительное смешение различных источников: элементов русского православия (причем в старообрядческом варианте) и евразийства наряду (что наиболее важно, согласно Ларуэль) с определенной разновидностью перенниализма, продвигавшегося Юлиусом Эволой, чей образ мыслей был скорее языческим, нежели христианским, и который, похоже, разделяет некоторые аспекты итальянского фашизма, несмотря даже на то, что сам Эвола к фашистам вроде бы относился с презрением. Ларуэль, судя по всему, не смогла на основании своего более детального анализа прийти ни к какому определенному выводу относительно того, присутствует или нет в мыслях Дугина антисемитизм. Он явно отвергает расизм, который, оказавшись в руках фашистов в Италии и особенно в Германии, вел к насилию. Его флирт с этими идейными источниками, определенно не русскими и едва ли христианскими, делает Дугина нежелательной фигурой

сти (Department of *Homeland Security*, букв. «Департамент безопасности *родной страны*») присутствует угрожающе националистический отзвук.

для многих русских консерваторов и националистов. Для меня лично не ясно, является ли Дугин эксцентричным русским националистом с выраженными философскими убеждениями, или же убежденным традиционалистом (к тому же ориентированным в основном отнюдь не на русские идейные источники), чья приверженность русскому национализму является прагматической и случайной. Принимая во внимание характер дугинских философских убеждений, его антиамериканизм является естественным и не должен рассматриваться как знак национализма как такового. Исходя из моего ограниченного знакомства с сочинениями Дугина, единственным аспектом его писаний, который оправдывает их безоговорочное отторжение, является его взгляд на расу. Что бы ни говорить о цивилизациях и их судьбе, связывать расы со специфическими духовными способностями или чертами характера, что с очевидностью делают Дугин и его гуру Эвола, недопустимо. Это к тому же еще и не по-христиански, что должен бы знать Дугин, если он читал св. Павла. С другой стороны, необходимо отметить, что у дугинского традиционализма (перенниализма) имеется много сторонников, среди которых и такие известные на Западе, как Хьюстон Смит, и менее знакомые (но более солидные) авторы наподобие Стратфорда Колдекотта. В озабоченности сохранением традиции ничего иррационального или обязательно националистического нет.

Заключение

Мы (в русском значении этого местоимения – «мы вместе с читателем» [ремарка автора. – *Примеч. перев.*]) начали эти размышления с рассмотрения различных судеб консерватизма в Соединенных Штатах и в России. Далее мы обратились к разбору взглядов на консерватизм в этих двух странах. Очевидно, что у американских (и европейских) философов-консерваторов имеется много общего с российскими консерваторами ремизовской школы, но заметно меньше сходств с такими философами-консерваторами, как Дугин. Ожидать от ситуационалистов в обоих лагерях (хотя у нас не было времени на то, чтобы взглянуть на чистых ситуационалистов с российской стороны) общности мотивов или хотя бы общего словаря невозможно. Или по крайней мере нелегко.

Обращение к геополитической перспективе хотя и неприятно, но неизбежно. Националисты с обеих сторон агрессивно враждебны по отношению к своим противникам. Было бы необычайным лицемерием обвинять в опасности и агрессивности одного лишь Дугина, с чем вполне может согласиться даже сам Роберт Каган (см. выше). Каждая из сторон в этой игре отстаивает собственную идею и сражается с любой возможной поднимающейся силой, которая могла бы эту идею отрицать. Возлагать ли вину за агрессивную позицию конкретной нации на саму эту нацию, или же национальная мощь является условием *sine qua non* [лат. «непременным условием»] для защиты конкретной цивилизационной идеи (будь она либеральной или же традиционной)? В мире, каким он устроен, разделить эти два аспекта затруднительно.

Или же проблема заключается в существовании государства как такового, в отданном ему непомерном приоритете? П. Манан, хотя он достаточно критически относится к современному государству, недавно писал, что современные национальные государства, образующие Европу (имея в виду противоположность их постнациональному Европейскому Союзу), – это потенциальное местоположение подлинной общины (community). Такая община для него может основываться только на христианской любви (charity), а любовь – это логика церкви [16]. В этом отношении позиция Манана выглядит очень близкой долгой традиции русской мысли – от Соловьева до Солженицына и Ремизова.

Но вот для Макинтайра современное государство – это явно не тот институт, где может быть выстроена подлинная община. И в самом деле, Макинтайр заявил, что та единственная позиция, по которой он соглашается с либералами, – это противостояние пониманию национального государства как общины. Но ход его мысли, конечно, совсем другой. Он полагает, что самая важная вещь – это как раз община и в первую очередь общины, объединённые добродетельной практикой. И дело тут просто в том, что эти общины могут быть образованы только группами, отличающимися своим порядком, логикой и масштабом от современного государства¹.

И это в итоге наводит на мысль о том конструктивном подходе, которому, стоило бы следовать как основе для российско-американского диалога: это проблема построения настоящих общин в масштабах городов и деревень. И это не случайно заставляет вспомнить об использовании Макинтайром примера рыбацкой деревни для иллюстрации его понятия коммунальной *практики*, гармонизирующей частную и общественную добродетель и тем самым представляющей собой подлинную альтернативу либеральной современности, которая, как заметил Ремизов, постоянно отделяет одну от другой, заимствуя из традиции и одновременно подрывая ее основы.

¹ См. [15]. В этом же эссе Макинтайр повторяет свое знаменитое сравнение современного национального государства с телефонной компанией. Положить жизнь за государство, пишет он, «это все равно, что положительно ответить на просьбу умереть за телефонную компанию».

Литература

1. *Дугин А.Г.* Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М., 1999.
2. *Ремизов М.В.* Консерватизм и современность // Свободная мысль. 2012. № 9–10. С. 65–76.
3. *Ремизов М.В.* Русский национализм и российская геополитика // Россия в глобальной политике. Т. 10 (2012). № 3.
4. *Arendt H.* What is Authority // Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought. New York: Penguin, 2006. (Рус. пер.: *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.)
5. *Bloom H.* The American Religion: The Emergence of the Post-Christian Nation. New York: Simon and Schuster, 1993.
6. *Dreher R.* How Dante Can Save Your Life: The Life-Changing Wisdom of History's Great Poem. New York: Regan Arts, 2015.
7. *Grenier P.* Revolutionary Liberalism and Global Disorder: Why Modernity Can't Live with Any Principle of Order Other than Itself (A Study in Geo-Political Philosophy) (в печати).
8. *Hauerwas S.* America's God // Communio: International Catholic Review. Vol. 34. No. 3 (2007).
9. *Huntington S.P.* Conservatism as Ideology // The American Political Science Review, Vol. 51. No. 2 (June 1957). P. 454–473.
10. *Huntington S.P.* Clash of Civilizations. New York: Simon & Schuster, 2003 (рус. пер.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006).
11. *Kagan R.* Dangerous Nation: America's Foreign Policy from Its Earliest Days to the Dawn of the Twentieth Century. New York: Alfred A. Knopf, 2006.
12. *Laruelle M.* Aleksandr Dugin: A Russian Version of the European Radical Right? // Kennan Institute Occasional Papers. No. 294.
13. *Laruelle M.* Inside and Around the Kremlin's Black Box: The New Nationalist Think Tanks in Russia. Stockholm Paper, Oct. 2009. Stockholm: Institute for Security and Development Policy.
14. *MacIntyre A.C.* After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1984.
15. *MacIntyre A.C.* A Partial Response to My Critics // After MacIntyre: Critical Perspectives on the Work of Alasdair MacIntyre. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1994.
16. *Manent P.* Human Unity Real and Imagined: An Alternative to the False Religion of Humanity // First Things, October 2012.
17. *Mead W.R.* American Grand Strategy in a World at Risk // Orbis. Vol. 49. Issue 4. Autumn 2005. P. 589–598.
18. *Mead W.R.* The Meaning of Christmas // The American Interest. URL: <http://www.the-american-interest.com/2015/12/29/the-meaning-of-christmas-5/>

Аннотация. Современный консерватизм рассматривается в настоящем эссе как результат диалектического взаимодействия между двумя различными и даже противоположными подходами – фактически двумя консерватизмами. Один консерватизм, «сущностный», предполагает приверженность определенному кругу идей (в основном древнегреческих и христианских) и не склонен менять свои философские позиции. Другой консерватизм, который может быть назван «ситуационным», представляет собой определенное прагматическое отношение к переменам как таковым. Ситуационный подход, в явном виде сформулированный С. Хантингтоном в 1957 году, отдает предпочтение тому, что есть в настоящий момент, по сравнению с тем, что было или могло бы быть.

Автор показывает, что во влиятельном неоконсервативном движении в США доминирует именно ситуационный подход. Это приводит к тому неожиданному результату, что самый значимый из современных вариантов американского консерватизма в идейном плане оказывается привержен либерализму, который превратился в США в мощную традицию.

После обсуждения «гибридного» определения консерватизма, представленного в работах М.В. Ремизова, автор обращается к рассмотрению отношения двух различных версий американского консерватизма к национализму и завершает эссе сравнением американского и русского национализма *sub specie* консервативных идей и практик.

Ключевые слова: консерватизм, «сущностный» и «ситуационный»; философия, С. Хантингтон, М. Ремизов, национализм, неоконсерватизм, А. Дугин, США, Россия, А. Макинтайр.

Paul Grenier is an essayist, political writer and scholar of Russian and comparative political philosophy. He is a graduate of the Russian Institute (now the Harriman Institute) at Columbia University (New York). While at Columbia he studied Russian intellectual history under professor Mark Raeff. He worked as a simultaneous interpreter on contract with the U.S. State Department, the U.S. Department of Defense and World Bank, and was a research director at the New York-based Council on Economic Priorities. He is one of the founders of Solidarity Hall, a publishing house and community of thinkers and publicists. E-mail: psgrenier@gmail.com

Definitions and Dialogue: Reflections of a Reluctant Conservative on Russian and American Conservatism

Abstract. The essay presents a definition of conservatism as a result of dialectic interaction between two opposite approaches, in fact, two conservatisms. One, 'essentialist' conservatism is based on a certain set of ideas (mainly Ancient Greek or Christian), and is stable in its philosophical commitments. The other conservatism, called 'situational', clearly defined by Huntington, represents a pragmatic attitude toward changes as such, giving preference to what really exists against what once a or might exist.

The author shows that in the U.S., the situational approach clearly dominates in the influential neo-conservative movement. This leads to the unexpected result that the most influential type of American conservatism is committed to liberalism that has grown into a strong tradition in the U.S.

After discussing innovative 'hybrid' definition of conservatism offered by Mikhail Remizov, the author turns to considering the attitude of two different types of American conservatism to nationalism and concludes his essay comparing Russian and American nationalism *sub specie* of conservative ideas and practices.

Keywords: Conservatism, 'Essentialist', 'Situationalist', Philosophy, Samuel Huntington, Mikhail Remizov, Nationalism, Neo-conservatism, Alexander Dugin, United States, Russia, Alasdair MacIntyre.

Перевод с английского Т.Л. Ветошкиной и П.Б. Паршина

Реализм в тени

Избирательная кампания в США – это всегда больше, чем просто выборы в одной, пусть очень крупной и влиятельной, державе. В силу уникального положения Соединенных Штатов в международной системе президент этой страны, каким бы ни был он лично, обладает гигантской властью, и от того, как хозяин Белого дома ей распорядится, зависит развитие событий во всем мире. Это становится особенно важным, когда мировая политика переживает тектонические сдвиги и Вашингтону приходится принимать решения, как к ним относиться, какие процессы следует поощрять, а каким противодействовать.

Сейчас – именно такой момент. Президентский марафон-2016 привлекает всеобщее напряженное внимание не только и не столько потому, что ведущую роль в нем с самого начала играл такой яркий шоумен, как Дональд Трамп, и даже не тем, что изобилие кандидатов являет собой, вероятно, самый полный спектр самых разных идейных течений. (Это было особенно очевидно на многочасных дебатах республиканцев, но и в Демократической партии, где, казалось, победитель predetermined, развернулась острая полемика между «безальтернативной» Хиллари Клинтон и сенатором-социалистом Берни Сандерсом.)

Результаты февральских кокусов в Айове, первой официальной пробы сил, показали относительность и неточность предварительных прогнозов ведущих мониторинговых и статистических агентств. Окончательный подсчет голосов выявил двух победителей – сенатора от республиканцев Теда Круза, приверженца весьма консервативных взглядов, и демократа Хиллари Клинтон. При этом Круз обошел Трампа и «надежду истеблишмента» Марко Рубио всего на 3,4 и 4,6% соответственно, в то время как в стане демократов победитель определился лишь после подсчета 99,94% голосов¹. В итоге отрыв Клинтон от сенатора Берни Сандерса составил всего 0,4%². Крупная победа Трампа и Сандерса на праймериз в Нью-Гэмпшире только подтвердила, сколь острой будет борьба.

Эта напряженная кампания происходит на фоне масштабных международных перемен. Америка сталкивается с новыми вызовами – в мире и внутри

¹ Real Clear Politics. Iowa Republican Presidential Caucus. URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/ia/iowa_republican_presidential_caucus_3194.htm

² Real Clear Politics. Iowa Democratic Presidential Caucus. URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/ia/iowa_democratic_presidential_caucus-3195.html

Галстян Арег Степанович, кандидат исторических наук, руководитель научно-аналитического портала "American Studies". E-mail: galstyanareg@gmail.com

Лукьянов Федор Александрович, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», профессор-исследователь НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: fyodor_lukyanov@gmail.com

страны, – а общество явно устало от вашингтонской политической «аристократии» и ждет чего-то нового. Собственно, избрание Барака Обамы в 2008 году уже было признаком этой тяги к переменам. Его президентство, наверное, войдет в историю как «переходное» – от США как бесспорного и ни в чем не сомневающегося лидера однополярного мира к Америке, которой приходится искать новые способы политического и морального лидерства в куда более сложной и диверсифицированной международной системе. Отсюда и обостряющаяся идейная борьба, беспрецедентная поляризация общества и политических сил.

Тема России, которую после окончания холодной войны стали относить к мировой периферии, неожиданно для многих американских политиков вернулась в круг существенных. С одной стороны, это, конечно, связано с активностью Москвы на международной арене, той «более центральной» ролью, которую наша страна играет сегодня в мире. Но помимо этого образ Владимира Путина (а на Западе российская политика сегодня крайне персонифицирована) превратился в некий политико-идеологический бренд. Отношение к нему определяет не только восприятие России, но и в целом позиционирование в рамках большой идейной палитры.

Начнем с крайне правого фланга. В декабре 2014 года бывший спичрайтер Ричарда Никсона Патрик Бьюкенен (в 1990-х он тоже пробовал свои силы в президентской кампании) привлек внимание статьей, в которой поднял вопрос – «Действительно ли Владимир Путин палеоконсерватор? Является ли он одним из нас (консерваторов) в культурной войне за будущее человечества?» [7].

Бьюкенен известен как традиционалист, ратующий за защиту ценностей и наследия «истинной Америки», в частности, он давно говорил об угрозе культурно-политической идентичности США, исходящей от массовой мексиканской миграции. Отвечая на свои вопросы о Путине, он констатирует, что нынешняя Россия позиционирует себя как защитница традиционных ценностей, что вызывает насмешки среди западных медиа и политических элит. Бьюкенен подчеркивает, что насмешки над Путиным и Россией являются типичной для либералов защитной реакцией из-за страха, что президент России действительно может говорить от лица миллионов консерваторов по всему миру.

Палеоконсерваторы – протекционистское и изоляционистское течение, выступающее против вмешательства США во внутренние дела других государств, – разделяют идеи Путина о многополярном мире. Бьюкенен отмечает, что российский президент воспринимает существующие международные реалии куда более адекватно, чем Обама. Билл Линд, другой яркий представитель правых, утверждает: главная причина внешнеполитических успехов Путина кроется в том, что официальная Москва сотрудничает с легитимными властями и народами, в то время как Обама «реализует интересы узкого круга лоббистов, игнорируя интересы страны» [15].

В свою очередь, известный консерватор-реалист Род Дреер считает, что российский президент – хладнокровный циник, который всегда принимает оптимальные решения. Дреер полагает, что будущее России – в гармоничных русских традициях, включающих православие и те установки, которые олицетворяет Путин. По его мнению, Путин видит возрождение России в повторном «открытии» христианства, что, в свою очередь, зависит от стимулирования чувства социального уважения и доверия к православной церкви [10]. Он одобряет подход Путина, считая, что православие является единственным логичным основанием для возрождения русской нации из руин, оставленных большевиками.

Дреер, как и Бьюкенен, поддерживает позицию России по многим внешнеполитическим вопросам. В частности, он отмечает, что, защищая Башара Асада в Сирии, Путин «оказывает услугу» Западу. По его убеждению, США и Евросо-

юз не осознают масштабы катастрофы, которая ожидает цивилизованный мир в случае уничтожения Сирии и установления хаоса на Ближнем Востоке. В качестве примера Дреер приводит недавние теракты во Франции, шокировавшие большинство американцев: «Мы были шокированы, европейцы напуганы. Это плата за недальновидную политику, которая угрожает нашим народам».

Не менее показательна позиция у одного из признанных ныне лидеров американских традиционалистов, Бена Карсона. Его аргументы схожи с позицией Бьюкенена и Дреера – он согласен с тем, что Путин выдвинул себя в качестве великого защитника христианства. В течение последних нескольких лет Путин эффективно использовал религиозную риторику для достижения целей как во внутренней политике, так и во внешней. Карсон и другие традиционалисты особенно подчеркивают, что Путин укрепил отношения между государством и Русской православной церковью, опираясь на церковь так же, как это делали цари, а в отдельные исторические моменты – даже Советская власть. Карсон также многократно утверждал, что в Сирии Путин защищает не Асада, а христианскую общину.

Такая позиция в немалой степени обусловлена внутриамериканской борьбой. Ссылки на поддержку Путиным христиан в России и во всем мире дают правым консерваторам и традиционалистам аргумент, согласно которому Америка становится враждебной к христианам, а сам президент Обама – не подлинный христианин. Так, лидер крайних традиционалистов Виктор Хэнсон считает, что Путиным надо восхищаться, потому что он только подтверждает поддерживаемый консерваторами образ Барака Обамы как слабого и неэффективного лидера, когда дело доходит до внешней политики и международных дел [12]. В качестве аргумента служат и фотографии российского президента для журналов, где он занимается верховой ездой и охотой. Консервативные СМИ представляют Путина как образец мужественности по сравнению с Барак Обамой, который играет в гольф и занимается серфингом на Гавайях.

Лидеры крайних традиционалистов повторяют, что в президентство Владимира Путина Россия выходит на международную арену в качестве ведущей консервативной силы. Хэнсон и Рон Пол заявляют, что Россия спасла Барака Обаму от затруднительной ситуации, в которую он себя загнал по вопросу Сирии, неосмотрительно объявив «красные линии». При этом традиционалисты и палеоконсерваторы убеждены, что возвращение России в мировую политику отнюдь не воспроизводит парадигму холодной войны, Москва скорее делает ставку на другое мировоззрение, ставит во главу угла государственный суверенитет и стабильность статус-кво, а также противостоит распространению либеральных идей.

Большинство реалистов и изоляционисты в один голос твердят, что нынешняя администрация некомпетентна во внешней политике и заиклена на вопросах прав человека. Они убеждены, что игнорирование реалий, привело к поражению США на международной арене. Реалисты исходят из того, что Башар Асад – диктатор, но, именно он эффективно борется со злом и главной угрозой – «Исламским государством». Один из идеологов течения консерваторов-изоляционистов Дэвид Голдман, говоря о внешней политике, пишет, что Путин – бывший полковник КГБ, а Обама – бывший активист-общественник. Поэтому, мол, Путин априори лучше разбирается в международных отношениях, нежели Обама, у которого нет инстинктов лидера [11].

В целом большинство американских экспертов согласно с тем, что уважительное отношение к Путину обусловлено не столько уверенной внешней политикой России как таковой, сколько слабой и невнятной, с консервативной точки зрения, политикой Обамы. Экс-кандидат в вице-президенты и кумир Чайной партии в штате Аляска Сара Пэйлин назвала Путина героем консерваторов, от-

метив, что люди смотрят на российского президента как на того, кто борется с медведями, добывает нефть, а Обама носит мамины джинсы и играет в гольф¹. Хотя правым и традиционалистам нравятся быстрые внешнеполитические решения Путина, основной мотив их поддержки кроется в религии, которая возвела президента России в ранг защитника христианских, консервативных ценностей по всему миру.

Говоря о религии, лидер правых консерваторов в Луизиане Брайан Фишер заявил, что Путин – лев христианства, защитник христианских ценностей, президент, который призывает свою страну к принятию национальной идентичности, в основе которой лежат христианские ценности.

Неоконсерваторы по-своему тоже высоко оценивают внешнюю политику России при Путине, но в их случае это означает необходимость жесткого ответа, дабы не позволить Кремлю бросить вызов американскому доминированию. Представители этой фракции регулярно подвергают президента Обаму критике, обвиняя его в слабости и нерешительности в ответных действиях на шаги Путина в Сирии и на Украине. В этой логике российский президент не захватил бы Крым и не поддерживал бы Асада, если действительно ощущал бы американскую мощь. Так, сенатор от Южной Каролины Линдси Грэм, который долгое время был одним из сокрушительных критиков внешней политики Барака Обамы, заявил на CNN, что Россия стала активной на мировой арене по причине того, что у Америки слабый и нерешительный президент. Весьма ярко позицию неоконсерваторов выразил конгрессмен-республиканец Майк Роджерс, заявив, что Обама бросает шарики, а Путин играет в шахматы. Такие консервативные политики, как Джон Маккейн, Марк Рубио и Рудольф Джулиани говорят о смелости Путина и быстроте, с которыми он действует на Украине и Ближнем Востоке, о его качествах, которых недостает Обаме. Это, впрочем, никоим образом не свидетельствует об их симпатиях к российскому президенту, скорее – наоборот.

В статьях “Financial Times” в начале января 2015 года один из редакторов неоконсервативного журнала “The Weekly Standard” Кристофер Колдуэлл сделал выговор Западу за критику Путина. Он отметил, что США «сфокусировались на коротком списке причин, популярном среди элит, для критики» вместо того, чтобы обратить внимание на положительные вещи, которые сделала Россия [8]. Колдуэлл называет лицемерами тех, кто на Западе критиковал законы против гомосексуалистов в России. В доказательство он ссылается на то, что некоторые самые знаменитые противники закона Путина были ранее сторонниками закона антибогохульства, который был принят в Великобритании в 2006 году.

Колдуэлл намекает, что критики Путина лукавят, когда дело касается демократии: «Страны, читающие путинской России лекции о здоровой демократии, за последнее время сами передали власть от законодательных органов исполнительной, от избирателей – бюрократам». Он отмечает, что «в Европе это было сделано посредством делегирования полномочий Европейскому союзу, в США – судебным аннулированием результатов демократических выборов (включая те, что касаются однополых браков) и сложением полномочий Конгресса в вопросах торговли, войн, здравоохранения и разведки». Колдуэлл заканчивает утверждением о том, что расстояние, отделяющее гражданские права на Западе и в России, не такое уж и большое, как это было десять лет назад.

Критика Колдуэлла отчасти переключается с мнением Генри Киссинджера, хотя последний никак не относится к неоконсервативному крылу. В шумевшей статье 2014 года Киссинджер писал, что «демонизация Путина – это не политика, а алиби, которое должно оправдать ее отсутствие» [14].

¹ Palin: Obama known for ‘mom jeans’. Politico. March 4, 2014. URL: <http://www.politico.com/story/2014/03/sarah-palin-president-obama-vladimir-putin-104218>

Резко отрицательное отношение к современной России и президенту Путину наблюдается в среде умеренных и либеральных консерваторов. Лидеры этих течений сенаторы Марк Кирк, Джим Инхоф придерживаются позиции, что Путин – автократ, который заключил своих оппонентов под стражу, использовал жесткую силу, полностью разрушив Грозный во время войны в Чечне, оккупировав Крым и Восток Украины, и продолжает вести политику поддержки диктаторского режима в Сирии. Они утверждают, что для Путина христианство – всего лишь инструмент для введения агрессивной внешней политики. Либеральные консерваторы подчеркивают, что традиционалисты и неоконсерваторы ненавидят Обаму за то, что он защищает и поддерживает равные права для всех американцев, которые гарантирует Конституция США, и они терпеть не могут президентский подход «прежде всего дипломатия» во внешней политике.

Любое движение, особенно политическое, ищет лидера, который станет для него прототипом, на который смогли бы указать все участники движения как на идеал. Поскольку консерваторы как политическая сила разделены на различные группы с относительно разрозненными целями, им довольно трудно найти такой прототип, который представлял бы как «теократов», стремящихся установить религию в качестве движущей силы, так и неоконсерваторов, желающих доминировать над миром посредством военного завоевания. Американские консерваторы разного толка нередко таким образом ссылаются на Рональда Рейгана, но за последние десять лет всё же так и не нашли актуального кандидата, похожего на него. И этот вакуум, как ни парадоксально, заполняется Путиным, в котором правое крыло американских консерваторов видит характер и качества Рейгана, а в современной России – американскую жесткость и решительность периода 1980–1990-х годов.

Следует ли из вышеизложенного делать вывод, что среди американских консерваторов возможно найти опору для более конструктивных отношений между Россией и США, своего рода «пророссийское лобби»? Едва ли. Те, кто видит в российском президенте пример для подражания, составляют скорее крайнюю и заведомо маргинальную часть политического спектра. И, как указано выше, их уважение к Путину является прежде всего способом снова и снова продемонстрировать свое неуважение к собственному президенту-демократу. Крайние консерваторы вообще воспринимают внешнюю политику как нечто, скорее мешающее нормальному развитию Америки, чем как приоритет. Поэтому рассчитывать на то, что они будут оказывать серьезное воздействие в направлении улучшения отношений с Россией, не приходится. Это было бы возможно в случае, если бы кто-то из крайних консерваторов-изоляционистов победил в борьбе за президентство, но такое практически невероятно. В остальном же республиканские представления о внешней политике сегодня формируются в рамках, которые предусматривают резко негативное отношение к России.

Как отмечает И.А. Сафранчук, исследовавший палитру экспертных оценок в США, восприятие России сегодня определяется неформальной коалицией «алармистов» и «скептиков», которых объединяет неприятие современной российской политической модели [5]. Республиканцы и неоконсерваторы в основном составляют категорию «алармистов», которые считают Россию достаточной угрозой, чтобы активно противодействовать ей и осуществлять политику повсеместного сдерживания [см., напр.: 6; 9].

Со второй половины 2000-х годов в Соединенных Штатах стал обсуждаться некий вызов, который бросают «великие авторитарные державы» [3; 13]. Несмотря на подчеркивание экономического упадка России, что является сейчас общим местом для американских оценок, опасения насчет «альтернативной модели» продолжает присутствовать, теперь в основном в связи с ростом роли Китая и вероятным российско-китайским сближением. К скептикам относят-

ся в большей степени либеральные интервенционисты, которые полагают, что Россия представляет собой несостоятельную в более длительной перспективе модель, и лучшей тактикой было бы умеренное сдерживание в ожидании, когда российский потенциал исчерпается сам собой.

И.А. Сафранчук отмечает, что в сегодняшней политической конфигурации в Вашингтоне эксперты и политики, которых традиционно относят к реалистической школе (их олицетворением и живым классиком является Генри Киссинджер), не играют определяющей роли, в особенности в том, что касается России. Отдельные яркие выступления представителей этого течения (как, например, наделавшая много шума статья Джона Миршаймера в журнале "Foreign Affairs", которая возлагала на Запад ответственность за кризис на Украине) становятся предметом нападков со всех сторон [4]¹. И дело здесь не столько в России, сколько в том, что подобная позиция, оценивая действия США с точки зрения политического реализма, ставит под сомнение базовые постулаты об успешности и безальтернативности американского курса, утвердившиеся после холодной войны. Реалисты же, как точно отмечает Сафранчук, в большинстве не стремятся жестко отстаивать такую позицию, поскольку заинтересованы не в критике текущей линии, а в возвращении своего влияния на практическую политику в целом.

В СССР, а затем и в России существовало представление о том, что при всех различиях и антагонистическом отношении по большинству вопросов Москве предпочтительнее иметь дело с республиканцами, консерваторами. Они, мол, являются прагматиками и готовы на разумные договоренности, в то время как на демократическом фланге гораздо больше идеологического пафоса и предвзятости. Такая точка зрения, впрочем, далеко не всегда, подтверждалась в реальной жизни, а ее приверженцы обычно ссылались на взаимоотношения Кремля с республиканскими администрациями Ричарда Никсона и Джеральда Форда (1969–1977), где внешнеполитическую философию определял выдающийся представитель школы политического реализма Генри Киссинджер. Никсон и Форд выглядели особенно привлекательно на фоне демократической администрации Джимми Картера (1977–1981), когда в американский лексикон вошла тема защиты прав человека. Президентство Рейгана дало примеры как острой эскалации давления на СССР, так и подлинного размораживания и сближения, но это не вполне чистый эксперимент, поскольку в самом Советском Союзе начали происходить радикальные перемены. Преемник Рейгана, республиканец Джордж Буш-ст., яркий представитель реалистического подхода, вел себя в отношении СССР весьма сдержанно и холодно. Вопреки надеждам горбачевского руководства на дальнейший быстрый прогресс отношений, он скорее выжидал, наблюдая ослабление позиций советских визави [подр. см.: 1].

Как бы то ни было, конец холодной войны изменил общую парадигму отношений. В годы большого ядерного противостояния (особенно после Карибского кризиса) руководителям обеих сторон – вне зависимости от партийной принадлежности, идеологических и политических пристрастий – приходилось руководствоваться прежде всего реалистическими подходами. В их основе – идея баланса сил. Нарушение его было чревато столь серьезными последствиями, что амбиции приходилось умерять. После распада Советского Союза верх взяла противоположная идея – баланс не нужен, а нужна трансформация всего мира в направлении доказавшей свою правильность либеральной идеологии. И в этой рамке действовали представители обеих партий в США. Неоконсервативная администрация Джорджа Буша-мл. успешно опровергла все надежды на «разумных» республиканцев, в ее деятельности идеологический запал

¹ Реакция на эту статью: [2].

в форме «продвижения демократии» оказался едва ли не более сильным, чем у предшественника – демократа Билла Клинтона. В условиях априорности идеологического превосходства, которые сформировались после холодной войны, консервативный реализм оказался оттеснен на второй план как, если так можно выразиться, недостаточно продвинутой и амбициозной доктрина. И нет оснований ожидать, что в обозримый период это изменится.

Однако общая ситуация все же не статична. Неудачи крайне напористой политики при Джордже Буше-мл., которая привела к преумножению американских проблем на международной арене, а также весьма противоречивые результаты Барака Обамы, воспринимавшегося в качестве антипода Буша, стимулируют процесс поиска новых способов проведения внешней политики. Пока дискуссия в основном вращается в довольно узком пространстве рассуждений о безальтернативности американского лидерства в мире и исключительной правоты Соединенных Штатов. Усложняющаяся и становящаяся все более многообразной международная обстановка способна тем не менее заставить вернуться к не столь идеологизированной повестке, и тогда возможна реабилитация политического реализма. Правда, пока довольно трудно предсказать, что это будет означать для России. Ведь место нашей страны в рамках гипотетического будущего баланса сил просчитать непросто. Сила в современном мире далеко не исчерпывается военными возможностями и включает в себя множество других параметров, прежде всего экономических. Россия же пока если в чем и преуспела, то только в военно-политическом укреплении, чего может оказаться недостаточно.

Литература

1. *Адамишин А.Л.* О прошлом, которое продолжается // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10947
2. Виновные державы / Дж. Миршаймер, С. Сестанович, М. Макфол // Россия в глобальной политике. 2014. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vinovnye-derzhavy-17105>
3. *Гат, Азар.* Возвращение великих авторитарных держав // Россия в глобальной политике. 2007. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9213
4. *Миршаймер Дж.* Почему Запад повинен в кризисе на Украине // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Pochemu-Zapad-povinen-v-krizise-na-Ukraine-16921>
5. *Сафранчук И.А.* Устойчивые системы стратегических взглядов на Россию в американском экспертном сообществе // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6. С. 93–105.
6. *Blank, Stephen.* Threats To and From Russia: An Assessment // Journal of Slavic Military Studies, Vol. 21, No. 3, July–September 2008. P. 491–526.
7. *Buchanan, Patrick J.* Is Putin One of Us? // Patrick J. Buchanan Official Website. December 17, 2013. URL: <http://buchanan.org/blog/putin-one-us-6071>
8. *Caldwell, Christopher.* Foreign leaders' judgment of Putin is hasty and harsh // Financial Times. February 7, 2014. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/752c5b6e-8e8a-11e3-98c6-00144feab7de.html#axzz3zfXqe6Pt>
9. *Cornell, Svante; Starr, Frederick S. (ed.).* The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia. 2009.
10. *Dreher, Rod.* Why Is Russia Dying? // The American conservative. September 9, 2014. URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/why-is-russia-dying>
11. *Goldman, David.* Vladimir Putin, Leader of the Free World // Asia Times. November 18, 2015. URL: <http://atimes.com/2015/11/vladimir-putin-leader-of-the-free-world/>
12. *Hansen, Victor.* What Drives Vladimir Putin? // National Review. May 8, 2014. URL: <http://www.nationalreview.com/article/377462/what-drives-vladimir-putin-victor-davis-hanson>
13. *Kagan, Robert.* The Return of History and the End of Dreams. New York, 2008.
14. *Kissinger, Henry.* To settle the Ukraine crisis, start at the end // The Washington Post. March 5, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html
15. *Lind, William S.* Russia's Right Turn // The American conservative. February 11, 2014. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/russias-right-turn>

Аннотация. В статье фиксируется внимание на том, что знаменующие выборами-2016 политические перемены в Соединенных Штатах не могут не оказать существенного воздействия на мировую политику – в силу того места, которое США занимают в мире. Авторы также констатируют возвращение российской темы в фокус американской политики. В этой связи высказываются предположения относительно возможного расширения мировой повестки.

Ключевые слова: президентская избирательная кампания в США 2016 года, Республиканская партия США, американо-российские отношения.

Areg S. Galstyan, Ph.D. in Historical Science, Senior Manager, “American Studies” Scientific and Analytical Portal. E-mail: galstyanareg@gmail.com

Fedor Lukyanov, Editor-in-Chief, “Russia in Global Policy” magazine, Professor-Analyst, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: fyodor_lukyanov@gmail.com

Realism in the Shadows

Abstract. The article puts forward the idea that political changes in the United States associated with the 2016 elections are sure to seriously influence the world politics - due to the distinguished place of the USA in the world. The authors also state that Russian issues are again the focal point of American politics. The authors suggest thereupon that the global agenda might be expanded.

Keywords: Presidential Elections Campaign in the USA in 2016, the USA Republican Party, American-Russian Relations.

Как исчезли «умеренные республиканцы» и кто пришел им на смену

Джеффри Кабасёрвис – преподаватель Йельского университета, консультант “Main Street Partnership” (группы конгрессменов, объединяющей так называемых умеренных республиканцев и республиканцев-центристов в Палате представителей) – получил огромную известность в читательской аудитории США как автор исторического бестселлера «Управлять и разрушать: исчезновение умеренности и разрушение Республиканской партии, от Эйзенхауэра до Партии чаепития»¹. Книга вышла в период президентской кампании, в которой бывшему губернатору штата Массачусетс Митту Ромни, баллотировавшемуся от Республиканской партии, противостоял действующий президент Барак Обама. Кабасёрвис, очевидно, хотел внести свою лепту в успех Ромни и посвятил значительную часть книги его отцу – Джорджу Ромни, губернатору штата Мичиган, одному из последних лидеров умеренного республиканизма.

Основная идея книги Кабасёрвиса состоит в том, что переживающий ныне полный упадок умеренный республиканизм долгое время являлся важным и даже доминирующим течением внутри Республиканской партии. Родоначальником этого течения ученый признает президента США Дуайта Эйзенхауэра, который, прорвавшись вместе с республиканцами к власти в 1952 году, после двадцатидвухлетнего пребывания демократов в Белом доме, предпочел оставаться верным Новому курсу Франклина Рузвельта, а не возвращаться к свободному рынку по образцу 1920-х годов. Эйзенхауэр назвал себя «современным республиканцем», и многим казалось, что именно это течение станет доминирующим в партии. Однако ситуация коренным образом поменялась в 1960-х годах, когда на первый план вышли вопросы гражданских прав и борьбы против сегрегации. Хотя борьбу за гражданские права возглавили демократы, тем не менее, как пишет Кабасёрвис, внутри Республиканской партии существовало довольно серьезное прогрессистское крыло: его возглавлял никто иной, как Нельсон Рокфеллер, представитель могущественного экономического клана, будущий вице-президент, – людей этого направления оппоненты звали «рокфеллерианскими республиканцами». Однако личные качества, которые очень невыгодно оценивает автор книги, не позволили Рокфеллеру стать вождем всей партии – и в 1964 году кандидатом от республиканцев стал ультраконсерватор, сенатор от штата Аризона Барри Голдуотер, ярый антикоммунист и противник политики десеграции. Голдуотер проиграл выборы Линдону Джонсону, но с этого времени консервативное крыло с опорой на южные штаты Америки все более усиливалось внутри Республиканской партии, до тех пор, пока в эпоху младшего Буша оно окончательно не вытеснило «умеренных» на периферию партийной жизни.

¹ *Kabaservice G. Rule and Ruin: The Downfall of Moderation and the Destruction of the Republican Party, from Eisenhower to the Tea Party. N.Y.: Oxford University Press, 2012.*

Консерваторы, конечно, отчаялись бороться с гражданским равноправием, они стали сражаться с равенством социально-экономическим, с объемом полномочий государства по устранению наиболее вопиющих форм материального неравенства. В этом отношении консерваторам многое удалось. «Умеренные» были горячо преданы своей партии и не готовы ее раскалывать для того, чтобы вытеснить консервативных радикалов, тогда как для последних идеологическая чистота значила гораздо больше, чем партийный успех.

Как это часто бывает, радикалы одержали верх над «умеренными», и в их превосходстве мы могли ясно убедиться летом-осенью 2015 года, когда в Палате представителей умеренного республиканца Джона Бейнера в кресле спикера вытеснил молодой консервативный политик и экономист Пол Райан, недавний кандидат в вице-президенты. В своем интервью «Тетрадам по консерватизму» Кабасёрвис предлагает фактически отказаться от термина «умеренный республиканец» как устаревшего, и к людям его убеждений, ведущим арьергардные бои против наступления консервативных радикалов из Партии Чаепития, предлагать термины «республиканец-управленец» или «республиканец-прагматик». Можно, однако, опасаться, что и в этом случае те, кто делают ставку не на «прагматику», а на непоколебимые «ценности», получают преимущество. Во всяком случае, республиканские праймериз пока в этом отношении не внушают оптимизма: все кандидаты демонстрируют свою несгибаемую правизну.

* * *

Господин Кабасёрвис, вы – автор недавно вышедшего исследования, посвященного эволюции Республиканской партии от прежней умеренности к нынешнему состоянию, характеризующемуся усилением консервативного крыла. Как вы можете охарактеризовать это нынешнее состояние? Какие силы сейчас доминируют в партии слона?

Постараюсь по возможности кратко ответить на этот непростой вопрос и для начала скажу, что партия, конечно, сдвинулась вправо, как, впрочем, и сами американцы. Однако даже если умеренные республиканцы сегодня не очень заметны, внутри партии есть «крыло прагматиков» и их присутствие существенно сказывается на тех законах, что принимает новый Конгресс. Конечно, есть определенная прослойка республиканцев, представленных группой “Freedom Caucus”, которая находится на самом краю правого крыла политического спектра¹. Это люди, которые самыми разными способами мешают Республиканской партии участвовать в управлении страной. И данный фактор – главный вызов для партии сегодня.

Когда я писал свою книгу, то, конечно, не знал, как будут развиваться события, а случилось, что партия очень хорошо выступила на последних выборах – как на промежуточных выборах в Конгресс 2014 года, так и на выборах в штатах и на местных выборах. Единственное, чего партии не удалось, – это выиграть выборы президента. И за это нужно отчасти винить процесс выдвижения кандидатов. Кандидаты должны пройти через праймериз, не свалившись в крайне правую риторику, потому что большинство американцев находятся в центре, а не располагаются по краям. Однако люди, которые голосуют на праймериз, как правило, придерживаются крайне правых взглядов. Получается, что система симпатизирует крайне правым кандидатам, которые потом не способны выиграть национальные выборы.

Если умеренные республиканцы по-прежнему являются влиятельной группой, то просто они не так заметны?

¹ Группа в Конгрессе США, объединяющая консервативно настроенных республиканцев. – Примеч. ред.

Начнем с того, что сегодня никто не употребляет выражение «умеренные республиканцы». Это связано с тем, что такое выражение стало обозначать в СМИ исключительно республиканцев, поддерживающих право на аборт. Сегодня таких республиканцев почти нет, однако политически умеренные люди есть. Таким образом, по-прежнему есть республиканцы, готовые работать с демократами, желающие участвовать в управлении страной, но они не называют себя умеренными.

Как же тогда они себя называют?

Они называются «республиканцы-управленцы» или «республиканцы-прагматики»¹. Сами они предпочитают первый вариант.

Республиканцы-управленцы – каких взглядов они придерживаются в отношении основных вопросов внутренней и внешней политики?

Республиканцы-управленцы придерживаются консервативных взглядов по большинству вопросов. Они видят себя последователями Рональда Рейгана, что предполагает наличие консервативных взглядов на вопросы налогов. По ряду социальных вопросов они придерживаются мантры «живи и дай жить другим» – как я уже сказал, почти никто в партии не поддерживает аборты. В отношении внешней политики, я бы сказал, что есть небольшое количество либертарианцев, очень немногие поддерживают взгляды Рэнда Пола, который во многом является изоляционистом. Большинство республиканцев-управленцев поддерживают расходы на оборону, они выступают за то, что США должны играть роль на международной арене, но это не значит, что все они являются «интервенционистами».

Интервенционисты есть, но можно сказать, что большинство республиканцев-управленцев являются реалистами. Основные отличия внутри Республиканской партии проходят вдоль линии «изоляционисты против интернационалистов», а также вдоль линии «реалисты против неоконсерваторов». Я бы сказал, что республиканцы-управленцы являются интернационалистами и реалистами.

Как бы вы прокомментировали внешнеполитические взгляды сторонников Движения Чаепития, которые колеблются в диапазоне между интервенционизмом и изоляционизмом?

Внутри Движения Чаепития очень много самых разных людей, поэтому очень сложно обобщать. У этой организации нет центральной структуры, нет общей повестки, поэтому совершенно нормально, что внутри можно встретить самые разные взгляды на внешнюю политику. У них нет своего Папы, который обозначил бы основные религиозные догмы. Некоторые сторонники Партии Чаепития являются либертарианцами, но это очень небольшой процент. Большая часть движения придерживаются популистских консервативных взглядов и выступают против нынешнего политического истеблишмента. Мне кажется, что часть людей, придерживающихся популистских взглядов, сегодня поддерживают Дональда Трампа, который меняет свои взгляды в зависимости от темы. Так, будучи противником войны в Ираке, он продвигает совсем иные идеи в отношении ИГИЛ, поддерживая участие США в борьбе с этой террористической организацией.

Политик, который наиболее близко озвучивает мнение большинства членов Движения Чаепития, – это Тед Круз. Круз выступает с критикой политики Обамы в отношении ИГИЛ, то есть я бы назвал его интервенционистом, но не уверен, что он в то же время попадает под определение «неоконсерватор». Потому что все-таки идеологически это не совсем одно и то же.

Кого бы вы назвали образцовым республиканцем-управленцем?

¹ Governing Republicans или Pragmatic Republicans. – Примеч. ред.

Если речь идет о кандидатах в президенты, то, пожалуй, из числа интервенционистов я назвал бы Линдси Грэма, который занимает очень жесткую позицию по ИГИЛ. Не думаю, что у него есть большие шансы выиграть номинацию и стать президентом, однако сенатор Грэм поддерживает расходы на оборону, он очень похож на Джона МакКейна. Он к тому же считает, что США должны сотрудничать со своими союзниками в Европе, а также с Россией в борьбе против ИГИЛ.

Вы сказали, что термин «умеренные республиканцы» больше не используется. А выражение «рокфеллерианские республиканцы»?

Нет, ни в коем случае. «Республиканцы-управленцы» изо всех сил стараются избегать такой характеристики. Нельсон Рокфеллер был представителем прогрессивного крыла Республиканской партии, но сегодня в партии прогрессивных политиков нет вообще. Эти люди либо перешли в Демократическую партию, либо стали независимыми. Наследие Рокфеллера можно обнаружить в том, что продвигают и что делают республиканцы, представляющие крупные северо-восточные городские округа, как, например, Майкл Блумберг. Однако сегодня в партии считают, что Рокфеллер занимал слишком вялую позицию в отношении налогов и уделял недостаточно внимания проблемам преступности. Именно поэтому никто в партии не хочет, чтобы его или ее отождествляли с именем Нельсона Рокфеллера.

А что вы скажете по поводу выражения «республиканцы по имени только»?¹ Используется ли этот негативный термин сегодня?

О да, постоянно! Многие законы, принятые Конгрессом в последнее время, были сложными. Например, меры по поднятию потолка долга, которые были приняты при поддержке республиканского меньшинства. Любой республиканец, проголосовавший вместе с демократами и предпочитающий избежать правительственного коллапса, был и будет назван впоследствии «республиканцем только по имени». Под такое определение автоматически подпадали лидеры партии в Конгрессе: прежний спикер Палаты представителей Джон Бейнер и лидер большинства Сената Митч Макконнелл. Их постоянно называли «республиканцы только по имени». Это, конечно, смешно, что людей, которые возглавляют Республиканскую партию, постоянно называют ненастоящими республиканцами. Однако надо понимать, что консерваторы не относятся лояльно к Республиканской партии как таковой, они преданы только консервативному движению. Но если честно, я считаю, что выражение «республиканец только по имени» потихоньку изживает себя.

Кто, на ваш взгляд, представляет республиканцев-управленцев на этих выборах?

Сложно сказать. У меня нет впечатления, что Джебу Бушу удалось получить поддержку большинства республиканцев-управленцев, потому что последние воспринимают его как не самого удачного кандидата. Марко Рубио постепенно пытается представить себя в качестве политика, способного преодолеть различия между республиканцами-управленцами и более консервативными членами партии. В Палате представителей Конгресса есть три основные группы. Наиболее крайние взгляды представляет “Freedom Caucus”, эта группа выступает против администрации. Посередине находится “Republican Study Committee”, куда входят консервативно-настроенные республиканцы, но они не определились, что для них важнее: чтобы партия была у власти или чтобы партия твердо стояла на своей идеологии, и они опасаются дальнейшего сдвига вправо. И, наконец, на самом левом фланге находятся «республиканцы-управленцы», представленные различными фракциями вроде “Main Street Partnership”, где я работаю консуль-

¹ “Republicans in the name only”. – *Примеч. ред.*

тантом, и “The Tuesday Group”. Люди, которые входят в эти группы, могут считаться консерваторами, их очень странно было бы называть умеренными и уж тем более прогрессивными республиканцами, но они стремятся показать, что Республиканская партия может управлять страной и делать это ответственно. Они также понимают, что нельзя останавливать работу государства и что США не могут обанкротиться, для чего необходимо поднимать потолок долга.

Политики, входящие в две последние группы, определились ли они со своими политическими предпочтениями в отношении кандидатов в президенты?

Нет, пока что нет. Думаю, в настоящий момент консенсуса нет.

В чем причины победы консервативных сил внутри Республиканской партии?

Я не совсем согласен с постановкой вопроса. Как правило, умеренные кандидаты от партии побеждают представителей от Движения Чаепития в рамках праймериз. Бывает и такое, что человек побеждает с билетом от Движения Чаепития, приезжает в Вашингтон, видит, как все работает, и превращается в республиканца-управленца, потому что понимает, что если все время занимать идеологические позиции, то проблемы страны будут оставаться нерешенными. Однако у консервативного движения очень громкий голос, его представители доминируют в блогосфере и в СМИ, например, через “Fox News”. У других групп внутри партии нет, например, такой мощной платформы. Но я не думаю, что они доминируют в Конгрессе. Из 247 республиканцев в Палате представителей только 38 республиканцев входят во “Freedom Caucus”. То есть на самом деле это меньшинство.

Однако остальным республиканцам очень сложно занимать позиции, которые немного левее позиций крайне правых республиканцев. В Палате представителей почти нет конкуренции за места, республиканцы, как правило, конкурируют с демократами, а не со своими однопартийцами. Если такое происходит, то появляется партийный конкурент, и почти всегда это конкурент с крайне правого фланга. Из-за этого политики не хотят давать шанс потенциальным конкурентам и стараются избегать более левых позиций, потому что это неизбежно приведет к появлению конкурента от Партии Чаепития. Так что вот таким необычным способом меньшинство контролирует большинство.

И не стоит забывать, что крайним правым удалось избавиться от Джона Бейнера, спикера Палаты представителей, а также наложить ряд ограничений на следующего спикера, Пола Райана, который был избран в конце октября. Если Пол Райан применит правило Хастерта¹, то Республиканской партии будет очень сложно проводить законы и эффективно сотрудничать с демократами. То есть у крайне правых однозначно есть каналы влияния, но я бы не сказал, что они являются триумфаторами.

Консерваторы времен Рональда Рейгана и консерваторы Движения Чаепития – в чем отличие?

Если обратиться к истории, то становится понятно, что Рональд Рейган был весьма гибким политиком и, может быть, даже не совсем таким, каким мы его помним сегодня. Например, он несколько раз поднимал налоги, когда считал это необходимым. Он придерживался совсем нетипичных позиций по ряду тем. Так, будучи губернатором Калифорнии, он принял там один из наиболее либеральных законов, разрешающий аборт. Его волновали вопросы окружающей среды. Большинство этих тем – стопроцентно анафема для современных консерваторов.

Люди из правящего крыла республиканской партии, республиканцы-

¹ Правило, используемое Республиканской партией, которое подразумевает, что закон будет вынесен на голосование, только если его поддерживает большинство членов партии, имеющей большинство в Палате представителей, то есть большинство республиканцев. – *Примеч. ред.*

управленцы, обращаются к Рейгану как к примеру того, что консерватизм может быть популярным. Рейган был популярным, потому что пытался найти связь с людьми, которые обычно не придерживаются консервативных взглядов – что привело к появлению «рейгановских демократов». Консерватизм Рейгана был тоже популярен в обществе, потому что Рейган был оптимистичен, а не пессимистичен в отношении США и будущего страны, он транслировал образ силы, но эта сила не была безрассудной. Именно это объясняет его самое главное достижение: окончание холодной войны через переговоры с Михаилом Горбачевым. Как вы понимаете, политик такого образца сильно отличается от консерваторов Движения Чаепития.

Можно ли объяснить кризис умеренного республиканизма вопросами финансирования?

В стране в целом идет сильный процесс поляризации. Две основные партии раньше пересекались по многим вопросам. Так, у демократов было свое консервативное крыло, в то время как у республиканцев были свои умеренные и прогрессивные республиканцы. Сегодня такого пересечения почти нет.

У республиканского консервативного движения и у демократического левого крыла очень сильные инфраструктуры. Это очень громкие группы, которые постоянно привлекают к себе внимание. Благодаря джерримендерингу политических округов люди сегодня политически сосуществуют рядом с теми людьми, у которых такие же политические взгляды. Американцы сегодня читают новости, с которыми согласны, общаются с теми людьми, с которыми согласны, и почти не сталкиваются с людьми или новостями, которые представляют другую точку зрения. Это очень опасно, и это объясняет, почему на умеренных кандидатах оказывается такое давление. Компромисс сегодня неприемлем. Однако большинство американцев в настоящее время идеологически находятся где-то посередине, их гораздо больше интересуют решения конкретных проблем, нежели идеологические споры, и они хотят, чтобы две основные партии друг с другом работали. Поэтому я надеюсь, что умеренный республиканизм еще вернется в нашу жизнь.

Можете ли вы спрогнозировать дальнейшую эволюцию политического развития Республиканской партии?

В каком-то плане сейчас у Республиканской партии «золотая эра». Почти весь XX век партия была меньшинством в Конгрессе. Сейчас же у республиканцев существенное большинство в Палате представителей, партия контролирует и Сенат. Нельзя сказать, что у партии дела идут плохо. Но хаос, который провоцирует крайний правый фланг, приведший к отставке Джона Бейнера и спровоцировавший прочие аналогичные кризисы, сильно бьет по имиджу партии в контексте президентских выборов. Внутри партии идут постоянные споры, а антигосударственные настроения привели к выдвижению на праймериз кандидатур Бена Карсона, Дональда Трампа и даже Теда Круза. Я бы сказал, что Республиканская партия очень сильна, сильна как никогда за последние тридцать лет, но у нее большие проблемы с победой на президентских выборах. И сегодня люди боятся, что победа будет просто невозможна, если партия не найдет способов достучаться до людей из тех демографических групп, которые не особенно ее поддерживают. Это представители меньшинств, женщины, молодежь, профессионалы – все эти группы очень плохо голосуют за республиканцев. Партийные стратеги в курсе этих проблем. В краткосрочной перспективе у партии вроде все хорошо, но если партия не выиграет выборы в 2016 году, то начнутся серьезные внутренние процессы в плане переоценки идеологии и стратегии.

Беседовала Ульяна Рыбина

А.А. Сушенцов

*Внешиполитические платформы Республиканской партии США:
изоляциялисты, реалисты, неоконсерваторы*

Б.В. Межуев

«Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны»

В.В. Ванчугов

*Информационно-коммуникативные технологии американских
консерваторов в президентской кампании 2016 года*

Внешиполитические платформы Республиканской партии США: изоляциялисты, реалисты, неоконсерваторы

С начала 2010-х в американской политике отчетливый тренд – стремление администрации уклоняться от ресурсоемких внешнеполитических инициатив и сосредоточиться на вопросах внутренней политики и оживления экономической активности в стране. Однако динамичные перемены на Ближнем Востоке, необходимость завершать войну в Афганистане, удерживать Иран от обретения ядерного оружия и следовать курсу на усиление присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе побуждали США сохранять высокую интенсивность своего участия в мировых делах.

Помимо роста изоляционистских настроений на родине, затрудняли американские действия два других важных обстоятельства: относительное сокращение военных и финансовых ресурсов для поддержки внешней политики¹ и складывание комплекса стойкого неприятия американского активизма в мире, в том числе среди ближайших союзников США в Европе. Ухудшение международной среды и сокращение доступных ресурсов поставили перед Вашингтоном задачу адаптации глобальной стратегии. Оставляя неизменными заявленные приоритеты политики, США стремились найти способы более эффективного достижения своих целей.

При этом среда выработки внешней политики определяется уникальным географическим положением США в мире. С течением времени это положение определило константы стратегии Вашингтона, которые являются неизменными как для демократов, так и для республиканцев.

Логика международной стратегии США

Во-первых, в результате уверенного, но позднего вступления в круг великих держав США не получили «классического» европейского опыта конфликтов и сотрудничества, плодом которого является постоянство и рассудительность в международных делах. Колебания настроений американской элиты между изоляционизмом и экспансионизмом подчеркивали отсутствие твердо осознанной потребности в глобальном лидерстве. В результате процесс рационального осознания Вашингтоном собственных интересов в региональных конфликтах

¹ Барак Обама стал первым американским президентом, под руководством которого объем совокупного ВВП стран трансатлантического сообщества упал ниже 50% мирового. См.: *Monaghan A. Western Economies Poised to Account for Less than 50pc of World GDP // The Daily Telegraph, June 2, 2009.*

Сушенцов Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа политических проблем факультета политологии МГИМО, программный директор Валдайского клуба, руководитель агентства «Внешняя политика». E-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru

вдали от Северной Америки нередко искажается идеологическими схемами. Во-вторых, длительное доминирование США в западном сообществе и опыт односторонних решений 1990-х годов привили Белому дому стойкую неприязнь к равенству и неверие в международные институты. Наконец, экономическое благополучие и технологические прорывы десятилетия после конца холодной войны укрепили веру американского истеблишмента в исключительную – преобразовательную – роль Америки в мире, на которую не должны распространяться закономерности международной политики.

Это делает политический и стратегический опыт США несовершенным. Для поддержания мировой стабильности необходимо понимание практической пользы суверенитета и возникающих в связи с ним правил применения силы и самоограничения. В свою очередь это выдвигает особые требования к качеству дипломатии. Навязанные силой извне перемены, экспорт революции как стратегия могли работать в ситуации подавляющего превосходства США, однако зенит этой политики проходит.

США также с трудом осознают, что главный аспект мировой политики – субъективный, человеческий – требует понимания разности национальных общечитий и эмпатии, особенно для целей управления этой разностью (как в Афганистане и Ираке)¹. Наконец, современный американский универсализм – демократизация – по сути является антиисторичным взглядом на мир. США искусственно ускоряют заведомо медленные процессы, на развитие которых требуются столетия. Вашингтон не учитывает непредсказуемость мирового развития и часто не видит косвенных последствий своего активизма. США также плохо извлекают уроки из своего опыта из-за того, что упрощают или игнорируют историю: такой подход рисует будущее беспечным и глубоко отличным от прошлого².

В постидеологическом мире, где поведением стран руководит *прагматизм*, пространство для миссионерских инициатив по демократизации сокращается. Демократия перестает восприниматься как уникальная черта Соединенных Штатов и становится общечеловеческим достоянием, условием устойчивого развития. В этом обстоятельстве большая заслуга США, однако они утратили монополию на этот институт. Задача осмысления новых условий международной среды и изменившихся возможностей США по управлению ими стоит сегодня перед Вашингтоном.

Поддержание своего присутствия в планетарном масштабе требует от США колоссальных ресурсов. Последние симметричным образом распределены между разными компонентами мощи Соединенных Штатов – от военной силы и программ содействия международному развитию до экспорта популярной культуры и интернет-сервисов. Однако от страны-лидера требуется большее. В первую очередь – гарантировать стабильность регионального порядка даже в том случае, если его нарушение не затрагивает жизненные интересы лидера. Это требует от США двух важных компетенций: трезвой оценки региональной ситуации и собственных интересов в связи с ней. Опыт лидерства Вашингтона в североатлантическом сообществе со второй половины XX века имел ряд особенностей, которые препятствуют США эффективно выполнять лидерские функции в мировом масштабе.

Американское лидерство и лежащая в его основе версия универсализма – плод исторических обстоятельств развития Соединенных Штатов, в первую очередь географии, климата и пояса соседства. «Островное» положение

¹ *Dao J.* To Reach Out, Befriend and Kill When Necessary: An Ever Trickier Terrain // The New York Times. August 27, 2013.

² *McMaster H.R.* The Pipe Dream of Easy War // The New York Times. July 20, 2013.

США, их удаленность от эпицентра международных угроз (который столетиями располагался в Европе), способствовал тому, что американцы стали естественными изоляционистами. Отцы-основатели государства в силу недостатка ресурсов не видели перспектив участия Америки в европейских делах и призывали сосредоточиться на освоении североамериканского континента¹. Не будет ошибкой считать, что изоляционизм и экспансионизм США являются родственными доктринами, используемыми попеременно в зависимости от доступных ресурсов и обстоятельств.

Логика стратегии США характерна для развитых морских держав, основа благополучия которых строится на морской торговле. Она заключается в контроле над ключевыми морскими коммуникациями путем постоянного передового базирования флота, способного действовать в открытом океане, и создания системы военных союзов, обеспечивающих его базирование в удаленных географических точках. Могущество флота США позволяет гарантировать неуязвимость американского «острова».

Становление внешнеполитических платформ Республиканской партии

В XIX веке сферой интересов США было исключительно их ближайшее окружение в Северной и Латинской Америке. Принцип взаимного невмешательства Старого и Нового света в дела друг друга был изложен в 1823 году президентом Дж. Монро². Завершив движение континентального фронта, США начали постепенно втягиваться в мировые процессы. И если после Первой мировой войны в США все еще продолжалась дискуссия о целесообразности присутствия в Старом свете, то по итогам Второй мировой войны Соединенные Штаты прочно закрепили за собой место глобальной державы. Помимо участия американских войск в борьбе с фашизмом, мировой масштаб американской стратегии укрепили три ключевых процесса: создание системы противовесов СССР в виде ООН и НАТО, экономическая помощь Европе по плану Маршалла и замещение Франции и Британии как главных гарантов порядка на Ближнем Востоке.

Не все американские политики приветствовали такое развитие событий. Лидером *изоляционистов* в середине XX века был сенатор-республиканец от штата Огайо Р. Тафт, который утверждал, что конечной целью внешней политики должна быть защита свободы американских граждан – в первую очередь от злоупотреблений властью со стороны правительства [6, р. 11]. И хотя взгляды Тафта были осуждены как устаревшие большинством американцев, рассуждения в духе изоляционизма не исчезли из политического дискурса США.

Период окончания холодной войны ознаменовался новой дискуссией о приоритетах внешней политики, в которой позиции изоляционистов были сильны. Наблюдая относительный упадок мощи США на рубеже 1980–1990-х годов, изоляционисты призывали избегать «имперского перенапряжения». Консервативный американский публицист, постоянный представитель США в ООН Дж. Киркпатрик, писала в 1990 году, что настал конец эпохе, требовавшей от Соединенных Штатов внутренней мобилизации: наступило «нормальное время», и США пора стать «нормальной страной» [5].

По оценкам многих экспертов, в нынешнее десятилетие американское руководство может вернуться к проведению изоляционистской внешней по-

¹ Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990.

² President James Monroe's Seventh Annual Message to Congress on December 2, 1823. URL: <http://www.law.ou.edu/ushistory/monrodoc.shtml> (дата обращения: 17.08.13).

литики. Причины возможной смены курса кроются как в недостаточности ресурсов после финансового кризиса, так и в последствиях экспансионистской внешней политики Джорджа Буша-мл. Причем идеи изоляционизма становятся популярными не только среди демократов, но и республиканцев, что казалось немыслимым еще десять лет назад.

Неприятие гражданами активной внешней политики может объясняться отсутствием ясного противника. Интервенционистская внешняя политика США пользовалась поддержкой электората только тогда, когда цели были предельно понятны – противостояние коммунистической угрозе во времена холодной войны, распространение демократии в 1990-х, борьба с терроризмом в 2000-х годах. Сегодня мотивация для глобального лидерства США отсутствует, а опросы общественного мнения показывают повышение внимания американцев к внутренним проблемам.

Задачей текущей политики США стало сохранение отрыва лидерства на возможно более длительный срок. Дискуссия между авторами различных направлений, по существу, проходит вокруг трех ключевых вопросов: во-первых, о природе перемен в международных отношениях, во-вторых, об объеме доступных Соединенным Штатам ресурсов, в-третьих, о надлежащих в связи с этим способах управления глобальной системой.

Радикальное крыло политиков с начала 1990-х годов выступило с критической оценкой сложившейся мировой ситуации. Ключевыми проблемами назывались опасность появления сопоставимого с США по мощи конкурента, бедственное положение демократии в мировом масштабе, неэффективность международного сотрудничества в области безопасности и угрозы применения ОМУ периферийными государствами. Американские *неоконсерваторы*, составляющие ядро этого радикального направления, призывают осуществлять прямой контроль над беспокойными регионами планеты, не пренебрегая военным вмешательством. Предлагаемый радикалами образ мира представляет собой опасный, непредсказуемо и беспорядочно развивающийся набор процессов, каждый из которых требует не только внимания, но и контроля. Положение США воспринимается как неустойчивое, а вероятность войны оценивается как высокая.

Глобальное управление неоконсерваторы понимают как один из аспектов оборонной политики США. В центре представлений аналитиков этого направления находится убеждение (сформулированное заместителем министра обороны П. Вулфовицем в 1992 году в форме проекта секретной записки о новом подходе США к мировому лидерству) о необходимости противодействовать опасности появления сопоставимой с США по мощи державы [8]. В категориях «игры с нулевой суммой» радикалы относятся к разделению мировых ресурсов, стремятся усилить ресурсную базу США, одновременно препятствуя монопольному контролю над ресурсами отдельного региона со стороны какой-либо из великих держав. Разделяя в целом критическое отношение к международным организациям, неоконсерваторы воспринимают НАТО скорее не в самостоятельном качестве, а как инструмент распространения демократии, «перезакладки» экономических и военно-политических основ принятых в Трансатлантический альянс стран [1; 2]. Хотя потенциал сдерживания признается и за НАТО, неоконсерваторы полагают, что «единственное надежное средство против агрессии... заключается в распространении демократии»¹.

В записке Вулфовица также впервые излагалась концепция односторонних действий, которая основывалась на тезисе, что «мировой порядок, в конечном счете, держится на США». Отвечать на существующие угрозы США, список

¹ Kirkpatrick J. Proposed Enlargement of the North Atlantic Treaty Organization. Senate Foreign Relations Committee. October 9, 1997.

которых возглавляли Ирак и КНДР, предлагалось упредительно. Фактически Вулфовиц выступил с доктриной военного доминирования Соединенных Штатов, что было шокирующим признанием для эпохи начала 1990-х годов даже для американской публики.

Тем не менее в 2000-х годах Белый дом при Дж. Буше-мл. принял на вооружение буквально все эти концептуальные предложения, начиная от «предупреждения появления сопоставимого по мощи противника» до концепций «упредительных ударов» и «односторонних действий». Доктринальные документы правительства и особенно министерства обороны были насыщены духом и буквой идей Вулфовица. По инициативе президента Дж. Буша-мл. наибольшее развитие получило предложение об установлении Соединенными Штатами убедительного примера образцового мирового лидерства. «Эталон» американской демократии стал задавать параметры условно «нормального» государства. Наиболее последовательным сторонником распространения «демократии» выступал сам Дж. Буш-мл. С большим энтузиазмом эту идею поддержало «военное» крыло в Белом доме. Однако сфера подлинных приоритетов вице-президента Р. Чейни и министра обороны Д. Рамсфелда лежала в области безопасности, а не в сфере распространения демократии, на которую они смотрели как на побочный продукт политики США.

Другой взгляд на проблему глобального управления развивался политиками-реалистами в рамках прагматической мировоззренческой позиции. В ее основе лежит представление о природе перемен в мировой системе как результате действий отдельных государств по трансформации существующих в системе норм и порядков в целях решения собственных задач. Задачей прагматиков стала выработка рекомендаций по созданию таких условий международной среды, которые способствовали бы стабилизации системы и «отваживали» бы ее участников от стремления пересмотреть «статус-кво».

Реалисты предлагали оптимистичный анализ угроз безопасности Соединенных Штатов. Американский политолог У. Уолфорт полагал, что сложившаяся структура распределения мощи в мировой системе такова, что она способствует гегемонии США и препятствует стремлению других государств уравновесить их мощь [7, р. 117]. Его поддержал принадлежащий либеральной традиции аналитик Дж. Айкенбери [4, р. 258], который, вместе с тем, настаивал на том, что гегемон должен заручиться поддержкой большинства участников системы, включая возможных конкурентов, предложив им выгодные условия международного конституционного порядка. Эталоном реалистической политики в США считаются республиканская администрация Дж. Буша-ст., деятельность советника по национальной безопасности Б. Скоукрофта и попытки госсекретаря К. Пауэлла противостоять неоконсерваторам в правление Дж. Буша-мл.

Сторонники прагматического направления выступают против односторонних действий США на мировой арене. В основе этого убеждения лежит представление о конечности внешнеполитических ресурсов гегемона. В одиночку можно рассчитывать на контроль только над определенными типами конфликтов, но не над всеми и не везде. Примечательно, что популярный американский политолог либерального направления Ф. Фукуяма, в середине 2000-х порвавший с неоконсерватизмом, критиковал радикалов в Белом доме именно за чрезмерное преувеличение мощи США и их способности контролировать мировые процессы [3].

Основные направления дискуссий о роли США в мире, о формировании американской внешней политики отражены и в политических кругах. Возобновление дискуссии о необходимости ограничения амбиций Соединенных Штатов в наибольшей степени затронуло Республиканскую партию. Это вызвало острую внутрипартийную полемику, в которой просматриваются зачатки партийного

кризиса, каковой в свою очередь может сказаться на выдвижении кандидатов на пост президента на предстоящих выборах в 2016 году.

Внешнеполитические программы кандидатов на пост президента в 2016 году от республиканцев

По опросам общественного мнения, наиболее вероятными соперниками за номинацию от республиканцев станут магнат Дональд Трамп, врач Бен Карсон, сенаторы Рэнд Пол (Кентукки), Марко Рубио (Флорида) и Тед Круз (Техас). В один ряд с ними некоторые аналитики ставят также младшего брата Дж. Буша-мл. Джеба Буша и губернатора Нью-Джерси Криса Кристи. Все они представляют так называемое «новое поколение» республиканцев, которое противопоставляют «ветеранам» партии – «ястребам» во главе с сенатором Джоном Маккейном и экс-лидером республиканского большинства в Палате представителей Эриком Кантором.

Кандидаты республиканцев опираются на одну из трех внешнеполитических платформ – неоконсерватизм, реализм и изоляционизм, – что отражает ключевые подходы членов партии к определению роли США в мире. Ближайшие выборы президента покажут, какой из этих подходов является наиболее популярным в американском обществе.

Самой многочисленной платформой на протяжении последних двух десятилетий является *неоконсервативная*. Ее сторонники выступают за военное доминирование США в мире, основанное на ощущении американского всемогущества. С таких позиций среди республиканских кандидатов выступают сенатор Марко Рубио и выходец из корпоративного сектора Карли Фиорина.

Сенатор от Флориды Марко Рубио – кубинского происхождения и самый молодой потенциальный кандидат от республиканцев (43 года). За относительно короткий срок работы в Сенате – с января 2011 года – он собрал вокруг себя профессиональную команду и снискал репутацию инициативного конгрессмена в вопросах национальной безопасности. Таким образом, он один среди лидеров республиканской гонки может похвастаться серьезным внешнеполитическим багажом. С 2011 года он состоял в комитетах по международным делам и по делам разведки. По словам самого кандидата, он «имеет доступ к самым конфиденциальным сведениям, которыми только обладает американское правительство». Будучи нередко на острие многих спорных инициатив, он часто подвергается критике. Есть мнение, что он может стать неплохим вице-президентом. Рубио уже входил в число наиболее вероятных претендентов на этот пост в 2011 году при Митте Ромни, однако тогда выбор пал на другого амбициозного молодого республиканца – Пола Райана.

Как ни странно, на первых порах внешнеполитическим образованием республиканца Рубио занимался демократ Джон Керри, в те времена глава Комитета по международным делам. Позже его в этой роли сменил Джеми Флай. Бывший советник в администрации Дж. Буша-мл., он главным образом прославился как один из основателей неоконсервативного центра «Внешнеполитическая инициатива». Эта структура ставит перед собой задачу сохранить заложенные в годы Дж. Буша-мл. традиции агрессивной защиты американских интересов на международной арене. Рубио, американец кубинского происхождения, выделяется на фоне других «слонов» крайне негативным отношением к налаживанию отношений с Гаваной.

Единственная женщина, пожелавшая принять участие в республиканской гонке, – Карли Фиорина (60 лет). Самая влиятельная, по версии журнала «Fortune», бизнесвумен Америки на разных этапах карьеры занимала посты исполнительного директора таких компаний, как AT&T и HP. Считается, что она уже

консультирует стратегов Республиканской партии по ключевым вопросам, и в ситуации спроса на кандидата-женщину от «слонов» у нее есть шансы на эту роль.

Особые надежды возлагаются на возобновление прагматичных подходов Республиканской партии к международным делам, как то было в президентство Дуайта Эйзенхауэра, Ричарда Никсона и Джорджа Буша-ст. Между тем, реалисты пока находятся в меньшинстве, однако это меньшинство – влиятельное и имеет большие перспективы выйти в мейнстрим. Приверженцами реализма можно считать Дональда Трампа, Теда Круза, Криса Кристи и Джеба Буша.

Молодой (44 года) сенатор от штата Техас Тед Круз, первый сенатор от Техаса кубинского происхождения, уже успел организовать собственный небольшой «мозговой трест» консультирующих его экспертов и пытается выглядеть более осведомленным по многим вопросам, чем его однопартийцы. Его жесткость и дерзкая манера вести дискуссию обеспечивают ему приличные шансы на победу во внутривнутрипартийных дебатах и более сомнительные – на всеобщих президентских выборах, в случае если он до них дойдет. О его политическом стиле говорят: «Он ярко горит, но быстро сгорает».

Джеб Буш (61 год), бывший губернатор штата Флорида, может быть, и не обладает значительным опытом во внешней политике, зато за его спиной стоит внушительная армия соратников. Еще в феврале 2015 года он огласил обширный список своих советников по внешней политике, в который вошли неоконсерваторы из окружения его отца, 41-го президента Джорджа Буша-ст., его брата, 43-го президента Джорджа Буша-мл., а также республиканца Рональда Рейгана, 40-го президента США. Несмотря на авторитетность имен, аналитики считают, что эти советники могут сослужить Джебу Бушу плохую службу. Во-первых, этот список сразу поставил под сомнение его заявление о том, что он «сам себе хозяин», а его взгляды «формируются под воздействием собственного образа мыслей и собственного опыта». Во-вторых, сегодня перед командой Буша стоит непростая задача: не отказываясь от богатого политического наследия семьи, кандидату необходимо дистанцироваться от иракской кампании своего брата, которую большинство американцев считает внешнеполитической ошибкой. Хотя многие американцы убеждены, что «еще одного Буша в Белом доме страна не выдержит», ресурсы для возвращения в большую политику у него имеются.

Губернатор Нью-Джерси Крис Кристи (52 года) – председатель Ассоциации губернаторов-республиканцев, один из наиболее влиятельных членов партии. Он считается одним из самых сложных соперников для любого кандидата от демократов и серьезно рассматривается в верхах партии как кандидат на победу.

Самым эпатажным кандидатом является Дональд Трамп – бизнесмен-миллиардер, шоумен и, к всеобщему изумлению, нынешний лидер республиканской гонки, отличившийся целой серией эпатажных высказываний по актуальным вопросам внешней политики США. В отличие от других кандидатов, окруживших себя многочисленными советниками, Трамп полагается на свою обычную команду – менеджеров, управляющих его глобальной империей. Вообще, по его словам, он уделяет предвыборной кампании не более пятидесяти процентов своего времени и не видит никакого смысла детально вникать во внешнеполитические проблемы, потому что «ситуация в мире меняется каждый день».

Изоляционистская платформа до недавнего времени практически совсем отсутствовала в рядах республиканцев, однако сегодня многие эксперты говорят о том, что к президентским выборам 2016 года изоляционизм может стать одной из главных идей в Америке. Именно среди республиканцев заметны наи-

более радикальные изоляционисты. К ним относят в первую очередь сенатора от штата Кентукки Рэнда Пола (51 год), которого вслед за его отцом, Роном Полом, активно поддерживает так называемая Чайная партия, выступающая за снижение американского глобального присутствия, сокращение военных расходов и помощи третьим странам. Изоляционистские взгляды Рэнда Пола делают его непопулярным в глазах ряда соратников по партии – особенно среди «ветеранов». Серьезным препятствием для него может стать и произраильская ориентация многих его коллег по партии, в то время как сам Пол считает, что обеспечение безопасности Израиля не должно быть императивом американской политики на Ближнем Востоке. Это ставит под вопрос его успех в борьбе за номинацию. Однако именно такие взгляды наиболее соответствуют настроениям американцев и могут обеспечить победу представителю Республиканской партии.

Если взглянуть на кандидатов от республиканцев с точки зрения российских интересов, то избрание кого-либо из них не сулит России перемен к лучшему. Поэтому разумнее рассмотреть, победа кого из них – наименее плохая новость для Москвы. Исходя из этой логики, худшими вариантами выглядят Дональд Трамп и Тед Круз. Трамп – потому что он не готов играть по правилам и искать компромиссы. Вероятно, он сначала попытается наладить отношения с Москвой, но когда поймет, что проблемы значительны, разочаруется и заявит, что иметь дел с Россией он не будет. Круз сильно идеологически заряжен и настолько негибок, что с ним просто не о чем будет разговаривать, – он может сразу выступить с позиций, которые для России окажутся неприемлемыми.

Правда, надо учитывать, что сегодня хорошие отношения России и США – это ненормально. Для этого просто нет объективных оснований. Товарооборот между странами минимален, нет крупных инвестиционных проектов, нет лоббистских групп, которые пострадают, если отношения деградируют. Поэтому реалистичная задача – не сделать отношения хорошими, а сделать их конструктивными, предсказуемыми и учитывающими взаимные интересы. Если в США появится президент, готовый к диалогу на этих условиях, то двусторонние отношения смогут выйти из их нынешнего состояния.

Литература

1. *Богауров А.Д.* «Стратегия перемалывания» во внешней политике США // *Богауров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и прикладного анализа международных отношений. М., 2002. С. 356–372.
2. *Троицкий М.А.* Трансатлантический союз. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991–2004. М.: НОФМО, 2004.
3. *Fukuyama F.* Neoconservative Moment // *The National Interest*. 2006. Summer. No. 76.
4. *Ikenberry G.J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001.
5. *Kirkpatrick J.* A Normal Country in a Normal Time // *The National Interest*. Fall 1990. P. 40–44.
6. *Tuft R.A.* A Foreign Policy for Americans. N.Y.: Doubleday&Company, 1951.
7. *Wohlforth W.* U.S. Strategy in a Unipolar World // *America Unrivaled: The Future of the Balance of Power* / G. John Ikenberry, ed. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.
8. *Wolfowitz P.* Defense Policy Guidelines. 1992. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb245/index.htm>

Аннотация. В статье делается попытка определить факторы, определяющие внешнюю политику США на современном этапе. Прослеживаются этапы становления внешнеполитической повестки Республиканской партии, соотношение идейных установок и политической практики неоконсерватизма и реализма. Делается обзор внешнеполитических программ участников республиканских праймериз 2016 года.

Ключевые слова: внешняя политика США, изоляционизм, неоконсерватизм, реализм, президентская избирательная кампания в США 2016 года.

Andrey Sushentsov, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, International Problems Applied Analysis Department, MGIMO Political Affairs School; Operations Director, Valday Club; Senior Manager, "Foreign Policy" Agency. E-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru

Foreign Policy Platforms of the United States Republican Party: Isolationists, Realists, Neo-Conservatives

Abstract. In this article the author tries to single out the determining factors of the USA modern foreign policy. He examines the stages of Republican Party foreign policy formation, the correlation of ideological directives and political practice of neo-conservatism and realism. The author gives an overview of the foreign policy agenda of the Republican candidates in the primaries of 2016.

Keywords: USA Foreign Policy, Isolationism, Neo-conservatism, Realism, Presidential Elections Campaign in the USA in 2016.

«Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны»

В минувшем году на книжных полках московских магазинов появилось замечательное издание – биография одного из самых скандальных, если не прямо табуированных писателей Америки – Джорджа Сильвестра Вирека. Книга носит заглавие «Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь. 1884–1962». Выпустило ее в свет московское издательство «Кругъ». Сочинение насчитывает почти 700 страниц [1]. Биографии такого масштаба, конечно, не редкость в России, но обычно они представляют собой добротные компиляции. В данном случае речь идет об оригинальном исследовании, выполненном на хорошей археографической базе.

До сих пор Вирек был практически неизвестной фигурой в отечественном американоведении. Его почти не переводили и о нем очень мало писали. Рискнул впервые познакомить отечественного читателя с этим интереснейшим персонажем профессор Института японской культуры Университета Такусёку (Токио) Василий Элинархович Молодяков. Автор хорошо известен в России почти всем образованным читателям, в особенности тем, кто интересуется историей и современностью Японии или же поэзией русского Серебряного века. Он прекрасный знаток творчества Валерия Брюсова и вообще русской литературы начала XX века, но, кроме того, он прекрасный историк, автор нескольких монографий о генезисе двух мировых войн. Его перу принадлежит также огромная биография министра иностранных дел гитлеровской Германии – Йохима Риббентропа [2].

Американскими сюжетами он стал специально заниматься именно в связи с Виреком: в течение нескольких последних лет Молодяков скрупулезно отслеживал жизненный путь этого писателя, некогда знаменитого, а потом проклятого и почти забытого. В изложении обстоятельств жизни Вирека Молодяков опирался в том числе на те материалы, которые оказались в его исключительном распоряжении: старые книги, журналы, депеши – мы видим фотографии обложек этих раритетов на страницах книги. Молодяков – известный библиофил, и в новом его сочинении это увлечение оказалось представлено наилучшим образом.

Помимо нынешней книги В.Э. Молодяков способствовал переводу и изданию на русском языке двух книг Вирека – «Обнаженная в зеркале» и «Дом вампира». Романы при прочтении не произвели на меня сильного впечатления, похоже, романист Вирек был средний, но вот публицистические и журналистские тексты этого писателя – прекрасный образец жанра очерка. Вирек писал превосходные статьи о произведениях и судьбе своего любимого писателя Оска

Межуев Борис Вадимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета сайта «Русская idea». E-mail: borismezhuev@yandex.ru

ра Уайльда, чьей манере пытался подражать, делал содержательные интервью с европейскими знаменитостями и был славен сборниками публицистических зарисовок. Он написал книгу о находящемся в изгнании в Голландии кайзере Вильгельме, первым сумев взять у него интервью. Среди его друзей и корреспондентов были советник президента Вильсона полковник Хауз и Зигмунд Фрейд: кстати, сам Вирек много сделал для популяризации учения последнего в Соединенных Штатах.

Однако скандальную славу Виреку принес тот факт, что он был главным пропагандистом Германии в Соединенных Штатах, его можно было без всякой натяжки назвать представителем прогерманской «пятой колонны» в Америке. Причем он боролся за дело Германии в канун обеих мировых войн – во время Первой редактировал журнал “Fatherland”, в котором обосновывал политику кайзера, а в период Второй сотрудничал с целым рядом влиятельных американских политиков, включая конгрессменов и сенаторов, писал им речи, давал советы, как избежать вступления Америки в войну против Гитлера. За деяния, связанные с защитой германского Рейха, Вирек был осужден в 1942 году на несколько лет: тюрьму он смог покинуть только после войны – в 1947 году.

Эта огромная биография оставляет впечатление большой загадки: как, из каких идейных источников произрастала германофилия американского декадента, поклонника Оскара Уайльда? Конечно, Вирек был немцем по происхождению и даже, по одной из легенд, потомком кайзера Вильгельма I и кузеном его сына, последнего монарха из рода Гогенцоллернов. Это, конечно, сыграло важную роль в жизни Вирека.

Но, с другой стороны, он ни по каким причинам не должен был сочувствовать нацистам: он не был антисемитом, скорее наоборот; его декадентские вкусы не очень соответствовали тоталитарной эстетике Третьего рейха. Тем не менее он оказался среди тех, кто с заметным сочувствием относился к становлению нацистского режима в Германии и предпринимал все усилия, чтобы не дать Америке встать на путь войны с гитлеровским режимом.

В этой борьбе против европейской войны Вирек не был одинок, его окружали, с ним взаимодействовали, у него просили финансовой помощи и консультации люди, которых сейчас принято называть изоляционистами. Вирек сам своей старой статьей подарил им лозунг “America First” – «Америка прежде всего».

Несколько глав книги Молодякова, посвященных сотрудничеству Вирека с изоляционистами эпохи Второй мировой, представляют собой, может быть, наиболее ценный на русском языке источник сведений об этом интересном и актуальном для нашего времени движении. О нем я и хочу рассказать в этой статье, используя в качестве подспорья сведения из книги профессора Молодякова, который в описании всей этой истории сух, взвешен и объективен. Он не отрицает сотрудничества части американских антиинтервенционистов с тем человеком, кого можно было бы назвать платным пропагандистом Третьего рейха, представителем его «пятой колонны» в США, однако не переносит этого обвинения – делавшегося уже в 1940-х годах и неоднократно повторявшегося в последующее время – на всех противников вступления Америки во Вторую мировую. Что было, то было, чего мы не знаем, того не знаем. Эта объективность делает исследование Молодякова особенно полезным, а при условии дефицита серьезного и актуального американоведческого материала – поистине бесценным для нашего понимания американской идеологической жизни. Поэтому прежде чем приступить к рассказу об «Америке прежде всего», происхождении и нынешнем звучании этого лозунга, позволю еще раз рекомендовать эту книгу для чтения.

* * *

Лидер республиканских праймериз Дональд Трамп, отвечая на вопрос журналистов “New York Times”, заявил, что его взгляды можно назвать «антиинтервенционистскими», и ему симпатичен принцип «Америка прежде всего». В самом факте упоминания этого словосочетания много символического. Трудно понять, как Трамп мог решиться на такое? Из разных концов политического спектра, справа и слева, миллиардера клянут как фашиста, расиста, националиста, в нем видят Гитлера, Муссолини, будущего диктатора. Его внешнеполитические взгляды встречают жесткую оценку со стороны неоконсерваторов, которые всегда во всех своих оппонентах усматривают если не прямо нацистов и антисемитов, то их «умиротворителей», потенциальных Чемберленов или Петенов.

И вот Трамп неожиданно произносит слова, которые не могли не быть использованы его врагами, не устающими травить его самым неприятным образом.

Чем же славно выражение “America First”?

Так назывался знаменитый комитет, лоббистская группа, созданная в сентябре 1940 года, за пятнадцать месяцев до нападения Японии на Пёрл-Харбор в целях недопущения вовлечения Соединенных Штатов в войну против Германии. Да, в первую очередь против Германии на стороне Великобритании, поскольку на счет Японии в Комитете имелись разные точки зрения. Многие опасались Империи Восходящего Солнца и видели в ней реальную угрозу. Комитет возглавили два человека – руководитель студенческой пацифистской организации Дуглас Стюарт и генерал Роберт Вуд, председатель чикагской компании “Sears, Roebuck and Co”.

К организации присоединились многие заметные политические и общественные деятели разных направлений – от левых, типа журналиста Джона Флинна, бывших «прогрессистов», сторонников Тедди Рузвельта, включая его собственных сыновей, до отдельных республиканцев-консерваторов. В Комитет был, однако, закрыт вход коммунистам и нацистам.

В 1940 году, еще до создания Комитета, во время президентской избирательной кампании «антиинтервенционисты» надеялись, что смогут выдвинуть своего человека в кандидаты от Республиканской партии, им предположительно должны были стать сенатор от штата Огайо Роберт Альфонсо Тафт, сын экс-президента Уильяма Тафта, или же прокурор Манхэттена Томас Дьюи. Однако совершенно неожиданно номинацию выиграл выдвинутый истеблишментом партии, но до тех пор мало кому известный адвокат из Нью-Йорка, уроженец Индианы, Уэнделл Уилки, активный интервенционист и противник Германии. Уилки еще год назад являлся сторонником другой партии, и само его выдвижение на съезде в Филадельфии выглядело скандально и позорно для республиканцев. Те из них, кто не были готовы поддержать Уилки именно как интервенциониста, и составили ядро Комитета “America First”, который возник спустя два с лишним месяца после съезда в Филадельфии.

Уилки закономерно проиграл выборы Рузвельту, однако антиинтервенционисты не прекратили борьбу, перенесли ее в Конгресс. Здесь они неудачно попытались заблокировать закон о ленд-лизе, предоставлявший военную помощь странам, воевавшим с Гитлером, а потом инициировали расследование тайного влияния британской разведки и пробританского лобби на Голливуд. Впрочем, им не удалось ни остановить поставки по ленд-лизу, ни разобраться с Голливудом. А главный успех в плане публичной политики обернулся самым крупным и фатальным для их репутации скандалом. В 1941 году в Комитет вступил знаменитый пилот Чарльз Линдберг, который в 1927 году совершил одиночный беспосадочный перелет из Нью-Йорка в Париж. Линдберг был для американцев примерно такой же культовой фигурой, какой в СССР 1930-х был Валерий Чкалов. Члены Комитета очень рассчитывали в своей борьбе на его

популярность и страстную готовность бороться против интервенционистов в окружении президента Рузвельта.

Рузвельт, судя по всему, сам опасался популярности героя Америки, «одинокого орла», как его называли поклонники. После неудачной попытки взять Линдберга в свою администрацию Рузвельт несколько раз нелестно отозвался о политических взглядах Линдберга, назвал его «нацистом». Летчику припомнили получение в 1938 году награды из рук Геринга за вклад в развитие авиации. Линдберг попытался ответить целым рядом публичных выступлений, самым шумевшим из которых стала его речь 11 сентября 1941 года в Де-Мойне, штат Айова, с обличением, как бы мы сказали, «темных сил», стоящих за спиной президента и толкающих его в смертоубийственную европейскую войну. В числе этих «темных сил» помимо привычных для Комитета «англичан» прямо назывались «евреи»: Линдберг был немедленно обвинен в антисемитизме, и его левым соратникам, например, руководителю нью-йоркского отделения Комитета Джону Флинну, пришлось отмежевываться от заявлений героя. Вскоре, однако, последовал Пёрл-Харбор, и правление «America First» поддержало вооруженный отпор Японии, после чего сам Комитет был распущен.

Комитет прекратил свое существование, изрядно подмочив, однако, репутацию всему американскому «антиинтервенционизму» и особенно выражению «Америка прежде всего». Политический мейнстрим все более отдалялся от так называемого изоляционизма, но последний тем не менее упорно не желал сходить с политической сцены. Главным спикером этого течения в самом начале холодной войны стал сенатор Роберт Тафт, который прежде не входил в «America First», но сочувствовал его идеям. Опять же вплоть до нападения Японии на Пёрл-Харбор.

В отличие от многих других «антиинтервенционистов» и членов Комитета, которые в большинстве своем были левыми и «прогрессистами» и считали, что корень всех зол – это Морганы, Рокфеллеры и прочие толстосумы, желающие нажиться на войне, Тафт был именно консерватором: опасность для мира виделась ему не в большом бизнесе, но в большом государстве. Тафт полагал, что Новый курс Рузвельта с его усилением роли государства в области экономики делал неизбежным вовлечение США в разного рода военные предприятия, не нужные для обеспечения безопасности страны, но весьма выгодные для поддержания кредитоспособности государства. Тафт стал родоначальником особого течения американского консерватизма – его сторонники впоследствии, после 1960-х годов, стали называть себя «старыми правыми» («the old right»), отличая себя от «новых правых» школы Уильяма Бакли-мл.

Издатель журнала «The National Review» Уильям Бакли в начале 1960-х создал новое правое течение, объединив под эгидой «консерватизма» жестких антикоммунистов, умеренных противников десегрегации, религиозных правых и борцов с большими налогами. Важным знаменателем этого нового синтеза стала поддержка политики «сдерживания» в целом и войны во Вьетнаме в частности. С этого момента американский консерватизм перестал ассоциироваться с «изоляционизмом». В отличие от сторонников Бакли, «старые правые» во главе с Тафтом продолжали и во время холодной войны занимать антивоенные позиции, критикуя и участие США в Корейской войне, и создание Североатлантического блока. Девиз «Америка прежде всего» продолжал оставаться их лозунгом, и этот лозунг сохранял удивительным образом свой «антивоенный подтекст».

Тафт, однако, проиграл номинацию и в 1948-м, и в 1952 году, когда в Белый дом после почти двадцатилетнего перерыва наконец попал республиканец – представитель умеренного крыла этой партии Дуайт Эйзенхауэр.

* * *

Дойдя до этого пункта, я прекращаю цитировать без кавычек книгу Василия Молодякова, который ограничивает свое изложение истории американского антиинтервенционизма 1962 годом – годом смерти его героя Вирека, – и перехожу к тому, что знаю из других источников.

После ухода Эйзенхауэра и проигрыша его вице Ричарда Никсона на выборах 1960 года консервативное движение было создано Бакли фактически заново и на совершенно новых основаниях. В 1964 году ему удалось провести своего ставленника, сенатора от штата Аризона Барри Голдуотера, в кандидаты в президенты США от Республиканской партии. Голдуотер выиграл номинацию, оттеснив миллиардера Нельсона Рокфеллера, но с треском проиграл выборы президенту-демократу Линдону Джонсону. И все же консерватизм школы Бакли смог взять реванш в 1980 году, когда в Белый дом прорвался новый политический руководитель движения – Рональд Рейган.

«Изоляционизм» на продолжительное время стал почти бранным словом для американской политики. Однако с концом холодной войны и распадом Советского Союза идеи антиинтервенционизма и вместе с ним лозунги «старых правых», включая «Америку прежде всего», постепенно оживали. Главным идеологом этого течения стал бывший спичрайтер Ричарда Никсона и помощник Рональда Рейгана Патрик Бьюкенен, верующий католик и жесткий социальный консерватор, противник дехристианизации общества, миграционной свободы и экономической глобализации. Иными словами, изоляционист не только в военном и внешнеполитическом, но и в культурном отношении. Или, как стало принято выражаться с конца 1980-х, «палеоконсерватор».

Тут не следует путать два отличающихся по своему объему и содержанию понятия: «старые правые» – это не только «палеоконсерваторы» в духе Бьюкенена, но и «палеолибертарианцы» – последователи философа и экономиста Мюррея Ротбардта. Либертарианцы, которые уже теперь редко добавляют приставку «палео», тоже настроены против Нового курса и Большого государства, тоже не хотят военных приключений в Старом Свете, однако зачастую ничего не имеют против секулярных послаблений и свободного движения людей и капиталов.

Патрик Бьюкенен – политик скорее из круга «новых правых» – тем не менее в 1992 году выбросил знамя «Америка прежде всего» и объединил вокруг себя разнообразные осколки «старых правых». Он стал как бы «Бакли наоборот». Флагманом его нового или, точнее, хорошо забытого «старого» течения стал журнал «The American Conservative», который Бьюкенен основал в 2002 году вместе с бизнесменом греческого происхождения Таки Теодоракисом и публицистом Скоттом Макконнеллом, скорее умеренным либералом антиинтервенционистского толка, чем собственно консерватором.

Бьюкенен и его соратники считали, что после краха коммунизма следует отказаться от политики «сдерживания» и вернуться к внешнеполитической программе «старых правых», то есть именно к «Америке прежде всего». США нужно прекратить играть роль «мирового полицейского» и заняться укреплением своей экономической базы и защитой своего этнокультурного ядра от наплыва мигрантов со всего света. Палеолибертарианцы хотя и не разделяли социального консерватизма будущего автора «Смерти Запада», были настолько враждебны империализму всех пострейгановских администраций, что оказались готовы примкнуть к коалиции Бьюкенена.

Бьюкенен, как и другие «старые правые», не опасался принять наследство Роберта Тафта целиком, включая и его самый спорный компонент – «изоляционизм» кануна Второй мировой войны. В 2009 году Бьюкенен даже издал книгу под названием «Черчилль, Гитлер и война, которая не была необходима:

как Британия потеряла свою империю, а Запад потерял весь мир» [3], в которой он доказывал, что войну против Гитлера не следовало начинать не только Соединенным Штатам, но и Великобритании с Францией в 1939 году. Если бы Чемберлен не объявил войну нацистам, а Черчилль не начал активные военные действия в Скандинавии, Гитлер ограничился бы реализацией своей националистической программы, и каким бы отвратительным ни был его режим (а Бьюкенен, надо признать, не жалеет красок в описании гнусностей гитлеризма), не будучи спровоцированным Англией, его лидер не рискнул бы пойти ни на оккупацию Франции и Скандинавии, ни тем более на тотальное истребление евреев в Европе. Книга Бьюкенена вызвала раскол в антиинтервенционистском движении: Макконнелл и умеренное крыло авторов «Американского консерватора», примыкающее скорее к реалистам, чем к «старым правым», сочло ее бестактной – не только по отношению к евреям, но и к Польше, Франции, наконец, к России. Однако большая часть «старых правых», в общем, была готова распространить принципы антиинтервенционизма на период, предшествующий Второй мировой.

Бьюкенен не выиграл номинацию в своей партии ни в 1992, ни в 1996, ни в 2000 году. Не так много ему дало и выдвижение в 2000 году в президенты от Партии реформ. Но, кажется, к 2016 году неоконсерваторы, свившие гнездо в Республиканской партии и консервативном движении, с их агрессивной внешнеполитической повесткой успели настолько напугать избирателей бесконечной серией бессмысленных авантур, что республиканцы оказались способны потянуться в большинстве своем к человеку, способному произнести вслух запретные ранее слова «Америка прежде всего». Возникло ощущение, что река истории потекла вспять, и теперь «старые правые» могут считаться вполне «новыми», а «новые» воспринимаются безнадежно устаревшими.

Тем не менее, чем бы ни кончилась политически данная «рокировка», для России возникает непростой вопрос – как относиться к тому обстоятельству, что наиболее близкое нашей стране идеологическое течение в отношении нашего общего прошлого занимает позиции, которые большинству граждан России было бы весьма трудно принять. Причем главные спикеры этого течения явно не желают поступаться принципами и продолжают настаивать на правоте своих предшественников в 1939–1941 годах, когда те препятствовали не только войне США с гитлеровской Германией, но и поставкам по Ленд-лизу. В том числе и помощи истекавшему кровью Советскому Союзу.

Возникает некая контрверза, которую оказывается очень и очень сложно разрешить. Как российским консерваторам относиться к этим историческим противоречиям? Не обращать внимания на то обстоятельство, что американский изоляционизм в прошлом отнюдь не мог считаться союзником нашей страны? Игнорировать то обстоятельство, что в восприятии одного из самых чувствительных моментов прошлого мы расходимся столь кардинально? Или, напротив, занять жесткую позицию и сказать, что всякое тактическое сходство по вопросам сегодняшнего дня не затемняет для нас принципиальное несогласие в отношении священной для нас страницы истории?

Понятно, что за этим вопросом непосредственно встает и другой – во всем ли прав американский изоляционизм? Всегда ли нужно отстраняться от военного столкновения в том случае, если любой его исход непосредственно не угрожает твоим интересам? Если мы ответим положительно на этот вопрос, то будем вынуждены признать правоту тех, кто требовал от Америки, чтобы она равнодушно наблюдала за германским блицкригом в Европе, не помогая ни нам, ни британцам. Если ответим отрицательно, неожиданно можем оказаться в компании тех ораторов, для кого американская миссия Свободы состоит в том числе и в борьбе против нашего Отечества.

Думаю, нам требуется принципиальная дискуссия с представителями «старой правой», требуется оговорить, какой изоляционизм нам кажется приемлемым и оправданным, и даже необходимым, а какой и в самом деле выглядит аморально? Дискуссия о параметрах и рамках изоляционизма, может быть, и в самом деле то, что сейчас так требуется представителям консервативных течений России и Соединенных Штатов. Без выяснения всех вопросов о прошлом нам будет трудно перейти к конструктивному разговору о настоящем и тем более к планам на будущее. И вот в этом только намечающемся разговоре такие исследования, как монография Василия Молодякова, имеют огромное значение. Из нее мы впервые можем узнать о той политической культуре, которая породила такое странное явление, как американский изоляционизм. Кстати, Молодяков обнаружил, что само это выражение «Америка прежде всего» своей популярностью обязано в том числе и Виреку. Статью с таким названием Вирек поместил в декабре 1915 года в редактируемом им прогерманском журнале «Fatherland».

Так что среди всего, что подарила американской культуре Германия, имеется и этот подарок. И, может быть, есть что-то символическое в том, что потомок эмигрантов из Германии Дональд Трамп повторил выражение, введенное в оборот еще в 1915 году другим этническим немцем – именно для того, чтобы предотвратить столкновение его новой Родины с Отечеством его предков. Возможно, для дружбы российского консерватизма с консерватизмом американским нужны какие-то иные слова, и нам еще только предстоит их обнаружить.

Литература

1. Молодяков В.Э. Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь. 1884–1962. М.: Кругъ, 2015.
2. Молодяков В.Э. Риббентроп. Упрямый советник фюрера. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.
3. *Buchanan P. Churchill, Hitler, and The Unnecessary War: How Britain Lost Its Empire and the West Lost the World.* N.Y.: Crown Forum, 2009.

Аннотация. Статья Бориса Межуева начинается с краткой рецензии на вышедшую в 2015 году в Москве книгу историка Василия Молодякова «Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь. 1884–1962», в которой рассказывается об известном писателе и журналисте, пропагандисте Германии в США в период, предшествующий обеим мировым войнам. Автор статьи обращает особое внимание на взаимодействие Вирека с представителями американского антиинтервенционизма, идейного течения, имевшего особую и сложную судьбу в XX веке. Сегодня представители этого течения могут считаться союзниками России, но память о Второй мировой существенно осложняет наш союз. Поэтому книга Молодякова представляет существенную ценность как повод начать дискуссию о тех людях, для которых вчера и сегодня «Америка прежде всего».

Ключевые слова: изоляционизм, антиинтервенционизм, Вирек, палеоконсерватизм, старые правые.

Boris Mezhuev, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, History of Russian Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, Chairman, Editorial Board, "Russian Idea" Internet site. E-mail: borismezhuev@yandex.ru

“America First” and the decadent from “the fifth column”

Abstract. The article by Boris Mezhuev begins with the brief review on the book by historian Vassily Molodyakov “George Sylvester Vireck: more than one life. 1884–1962” that was published last year in Moscow. The book tells us about a prominent writer and journalist who worked as a propagandist of Germany in the United States before the World Wars. The author of the article pays special attention to the collaboration of Vireck with the members of the America First movement, or American anti-interventionism which had a complicated history in the 20th century. Now the spokesmen of this movement can be seen as Russian allies, but the memory of the World War II seriously complicates our alliance. Due to this Molodyakov’s book is a valuable occasion for us to start a discussion of the people in the US who now and before stand for “America First”.

Keywords: Isolationsm, Anti-Interventionism, Vireck, Paleo-Conservatism, the Old Right.

Информационно-коммуникативные технологии американских консерваторов в президентской кампании 2016 года

Несмотря на то что до выборов еще многие-многие месяцы, букмекерские конторы принимают ставки на их результат. В ожидании выборов букмекеры Paddy Power приняли уже более 5 тыс. ставок. Букмекерская контора William Hill принимает ставки и на то, из какой партии будет будущий президент. Победа кандидата-демократа оценивается с коэффициентом 1,80, а представителя Республиканской партии – 2,00¹. Обнадеживающие новости демократы получили и от Moody's Analytics, которое правильно предсказало итоги всех президентских гонок после победы Рональда Рейгана в 1980 году. В августе 2015 года Moody's Analytics дало прогноз на будущий год, из которого следовало, что следующим президентом станет демократ. Однако не стоит ожидать персонификации, поскольку модель, которую использует Moody's фокусируется не на отдельных кандидатах, а на партиях, побеждающих в том или ином штате.

На американские планшеты и смартфоны все чаще устанавливаются приложения «Выборы-2016» (Election-2016, FrontRunner-2016 Presidential Election Poll Tracker, Fox News 2016 Election; all Politics: 2016 US Presidential Election News, Polls & Results и др.), позволяющие в режиме реального времени получать новости от лучших агентств, фиксирующих каждый шаг кандидатов от двух партий, подключаться к веб-сервисам, позволяющим отслеживать рейтинги, составляемые на основе различных данных и опросов².

Поисковый робот Google на момент написания статьи полагал, что следующим президентом США станет Хиллари Клинтон, о чем сообщал The Next Web.

На англоязычный запрос “Who will be the next president?” («Кто будет следующим президентом?») Google выдавал ответ – Hillary Clinton. К тому же ответу приводили и другие формулировки этого вопроса. Нисколько не удивился бы основатель Wikileaks Джулиан Ассанж, который в декабре 2014 года высказал предположение, что Google будет играть значительную роль во время выборов 2016 года и что ставка будет делаться на Хиллари Клинтон. Поскольку около 80% своей выручки Google зарабатывает, собирая информацию о людях, сводя воедино, храня и индексируя ее, создавая профили пользователей, чтобы пред-

¹ URL: <http://sports.williamhill.com/bet/ru/betting/g/1358714/Republican-Presidential-Nominee.html>

² 2016 Republican Presidential Nomination. URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/us/2016_republican_presidential_nomination-3823.html

сказывать их поведение, компания имеет возможность продавать эти профили не только рекламодателям, но и другим заинтересованным сторонам, – заявил Ассанж в своей книге “When Google Met WikiLeaks” («Когда Google встретилась с WikiLeaks»).

Роберт Эпштейн, старший психолог Института исследований поведения и технологий (American Institute for Behavioral Research and Technology), вместе с коллегами тоже пришел к выводу, что Google способен значительно повлиять на результат выборов в следующем году, назвав эту возможность воздействовать на умы и сознание избирателей «манипуляционным эффектом поисковика» (SEME)¹. В результате пяти экспериментов, проведенных в двух странах, они пришли к выводу, что манипуляции с результатами поисков сильно влияют на выбор избирателей, еще не определившихся, за кого им следует голосовать. А учитывая тот факт, что в большинстве случаев разрыв между соперниками незначителен, поисковая система Google может оказаться решающим фактором в победе одного из них².

Демократы во главе с Бараклом Обамой в последних двух избирательных кампаниях продемонстрировали не только свое доверие к высоким технологиям, но и с выгодой использовали их для достижения лидерства. Однако, готовясь к грядущей битве, и республиканцы используют ИТ-индустрию, причем во всех отношениях – как источник финансирования и как полезный для политики технологический ресурс. Рэнд Пол анонсировал свое решение баллотироваться на пост главы государства через YouTube, а Тед Круз – через Twitter, оба они первыми получили от группы поддержки мобильное персонализированное приложение³. Подобное приложение подготовлено и для Дональда Трампа⁴.

Быть политиком, далеким от «интернетов» (этим мемом мы обязаны Дж. Бушу-мл.), сейчас моветон – непростительный грех для кандидата не использовать такой ресурс. Когда Билл Клинтон спросил Джорджа Буша-мл., почему его нет в Twitter’е, тот мгновенно ответил через другой социальный сервис, переспросив, а почему он не видит его в Instagram’е? Оба бывших хозяева Белого дома понимают значение социальных медиа, и поскольку у одного жена – Хиллари – выдвигается в президенты, а у другого – брат (Джеб), оба перенесли часть своей активности в различные сегменты Интернета, где находят новых сторонников и преодолевают противников.

У республиканцев нет возможности использовать в избирательной кампании «административный ресурс», зато отработана система привлечения волонтеров, миллионов добровольцев. Одни работают за идею, другие – за символическое вознаграждение, бонусы. При таком массиве помощников требуется удобная и высокотехнологичная информационная среда. Добровольцы являются ключевым активом кампании, и кандидату необходимы системы координации армией помощников. Первая попытка была предпринята в 2012 году, когда Ромни решил использовать веб-приложение, позволяющее на основе сообщений получать представление о положении дел на избирательных участках в режиме реального времени. Прежде было принято сидеть с бумагой и отмечать людей, которые явились, затем подавать списки в штабквартиру, после выходить на тех, кто еще не проголосовал, призывая их сде-

¹ The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections. URL: // <http://www.pnas.org/content/112/33/E4512.abstract>

² How Google Could Rig the 2016 Election. URL: http://www.politico.com/magazine/story/2015/08/how-google-could-rig-the-2016-election-121548_Page2.html#.Vh1furz-pBy

³ Ted Cruz 2016. URL: <https://itunes.apple.com/us/app/ted-cruz-2016/id1002926149?mt=8>; Rand Paul 2016. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.cando.randapp>

⁴ Trump 2016. URL: <https://itunes.apple.com/us/app/trump-2016/id1022753360?mt=8>

лать выбор. В 2012 году этот процесс решено было модернизировать, для чего разработали программу Orca. Она включала в себя систему обмена сообщениями и показывала контакты всех, доступных в регионе, благодаря чему собиралась информация по разным штатам относительно того, какие категории избирателей остались неохваченными, чтобы при помощи волонтеров попробовать воздействовать на них, убедить выйти на голосование. Однако без предварительного тестирования в день выборов приложение дало сбой. Более того, момент всплеска объема трафика был ошибочно истолкован как атака на сервис, последовала блокировка работы, и дорогостоящая разработка оказалась в нужный момент бесполезной.

Команда Обамы одержала тогда не только политическую, но и технологическую победу, активно используя инновационные технологии, показав преимущество новых методов ведения борьбы. Важными игроками оказались не только политики, но и программисты, аналитики, специалисты по обработке данных и т.п. Команда ИТ-специалистов Обамы с 2008 года наблюдала за поведением миллионов людей, чтобы повлиять на их сознание в день голосования в 2012 году. И помогло в этом, среди прочего, использование баз данных. По аналогии с метафорами «большая нефть», «большая руда», с 2008 года в науке вводится термин «Big Data», а вскоре – появляются продукты, относящиеся к проблеме обработки больших данных, и большинство крупнейших поставщиков информационных технологий, такие как IBM, Microsoft, Hewlett-Packard, Oracle, EMC, не только используют новые приемы в своих деловых стратегиях, но и предлагают решения для политической сферы. Анализ больших объемов информации сыграл значительную роль в победе Барака Обамы в 2012 году, когда его штаб активно занимался исследованием поведения избирателей и смог разработать наиболее адекватную программу с учетом сиюминутных установок сознания граждан¹.

Для республиканцев доступно I-360 – хранилище данных от братьев Кох (Koch Industries)². Здесь хранятся и обрабатываются гигантские объемы разнородной информации. Чарльз и Дэвид Кох, традиционные мега-доноры консерваторов, за последние четыре года вложили 50 млн долл. в разработку своей платформы, формирующей профили 250 млн американских избирателей. Для этого собирается информация об используемых клиентом социальных сетях и сервисах, уровне его дохода, адресе проживания, предпочитаемых телепередачах и марках автомобилей. Имеющие доступ к I-360 знают практически всё о своем клиенте и его поведении и, вооружившись этими данными, в состоянии разрабатывать продукты и маркетинговые кампании, наблюдать за действиями конкурентов, предлагая конкретному потребителю необходимый именно ему продукт. Эти же данные оказываются не менее ценными для политиков, и братья Кох дают им такую возможность, открывая доступ к I-360, заодно с каждой кампанией получая для себя новые данные, тестируя новые наработки в аналитике. Однако в нынешней избирательной кампании для эффективного управления добровольцами, сотрудниками и избирателями республиканцам предложена новая, не зависящая от Koch Industries, программная платформа Republic VX.

Республиканская партия традиционно проигрывала демократам в подборе кадров, способных создавать высокотехнологичные решения для ведения избирательных кампаний, однако теперь она намерена кардинально исправить ситуацию. Еще в феврале 2014 года Национальный комитет республиканцев заявил о создании Para Bellum Labs, которую возглавил Азария Реда, инженер со степенью Ph.D.

¹ Пример использования данных см.: Inside the Secret World of the Data Crunchers Who Helped Obama Win. URL: <http://swampland.time.com/2012/11/07/inside-the-secret-world-of-quants-and-data-crunchers-who-helped-obama-win/>

² <http://i-360.com>

в области компьютерных наук, полученной им в Мичиганском университете, назначенный главным директором по технологиям. В переводе с латинского *Para Bellum* означает «готовься к войне», в данном случае, с демократами. Перед новой лабораторией была поставлена задача разработать новое поколение программных средств, базы данных, чтобы оперативно формировать общественное мнение, воздействовать на избирателей и спонсоров. А в августе 2015 года Republic Computer Science, высокотехнологичный стартап в Виргинии, представил новую программную платформу Republic VX, разработанную под руководством Азари Редда. Эта платформа, интегрированная с облачной инфраструктурой от Amazon Web Services, является многопользовательской, то есть доступной для всех кандидатов от партии, но обеспечивающей им изоляцию данных от конкурентов посредством предоставления выделенного сегмента в общей базе данных¹. Но самое главное впереди – наполнение пустых форм тематическим контентом.

И так везде – за что бы республиканцы ни взялись, везде им приходится делать по аналогии, «догонять Обаму», осваивать то, что уже было успешно применено четырьмя, а то и восемью годами ранее.

В своей избирательной кампании Обама сделал ставку на информационные технологии, представ перед американцами политиком, который понимает все, что предлагают ему технические специалисты. Внедрение Обамы в web-культуру оказалось масштабным, и все его реальные или мнимые политические добродетели были представлены в виртуальной среде в максимально возможной вариативности. Статичные и динамичные образы кандидата в президенты США, его слова (устные и печатные) проникали во все значимые социальные сети самой разной тематической направленности, так что суммарная аудитория насчитывала сотни миллионов, в том числе за рубежом. Спустя несколько дней после избрания Обамы президентом Арианна Хаффингтон, редактор блога The Huffington Post, во время выступления на панели Web 2.0 Summit в Сан-Франциско заявила, что если бы не Интернет, то Барак Обама не стал бы и кандидатом². Теперь же его достижения в области интеграции ИТ в политику должны повторить не только республиканцы, но и демократы.

Если в 2008 году, по данным Pew Internet & American Life Project, в общей сложности лишь 46% взрослого населения пользовались Интернетом в политических целях в ходе выборов (19% американцев выходило в сеть раз в неделю, чтобы сделать что-то, связанное с президентской кампанией, 6% использовали Интернет для участия в политической жизни страны ежедневно), то в 2012 году уже 72% взрослого населения участвовали по меньшей мере в одном виде политической активности в Сети, более 17% размещали там ссылки политического содержания, а 12% подружился с кандидатом в президенты США в Facebook или вошли в соответствующую группу в социальных сетях³. Учитывая масштабы распространения Интернета в Штатах (в 2015 году – более 90% населения), разнообразные интернет-ресурсы стали действенным политическим инструментом.

Согласно результатам аудита, проведенного Online Trust Alliance (OTA), куда входят компании Cisco, PayPal, Zynga, Symantec и др., 74% web-сайтов кандидатов в президенты США оказались ненадежными⁴. Тест не прошли 23 ресурса из 27 проверенных, 17 сайтов специалисты посчитали ненадежными в связи

¹ <http://republic.gop/>

² Wired Magazine. The Reason for the Obama Victory: It's the Internet, Stupid. URL: <http://www.wired.com/epicenter/2008/11/the-obama-victo/>

³ Civic Engagement in the Digital Age. URL: <http://www.pewinternet.org/Reports/2013/Civic-Engagement.aspx>

⁴ 2016 Presidential Candidate's Site Trust Audit Released Sept 18, 2015 (PDF). URL: <https://otalliance.org/2016-presidential-candidates-online-trust-audit>

с неудовлетворительной реализацией политики конфиденциальности, поскольку важные данные посетителей находились в открытом доступе. Среди ресурсов, проваливших проверку на безопасность, оказались сайты Хиллари Клинтон, Карли Фиорины, Дональда Трампа, Рэнда Пола и Марко Рубио, а также демократа Лоуренса Лессига. А наиболее защищенный сайт оказался у Джеба Буша.

Ответственным за технологии в предвыборном штабе Буш назначил Итана Чахора (Ethan Czahor), сооснователя Hipster.com. Очень скоро его техно-гуру был уличен в том, что удалил несколько десятков сообщений в своем Twitter'е. В основном это были высказывания периода 2009–2010 годов, где он употреблял слово «шлюха» по отношению к женщинам, «гомофобно» выражался, без пиетета говорил о Мартине Лютере Кинге. Поскольку такого рода суждения воспринимаются как политически некорректные, поднялся шум, и Чахору пришлось оставить свой пост¹.

Политику, в свете этой истории, особое внимание следует обратить на любимое среди американских подростков мобильное приложение для обмена сообщениями – SnapChat, в котором весь контент (текст, фото и видео) навсегда исчезают через несколько секунд после получения. В основе SnapChat – принцип, прямо противоположный тому, что мы находим во всех социальных сетях, привлекающих пользователей сохранением контента, он предлагает «сервис исчезающих сообщений», гарантируя уничтожение предъявленной сообществу информации. Используя это «антисоциальное» приложение, пользователь задает лимит времени в течение которого смогут просматривать его snap (от 1 до 10 секунд), исчезающий потом с устройства получателя.

Стоит отметить, что SnapChat открыл вакансию «контент-аналитик, политика и новости» для работы во время президентской кампании 2016 года и нанял Роба Салитермана (Rob Saliterman), бывшего руководителя отдела продаж политической рекламы в Google. Его задачей будет формирование информационного образа избирательной кампании на основе различных типов контента. SnapChat будет создавать «историю» по важнейшим событиям, таким как дебаты, съезды партий, и этот сервис уже рассматривается как перспективный элемент в технологическом ассортименте современных политических игр².

15 июня 2015 года CNN объявило, что Джеб Буш приступит к использованию этого сервиса, особенно ценного для тех, кто работает в условиях всё помнящего веба, где вы постоянно вынуждены оглядываться на общественное мнение и просчитывать последствия своих поступков и слов. «Сетевая репутация», или «е-репутация», – сравнительно новое понятие, возникшее благодаря качественным изменениям, которые произошли за последние годы в обществе под влиянием Всемирной сети³.

¹ Зато вскоре благодаря ему появилось приложение Clear для iOS, позволяющее подключаться к аккаунтам пользователя в социальных сетях и искать комментарии, содержащие нецензурные слова и вообще всё на тему расы и сексуальной ориентации. После завершения поиска пользователь получает результат в процентах, насколько он «чист» в восприятии политически корректной публики. При обнаружении неправильных суждений соответствующие сообщения могут быть удалены, чтобы сделать профиль пользователя благоприятным для «друзей», политических партнеров или работодателей. Так создается портрет, не соответствующий действительности, но необходимый политикам: говорится не то, о чем думают, а что предписано общественным мнением.

² Jonathan Mahlermay. Campaign Coverage via SnapChat Could Shake Up the 2016 Elections (NYTimes.com); Issie Lapowsky. Snapchat's Weird New Political Ad Is Evil Genius (Wired); Role of technology in 2016 race for the White House (FOX News).

³ Сам термин E-reputation появился не позднее 2000 года, но окончательно вошел в обиход в 2006 году: *Fillias E., Villeneuve A. E-réputation. Stratégies d'influence sur Internet. Paris: Ellipses, 2013. 2e éd.*

Во второй половине декабря 2014 года, еще не объявив о выдвижении в кандидаты, Джеб Буш распорядился открыть свой губернаторский архив и выложить для публики всю личную электронную переписку в полном объеме за восемь лет на посту губернатора (1999–2007), демонстрируя, что ему нечего скрывать от граждан и конкурентов. Примечательно, что его соперница Хиллари Клинтон была уличена в незаконной скрытности, поскольку, будучи госсекретарем, использовала для переписки свой частный электронный адрес, и потому правительство не имело возможности автоматически архивировать сообщения. И хотя Клинтон утверждала, что вся информация, имеющая отношение к работе, передавалась в архив, оставалось лишь поверить ей на слово, в то время как ее переписка с личного адреса, хранившаяся на сервере, размещенном дома, стала добычей хакеров.

Джеб Буш, решив продемонстрировать совершенную «прозрачность», разместил на своем сайте служебную переписку, среди прочих сообщений выставив и те, что содержали конфиденциальную информацию – номера мобильных и домашних телефонов, адреса, номера социального страхования, имена отправителей электронной почты. Вследствие этого глава компании по защите персональных данных Identity Finder Тодд Файнмэн заметил, что теперь более десятка тысяч лиц могут стать жертвами мошенничества и различного рода атак.

В предвыборной гонке Джеб Буш решил использовать несколько социальных платформ, прежде всего Facebook и Twitter, причем стал выкладывать видео не только на английском, но и на испанском языке. Как только он сообщил о своем решении принять участие в борьбе за президентский пост, то получил 5700 ретвитов, что сразу же было учтено наблюдателями. Соответствующий статус в Facebook получил 1000 републикаций и 3000 «лайков», далее их число возрастало, и все параметры также фиксировались наблюдателями с обеих сторон. Со страниц того же Facebook'a он стал препираться с Баракком Обамой. Но, несмотря на все старания, Буш на тот момент едва набрал 131 500 «лайков», в то время как Рэнд Пол имел на своем аккаунте 1,8 млн, Тед Круз – 1,08 млн, Рик Пэрри – 1,1 млн, да и прочие консерваторы превзошли его по этим показателям «сетевой любви».

Демонстрируя свою технологичность, Джеб Буш, чтобы посетить работников стартапа Thumbtack, соединяющего через Интернет граждан и поставщиков бытовых услуг, воспользовался сервисом Uber, а обсуждая, точнее, осуждая реформу здравоохранения Обамы (Obamacare), он указывал на часы от «Эппл» (Apple Watch), которые вскоре должны решить все проблемы по контролю за организмом и достижению здоровья.

В декабре 2014 году Instagram сообщил, что ежедневно его сервисом пользуется 300 млн человек, и потому Джеб Буш не мог не обратиться к этому ресурсу, где стал размещать свои фотографии, довольно скучные, не дающие повода соперникам позлословить, а у сторонников вызывающие зевоту. Впрочем, понятна его перестраховка, поскольку любая деталь может иметь и негативный эффект. Например, после публикации фотографии Хиллари Клинтон и одного ее сторонника разгорелся скандал, поскольку на выложенном на всеобщее обозрение снимке она пожала руку мужчине, у которого видна татуировка «white» («белый») в руническом стиле. Тем не менее это ценный для Джеба Буша ресурс, и потому, запустив его сайт «Right To Rise», здесь ввели при регистрации новое поле – инстаграмовский ник. Завела аккаунты в социальных сетях и его жена, Колумба Буш, взяв на себя обязанность расположить к кандидату испаноговорящих избирателей, поскольку, согласно данным The Pew Research Center's Internet Project, 80% испаноговорящих используют социальные медиа, что превышает показатели по другим категориям населения. Таким образом,

через социальные сети легче найти путь к большинству «латинос», проживающих в США, и через соответствующее общение набрать больше не только «лайков», но и голосов для будущего голосования.

«Лайки» в нынешнюю президентскую гонку особенно в цене, на них обращают внимание всевозможные службы, результаты постоянно сравниваются, составляются таблицы, делаются прогнозы. В частности, BuzzFeed News заключила договор с Facebook, чтобы получать данные двух видов (как часто упоминается тот или иной кандидат в статусах и как отзываются о нем в сообщениях: позитивно, негативно, нейтрально). Согласно полученным данным, Джеб Буш сначала уступал соперникам как по количественным, так и по качественным параметрам. Примечательно, что после объявления в Facebook о вступлении в гонку комментариев с одобрением его решения оказалось в шесть раз меньше, чем постов возражавших, а то и протестующих против его кандидатуры. Но постепенно число сочувствующих росло.

Сегодня у помощников политиков всегда под рукой камера с хорошей оптикой и выходом в скоростной Интернет, и полезным для них оказывается сервис Meerkat, который предоставляет пользователям iOS возможность делиться с общественностью видео в режиме реального времени. Twitter выдал собственное приложение, Periscope, с очень схожей функциональностью, которое является прямым конкурентом Meerkat. Вскоре Live-streaming услугой от Meerkat воспользовался Буш, пригласивший 170 тыс. своих последователей в Twitter посмотреть его выступление в частном доме в Атланте. Однако то видео едва набрало 400 просмотров, и большинство среди пользователей – журналисты. Тем не менее, следуя духу времени, Джеб Буш делает ставку на социальные медиа, где представлена наиболее активная часть электората.

Каждый раз, когда крупный политик присоединяется к социальной сети, выходит новостная статья, где заявляется, что именно эта сеть может оказаться социальной платформой для выборов 2016 года. Так, в январе 2015 года, когда Джеб Буш представил свой Right to Rise («Право на сбор») с помощью Instagram, газета «The Washington Post» заговорила об «Instagram-выборах»¹. Но действительно ли социальные сети могут оказывать серьезное влияние на политические процессы, или их могущество сильно преувеличено?

Количество поклонников в новых медиа – важный повод для гордости политических деятелей. Однако, как показывает опыт, лайк страницы кандидата далеко не всегда означает готовность отдать за него свой голос. Вот хороший пример 2008 года от Рона Пола: имея 242 тыс. последователей в Twitter и 869 тыс. друзей в Facebook, он так и не смог выиграть дебаты в Нью-Гэмпшире. При этом 26% всех обсуждений выборов в социальных сетях содержали упоминание его фигуры, и этот процент оказался даже выше, чем у Митта Ромни (22%), победителя гонки.

Тем не менее политические предпочтения пользователей сетей не остаются без внимания. Например, учтено, что пользователи мобильного приложения гей-знакомств Grindr выбрали своего кандидата на пост президента США в 2016 году. Им стала не Хиллари Клинтон, ранее пользовавшаяся значительной поддержкой клиентов Grindr, которые в 2014 году называли ее «Союзником года»². Теперь она получила 35%, уступив конкуренту по партии Берни Сандерсу, заручившемуся поддержкой 38% респондентов. Пользователи Grindr продемонстрировали большую вовлеченность в политику: 76% из них заявили, что

¹ 2016 may yet be the first «Instagram election». URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/01/06/2016-may-yet-be-the-first-instagram-election/>

² This is who Grindr users want to be President // PinkNews. Current Affairs, September 23, 2015.

принимают участие как в обычных, так и в президентских выборах, немногим более половины отнесли себя к демократам, 19% назвали себя независимыми, а 15% – республиканцами. Опрос показал также, что Джон Касич и Джеб Буш получили 7%, Бен Карсон и Карли Фиорина – по 5%, а вот Дональд Трамп, прежде противник однополых браков, но в последнее время изменивший свое отношение к правам ЛГБТ-сообщества, заручился поддержкой 21% республиканцев, пользующихся Grindr.

Помимо карьеры бизнесмена (Trump Organization – строительная компания в США; Trump Entertainment Resorts, управляющая казино и отелями по всему миру), политическому взлету Трампа способствовал и опыт, приобретенный им в качестве ведущего популярного реалити-шоу. Он прекрасно владеет любой аудиторией и уверенно чувствует себя перед фото- и видеокамерой. Трамп строит свою предвыборную программу на поддержке интересов коренных американцев, критикуя иммиграционную политику. Сетевое сообщество живо реагирует на его заявления, используя при этом то же самое средство в полемике, что и он. Так, пользователи социальных сетей запустили флешмоб по приданию хэллоуинским тыквам сходства с Трампом. Персонаж получил имя Дональд Трампкин, основанное на сочетании фамилии Trump и слова pumpkin (тыква). Но это сетевое «глумление» только на руку Трампу, делающему ставку на традиционное СМИ, но и не пренебрегающему возможностями социальных медиа.

Среди помощников Трампа в президентской гонке – Джастин Маккони. Когда он начал работать в корпорации Трампа (2010), то в Twitter'е его босс имел около 300 тыс. последователей, на Facebook лишь 100 тыс. К сентябрю 2015 года число последователей было доведено до 4 миллионов в каждой из социальных платформ¹. Для предвыборной кампании также готово мобильное приложение «Trump, 2016», позволяющее получать последние новости, сообщения из социальных медиа, фото и видео, быть в курсе позиции кандидата по актуальным вопросам. А вот просьба помощников Трампа воспользоваться аналитическими услугами I-360 была отвергнута. Братья Кох не только отказались предоставлять доступ к базе данных, но и, пригласив кандидатов в президенты от Республиканской партии на саммит в Колумбус (штат Огайо), куда также съезжаются около 3 тыс. активистов и состоятельных доноров, игнорировали Трампа. Но Трамп дал понять, что он найдет выход из ситуации, и продолжил свое глумление над оппонентами.

Объясняя во время теледебатов, почему Карли Фиорина – плохой кандидат в президенты, Трамп заявил: «Посмотрите на это лицо! Кто-нибудь будет голосовать за это? Можете ли вы себе представить, что это – лицо нашего следующего президента?». Однако подобное неpolitкорректное замечание Трампа принесло дополнительные очки Фиорине, которую поддержали в социальных медиа². Впрочем, на одном сострадании виртуального сообщества перевеса голосов не заработать.

Отсутствие женщин-политиков, способных бороться за высшие государственные посты, – традиционно слабое место республиканцев. В последнее десятилетие наиболее заметной фигурой стала губернатор Аляски Сара Пэйлин, в ходе избирательной кампании 2008 года претендовавшая на кресло вице-президента, однако она быстро сошла с дистанции, став объектом шуток не

¹ An interview with Justin McConney, Trump's director of social media. URL: <http://www.thedrum.com/news/2015/09/22/exclusive-interview-justin-mcconney-trump-s-director-social-media>

² Carly Fiorina Scores Well On Social Media In Face-Off With Trump. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/carly-fiorina-donald-trump-social-media_55fef634e4b0fde8b0cea8c3;Fiorina-mentum?Former+HP+CEO+dominates+on+social+media // <http://www.msnbc.com/msnbc/fiorina-mentum-former-hp-ceo-dominates-social-media>

только американского, но и мирового сетевого сообщества. Теперь в компании кандидатов от республиканцев оказалась Карли Фиорина, в прошлом генеральный директор Hewlett-Packard.

4 мая 2015 года ее штаб обнародовал минутный видеоролик, который начинался с просмотра Фиориной предвыборного клипа Хиллари Клинтон. Она позиционирует себя не просто как женщина, претендующая на президентское кресло, а как анти-Хиллари. Вступив в избирательную гонку в апреле, Фиорина первым делом провозгласила, что «Хиллари Клинтон не должна стать президентом Соединенных Штатов». Используя любой повод, она дает понять, что если стране нужна женщина-президент, то на этих выборах гражданам следует обратить внимание на леди из республиканского, а не демократического лагеря.

Позиционируя себя как анти-Хиллари, Фиорина значительно уступает Клинтон в технологичном обеспечении избирательной кампании. Клинтон наняла в качестве технического директора топ-менеджера Google Стефани Ханнон. Ее страница в Facebook через 16 часов после создания набрала более 600 тыс. лайков. При этом видео, в котором Хиллари анонсировала свое намерение участвовать в выборах 2016 года, просмотрели почти два миллиона пользователей. Она присутствует в самых популярных социальных медиа, где у нее более миллиона последователей. Когда она завела аккаунт в Instagram, охарактеризовав себя как «заботливая бабушка, помимо прочего», и опубликовала первый снимок (посвященный моде, с подписью «сложный выбор»), то за несколько часов собрала 74,2 тыс. подписчиков. В SnapChat команда Клинтон опубликовала фотографию Хиллари в школе, другая часть изображений была представлена миру благодаря популярному у женщин фотохостингу Pinterest. Также она отметилась в стриминговом сервисе Spotify, создав там свой плейлист из любимых композиций, внеся в него 14 композиций («Roar» Кэти Перри, «Stronger» Келли Кларксон, «Brave» Сары Бареллис, «Happy», «Let's Get Loud», «Beautiful Day», «Believer», «Best Day of My Life»).

А у анти-Хиллари всё с самого начала как-то не заладилось. Так, объявив о своем намерении баллотироваться в президенты, Карли Фиорина забыла зарегистрировать на себя одноименный домен. Но сайт carlyfiorina.org все же был создан – по данным who.is неизвестный зарегистрировал домен еще в конце 2014 года, когда появились первые слухи о президентских амбициях Фиорины. Ранее в такую же ситуацию попал сенатор-республиканец Тед Круз. Сайт tedcruz.com принадлежит его тезке, адвокату, который постоянно публикует сообщения в поддержку... президента-демократа Барака Обамы. Ну а Фиорине достались лишь адреса carlyforpresident.com и перенаправляющий на него carlyfiorina.com. А на не доступном ей сайте carlyfiorina.org появилось изображение 30 тыс. грустных смайликов – ровно столько сотрудников Hewlett-Packard она уволила за время руководства компанией. После указания на жесткость ее руководства многие припомнили также, что компанией она управляла не так уж долго и ушла с руководящего поста не по собственной воле, а по причине провала в управлении и планировании. Все это наводило на мысль – если человек не в состоянии успешно управлять компанией, то по силам ли ему руководить страной?

Лучше всех среди республиканцев использует высокотехнологичные решения Рэнд Пол, сенатор от Кентукки, вступивший в кампанию под лозунгом «Разрушить вашингтонскую машину! Дать волю американской мечте!», анонсировавший свое решение баллотироваться на пост главы государства через YouTube и начавший принимать пожертвования, в том числе и через Bitcoin (то есть биткойны), будучи сторонником распространения альтернативных средств платежа – криптовалют.

В его команде – один из тех, кто дал повод для появления в «Блумберге» статьи под названием «Человек, который создал республиканский Интернет»¹. Это Винсент Харрис, основавший в Остине (Техас) фирму Harris Media². Прежде он уже взаимодействовал с несколькими республиканцами – кандидатами в президенты: Майком Хакаби в праймериз 2008 года, Тедом Крузом в 2012 году (при избрании его в Сенат), а также применял свои интернет-стратегии для президентской кампании тexasского губернатора Рика Перри. Также Харрис был замечен среди советников Биньямина Нетаньяху, причем избирательная кампания в Израиле дала ему хорошую возможность проверить эффективность онлайн-технологий, которые теперь использует и Рэнд Пол, чтобы выделиться в переполненной команде кандидатов от Республиканской партии³. В одном из интервью Харрис отметил, что его предпочтение в этом сезоне обусловлено тем, что Рэнд Пол привлекает его как политик, делающий ставку на информационные технологии.

Цифровое агентство CanDo разработало для сенатора от Кентукки мобильное приложение «Рэнд Пол 2016», которое позволяет пользователям среди прочего даже развлечься игрой в стиле аркада, сбивая логотипы Джебба Буша или Дональда Трампа. Аналитический сервис от App Annie⁴ показал, что приложение «Рэнд Пол 2016» после его выхода было на 21-м месте среди наиболее загруженных приложений iOS, однако через неделю оно переместилось уже на 412-ю позицию, что отразило резкое падение спроса. Впрочем, аналогичное приложение для Теда Круза (Ted Cruz 2016) изначально имело столь низкое число загрузок, что вообще не отразилось в индексах App Annie.

Подобные приложения имеют разнообразный набор функций – распространение новостей в традиционных СМИ и социальных медиа, активация добровольцев и организация их взаимодействия, сбор пожертвований, генерирование идеологического контента в формате видео и презентаций, проведение опросов. И подобные приложения должны быть привлекательными не только для сторонников, но и для тех, кто еще не определился, – хороший программный продукт может оказаться тем фактором, который привлечет внимание к кандидату, расположит его к себе.

Впрочем, бывает и так, что любая деталь может поставить крест на всем продукте.

Так, появившееся в мае 2012 года мобильное приложение для iPhone и других устройств с операционной системой iOS, вставлявшее в пересылаемые изображения слова «Америка лучше с Миттом», имело опечатку – не America, а Amercia, что дало повод для шквала пародий (так известный телеведущий Стивен Кольбер перепел патриотичную песню “America the Beautiful”, исполнив ее со словами «Амерция, Амерция...»).

Мобильное приложение «Рэнд Пол 2016» тоже дало повод для многочисленных шуток, на которые создатели и не рассчитывали. Сделано оно было без технических погрешностей, придумана даже особая, выражаясь на сленге гиков и продвинутых юзеров, фиша (feature – особенность, свойство, «фишка»), позволяющая поклонникам создавать квази-селфи с кандидатом, что сразу же привлекло внимание социальных медиа. В программу уже интегрировано изо-

¹ The Man Who Invented the Republican Internet // <http://www.bloomberg.com/politics/features/2014-10-22/the-man-who-invented-the-republican-internet>

² <http://www.harrismediallc.com/#home>

³ Likud hires top Republican strategist ahead of elections. URL: <http://www.timesofisrael.com/likud-hires-top-republican-strategist-ahead-of-elections/>; How Rand Paul's Digital Team Helped Re-Elect Bibi. URL: <http://www.bloomberg.com/politics/articles/2015-03-18/how-rand-paul-s-digital-team-helped-re-elect-bibi>

⁴ <https://www.appannie.com>

бражение Рэнда Пола, вы делаете селфи и на получившемся снимке вы не один, а рядом с кандидатом в президенты. Однако вскоре обнаружился «побочный эффект», на который разработчики не рассчитывали. Дело в том, что благодаря этой опции к изображению Рэнда Пола прикладывались не только его поклонники, но и котики, порнозвезды, игрушки лего, унитазаы, а также портреты Гитлера и Тимоти Маквея. Создатели продукта не учли того, что сетевое сообщество с большим удовольствием начнет использовать данное виртуальное селфи для подшучивания и глумления над кандидатом, а отнюдь не для выражения ему поддержки, как на то было рассчитано.

Впрочем, это упущение не такое уж серьезное, на фоне других действий Рэнда Пола оно не выглядит критическим. Для беспристрастных наблюдателей Рэнд Пол предстает высокотехнологичным политиком. Он активно использует для освещения событий своей предвыборной кампании сервис прямых трансляций Meerkat, а также фотомессенджер SnapChat, он всегда в Twitter'е, используя все социальные медиа для продвижения своих идей, где давно зарекомендовал себя мастером троллинга. Так, он запустил фейковый «список необходимых дел» Хиллари Клинтон, где помимо банальных записей типа «поставить подписи на офисных контрактах», есть пункты, связанные с ее политическими провалами: «прописаться на новом частном сервере», «нанять новых журналистов, чтобы избежать неудобных вопросов», «завершить план избежать показаний по Бенгази» и «обновить список иностранных “взносов”». Ранее он оставлял в Twitter'е издевательские сообщения в адрес Марко Рубио, якобы желающего «создать ров» вокруг Кубы, а о Джебе Буше и Митте Ромни было сказано, что они «обменялись браслетами дружбы». Также он выложил в сеть фейковый телефонный разговор, в котором Клинтон и Буш обсуждают политические амбиции своих семей. Он стал первым кандидатом в президенты, который целый день своей предвыборной кампании представил на всеобщее обозрение. Любой желающий мог через Facebook и Ustream.tv, начиная с утра и до позднего вечера 12 октября 2015 года, наблюдать за его действиями в штате Айова.

Особо стоит отметить, что он отказался подписать договор о получении данных через Национальный комитет Республиканской партии. Это стандартное соглашение в партии, дающее кандидатам возможность приобрести доступ к базе данных избирателей. Но Рэнд Пол пошел своим путем, объяснив отказ тем, что слишком часто, когда республиканцы завоевывали Белый дом или Сенат, по прошествии небольшого времени выяснялось, что они оказывались всего лишь частью «машины», именуемой Вашингтон, и не могли выполнять тех обещаний, которые давали своим избирателям. Поэтому он не пошел на поводу у братьев Кох, а решил собрать средства для доступа к инфраструктуре данных, полностью независимой от Национального комитета Республиканской партии. В итоге 19 тыс. долл. были направлены на счет сервиса «Аристотель»¹.

В конце июня 2015 года в одном из офисов Сан-Франциско состоялся суточный Hackathon за свободу и неприкосновенность частной жизни (hackathon, от hack – хакер и marathon – марафон) – форум разработчиков, во время которого специалисты из разных областей создания программного обеспечения общаются (от одного дня до недели) над решением какой-либо проблемы. В этом марафоне программирования (#hackforRand) приняли участие разделяющие его беспокойство попытками правительства ограничить свободу личности, особенно после принятия Патриотического акта, инициированного после теракта 11 сентября 2001 года и дающего властям широкие полномочия

¹ Aristotle Political Technology to Power Democracy. URL: <http://aristotle.com>

по информационно-коммуникативному надзору за гражданами. Рэнд Пол не только на протяжении почти одиннадцати часов выступал в верхней палате Конгресса против продления действия этого федерального закона, но и организовал тематический Hackathon.

Силиконовая долина в последнее время является одним из лидеров по финансированию избирательных кампаний, и высокотехнологичные фирмы в настоящее время поставляют больше средств, чем оборонные предприятия, фармацевтическая и автомобильная промышленность. Причем они финансируют как демократов, так и республиканцев, но пока намного щедрее к первым. Однако Рэнд Пол решил использовать местную техно-среду, невзирая на то, что Сан-Франциско слывет очень либеральным городом. Именно здесь он решил открыть в одном из бизнес-инкубаторов свой избирательный офис, разместив его рядом со StartupHouse, который должен помочь ему стать самым высокотехнологичным среди всех кандидатов от партии¹.

Но мало одного желания скопировать высокотехнологичного Обаму. Безусловно, в этом избирательном сезоне стараться быть, как Обама, является уже почти нормой. Обама был назван многими специализированными изданиями первым президентом, одержавшим победу благодаря социальным медиа. Теперь кандидаты-республиканцы интегрируются в социальные медиа, чтобы там собирать голоса. Это можно сделать за счет «продвинутых» избирателей. Согласно определению Pew Research Center, это поколение Millennials, родившееся между 1980 и 1996 годами и привычное к повседневному и разностороннему использованию информационных технологий и виртуальной среды, обретению друзей не только и не столько в «реале», но и в «виртуале», в социальных сетях, при этом демонстрирующее высокую явку на выборы, люди политически активные и расположенные к волонтерской деятельности.

Их число измеряется миллионами, они прямо или опосредованно принимают участие в выборах, а их мнение по всем пунктам предвыборной программы то и дело меняется, причем они не только голосуют, но и оказывают влияние на решение других избирателей, колеблющихся. И для победы сегодня необходимы инвестиции прежде всего в информационно-коммуникативные технологии, в совокупности позволяющие осуществлять постоянное измерение всего, что только потенциально полезно для сбора информации и анализа; привлекать в избирательные фонды пожертвования и наращивать их объем; планировать многоформатность рекламы и выявлять аудитории; проводить самостоятельные опросы общественного мнения, не полагаясь на внешние ресурсы; быстро понимать решения и выделять нужные средства в проблемные зоны. И республиканская партия ищет новые решения, пытаясь создать новые платформы типа Republic VX. В технологическом отношении они подтянулись, приблизились к демократам. Каждый год количество контента, которым обмениваются в социальных сетях, увеличивается в два раза, а потому именно здесь необходимо наращивать политическую долю, и избирательная кампания все более сводится к работе в виртуальной среде. Впрочем, это не означает – кто доминирует в том «мире», тот непременно и выигрывает выборы. Но кто игнорирует его – тот непременно проигрывает.

¹ Rand Paul sees gold in Silicon Valley. URL: <http://www.politico.com/story/2015/04/rand-paul-fundraising-silicon-valley-tech-116712> ; Rand Paul's first tech test. URL: <http://www.politico.com/story/2015/04/rand-pauls-first-tech-test-116679>

Аннотация. Автор анализирует информационно-коммуникативные аспекты избирательной кампании Республиканской партии: имеющиеся и разрабатываемые базы данных (I-360, Republic VX), мобильные приложения, порталы, сайты, социальные медиа, сетевые стратегии. Рассматриваются наиболее «технологичные» кандидаты от партии, их достижения и провалы. Фокусирование на информационно-коммуникативной среде позволяет не только получить представление об особенностях избирательной кампании в США, но использовать эти знания в российской политической сфере.

Ключевые слова: глобальная и локальные сети, базы данных, информационно-коммуникативные технологии, социальные медиа, информация, манипуляция, виртуализация политики.

Vasily Vanchugov, Ph.D. in Philosophy; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, Site politconservatism.ru. E-mail: vanchugov@gmail.com

IT and Communicative Technologies of the American Conservatives in the 2016 Presidential Campaign

Abstract. The author analyses the informational and communicative aspects of the Republican Party election campaign: the existing data bases and bases under development (I-360, Republic VX), mobile applications, portals, sites, social media, and Web strategies. The author examines the most “technologically effective” Party candidates, their achievements and failures. Focusing on the informational and communicative aspects allows not only to have a better understanding of the particular features of the US election campaign, but also to use this knowledge in Russian political sphere.

Keywords: Global and Local Networks, Data Bases, Informational and Communicative Technologies, Social Media, Information, Manipulation, Virtualization of the Politics.

Пол Готфрид
Палеоконсерваторы: правые изгои Америки

Б.В. Межуев
Господин палеокон. Послесловие к статье Пола Готфрида
«Палеоконсерваторы: правые изгои Америки»

И.В. Денисов, А.В. Павлов
Политическое либертарианство

А.В. Павлов
Основания неоконсерватизма

Д.О. Дробницкий
Движение Чаепития: американский правый консерватизм
в информационную эпоху

К.В. Аршин
«Религиозные правые» Америки: безуспешные «десекуляризаторы»

Палеоконсерваторы: правые изгои Америки

Описывать палеоконсервативное движение в США – это все равно что вспоминать маленькую протестантскую секту баптистов седьмого дня в Пенсильвании, последний член которой угас в возрасте девяноста восьми лет накануне вступления Америки во Вторую мировую войну.

Палеоконсерваторы пребывают ныне, пожалуй, в таком же исчезающем статусе, в каком потомки баптистов седьмого дня, жившие по большей части в моих родных местах, находились в начале двадцатого столетия. Нас за последние тридцать лет тоже стало значительно меньше, и большинство тех, кто отождествляет себя с палеоконсерватизмом, уже разменяли, подобно мне, восьмой десяток. Мы, пожилые граждане, не можем поладить даже друг с другом, так что бравадный публицист Пэт Бьюкенен и редактор критически настроенного по отношению к иммигрантам веб-сайта VDARE Питер Бримлоу – это, возможно, единственные в раздробленном палеоконсервативном лагере, с кем все враждующие фракции сохраняют хорошие отношения.

Неуклонно слабеющие позиции палеоконсерватизма, однако, обусловлены по большей части не этой распрей. Наше съезживание – это, возможно, результат усиливающейся фрустрации, вызванной выдавливанием нас из публичного политического диалога. К 1990-м годам вторгшиеся слева неоконсерваторы с их деньгами и связями в СМИ захватили, в союзе с республиканским истеблишментом, институты американского консерватизма. Те, кто не принял последовавшей за этим реконфигурации правого крыла американской политики (что сделало его выглядящим в точности как умеренно левое крыло двадцатилетней давности), полностью утратил какие-либо позиции в правом движении. И выразилось это не только в том, что несогласных перестали приглашать к участию в полномочных собраниях консервативного движения и исключили из его публикаций.

Торжествующие неоконсерваторы и их прислужники (а к таковым относится большинство сотрудников консервативных фондов и журналов), занялись еще и шельмованием правой оппозиции, будь то в виде поношения ее представителей как правых экстремистов или же советов престижным печатным изданиям не публиковать их работы. Хотя мне лично удалось опубликовать одиннадцать научных книг, все в уважаемых академических и коммерческих издательствах, однако ни одна из этих работ никогда не была упомянута

Пол Эдвард Готфрид (род. 1941), американский политический философ-палеоконсерватор, филолог-классик, исследователь интеллектуальной истории и колумнист. Ранее занимал пост профессора гуманитарных наук (Раффенспергерская профессура) в колледже города Элизабетаун, штат Пенсильвания. Лауреат Гугенхаймовской стипендии; в настоящее время – президент Менкенского клуба, названного так в честь американского журналиста, писателя и филолога Генри Луиса Менкена.

в каком-либо «консервативном» журнале – по крайней мере после того, как неоконсерваторы захватили консервативную инфраструктуру. Последнее упоминание моего имени в официальном консервативном журнале (то есть журнале, связанном с продвижением неоконсервативных взглядов) имело место быть в 2003 году в “National Review”. Тогда я был охарактеризован как галлюцинирующий параноик, который почти что в отсутствие студентов читает лекции в каком-то неведомом колледже. Хотя мою книгу о Лео Штраусе издательство Кембриджского университета в конце концов все-таки опубликовало¹, произошло это лишь после того, как ее рукопись была в ускоренном порядке отвергнута издательством моей альма-матер, Йельского университета. Директор этого издательства вернул мне текст после того, как получил письмо от неназванного «ученого», который атаковал меня, называя ментально неуравновешенным. Нелюбезное письмо, которое мне показали, повторяло обвинения, появлявшиеся в “National Review”. Письмо это также заставило меня вспомнить о тех обвинениях, которые я выслушал в свой адрес по телефону в 1987 году при рассмотрении моей кандидатуры на почетное профессорство в Католическом университете Америки.

Неоконсервативные крестовые походы против палеоконсерваторов всегда сопровождаются теми же нападками, которые выводят из себя и заставляют кипеть от ненависти тех, кто противостоит «деликатному» и «умеренному» консерватизму. И то обращение, которому подвергся я, было, наверное, еще мягким для тех, кого преследовали неоконсерваторы. Почти каждый признанный палеоконсерватор, живой или мертвый, мог бы рассказать жуткую историю, подобную моей. Отдельные претензии, которые неоконсерваторы и другие связанные с медиаимперией Руперта Мердока персонажи высказывали Дональду Трампу, кандидату в президенты США от Великой старой партии – а его неоконсерваторы не желают видеть участником президентской гонки, – на самом деле представляют собой полнейшее старье. Обвинения такого типа неоконсервативная *номенклатура* [русский термин в оригинале – *Примеч. перев.*] предъявляла своим оппонентам справа на протяжении десятилетий.

В запаснике, из которого неоконсерваторы выуживают свою риторику и становящиеся цитатами фразы, нет ничего, что по своей сути не было бы левым. Исключением здесь может быть разве что поддержка неоконсерваторами и республиканским истеблишментом сионистов и израильских правых. Но даже эта позиция не имеет ничего общего с подлинными взглядами американских или европейских правых (и это отнюдь не пресловутый спор о сравнительных преимуществах шоколадного и ванильного мороженого). В этой их предвзятости на самом деле проявляются этнические чувства, которые неоконсерваторы со своей лидирующей позицией привнесли в американское консервативное движение – в том числе в качестве советников республиканских президентов. Любые внушенные ими этнические симпатии или антипатии и предрассудки стали составной частью движения, которое неоконсерваторы стали контролировать. Критики живо подметили, что хотя неоконсерваторы выступают за неограниченную иммиграцию в США и амнистию для всех уже находящихся в стране нелегалов, этот подход меняется, когда речь заходит о сохранении этнически еврейского характера Израиля.

Неоконсервативные публицисты и медиаперсонажи, в особенности Джордж Уилл и Билл Кристал, по-домашнему отождествляют свой «консерватизм» с тем идейным комплексом, который приемлем для истеблишмента. Но поскольку центр американского политического спектра, особенно по всем вопро-

¹ *Gottfried P.E. Leo Strauss and the Conservative Movement in America. N.Y.: Cambridge University Press, 2012. [Ссылка добавлена переводчиком.]*

сам общественной морали, десятилетиями смещался влево, такое отвращение к «несистемным» правым едва ли может служить показателем консервативной ориентации. Оно свидетельствует о готовности следовать за левацким потоком в обмен на двухпартийную поддержку неоконсервативной внешней политики. Неоконсерваторы могут легко уживаться с расположенным левее центра правительством (видные неоконсерваторы, включая Мердока, были близки Хиллари Клинтон в ее президентской кампании 2008 года), коль скоро оно поддерживает неоконсервативное направление в международных отношениях. Неоконсервативный тяжеловес Билл Кристол уже уведомил республиканцев о том, что он поддержит кандидата в президенты от Демократической партии, если не сумеет выбрать удовлетворяющего его движение кандидата-республиканца.

К их чести, палеоконсерваторы в течение нескольких десятилетий защищали перед лицом профессиональных угроз то, что осталось от настоящего правого движения. Традиционные правые с подозрением относились к курсу, который движение за гражданские права выбрало уже в 1960-х годах, и они последовательно противостояли феминистским и гомосексуальным кампаниям со своим мощным, но в общем игнорируемым арсеналом аргументов. Палеоконсерваторы выступили против либеральной интернационалистской внешней политики, поддерживаемой неоконсерваторами и, шире, Республиканской партией. Критики справа сопротивлялись такому подходу, поскольку испытывали глубокий скептицизм по отношению к тому, что Э. Бёрк когда-то высмеивал как «вооруженную доктрину» глобальных революционеров. Палеоконсерваторы также подчеркивали сходство между нынешним призывом к мировой революции и марксистским интернационалистским видением. Настоящие правые (если я могу использовать это выражение) полностью отвергают любые призывы фальшивых правых к глобальной демократической революции. Они оспаривают ту точку зрения, согласно которой наша преобразованная Америка являет миру такое возвышенное состояние моральной просвещенности, которое дает нам право впахивать наши прогрессивные ценности в сознание тех, кто этому сопротивляется.

В отличие от неоконсерваторов и представителей интересов корпораций, которые финансируют Великую старую партию, все палеоконсерваторы выступают за ограничение иммиграции, возражают против предоставления гражданства по праву рождения [на территории США – *Примеч. перев.*] и подчеркивают сложность интеграции в американское общество выходцев из очень отличных от нашей культур. Они также настаивают на том, что пока Соединенные Штаты не излечились от своей разрушительной приверженности мультикультурализму и политкорректности, мы не должны даже и пытаться «американизировать» большее количество иммигрантов или внушать наши собственные заблуждения тем из них, которые уже здесь находятся. Однако разница между двумя сторонами консерватизма лежит еще глубже. В то время как неоконсерваторы считают, что весь остальной мир отчаянно нуждается в том, во что превратилась поздняя современная Америка, палеоконсерваторы, напротив, тоскуют по былым временам, когда мы еще не стали левацко-неоконсервативным раем.

Между двумя этими видениями Америки проходит отчетливая разделительная линия. Одна сторона считает, что тому лучшему, что есть в американском опыте, в нынешнюю эпоху пришло время уходить, тогда как другая полагает, что наша страна политически, культурно и социально сошла с рельсов и ищет, по большей части в прошлом, пути, которые в свое время не были выбраны. Типичные неоконсервативные герои – это Мартин Лютер Кинг, Гарри Трумэн, тот Черчилль, который сражался с ненавистными (для неоконсерваторов) немцами во Второй мировой войне, и Авраам Линкольн, предтеча послевоенного движения за гражданские права. В число героев палеоконсерваторов входят дово-

енный [имеется в виду Гражданская война 1861–1865 годов в США – *Примеч. перев.*] политический деятель Юга Джон К. Кэлхун, сторонник ограничения и распределения федеральной власти сенатор Роберт Тафт, ученый-гуманитарий и писатель Рассел Кирк, социолог-теоретик Роберт Нисбет и «южные аграрии» (Southern Agrarians) – критики современного индустриального общества.

Хотя иногда можно услышать палеоконсерватора, говорящего что-то хорошее о Рональде Рейгане или Маргарет Тэтчер, однако эти политические фигуры должны восхваляться скорее неоконсерваторами, которых восхищают их глобальная демократическая риторика и либеральная интернационалистская внешняя политика. Неутихающая вражда между двумя сторонами продолжилась в первый год рейгановской администрации, когда почитаемый палеоконсервативный ученый-литературовед Мелвин Брэдфорд был обойден при назначении директора Национального фонда гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities). Этот пост достался избраннику неоконсерваторов Уильяму Беннету, выходцу из числа умеренных левых, после продолжительной клеветнической кампании, предпринятой неоконсервативными журналистами. Негативные высказывания Брэдфорда в адрес Авраама Линкольна и его хорошо известная симпатия к конфедератам (за которых сражались его предки) упоминались Ирвингом Кристолом, Джорджем Уиллом и другими авторами, тесно связанными с неоконсервативным лагерем, с целью представить Брэдфорда (кем же еще?) расистом.

Наряду с ресурсами, палеоконсерватизм утратил и сплоченность, но это движение было скорее вытеснено, чем полностью искоренено. В 1990-х годах предпринимались усилия к тому, чтобы выковать альянс между палеоконсерваторами и социальными традиционалистами-либертарианцами (socially traditionalist libertarians), известными в то время как палеолибертарианцы. Объединяющей фигурой при этом выступал экономист и политолог Мюррей Ротбард, который перед лицом набирающего силы неоконсерватизма пытался выстроить мосты к традиционалистским группам. Однако после смерти Ротбарда в январе 1995 года эти мосты обвалились по причине склоки между двумя лагерями, и всерьез это мостостроительство так никогда возобновлено и не было. Более того, палеолибертарианцы и их собеседники разошлись в разные стороны, одни почти исключительно обратившись на обсуждение экономических вопросов, а также того, как избежать вовлеченности в заграничные проблемы, тогда как их бывшие партнеры по переговорам в Рокфордовском институте и на страницах журнала “Chronicles” продолжают подстраиваться под меняющийся энтузиазм главы этого института. Выступления в защиту сепаратизма Юга в 1861 году, сербский и панславянский консерватизм и воинствующий (часто подчеркнуто антипротестанский) католический традиционализм – все это входит в ту причудливую смесь позиций, с которыми читатель сталкивается в “Chronicles”.

Часть представителей палеоконсервативного лагеря побрели в сторону того, что получило название политики идентичности, и это направление оказалось более значимым. «Нарушившие строй правые» (the “disaligned Right”) в США выборочно присвоили себе палеоконсервативные тревоги и вставили их в собственную идеологическую конфигурацию. Уже в 1986 году, как я указывал в написанном мною в то время эссе для журнала “Policy Review”¹, главным объектом интереса молодых правых воителей в их битве против неоконсервативного господства стала социобиология. Поддержка национальной и культурной особенности в противовес неоконсервативному прославлению прав

¹ *Gottfried P. Toward a New Fusionism? The Old Right Makes New Alliances // Policy Review. Vol. 42 (Fall, 1987). P. 64–71. [Ссылка добавлена переводчиком.]*

человека и эгалитарной политики привела по крайней мере часть палеоконсерваторов к подчеркиванию врожденных, биологически укорененных различий между разными этническими группами. Сходные аргументы выдвигались также против правительственной социальной инженерии, которая, как утверждалось, представляла собой попытку изменить человеческую природу посредством политического принуждения. С 1980-х годов, однако, такой акцент у большинства теперь уже не столь молодых палеоконсерваторов прошел. Случилось это главным образом по причине обостряющейся войны левых против любых дискуссий относительно человеческой природы, которые не концентрируются на той точке зрения, согласно которой все люди по своей природе везде одинаковы. Любое отклонение от этого мифа, говорили нам, приведет к реакционному подавлению и к постановке под угрозу меньшинств; и поэтому, как получалось со слов наших элит, будет справедливым считать, что те, кто поднимают запретные темы, должны профессионально и социально караться. Наши глаза и уши должны быть защищены от сеющих распри опасных идей.

Но некоторые из американских правых подняли социобиологические проблемы, оказавшиеся все-таки слишком твердыми для зубов их левацких гонителей. И сделано это было не только для того, чтобы шокировать легко запугиваемую публику или поиздеваться над ней (хотя этот фактор здесь тоже мог присутствовать), но и потому, что среди молодых членов того движения, которое именовало себя «жесткие правые» (“hard Right”), стали очень популярными апелляция к генетическим различиям и предъявление данных IQ, свидетельствующих, что расы различаются по уровню интеллекта. Разговоры о сохранении культурного наследия или унаследованных иерархий среди американцев определенного возраста особого отклика не находят. Но вот публикация конкретных, эмпирически выявленных «фактов» – это другое дело. Это такой аргумент, который молодежь, получившая хотя бы малую толику гуманистического образования, может легко воспринять. Если группы с различными генофондами привносят с собой некие «идентичности», то для того, кто стремится сохранить свою специфику, даже мало чего зная о той цивилизации, которая до недавнего времени была с этой спецификой связана, демонстрация того, что его группа когнитивно более одарена или менее склонна к насилию по сравнению с другими расами или этническими группами, причем выполненная на основе статистики, кажется хорошим началом.

Несмотря на то, что это не моя забота (я, пожалуй, слишком стар для того, чтобы менять свои палеоконсервативные цвета), некоторые носители таких убеждений атакуют левых и неоконсерваторов с бесстрашной решимостью. А еще они упорно преследуют сторонников расширения иммиграции и изобличают усилия крупных корпораций по наводнению этой страны необразованной рабочей силой из стран третьего мира. Даже изолированные и поносимые как «консервативными», так и обычными левацкими медиа, те, кто продвигает «био-разнообразие» справа, как им нравится это называть, не могут быть убраны со сцены посредством остракизма и запугивания. К настоящему времени их риторика просочилась в колонки Энн Коултер, Пэта Бьюкенена и других синдицированных колумнистов. При всех их преувеличениях, проявлениях нескромности и отсутствии интереса к тому, что интересно мне, эти в основном молодые люди, сосредоточенные на врожденных человеческих различиях, представляют собой подлинно правое движение. Однако излишне говорить, что я не стал бы делать ставку на их скорый приход к власти. И я сомневаюсь, что эти энтузиасты смогут получить финансирование от неоконсерваторов или доступ к медиа на каком-нибудь республиканском канале.

Аннотация. В эссе рассматривается противостояние двух направлений в американском консерватизме, а именно, доминирующего с начала 1990-х годов неоконсерватизма, располагающего большими деньгами, связями и влиянием в республиканском истеблишменте, и гонимого им палеоконсерватизма. Риторика и практики неоконсерваторов, по оценке автора, являются по сути своей левыми, что в особенности проявляется в их призывах к глобальной демократической революции, а также в позиции по отношению к иммиграции и традиционным моральным ценностям. Более того, по мнению автора, в то время как неоконсерваторы считают, что весь остальной мир отчаянно нуждается в том, во что превратилась поздняя современная Америка, палеоконсерваторы, напротив, тоскуют по былым временам, когда она еще не стала левацко-неоконсервативным раем.

Автор кратко рассматривает также попытки палеоконсерваторов предложить новые альтернативы неоконсервативной политической философии, в частности, неудачный палеолибертарианский проект начала 1990-х годов и более поздние идентитарянство и социобиологию.

Ключевые слова: палеоконсерватизм, неоконсерватизм, внешняя политика, иммиграция, критика мультикультурализма и политкорректности, идентитарянство, социобиология, «жесткие правые», Мюррей Ротбард, Пэт Бьюкенен.

Paul Edward Gottfried (b. 1941), American paleoconservative political philosopher, intellectual historian, classical philologist, columnist and former Horace Raffenberger Professor of Humanities at Elizabethtown College in Elizabethtown, Pennsylvania, Guggenheim Fellowship recipient, current H. L. Mencken Club President.

Paleoconservatives: Right Pariahs of America

Abstract. The essay considers the nature of the opposition between two trends of American conservatism, namely, between the dominating since the early 1990s neoconservatives having money, contacts and influence in the Republican establishment, and paleoconservatives driven out by the former. According to the author the rhetoric and practices of neoconservatives are essentially radical, and that especially manifests in their call for a global democratic revolution and their attitude toward immigration and traditional moral values. Moreover, whereas the neoconservatives consider that the rest of the world desperately needs to follow in the steps of modern America, paleoconservatives by contrast long for the old days, before the country has turned into an ultra-left neoconservative paradise.

The author also briefly discusses paleoconservatives' attempts to offer new alternatives to neoconservative political philosophy, in particular, the ill-fated paleolibertarian project of the early 1990s and later identitarian politics and sociobiology.

Keywords: Paleoconservatism, Neoconservatism, Foreign Policy, Immigration, Criticism of Multiculturalism and Political Correctness, Identitarian Politics, Sociobiology, the Hard Right, Murray Rothbard, Pat Buchanan.

Перевод с английского П.Б. Паршина

**Господин палеокон.
Послесловие к статье Пола Готфрида
«Палеоконсерваторы: правые
изгои Америки»**

В истории палеоконсерватизма главная и, быть может, единственная лагуна – генезис данного термина. Никто из журналистов не сообщает определенно, в каком конкретно тексте он впервые появляется. «Википедия» туманно указывает на конец 1980-х как на эпоху рождения «палеоконсерватизма». Однако существует общее мнение, согласно которому «крестным отцом» движения, тем, кто дал ему имя, является политический философ Пол Готфрид (р. 1941). Готфрид – автор многочисленных популярных книг по истории политической философии, из которых две последние посвящены философии Лео Штрауса и европейскому фашизму как идеологическому течению [2; 4]. К концу 1980-х годов он уже был популярным автором и публицистом ряда консервативных изданий, таких как “Chronicles”.

Поначалу термин «палеоконсерватизм» в интерпретации Готфрида не имел прямой связи с вопросами внешней политики: философ искал какой-то общий термин, который помог бы связать воедино разные идейные течения в правом лагере, не принятые консервативным мейнстримом. Речь шла о католических традиционалистах, хранителях традиций американского Юга, а также о различных радикальных антикоммунистических группах, откровенно враждебных Новому курсу президента Франклина Рузвельта. Но уже тогда, в конце 1980-х, в консервативном движении Америки тон стали задавать так называемые неоконсерваторы. В отличие от будущих палеоконов они сравнительно легко вошли в консервативный мейнстрим и смогли занять ведущие позиции не только в самом движении, но и в элите Республиканской партии.

Неоконсерваторы, или неоконы, как их стали впоследствии называть, были далеко не столь непримиримы ко всем завоеваниям Нового курса, как их «палео»-оппоненты, хотя успехи социальной инженерии и вера в то, что с помощью науки можно решить все общественные проблемы, их немного пугали. Однако неоконы поставили в основу собственного консервативного кредо миссию своей страны защищать и повсеместно утверждать идею демократии и прав человека, в том числе и с помощью военной силы. Эта идея оказалась если не востребованной, то услышанной внешнеполитическим сообществом обеих партий, когда перед ним встал вопрос – что делать с разнообразными рудиментами холодной войны, то есть с просоветскими или колеблющимися режимами, которые после краха коммунистического блока не рухнули и не стали стопроцентными сателлитами США, но с тем или иным успехом продолжили свое существование. Что делать с Милошевичем, Хусейном, Каддафи, Асадом?

Межуев Борис Вадимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета сайта «Русская idea». E-mail: borismezhuev@yandex.ru

Неоконы давали на этот вопрос однозначный и недвусмысленный ответ – добивать по мере возможности, пользуясь теми или иными поводами к непосредственному вторжению. Поскольку неоконы, как правило, имели тесные связи с Израилем, то к упомянутому приоритету добавлялся другой – безоговорочная поддержка этого государства и война со всеми его врагами, при полном равнодушии к мнению ООН и к возражениям союзников в Европе. В итоге неоконы смогли стать посредствующим звеном между либеральными «ястребами», клевавшими все не слишком лояльные США посткоммунистические режимы за недостаточную демократичность, и «религиозными правыми» с их эсхатологической верой в победу Израиля как знамение Второго пришествия и не менее эсхатологическим презрением к безбожной Европе. Неоконы одной рукой обменивались пожатиями с либералами, а другой – обнимали религиозных ультраконсерваторов. И без них не склеивался никакой прочный внешнеполитический консенсус, в их отсутствие Америка белых фермеров просто не находила общего языка с Америкой финансистов и менеджеров крупных компаний. И поэтому их было невозможно изгнать из консервативного движения. А при Буше-мл. люди этого образа мыслей оказались настолько влиятельны, что смогли спровоцировать не слишком далекого президента на вторжение в Ирак по ложному поводу и с катастрофическими для этой страны последствиями.

Недовольные засильем неоконов в консервативном движении политики, мыслители и публицисты стали называть себя «палеоконсерваторами». И сразу начали подвергаться разнообразным нападкам со стороны всех остальных идейных течений Америки. Следует признать, что эти нападки не всегда оказывались безосновательными. Среди палеоконов были люди, явно ностальгирующие по временам расовой сегрегации, те, кому дикий капитализм доружвельтовских времен представлялся самой свободной эпохой. Наконец, почти все палеоконы были поклонниками сенатора-республиканца Роберта Тафта – противника не только образования блока НАТО, но и вовлечения Америки во Вторую мировую войну на стороне империалистической Англии и тоталитарного Советского Союза. Из песни слова не выкинешь, но именно палеоконы являлись самыми последовательными противниками продолжения холодной войны в виде атаки на все возможные недемократические или, точнее, непослушные режимы, исходя из каких-то туманных глобальных и чуждых самой Америке перспектив.

И вот поразительным образом именно те люди, которые полагали, что нашей стране не стоило помогать в борьбе против фашизма, составили, пожалуй, самый русофильский сегмент политического спектра Америки.

Пол Готфрид сегодня считает, что своеобразное акмэ движения пришлось на начало 1990-х, когда оппозиция интервенционистской внешней и ружвельтианской внутренней политике сплотила вокруг фигуры Патрика Бьюкенена как возможного кандидата в президенты США палеоконсерваторов и так называемых палеолибертарианцев [1]. Идейный лидер последних, публицист Мюррей Ротбард, заявил на открытии клуба Джона Рэндольфа: «Мы отменим XX век». Он имел в виду, что холодная война закончилась, коммунизм пал, и теперь самое время отказаться от пережитков «сдерживания» и Нового курса – свернуть созданное XX веком «военизированное социальное государство» – “warfare welfare state”. Палеоконов отличало от палеолибертарианцев важное обстоятельство – последних не слишком заботила проблема сохранения особой идентичности Америки, они не были сторонниками сохранения в национальном масштабе христианских религиозных табу, и их – в отличие от палеоконов – не слишком волновала проблема миграции. Наконец, для либертарианцев абсолютным табу была тема протекционизма, поскольку свободный рынок они считали самым консервативным из всех социальных институтов. Однако общая ненависть

к неоконам и проявляющему к ним все большую благосклонность республиканскому мейнстриму сильнее и сильнее сближала эти идейные течения.

Однако в этом альянсе, как признается сам Готфрид, палеоконеры оказались в итоге более слабым течением – их гораздо легче, чем либертарианцев, можно было обвинить в расизме, нативизме, наконец, антисемитизме. Палеоконеры подвергались этим упрекам постоянно. С начала 1980-х их стали выдавливать из всех уважаемых изданий, имеющих общенациональную циркуляцию. В 1981 году под сильнейшим давлением со стороны неоконсерваторов друг Готфрида, специалист по изучению культуры Юга Америки Мэл Брэдфорд не получил назначение в Национальный фонд содействия гуманитарным исследованиям. Это место досталось лоббируемому неоконами Уильяму Беннетту. Самому Готфриду не помогло и его еврейское происхождение. Он был исключен из Института межуниверситетских исследований – организации, которая посвятила себя распространению консервативной мысли в колледжах Америки. Готфриду были поставлены в вину близкие контакты с теми публицистами, кто признает показатель IQ наследственным и обусловленным этничностью фактором [3].

Сам Готфрид хотя и продолжает выступать против неоконеров в своих многочисленных статьях и книгах, вместе с тем не верит в возрождение палеоконсервативного движения [5]. Сегодня его место заняли постпалеоконсерваторы, оспаривающие доминирование неоконеров в основном с либертарианских позиций. Проблемы идентичности, религиозных табу и социальной морали – все то, что отличало палеоконеров от либертарианцев и сближало их отчасти с «религиозными правыми» – только без их эсхатологического протестантского сектантства, – все это более и более выпадает из текущей политической повестки. Правые занимают господствующие позиции в экономике, левые – в культуре, неоконеры – во внешней политике. Крупный капитал такая своеобразная политическая консоциация вполне устраивает, и он готов поддерживать это равновесие и дальше, предотвращая смещения баланса как влево, так и вправо.

Любопытно, что даже оглушительный успех миллиардера Дональда Трампа на праймериз Республиканской партии в 2016 году не заставил Готфрида пересмотреть собственные сомнения. Увы, считает он, что бы ни случилось на этих праймериз, средства массовой информации все равно останутся в руках тех, кто не пускает на телевидение и на страницы основных газет таких правых неконформистов, как сам Пол Готфрид, а ведущие даже консервативных каналов, таких как Fox News, все равно и дальше будут с симпатией говорить о легализации гомосексуальных браков и праве женщины на аборт¹. Готфриду в каком-то смысле близка мысль о самом себе как о последнем «палеоконе», последнем из подлинных защитников традиционной Америки, уединенной от перипетий глобального мира.

Наши российские симпатии к палеоконсерваторам, конечно, будут обуславливаться прежде всего неприятием их противников – сторонников американской империи, американской исключительности и права этой страны на вооруженную агрессию. Не могут не импонировать и другие аспекты палеоконсерватизма – религиозный традиционализм, стремление поддержать национальную идентичность, в том числе за счет ограничения массовой иммиграции. Увы, нас явно разделяет с палеоконерами их прошлое – нам трудно принять их позицию невмешательства в борьбу с фашизмом, их ностальгию по «дикому рынку» дорозвельтовских времен, а также слишком сильные симпатии к традициям

¹ *Gottfried P. Will a Trump Victory Actually Dislodge the Neocons? // The Unz Review: An Alternative Media Selection, March 13, 2016. URL: <http://www.unz.com/pgottfried/will-a-trump-victory-actually-dislodge-the-neocons/>*

американского Юга. Может быть, и американский республиканский избиратель разделяет те же чувства, предпочитая всем патентованным консерваторам и либертарианцам на этих праймериз фигуру нью-йоркского миллионера, который сумел произвести какой-то новый идеологический синтез по ту сторону «палео» и «нео», а фактически и по ту сторону консерватизма и прогрессизма. Не исключено, что именно этот популистский консерватизм с лицом Трампа, сочетающий в себе жесткое сопротивление нелегальной миграции, сохранение социальных программ и протекционистскую торговую политику, и будет наиболее близок отечественному аналогу этого течения. Но чтобы аргументировать или опровергать такой вывод, следует дождаться итогов этих выборов.

Литература

1. *Gottfried P.E.* A Paleo Epitaph // Taki's Magazine, April 7, 2008. URL: http://takimag.com/article/a_paleo_epitaph/print#axzz37HaJQ111
2. *Gottfried P.E.* Leo Strauss and the American Conservative Movement. N.Y.: Cambridge University Press, 2012.
3. *Gottfried P.E.* The Great Purge: The Deformation of the Conservative Movement // Radix, № 2, 2015.
4. *Gottfried P.E.* Fascism: The Career of a Concept. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2015.
5. *Gottfried P.E.* Paleoconservatism: A Vanishing Traditional Right // Sydney Traditionalist Forum [2015]. URL: <https://sydneytrads.com/2015/10/17/2015-symposium-paul-edward-gottfried/>

Аннотация. Краткое послесловие раскрывает роль Пола Готфрида (род. 1941) в формировании палеоконсерватизма (его принято считать также автором самого этого термина) как альтернативы агрессивному неоконсерватизму, парадоксальным образом сопрягающей идеологические компоненты крайнего либерализма и религиозного ультраконсерватизма, и дополняет персональные сожаления Готфрида по поводу нынешнего прискорбного положения палеоконсерватизма кратким анализом его истории и его места в спектре политической идеологии США. Также затрагивается вопрос о том, как российским консерваторам следует относиться к палеоконсерватизму, демонстрирующему симпатии к определенным аспектам современной российской внешней политики, но весьма неоднозначному в его оценке прошлого.

Ключевые слова: Пол Готфрид, палеоконсерватизм, неоконсерватизм, либерализм, «новый курс» Ф. Рузвельта, либертарианство, традиционализм, фашизм, П. Бьюкенен, М. Ротбард, Д. Трамп.

Boris Mezhuev, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, History of Russian Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, Chairman, Editorial Board, "Russian Idea" Internet site. E-mail: borismezhuev@yandex.ru

Mr. Paleocon. Afterword to Paul Gottfried's "Paleoconservatives: Right Pariahs of America"

Abstract. The short afterword reveals the role of Paul Gottfried (b. 1941) in the formation of Paleoconservatism (Gottfried is also considered to be the author of this term) as an alternative to aggressive Neoconservatism. Paleoconservatives somewhat paradoxically couple ideological elements of extreme liberalism with religious ultra-conservatism. Personal Gottfried's regrets regarding the present-day state of Paleoconservatism are supplemented in the afterword by a short analysis of its history and its place within the spectrum of the US political ideology. The afterword also touches upon the proper attitude of Russian Conservatives to American Paleoconservatism that is obviously sympathetic with certain aspects of Russian foreign policy, but ambiguous in assessing the past.

Keywords: Paul Gottfried, Paleoconservatism, Neoconservatism, Liberalism, F. Roosevelt's New Deal, Libertarianism, Traditionalism, Fascism, Patrick Buchanan, Murray Rothbard, Donald Trump.

Политическое либертарианство

Свое фундаментальное, выдержавшее несколько изданий исследование о политическом и интеллектуальном движении американского консерватизма историк Джордж Нэш начинает с главы о либертарианцах [29, р. 1–49], полагая (и убедительно это доказывая), что новый американский консерватизм имеет прежде всего либертарианские истоки.

Один из отцов-основателей нового американского консерватизма, Уильям Фрэнк Бакли-мл., вдохновлялся идеями протолибертарианца Альберта Джея Нока. Бакли был лично знаком с Нокем и не только читал книги последнего (в частности наиболее известную из них «Наш враг государство»¹), но и мог воочию лицезреть достопочтенного джентльмена, образ которого впоследствии пытался воспроизводить в своей политической карьере [29, р. 19]. Однако Бакли не стал либертарианцем и заимствовал у Нока далеко не все идеи, разделяя лишь некоторые его убеждения.

Впрочем, Нок повлиял не только на Бакли, но и на многих других американских правых, которые стали более последовательными его учениками. Один из таких учеников, Фрэнк Чодоров, вдохновившись пессимистичным анархизмом и элитизмом Нока, в 1944 году в Нью-Йорке начал издавать собственный четырехстраничный ежемесячный журнал «Analysis», как и полагалось начинающему либертарианцу, – строго индивидуально².

Но одним Нокем влияние либертарианства на консерватизм в США не ограничивается. В тот момент, когда в самой аристократической стране – Великобритании – после окончания Второй мировой войны вдруг стали голосовать за Лейбористскую партию, в Америке, в которой левые настроения точно так же усиливались, тем, кто опасался красной угрозы или в принципе был против левых взглядов, нужно было опираться на какие-то идеалы. Такие идеалы предложили представители австрийской школы экономики и политической философии Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек. Хотя последний в тот момент жил и работал в Англии, его книга «Дорога к рабству» [17], предупреждавшая об опасностях плановой экономики, оказала колоссальное влияние прежде всего на американских читателей. Несмотря на то что в коммерческий потенциал кни-

¹ Впервые книга увидела свет в 1935 году и выдержала с тех пор несколько изданий. Одно из них см. [30].

² За более подробным рассказом о начале движения обращайтесь к [29, р. 20f.].

Денисов Иван Владимирович, американист, автор широкого спектра публикаций об американском консерватизме. E-mail: ivan_denisov@inbox.ru

Павлов Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: apavlov@hse.ru

ги представители издательства Чикагского университета не верили, они, в отличие от некоторых других, отклонивших рукопись, согласились напечатать две тысячи экземпляров «Дороги к рабству», в итоге получив политический бестселлер. Исследователь политической философии «австрийской школы» Раймонд Кубедду называет эту книгу одним из главных трактатов по политической философии XX века [3]. Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, близость идей фон Мизеса и фон Хайека, впоследствии некоторые американские либертарианцы будут ориентироваться либо на одного, либо на другого.

Конечно, у либертарианства были и другие истоки, а у Нока – последователи, однако мы сосредоточимся на более поздней истории либертарианцев, когда те попытались стать конкретной политической силой. Хотя Уильям Фрэнк Бакли-мл. начал издавать свой “National Review” позже, чем Фрэнк Чодоров, он делал его более солидным. В момент, когда Бакли предпринял попытки консолидации движения правых, самыми несговорчивыми из них оказались именно либертарианцы, пошедшие с остальными консерваторами на конфликт и в итоге на разрыв. Этому конфликту и дальнейшей истории движения посвящен настоящий очерк.

У истоков раскола: Айн Рэнд

В течение какого-то времени влияние либертарианства было строго интеллектуальным, но настолько мощным, что эта сила в результате смогла претендовать на отдельное место в политическом движении американского консерватизма. Одним из главных кумиров либертарианства, кроме австрийцев, стала писатель и мыслитель Айн Рэнд, чьему перу принадлежат такие романы, как «Источник» и «Атлант расправил плечи». Она также автор текстов по политической философии – если таковой вообще можно назвать ее взгляды¹. Эмигрировав из России, Рэнд – а ранее Алиса Розенбаум – довольно быстро освоилась в США, став одним из самых популярных писателей XX века. Рэнд одной из первых придумала закладывать философско-политические идеи в литературное творчество, чем оказала либертарианцам громадную услугу. Через ее художественные произведения либертарианские взгляды усвоило не одно поколение. Не случайно именно ее считают одной из главных представительниц этого направления политической и экономической мысли. В этом смысле можно понять желание довольно внушительной части либертарианцев возводить наследие или нынешнюю деятельность некоторых авторов или политиков в обязательный для почитания абсолют. Парадоксальным образом рэндианская идея, провозглашавшая свободу личности, стала одной из самых тоталитарных и сегодня не подразумевает ни дискуссии, ни критического отношения, но исключительно слепое почитание. Многие современные либертарианцы именно так относятся к иконам движения – Айн Рэнд и Мюррею Ротбарду.

Айн Рэнд была незаурядной личностью – оценивая ее влияние на интеллектуальный климат, с этим сложно спорить. Она была апологетом индивидуализма, свободного рынка и не побоялась пойти против коммунистов в Голливуде 1940-х. Впрочем, хотя через ее книги либертарианскими идеями заинтересовались многие активисты (самый яркий пример – популярный чернокожий радиоведущий и колумнист Лэрри Элдер), вряд ли ее стоит считать небожительницей и *главным* мыслителем XX века.

Тексты Рэнд обладают уникальным качеством: за редким исключением те, кто читает ее книги, либо становятся ее горячими поклонниками, либо яркими не-

¹ Эта часть ее творчества хорошо известна в России. См.: [12, 13, 14, 15, 16]. В очередной раз переиздан самый известный ее роман: [11]. Относительно недавно издана книга, посвященная философии Айн Рэнд [4].

навивистниками. И тем, и другим, чтобы критически взглянуть на ее политическую философию, стоит прочесть едкое, разгромное эссе американского либерала Кори Робина, назвавшего ее идеи «метафизической жвачкой» [5, с. 123–144]. Робин скорее использует аргументы *ad hominem*, не следуя правилам научной полемики, – но тем интереснее его текст. И некоторые либертарианцы сохраняют критический взгляд на ее творчество. Так, Дэвид Боуз в книге, посвященной принципам политической философии либертарианства, пишет: «Хотя политическая философия Айн Рэнд и была либертарианской, не все либертарианцы были согласны с ее метафизическими, этическими и религиозными взглядами. Некоторым не нравилась прямолинейность подачи» [1, с. 63].

Рэнд одной из первых стала всерьез конфликтовать с основателями современного консерватизма из журнала “National Review”, поставив под угрозу идею «консервативной коалиции». Справедливости ради, стоит заметить, что «войну» начала не она. Сначала автор журнала Уиттакер Чамберс опубликовал рецензию на ее книгу «Атлант расправил плечи» под острым заголовком «Большая сестра следит за тобой», назвав текст «философским кошмаром», не романом, но «посланием». Согласно Чамберсу, «рэндианский человек» – не лучше «марксистского человека» и, возможно, даже хуже. По его мнению, Рэнд просто-напросто выступает «за контроль технократической элиты над обществом». Чамберс оценил и художественную сторону работы – примитивный стиль, карикатурные образы [19, р. 594–596]. Раскол либертарианцев с правыми наметился именно тогда. На защиту Рэнд поднялся ее последователь и в будущем кумир многих либертарианцев Мюррей Ротбард, в то время как на сторону Чамберса встали такие уважаемые традиционалисты, как Рассел Кирк и Фрэнк Майер. В полемике победили традиционалисты, избавившись от нежелательного элемента коалиции, но сохранив все другие направления американского консерватизма. Уже позднее, в 1960-х, так и не пережив разочарование и обиду, Рэнд в интервью журналу “Playboy” называла “National Review” «худшим и самым опасным журналом в Америке» [29, р. 242].

Несмотря на то что у каждой стороны был свой взгляд на конфликт, позиция Бакли и компании кажется более понятной. В своем воспевании беспредельного индивидуализма и отрицании религии Рэнд действительно приблизилась если не к тоталитаризму, то уж точно к «сектантству». Отказ от каких бы то ни было норм и правил мог звучать для кого-то привлекательно, но с очевидностью обещал диктатуру новой элиты, о чем и предостерегал Чамберс. Разумеется, поклонники Рэнд предпочитают видеть себя на месте ее главных героев, а не тех, кто их окружает, но даже это не слишком хорошо: возомнивший себя рэндианским супериндивидуалистом человек без твердых понятий о добре и зле может принести больше бед, нежели страниц в «Атланте».

Бакли и его коллега Фрэнк Майер выступали против Рэнд и видели в ее книгах презрение к людям и противоречие с ценностями консервативного движения. При этом они во многом разделяли ее либертарианские и антикоммунистические взгляды. Пока консерваторы из “National Review” старались свести воедино основные направления движения – либертарианство, антикоммунизм и традиционализм, – Рэнд не особенно старалась найти общий язык с консерваторами. Ее прямолинейность, часто граничащая с хамством, контрастировала с осторожными настроениями “National Review”. Хотя Уильям Фрэнк Бакли-мл., Уильям Рашер и Фрэнк Майер и спорили друг с другом, но находили возможность сотрудничать и продвигать общие идеи для движения. Своей негибкостью Рэнд лишила себя возможности сделать либертарианство ведущей силой консерватизма. Собственно, сам образ культового персонажа – женщины, требующей от своих последователей обязательного курения или критикующей их выбор жен («никаких христианок»), – контрастирует с жизненным стилем кон-

сервативных авторов. Например, писатель и консервативный активист М. Стэнтон Эванс проводил встречи с молодыми правыми журналистами в барах, а Рашер засиживался в редакции до глубокой ночи, дожидаясь заблудившегося в большом городе начинающего правого активиста. Как писал либертарианец Джером Таккилл: «Не соглашаться с идеями Рэнд означало стать аморальным и иррациональным... любопытно, что женщина, начинавшая с прославления независимого мышления, начала полагать свои идеи воплощением истины и объективности» [37, р. 111].

Рэнд заслужила уважение консерваторов за антикоммунистическую и произраильскую позицию, за популяризацию либертарианских идей, но они не видели в ней всезнающего и никогда не ошибающегося мыслителя. С нее было удобно начинать изучение правого движения, но на ней не стоило останавливаться как на главном и единственном авторе. Как сказал про нее «республиканец с большой “Р” и либертарианец с маленькой “л”», экономист Милтон Фридман, «Рэнд – нетерпимая к чужому мнению догматичка, которая тем не менее принесла много пользы» [38].

Окончательный разрыв: Мюррей Ротбард

Милтон Фридман назвал «догматиком и основателем культа» Мюррея Ротбарда, в итоге ставшего одним из лидеров политического движения либертарианства. Сегодня авторитет Ротбарда едва ли не более непрерываем для либертарианцев, чем Рэнд. Но если позволить себе оценочные суждения, от его деятельности вреда движению было значительно больше, чем пользы. Работа упоминавшегося Фрэнка Чодорова не была напрасной – либертарианскими идеями Ротбард «заразился» именно от него. В 1946 году, будучи выпускником Колумбийского университета, Ротбард открыл для себя “Analysis” и впечатлился текстами Чодорова и Альберта Джей Нока. Эссе Нока «Налогообложение – это грабительство» возымело на Ротбарда «большое влияние» [29, р. 23]. Так он стал одним из главных апостолов либертарианства. Некоторое время Ротбард был «рэндианцем», и это именно ему досталось от Рэнд за «жену-христианку». В 1950-х он пытался полемизировать с американскими консерваторами, выступая за пацифизм и изоляционизм. Он даже недолго побыл членом Республиканской партии, из которой со скандалом ушел. Вместе с тем, его взгляды 1950-х не оказали никакого влияния на правых. Возможно, по этой причине он стал дистанцироваться от консерваторов. Но его время было впереди.

Дэвид Боуз в книге о Ротбарде утверждает, что тот «сыграл важную роль в создании как теоретической структуры современной либертарианской мысли, так и политического движения, связанного с этими идеями. Его перу принадлежит большой экономический трактат “Человек, экономика и государство”, четырехтомная история Американской революции “Conceived in Liberty”, краткое руководство по теории естественных прав и следующим из нее выводам “Этики свободы”, популярный либертарианский манифест “К новой свободе”¹, а также огромное множество брошюр и статей в общественно-политических журналах и информационных бюллетенях. Либертарианцы сравнивали его как с Марксом, создателем комплексной политико-экономической теории, так и с Лениным, “неутомимым организатором радикального движения”» [1, с. 63–64]. Сравнение Ротбарда с Марксом и Лениным не случайно – он был близок и с левыми. Но сравнение оказывается еще более точным и важным, потому что в России Ротбард представлен исключительно как «уважаемый теоретик» типа

¹ Манифест переведен на русский язык. См. [9].

Маркса¹, в то время как его «ленинская» политическая деятельность остается совершенно неизвестной. Давайте с ней познакомимся.

В 1960-х, следуя понятным для многих либертарианцев антивоенным настроениям, Ротбард совершил одну из главных ошибок движения, пойдя на объединение с левыми. Консерваторы из “National Review” – такие как Уильям Рашер – в дебатах той поры с левыми либералами часто настаивали на приглашении к дискуссии «новых левых». Стратегией Рашера было стравливание либералов и радикалов. Консерваторы видели в радикалах не союзников, но инструмент, с помощью которого можно было внести хаос в левое движение. Ротбард же всецело отдался сотрудничеству с левыми, несмотря на то, что у него была возможность объединиться с консерваторами по такому, например, вопросу, как отмена призыва: здесь именитые правые – Уильям Рашер, Фрэнк Майер и Филлис Шлафли – стали бы его союзниками. В итоге Ротбард начал писать для левых изданий и прославлять радикальные организации вроде «Студентов за демократическое общество». Заодно Ротбард содействовал расколу в правом движении, призывая либертарианцев выходить из правой организации «Молодые американцы за свободу». Более всего Ротбард разочаровал правых, когда признался в любви к Че Геваре. В некрологе стороннику Кастро он отказался анализировать все последствия деятельности Че Гевары, восхваляя его за то, что тот был революционером. Французский писатель и публицист Жан-Франсуа Ревель как-то заметил, что одной из главных глупостей интеллектуалов является желание судить обо всех режимах по результатам и только о коммунистах по замыслам и намерениям. Представления Ротбарда о Че Геваре – иллюстрация к этой максиме Ревеля.

К концу 1960-х, пока правые во главе с Бакли полемизировали с воинственно настроенными католическими традиционалистами, на американский консерватизм последовала очередная атака со стороны либертарианцев: набравшись сил и вступив в союз с левыми, Ротбард возглавил «радикальных анархистских либертарианцев». Выступавший против этатизма внутри США, а также милитаризма и империалистической агрессии Трумэна в Корее, он наконец окончательно порвал с Бакли, заявив в левом издании “Ramparts”, что у американского консерватизма «что-то пошло не так» [29, р. 496]. К 1972 году либертарианцы, предприняв новую агрессивную кампанию, выпустили невероятное количество литературы – всего более двухсот сочинений разных авторов, среди которых были тексты Людвиг фон Мизеса, Милтона Фридмана, Айн Рэнд и, конечно, Мюррея Ротбарда. К этому времени движение стало настолько влиятельным, что созрело для того, чтобы организовать собственную политическую партию со своим кандидатом на пост президента. Им стал Джон Хосперс (что характерно, глава факультета философии Университета Южной Калифорнии).

Ротбард делал и антиизраильские выпады. В своей одержимости «антиимпериализмом» он перестал отличаться от левых радикалов, обвиняя в холодной войне Запад и объявляя Советский Союз «жертвой». Правда, со временем он разочаровался в новых друзьях и стал называть их «сталиноидами». В итоге он занялся поиском союзников среди палеоконсерваторов. Однако «достижения» Ротбарда 1960-х правыми не забудутся.

После всего этого не стоит удивляться, что левый публицист Александр Кокбёрн ставил книги либертарианца Роберта Хиггса² в пример левым авторам, а кандидат в президенты от Либертарианской партии в 2000 году Гарри Браун заявлял: «В атаках 9/11 виновата политика США, а не исламисты» [21, р. 327].

¹ На русский переведены многие его работы: [6, 7, 8, 10].

² Характерно, что книга Хиггса переведена на русский язык [18].

Основы для «нечестивого альянса» либертарианцев и антиамерикански настроенных левых закладывались именно Ротбардом.

Вновь позволив себе оценочные суждения, можно предположить: если либертарианцы продолжают следовать традиции рэндианского догматизма или ротбардовского союза с левыми, движение превратится в секту, имеющую некоторое количество поклонников, но никак не влияющую на политику. Только сотрудничество с консерваторами может сделать либертарианцев серьезной силой.

Возникновение палеолибертарианства

Итак, разногласия между традиционалистами и либертарианцами в 1960-х привели к расколу в американском консервативном движении. В начале 1990-х Ротбард, активный участник того конфликта, попытался объединить правых. Правда, «палеолибертарианская стратегия», хотя и стала интересным для изучения интеллектуальным явлением, в политическом смысле оказалась ничтожной.

Программными для палеолибертарианцев стали статьи Ротбарда и Льюеллина Роквелла. В 1980-х Ротбард ополчился против игравших в либертарианском движении серьезную роль братьев Кохов, считая, что они предлагают не слишком культурно-консервативную модель либертарианства. Далее последовал разрыв отношений с братьями и создание Мизесовского института. Ротбард в «Правом популизме» (1992) высказывал следующие соображения. Америка стала элитистским обществом, в котором правит элита, образованная «коалицией Большого правительства, Большого бизнеса и групп особых интересов» [33]. К тому же элита взяла себе на работу интеллектуалов и СМИ, всегда готовых прийти на защиту системе.

Ценивший наследие фон Мизеса Ротбард критиковал «хайековскую модель» – распространение либертарианских идей в интеллектуальной среде в надежде на их широкое укоренение, – полагая ее идеалистической: интеллектуалам выгоднее поддерживать существующий порядок. Поэтому, с его точки зрения, нужно было создавать собственные кадры влиятельных либертарианцев и нести идеи в массы, обходя СМИ и интеллектуальные элиты. Целью «правого популизма», таким образом, должен был стать средний класс и даже «трудящиеся». Прилагался и план: сокращение налогов, пособий, отказ от расовых привилегий, развязывание рук полиции в вопросах борьбы с преступностью и очистки улиц от бездомных, ликвидация Федерального резерва, прекращение помощи иностранным государствам, защита семейных ценностей всеми способами. Плюс возвращение к молитве в школе и дистанцирование от леволибертарианской идеи; а также утверждение, будто все правительственные организации есть зло – следует просто перестроить их для удобства частного предпринимательства. Вывод: «все эти правые популистские пункты полностью совпадают с идеологией убежденных либертарианцев. Но в мире реальной политики необходимы коалиции, поэтому в ряде вопросов либертарианцам нужно идти на компромисс с традиционалистами. Например, в вопросах порнографии, проституции или аборт. Здесь сторонники аборт и легализации должны ставить во главу угла идею децентрализации — необходимо покончить с тиранией федеральных судов и отдать решение проблем штатам, а лучше местным общинам и “общинным стандартам”» [33].

Большинство перечисленных идей Ротбарда консерватору понятны и близки. Но было в его программе нечто, способное покорило сторонника политического прагматизма. Например, как минимум недоумение могло вызвать желание автора начать статью с рассказа о Дэвиде Дюке, в 1970-х годах видном куклуксклановце и помешанном на еврейских заговорах персонаже. Не стоит

повторять миф, будто Ротбард представил Дюка идеалом правого популиста, хотя и отметил его достаточно консервативную программу. Для Ротбарда важнее было нанести удар политическому мейнстриму, закрывавшему глаза на клановское прошлое многих либералов (судья Хьюго Блэк, сенатор Роберт Бёрд). Тем не менее построение значительной части программного текста вокруг представителя расистской организации и антисемита вряд ли было удачным ходом – это способно отпугнуть любую политическую силу.

Другим важным документом движения стала работа Лео Рокуэлла «Возможность палеолибертарианства». Автор объявлял, что политическая свобода при всей ее важности не является достаточной для функционирования достойного общества. «Нужны социальные институты и стандарты, которые поощряют общественную добродетель и защищают личность от государства». Либертарианство, по мнению Рокуэлла, увлеклось играми в контркультуру, утратив связь с реальностью. И проблема не в либертарианской идеологии, но в Либертарианской партии: «Партия уже не подлежит реформированию. Да и проку от нее нет. Другое дело либертарианство. Но пока мы не очистим культурный образ либертарианства, движение добьется успеха не больше, чем Либертарианская партия». То есть необходимо то самое палеолибертарианство, которое «не есть новая идеология, но возвращение к корням... У нас нет своих неоконков, но надо разграничить либертарианство и либертинаж». Далее Рокуэлл предлагал основные пункты палеолибертарианства, перекликавшиеся с идеями Ротбарда: разросшееся государство есть источник зла, свободный рынок – моральный и практический императив, частная собственность необходима в свободном обществе, насильственному уравниванию в таком обществе не место, западная культура должна быть защищена, в основе цивилизованного общественного порядка – иудео-христианская культурная традиция. Кроме того, Рокуэлл высказывал соображения о важности семьи и борьбы с преступностью, приравнивал радикальных экологов к язычникам и разводил понятия государственной власти и власти общественной, из которых злом является только первая [31].

Рокуэлл высказывал немало здравых соображений, критикуя позитивную дискриминацию и то, как проводимая государством интеграция не стала улучшением по сравнению с проводившейся государством сегрегацией. Однако он сделал не самый удачный политический ход. Имея возможность обратиться к здравомыслящим чернокожим, в среде которых социальный консерватизм всегда был развит (и пострадал как раз из-за действий правительства в 1960-х), он предпочитал клясть Мартина Лютера Кинга, упуская шанс расширить круг палеолибертарианцев за счет меньшинств. Как показывает история консервативного движения, чернокожие активисты на тот момент уже стали примечательным явлением.

Получается, Рокуэлл сделал ошибку, не учитывая популярности таких достойных правых популистов, как сенатор Джо Маккарти (противник дискриминации) и актер Джон Уэйн, осудивший Акт о гражданских правах 1964 года, но обвинивший в нем белых расистов, игнорировавших антидискриминационные поправки к Конституции. Что касается Кинга, то правым было за что его критиковать, но здесь Рокуэлл также поступил опрометчиво. Впоследствии этой ошибки избежит Энн Коултер. Язвительная «мисс Консерватор» не раз нападала на Мартина Лютера Кинга, но всегда противопоставляла ему других чернокожих деятелей.

Либертарианская «Стратегия для правых»

Значительным для палеолибертарианского движения текстом Ротбарда стала речь «Стратегия для правых». Она начиналась с ностальгических воспоминаний по «старым правам», которым были присущи изоляционизм и противостояние Новому курсу. Далее Ротбард воспевал Джозефа Маккарти, но в

результате, как и Рэнд, не изжив ресентимент, вернулся к критике консервативного движения в целом и Уильяма Бакли как его лидера. Особое негодование Ротбарда вызвало намерение Бакли удалить из движения антисемитов. «Бакли избавился от настоящих правых, предпочтя объединяться с любой антикоммунистической, а лучше антисоветской или антисталинской группой» [32]. Ротбард призывал видеть «настоящих правых» в одержимом происками Израиля колумнисте традиционалистского толка Джозефе Собране, а также в другом специалисте по «вездесущим проклятым сионистам», журналисте и политике палеоконсервативного толка Патрике Бьюкенене, которого палеопублике надлежало поддержать на президентских выборах 1992 года.

Либертарианский экономист Стив Хорвиц полагает, что «палеолибертарианская стратегия была ужасной ошибкой как стратегической, так и теоретической... она обращалась к худшим инстинктам» [25]. При этом Хорвиц принадлежал скорее к левым либертарианцам. Что же говорили консерваторы? И в их среде стратегия не вызвала энтузиазма. Историк консервативного движения Ли Эдвардс заметил: «Палеоконсерваторы стали мелкой фракцией. Их хватало только на восклицания... о том, что "Рейган отдал свою администрацию глобалистам-демократам и республиканцам Восточного побережья"» [20]. Большинство консерваторов, видевших процветание 1980-х и крушение коммунизма, разочарованно качали головами, внимая подобной риторике. Таким же надуманным было заявление палеоконсерваторов, будто «"неоконсервативная империя" подчинила себе консервативное движение». Один из бессменных лидеров консерватизма Уильям Рашер высказался так: «Группа консерваторов, недовольная интервенционистской внешней политикой и якобы безразличием неоконсерваторов к Большому правительству, стала яростно их обличать, а потом с шумом ушла из движения. Имена палеоконсерваторов мало кому известны, хотя Пэт Бьюкенен где-то около них» [34].

Практических результатов стратегия тоже не принесла. Тот самый Бьюкенен в 1992-м смог заинтересовать некоторых авторитетных в правом движении людей, но уже в 1996-м утратил их доверие и поддержку. Христианские правые, которым досаждали антиизраильские выходки Бьюкенена, сделали всё, чтобы свести к минимуму его президентские шансы. Бывший среди его поклонников в 1992-м знаменитый радиоведущий Раш Лимбо в 1996-м, когда Бьюкенен все активнее выступал против соглашений о свободной торговле, заговорил следующим образом: «Он не консерватор. Он популист... Бьюкенен озабочен политикой, которая расширяет вмешательство правительства в нашу жизнь» [цит. по: 27, р. 152].

Самая злая блондинка-республиканка той поры, публицистка Дебби Шлюссел, называла Бьюкенена «самым знаменитым неонацистом Америки», «герром Бьюкененом» и обращалась к нему «Хайль, Пэт». Не менее жестким в высказываниях оказался консервативный автор Джона Голдберг: «Его фашистские инстинкты сдерживали лояльность к Республиканской партии и консервативному движению. Но после Рейгана и холодной войны Бьюкенен отказался от этой лояльности и сдвинулся влево в поисках настоящих принципов. Он называет себя "палеоконсерватором", но является неопрогрессивистом» [23, р. 398]¹. Сегодня Бьюкенен превратился в «главное пугало» правоконсервативного движения: либералы пугают им центристов. Их критика во многом обоснована, что не делает Бьюкенена хоть сколько-нибудь вероятным кандидатом на политический пост. Разве что любопытным и эксцентричным автором.

Что же стало с создателями «стратегии»? Ротбард умер в 1995-м. В 1992-м, когда ставка на Бьюкенена не сработала, он предпочел поддержать республиканский истеблишмент и Джорджа Буша-ст. Правда, причудливая мо-

¹ Цитата приводится по оригиналу. Имеется русский перевод: [2].

дель «избирательного изоляционизма» – обязательно указывать Израилю на его место – была и здесь налицо.

Рокуэлл еще жив, хотя его сайт lewrockwell.com являет собой малопривлекательное зрелище для либертарианцев и в целом для правых. Рокуэлл активно привлекает левую публику, если та вдруг специализируется на критике Израиля или неоконсерваторов. На сайте можно найти друга палестинских террористов, попадавшего на лживых материалах об американских консерваторах Макса Блюменталю, Ранию Халек (ее главные достижения – организация травли произраильских активистов в Интернете и подсчеты количества евреев в редколлегиях враждебных сайтов и журналов) или завсегдатая леволиберальных изданий Мэтта Таибби. Поэтому не стоит удивляться оценкам той же Дебби Шлюссел («чокнутый антисемит Рокуэлл») или Рича Лоури из “National Review” («сайт Рокуэлла – гнойное болото»).

Фрукты в шоколаде: сын отвечает за отца

С палеолибертарианской стратегией сегодня связан известный политик, конгрессмен Рон Пол. Стратегия «наградил» его новостными бюллетенями, которые еще долго отзывались на репутации конгрессмена. Стив Хорвиц уверен, что эти тексты писали все те же Ротбард и Рокуэлл. Тем более что Рокуэлл руководил штабом Рона Пола с 1978 по 1982 год. В 1970–1990-х новостные бюллетени сообщали читателям много странного и невыгодного для политика: о сексуальных привычках Мартина Лютера Кинга, о «Моссад» как вероятном организаторе терактов в 1993 году, о готовности «друзей Израиля» работать на «Моссад», о криминальной сущности 95% чернокожего населения Вашингтона и пр. Реакция Рона Пола на бюллетени выглядит странной: он то признавал свою связь с ними, то отрекаться от них. В итоге ущерб для него от этих текстов оказался серьезным. Если Пол знал о том, что публиковалось под его именем, то он – не самый мудрый политик. Если не знал – тем более: как можно не замечать публикации текстов на протяжении почти двадцати лет? Самое большее, что он сделал, – «погрозил пальцем» Ротбарду и Рокуэллу: «Они просто любили ссорить людей и вносить раскол» [40].

Бюллетени вместе с сомнительными взглядами Рона Пола на внешнюю политику подорвали его шансы стать серьезным лидером консервативного движения. Его мантра «во всем виновата американская внешняя политика» и готовность вставать на защиту авторитарных режимов (например, Ирана) вряд ли в его пользу. Организации расистского и антисемитского толка, наподобие сайта Stormfront, упорно лезут в друзья к конгрессмену, а он отбивается от них не так активно, как от «поджигателей войны» в Республиканской партии.

Пол то поддержит удар Израиля по иракскому ядерному реактору, то проголосует против резолюций Конгресса о праве еврейского государства на самозащиту и об осуждении антиизраильской «комиссии Голдстоуна». Заявления о прекращении помощи США иностранным государствам уживаются в его речах с голосованием о продолжении помощи палестинской администрации. Отсюда недовольство Полом целого ряда видных консервативных деятелей.

Даже более молодые представители американского консерватизма, соглашаясь с рядом соображений Пола об ограничении правительства, испытывают серьезные трудности с тем, как им следует реагировать на его внешнеполитические взгляды. Например, экономист и философ Томас Соуэлл считает: «Нельзя доверять судьбу страны человеку, который отмахивается от опасности ядерного Ирана» [39]. Или юрист, дипломат и ветеран консервативного движения Джон Болтон: «Мы живем не в мире фантазий, и нам нужен президент, осознающий опасности окружающего мира. Рон Пол не станет таким» [29]. На-

падки же Дебби Шлюссел на Пола – своего рода искусство: достаточно привести изобретенный ею термин «ронполестинцы», которым она наградила самых упертых фанатов конгрессмена [36]. Или Рич Лоури: «Пол не в состоянии различить маргиналов и пуристов. Он занял антиправительственную позицию и сделал ее достоянием лунатиков и экстремистов... Он дает слушателям на дебатах возможность пару раз улыбнуться, кивнуть и задаться вопросом – не слишком ли много Ноама Хомского читает Рон Пол?.. Любой разговор он выводит на зловредность американской внешней политики» [26]. А вот точка зрения сатирика-колумниста Кёрта Шликтера: «Консерваторы вроде меня смотрят на Рона Пола и восхищаются его взглядами на внутреннюю политику и готовность бороться с бюрократией. Тут бы ему и умолкнуть, но он говорит дальше... И, когда доходит до внешней политики, к нему пропадает всякий интерес» [35]. Но точнее всех оказался популярный телеведущий Грег Гатфелд: «Рон Пол – фрукт в шоколаде. Я обожаю шоколад, но ненавижу фрукты... Когда он говорит о раздутом правительстве – это шоколад. Когда о внешней политике – фрукт» [22].

В настоящий момент палеолибертарианская стратегия может повредить политической деятельности сына Рона Пола – Рэнда. Пока что Рэнд Пол старается угодить всем и подать себя праволибертарианским популистом нового поколения. Однако тот же Джона Голдберг пророчит ему проблемы: «Рэнд Пол вырос в тени палеолибертарианской стратегии. Он всегда с уважением говорит про отца, но никак не обозначил связи с тезисами Ротбарда – Рокуэлла... Пол хочет стать президентом. Здесь я скептичен. Он куда лучший политик – и морально, и стратегически, – чем его отец, но в политическом климате, где даже Митт Ромни и Джон Маккейн демонизируются, не хочется даже представлять, что сделают с Полом его оппоненты в СМИ. Заслужил он того или нет, но разгребать авгиевы конюшни придется ему» [24].

В результате получается, что Стив Хорвиц был прав. «Палеолибертарианская стратегия» дала в основном отрицательные результаты. Раскол с классической идеей консервативной коалиции, ставка на сомнительных политиков, привлечение разнообразных конспирологов – все это не вывело палеолибертарианцев на ведущие роли в правом движении, но поставило их в положение маргиналов и уподобило почти тоталитарной секте. Так что разумным палеолибертарианцам приходится не столько защищать свои идеи, сколько отбиваться от обвинений в расизме и антисемитизме. Не столь разумным стратегия дала возможность уйти от любой ответственности за свои ошибки, так как «во всем виноваты неокконы и их всепроникающий заговор». При этом консервативный мейнстрим был даже готов к сотрудничеству: Патрик Бьюкенен и Рон Пол активно публикуются на популярных правых сайтах, а Рэнд Пол и другие важные фигуры влились в поддерживаемое братьями Кохами (с которыми сотрудничал и Рон Пол) Движение Чаепития. Палеолибертарианцам надо только сделать над собой усилие – снять с движения налет сенсационности и скандальности и увести его в сторону разумных идей, которых в либертарианстве достаточно.

Литература

1. *Боуз Д.* Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2004.
2. *Голдберг Д.* Либеральный фашизм: История левых групп от Муссолини до Обамы. М.: Рид Групп, 2012.
3. *Кубедду Р.* Политическая философия австрийской школы. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2008.
4. *Лейкофф Л.* Объективизм: Философия Айн Ранд. М.: Альпина бизнес букс, 2012.
5. *Робин К.* Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
6. *Ротбард М.* Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003.

7. *Ротбард М.* Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2002.
8. *Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США: С колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск: Социум, 2005.
9. *Ротбард М.* К новой свободе: Либертарианский манифест. М.: Новое издательство, 2009.
10. *Ротбард М.* Показания против Федерального резерва. Челябинск: Социум, 2003.
11. *Рэнд А.* Атлант расправил плечи. М.: Альпина бизнес букс, 2011.
12. *Рэнд А.* Возвращение примитива. Антииндустриальная революция. М.: Альпина бизнес букс, 2011.
13. *Рэнд А.* Добродетель эгоизма. М.: Альпина бизнес букс, 2011.
14. *Рэнд А.* Искусство беллетристики. М.: Альпина бизнес букс, 2011.
15. *Рэнд А.* Капитализм: Незнакомый идеал. М.: Альпина бизнес букс, 2011.
16. *Рэнд А.* Романтический манифест: Философия литературы. М.: Альпина бизнес букс, 2011.
17. *Хайек Ф.А. фон.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005.
18. *Хиггс Р.* Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН, 2010.
19. *Chambers W.* Big Sister Is Watching You // National Review. 1957. December 28. P. 594–596.
20. *Edwards L.* The Conservative Revolution: The Movement that Remade America. New-York: Free Press, 1999.
21. *Elder L.* Showdown: Confronting Bias, Lies and the Special Interests that Divide America. New-York: St. Martin's Griffin, 2002.
22. *Eye R.* Debate Recap: «Ron Paul Is Like A Chocolate-Covered Piece Of Fruit». URL: <http://www.mediaite.com/tv/red-eye-debate-recap-ron-paul-is-like-a-chocolate-covered-piece-of-fruit/>
23. *Goldberg J.* Liberal Fascism: The Secret History of the Left from Mussolini to the Politics of Meaning. London: Penguin Books, 2007.
24. *Goldberg J.* Rand Paul's Paleo Problem. URL: <http://www.nationalreview.com/article/353599/rand-pauls-paleo-problem-jonah-goldberg>
25. Horowitz S. How Did We Get Here? Or, Why Do 20 Year Old Newsletters Matter So Damn Much? URL: <http://bleedingheartlibertarians.com/2011/12/how-did-we-get-here-or-why-do-20-year-old-newsletters-matter-so-damn-much/>
26. *Lowry R.* Paul, the Fringe Frontrunner. URL: <http://www.nationalreview.com/article/286259/paul-fringe-frontrunner-rich-lowry?target=author&tid=900170>
27. *Lucas F.V.* The Right frequency: The Story of the Talk Radio Giants Who Shook Up the Political and Media Establishment. New-York: History Publishing Company, 2012.
28. *McDuffee A.* Ron Paul's foreign policy worse than Obama's, says John Bolton. URL: https://www.washingtonpost.com/blogs/think-tank/post/ron-pauls-foreign-policy-worse-than-obamas-says-john-bolton/2011/12/29/gIQAIVAcOP_blog.html
29. *Nash G.H.* The Conservative Intellectual Movement in America since 1945. Wilmington: ISI Books, 2006.
30. *Nock A.J.* Our Enemy, the State. Caldwell, Idaho: the Caxton Printers, LTD, 1950.
31. *Rockwell L.H.* The Case for Paleo-libertarianism. URL: http://mises.org/journals/liberty/Liberty_Magazine_January_1990.pdf
32. *Rothbard M.N.* A Strategy for the Right. URL: <https://mises.org/library/strategy-right>
33. *Rothbard M.N.* Right-Wing Populism. URL: <http://www.freerepublic.com/focus/news/697923/posts>
34. *Rusher W.* Conservatism 101: A checklist. URL: http://townhall.com/columnists/williamrusher/2006/08/24/conservatism_101_a_checklist
35. *Schlichter K.* We Conservatives Need to Stop Blaming Libertarians. URL: <http://townhall.com/columnists/kurtschlichter/2013/11/18/we-conservatives-need-to-stop-blaming-libertarians-n1746487/page/2>
36. *Schlussel D.* Figures: «Breaking Bad» Mafia Meth Cook is Huge Ron Paul Fan. URL: <http://www.debbieschlussel.com/66024/figures-breaking-bad-mafia-meth-cook-is-huge-ron-paul-fan/>
37. *Schneider G.L.* The Conservative Century: From Reaction to Revolution. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2009.
38. *Somin I.* Assessing Ayn Rand: «An Utterly Intolerant and Dogmatic Person Who Did a Great Deal of Good». URL: <http://volokh.com/2009/10/22/assessing-ayn-rands-legacy-an-utterly-intolerant-and-dogmatic-person-who-did-a-great-deal-of-good/>
39. *Sowell T.* Republican Voters' Choices. URL: <http://www.creators.com/conservative/thomas-sowell/republican-voters-choices.html>
40. *Welch M.* Ron Paul, on Murray Rothbard and Lew Rockwell: «They enjoyed antagonizing people, to tell you the truth, and trying to split people». URL: <http://reason.com/blog/2011/12/28/ron-paul-on-murray-rothbard-and-lew-rock>

Аннотация. Статья – краткий очерк истории либертарианского движения в США в рамках формирования американского консерватизма как такового. Авторы сосредотачивают внимание на том, что в США многие мыслители и деятели правых убеждений испытали серьезное влияние протолибертарианцев, и потому у либертарианства были большие шансы стать главным течением в новом американском консерватизме. В середине XX века у некоторых деятелей из журнала “National Review” возникла идея «консервативной коалиции», однако либертарианцы не приняли в ней участие и в лице своих лидеров Айн Рэнд и Мюррея Ротбарда пошли на конфликт с остальными правыми. В итоге либертарианцы всё более отдалялись от американского консерватизма и в какой-то момент даже создали партию, перестав быть только интеллектуальным течением и став политическим движением. Однако в итоге тот же Мюррей Ротбард, после определенных идеологических «виляний», решил вернуться в лагерь правых и предложить консерваторам «палеолибертарианскую стратегию». Однако попытка оказалась неудачной, и «стратегия» скорее дискредитировала ее авторов и либертарианское движение в целом. В начале 1990-х палеолибертарианцы сошлись с палеоконсерваторами, но этот союз в итоге тоже не дал никаких видимых результатов в политике. Авторы статьи отмечают, что деятельность либертарианцев негативным образом сказалась на политической карьере Рона Пола. Более того, в настоящий момент наследие Ротбарда может негативно отразиться на деятельности Рэнда Пола – особенно в свете нынешней президентской гонки, – если он вовремя не отречется от оставшегося ему «наследства».

Ключевые слова: либертарианство, консервативная коалиция, палеолибертарианство, Альберт Джей Нок, Айн Рэнд, Мюррей Ротбард, Рон Пол, Рэнд Пол.

Ivan Denisov, Americanologist, the author of many publications on American conservatism. E-mail: ivan_denisov@inbox.ru

Alexander Pavlov, Ph.D. in Juridical Sciences, Associate Professor, Philosophy School, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: apavlov@hse.ru

Political Libertarianism

Abstract. The paper is a brief essay on history of libertarianism in the USA with focus on libertarianism as a part of conservative movement. Authors emphasize the fact that many American writers and thinkers of the Right felt strong protolibertarian influence, so libertarianism had all the chances to become the leading current in new American conservatism. In the middle of the 20th century several writers from conservative m “National Review” magazine entertained the idea of “conservative fusionism”, but libertarians rejected it. More, such libertarian leaders as Ayn Rand and Murray Rothbard chose confrontation with conservatism. As a result libertarians distanced themselves from conservatism and in the end formed their own party becoming not just an intellectual but also a political movement. Still, Murray Rothbard after his “wilderness years” decided to join the Right again and even offered “paleolibertarian strategy”. But his attempt failed and strategy brought more bad than good to libertarianism, even discrediting the movement. The beginning of 1990s brought the alliance between paleolibertarians and paleoconservatives but no real political successes. Authors point out that in many ways libertarian strain damaged political career of Ron Paul. More, the legacy of paleolibertarian strategy may undermine presidential campaign of Senator Rand Paul – unless he rejects this legacy.

Keywords: Libertarianism, Conservative Coalition, Paleolibertarianism, Albert Jay Nock, Ayn Rand, Murray Rothbard, Ron Paul, Rand Paul.

Основания неоконсерватизма

В 2004 году словенский философ левых взглядов Славой Жижек обратился к анализу внешней политики США после того, как администрация Джорджа Буша-мл. приняла решение об интервенции в Ирак, мотивируя свои действия наличием у «вражеского государства» ядерного оружия. В книге «Ирак: история про чайник» Жижек, анализируя официальную риторику США той поры, описал логику высказываний и действий американского истеблишмента с помощью психоаналитического анекдота: «Я никогда не брал твоего чайника; я вернул его тебе целым и невредимым; чайник уже был дырявым, когда я его у тебя брал» [2]. Хотя речь идет о современности и важных политиках, на решения которых якобы и повлияли «неоконсерваторы» (насколько последние имели влияние на ключевых политических игроков в США, еще большой вопрос), примерно в той же логике истинные неоконсерваторы высказывались уже в конце 1970-х, когда движение только формировалось и никто не думал, что они будут как-то связаны с теми фигурами, про которые говорит Жижек.

Если присмотреться, то *почти все* неоконсерваторы, участвующие в движении с самого начала, в духе психоаналитического анекдота, приводимого Жижеком, говорили примерно следующее: 1) неоконсерваторы не размышляют в унисон, и если имеют какое-то политическое влияние, то крайне незначительное; 2) у неоконсерваторов нет ни ресурсов, ни какой-либо четко оформленной институциональной организации; 3) а главное – они отказываются называть себя неоконсерваторами. В этом отношении показательно название одной из первых программных статей лидера движения Ирвинга Кристола «Признания подлинного, возможно, единственного неоконсерватора, считающего себя таковым» [6].

Дом из песка и тумана

В самом деле, те, кто стоял у истоков движения, к 2003 году уже не считали себя таковыми. Некоторые либо разочаровывались и уходили, публично порывая с неоконсерватизмом (к числу последних, если брать недавние примеры, принадлежит всемирно известный политолог Френсис Фукуяма¹). Другие работали в неоконсервативных организациях, оказывая поддержку движению, но при этом публично дистанцировались от неоконсерватизма. Например, социолог Роберт Нисбет сотрудничал с неоконсерваторами, но не причислял

¹ Фукуяма обобщил свои представления о неоконсерваторах и политике США в связи с их влиянием в книге: [14].

Павлов Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: apavlov@hse.ru

себя к ним¹. Между тем, главными вдохновителями неоконсервативных политики и идей объявлялись фигуры, не только не участвовавшие в движении сознательно, но находившиеся в противоположном политическом лагере (политики-демократы Генри Джексон и Дэниэл Патрик Мойнихен). Наконец, некоторые неоконсерваторы считали себя таковыми, не разделяя определенных пунктов программы неоконсерватизма или не особенно задумываясь о них. Как пишет тот же Фукуяма, «...уже четверть века существуют большие различия во взглядах тех, кто считает себя неоконсерваторами» [14, с. 71]. То есть парадокс неоконсерватизма состоит в том, что это движение без деятелей; с родоначальниками, которые не согласились бы считать себя таковыми; с традицией, которая не получила продолжения; с массой участников, но практически без ядра.

Неоконсерватизм действительно во многом стал фантомом, вокруг которого медиа, основываясь на домыслах и слухах, выстроили колоссальную мифологию. При этом «шумиха» вокруг движения скорее шла на пользу, чем вредила, неоконсерватизму. Дело было не только в том, что он находился в фокусе общественного внимания, слухи о нем позволяли сторонникам движения публично опротестовывать разные домыслы о себе, а также в доступной форме излагать ключевые пункты идеологии (и если быть более точным – своих убеждений).

Многие неоконсерваторы пытаются применить традиционный прием «исторической политики» – представить как можно больший спектр источников и влияний неоконсервативной идеи. По сути, они делают то, что английский историк-марксист Эрик Хобсбаум назвал «изобретением традиции». В отсутствие солидной и благородной истории традиция просто-напросто придумывается задним числом. Например, Джин Киркпатрик считала неоконсервативную политику ответом контркультуре [24]. Многие полагают, что корни неоконсерватизма следует искать в текстах учеников Лео Штрауса и в работах его самого [2, с. 198–212; 14, с. 38–50; 19, р. 137–178; 29, р. 201–212]. Джошуа Муравчик считает, что неоконсерватизм, ориентированный на внутреннюю политику, вырос из деятельности Ирвинга Кристола, в то время как внешнеполитический неоконсерватизм обязан своим существованием журналу Нормана Подгореца “Commentary” [7]. Фрэнсис Фукуяма обнаруживает корни движения в «Городском колледже» – деятельности группы интеллектуалов преимущественно еврейского происхождения (Ирвинг Кристал, Сеймур Мартин Липсет, Дэниэл Белл, Натан Глейзер и позднее Дэниэл Патрик Мойнихен), посещавших Городской колледж в Нью-Йорке в конце 1930-х и 1940-х годах, исповедовавших троцкистские и сталинистские взгляды и впоследствии изменивших свои убеждения [14, с. 30]². Помимо штраусианского влияния, Фрэнсис Фукуяма также отдельно останавливается, например, на фигуре математика и преподавателя Чикагского университета Альберта Уолстеттера, занимавшегося проблемами ограничения и распространения ядерного оружия [14, с. 51–57].

Поэтому чем разнообразнее будут «источники» движения, тем пристойнее оно будет выглядеть в глазах общественности. Такой подход, с одной стороны, действительно обогащает родословную движения, делает его более понятным для американцев. С другой стороны, это разнообразие может вызывать вопросы у тех, кто внимательно следит за неоконсерваторами и понимает, что у этой интеллектуальной группы, политических единомышленников, общественного движения и т.д. не было и нет единого центра управления.

¹ Нисбет сотрудничал с журналом “Commentary”, но себя считал классическим новым консерватором. О консерватизме Роберта Нисбета см.: [12].

² Впрочем, Фукуяма не ограничивается только этими «истоками», но начинает свою историю неоконсерватизма именно с них.

В принципе, многие неоконсерваторы долгое время отреклись от своей причастности к «движению»: никто не хотел брать ответственность за проект, шансы на успех которого были невелики. Ирвинг Кристол был тем, кто взял на себя эту ответственность и на протяжении нескольких десятилетий получал колоссальную прибыль от столь выгодно вложенных им интеллектуальных инвестиций. Можно сказать, что Кристол стал тем самым «негодяем», который, согласно Руссо, решил очертить кусок земли, сказать «это мое» и убедить в этом других, – с той лишь разницей, что Кристол присвоил себе «собственность» в сфере не земельной, но интеллектуальной. Кристол периодически называл конкретные имена, институты, журналы, группы, которые он относил к неоконсерватизму, и, в конечном счете, общественность стала считать неоконсерватизм реальным «движением». Например, в начале своего пути Кристол упоминал среди неоконсерваторов большей частью членов «Городского колледжа» – Белла, Глейзера, Липсета, Мойнихена, Подгореца и др. В отношении также причисляемого к неоконсерватизму Нисбета Кристол писал, что тот называет себя просто «консерватором», «не видя нужды в уточнении» [6, с. 87].

Если угодно, Кристол – второй человек из правых в США, создавший интеллектуальную и политическую силу из разных групп, которые нужно было как-то идейно «оформить». Первым таким правым – организатором движения, консервативного без приставки «нео», – был Уильям Фрэнк Бакли-мл., по общему мнению, создавший новый американский консерватизм как таковой. Бакли, основатель самого популярного правого журнала Америки “National Review”, был фактически «отцом» консервативной коалиции¹. Кристол построил свой неоконсервативный «дом из песка и тумана» по примеру Бакли-мл., но в отличие от последнего сделал свое движение гораздо более гибким и открытым любым влияниям. В конце концов, неоконсерватизм стал настолько известным и влиятельным, что Бакли со своей «консервативной коалицией», в которую был готов взять любых правых – от либертарианцев до религиозных фундаменталистов, – пошел на то, чтобы вступить в союз и с неоконсерваторами. За этот компромисс с теми, кого впоследствии будут презрительно называть «неоконами», Бакли критиковали многие единомышленники.

Приемные отцы, крестные отцы

Разумеется, отсылки к реакции на «контркультуру» или попытки найти неочевидные истоки движения – это скорее фантазии о желаемом. На самом же деле, чтобы понять неоконсерватизм, нужно обратиться к самым его истокам, не все из которых очевидны настолько, насколько несомненна роль в зарождении движения публициста и социолога Ирвинга Кристола. Грубо говоря, у неоконсерватизма, в том числе в том виде, в котором он известен сегодня, есть три действительно независимых источника – «три кита».

Первый «кит» – это как раз Ирвинг Кристол, собственно, лицо неоконсерватизма в информационном пространстве, ведь он является публичным интеллектуалом. Общественная деятельность – далеко не то же самое, что академическая, вот почему не стоит путать понятия «публичный интеллектуал» и «академический философ».

Но неоконсерваторам нужны были свои философские основания. И по этой причине вторым «китом» неоконсерватизма стал профессор политической философии Чикагского университета, еврейский эмигрант из Германии Лео Штраус. Несмотря на то что сам Штраус не согласился бы называть себя «неоконсерватором» и, вероятно, не очень хотел бы, чтобы его политическая

¹ О Бакли см. [13]. О Консервативной коалиции см. [10].

философия стала базисом для этого движения, то, что ее считают идейным фундаментом неоконсерватизма, – общепризнанный факт. Задним числом неоконсерваторы приписали себе Штрауса в качестве основной фигуры, которой они якобы вдохновлялись [11].

Впрочем, многие ученики Штрауса на самом деле примкнули к неоконсерватизму и обогатили его. Таким образом, штраусианский неоконсерватизм поначалу имел влияние по большей части в академической среде, но впоследствии некоторые его идеи слились с практическим неоконсерватизмом в публичной сфере и в политике. В этом отношении мысль и деятельность Штрауса не имели ничего общего с мыслью и деятельностью Ирвинга Кристола. Когда уже многие ученики Штрауса были готовы влиться в практическую политику, Кристол – к его чести, уже у самых истоков формирования движения – утверждал, что для неоконсерватизма чрезвычайно важна политическая философия Штрауса [6, с. 89], и не отказывался от своих слов спустя двадцать пять лет [3, с. 172]. Однако к тому времени, как Штрауса стали причислять к основоположникам неоконсерватизма, философ уже умер и поэтому вряд ли мог что-либо возразить против этой характеристики.

Влияние Штрауса на правых было независимым от Кристола, а сам Кристол был фигурой самостоятельной. Он действительно не раз упоминал о значении Штрауса для неоконсерватизма, но при этом никогда не раскрывал, в чем именно оно заключалось. Канадская исследовательница Шадия Друри, посвятившая себя разоблачению потайного смысла «политических идей» Штрауса, в книге «Лео Штраус и американские правые» пытается показать, в чем именно заключалось влияние Штрауса на Кристола и где можно обнаружить пересечения их мысли. Несмотря на то что Друри делает это изящно и даже виртуозно, тем не менее она не до конца убедительна в том, что во взглядах этих людей было много общего [19, р. 137–178]. Это тем не менее не означает, что Штраус не был причастен к правым. Но быть правым и быть сторонником Ирвинга Кристола – не одно и то же.

Третьим «китом» неоконсерватизма стал знаменитый политик, сенатор от штата Вашингтон, демократ Генри Джексон, у которого правые позаимствовали внешнеполитическую программу. Хотя это опять же кажется парадоксальным, но Джексон стал источником неоконсервативных убеждений в соответствии с общей логикой парадокса, выбранной его основателями. Кристол был далек от внешней политики, Штраус – от политики в целом, Джексон не принадлежал ни к консерваторам, ни к Республиканской партии. Парадоксальным образом неоконсерватизм создали разочаровавшийся в либерализме либерал, скромный ученый, выступавший в публичной сфере несколько раз в жизни и никогда не называвший себя представителем какой-либо идеологии, а также сенатор от Демократической партии. Последующее смешение всех трех влияний и создало в конечном счете то, что можно назвать неоконсерватизмом.

Но при этом из всех троих основоположников только Кристол почитает себя отцом неоконсерватизма, отцом крестным, давшим имя младенцу, в то время как двое других стали «отцами» названными – с тем нюансом, что не Штраус и Джексон признали неоконсерватизм своим детищем, но сами неоконсерваторы сказали: это наши отцы.

Раскроем значение каждого «отца» подробнее.

Ирвинг Кристол

Как уже говорилось, Ирвинг Кристол (1920–2009) был, «возможно, единственным», кто подчеркивал, что не столько не боится ярлыков, сколько ему не так важно, как будут называть движение, участником которого он является.

Собственно, как и в случае со славянофилами, самым ярлыком тех, кого в итоге стали называть неоконсерваторами, наградил их оппонент – публицист, «демократический социалист» Питер Стейнфелс [6, с. 87]. Впоследствии, когда неоконсерваторы приобрели политическое влияние, никто не сказал бы, что в движении есть более важная и влиятельная фигура, нежели Кристол. Именно потому, что Кристол с самого начала был главным проponentом этого течения, его заслуженно стали называть «крестным отцом неоконсерватизма». Разумеется, речь идет даже не столько о «крестном отце» в обычном понимании слова – скорее выражение отсылает к книге Марио Пьюзо «Крестный отец» и ее одноименной экранизации. На протяжении большей части своей жизни Кристол воспринимался как влиятельный человек – если угодно, глава «мафиозного клана» неоконсерваторов. Его сын Вильям – издатель ведущего неконсервативного издания «William Standard» – может считаться наиболее влиятельным публицистом этого движения.

Кристол всегда был готов отвечать за движение в целом, но ни за кого конкретно, оставляя возможность тому или иному его участнику отречься от неоконсерватизма. В 1979 году Кристол заметил: «...Было бы совершенно неверно представлять его (неоконсерватизм. – А.П.) в виде “движения”. Он не проводит никаких конференций, не имеет никаких организационных форм, у него нет никаких особых программных целей» [6, с. 88–89]. Это текст из книги «США: новая консервативная волна», за которым сразу следует большой раздел «Неоконсервативная сеть», в которой представлен внушительный список ученых, сторонников идеологии, политиков, покровителей движения из большого бизнеса, журналов, мозговых трестов и т.д. Упоминаются Гуверовский институт по проблемам войны, мира и революции при Стэнфордском университете, Американский институт предпринимательства, Институт современных исследований (Сан-Франциско), основанный Робертом Каганом еще в 1972 году, и далее очень большой список [8]. Несмотря на то что эти данные сильно устарели, многое сегодня остается актуальным: если не имена, то институты – журналы, исследовательские центры и т.д. Главное же – почти все ресурсы в тот момент символически принадлежали Кристолу, хотя сам он не считал всё это «движением».

В 1979 году Кристол выделял следующие основные черты неоконсерватизма. Он возник в академической среде и был порожден разочарованием в американском либерализме. Неоконсерватизм при этом резко контрастировал с традиционным американским консерватизмом – в первую голову отличаясь от «южного консерватизма» и не так давно возникшего романтизма «традиционалистов». Вместо романтики неоконсерватизм выбирал прагматику. Кстати, тотальный прагматизм – та черта, которая роднит американский консерватизм с принципами американского мышления как такового и по вектору (но только по вектору!) мысли соответствует американской философии первой половины XX века.

Затем неоконсерватизм искал свои философские корни в классическом наследии – классическом рационализме, который неоконсерваторы открыли с помощью Лео Штрауса. При этом стоит заметить, что в философских предпочтениях неоконсерваторы не были единодушны: хотя сам Кристол отмечает, что неоконсерваторы «восхищаются Аристотелем», а к Руссо относятся с недоверием, один из учеников Лео Штрауса первого поколения воспевал именно философские взгляды Руссо и говорил о важности его идей для современной Америки [17].

Наконец, неоконсерватизм с умеренным энтузиазмом относился к либерально-демократическому капитализму, не считая последний лучшим из миров, но лишь лучшим из всех миров существующих. Однако неоконсерватизм делал

ставку на рыночную экономику, считая, что она способствует экономическому росту (один из наиболее важных пунктов их программы). Неоконсерваторы были озабочены экономическим ростом потому, что именно он способствовал социально-политической стабильности. Они делали ставку на государство всеобщего благоденствия как единственно возможную основу демократии (этому пункту своих воззрений Кристол был обязан выводам политолога Сеймура Мартина Липпсета). Наконец, неоконсерватизм придавал большое значение морали, полагая семью и религию столпами здорового общества [6, с. 89–91]. В целом это всё был довольно экзотический коктейль. Кстати, Кристол отдельно отмечал, что далеко не все, кого он мог бы отнести к движению, согласились бы с этими принципами, – и с этим утверждением точно никто не поспорил бы.

Обратим внимание, что на повестке дня неоконсерватизма в том виде, в каком его проповедовал Ирвинг Кристол в конце 1970-х, не стояло два важных пункта: во-первых, отсутствовал антикоммунизм, во-вторых, в этих тезисах вообще не было внешнеполитической программы. В 1981 году в одном из интервью, отвечая на вопрос, в какой сфере «консервативные идеи сложнее всего претворить в конкретную политику правительства», Кристол заявил: «Неосомненно, в области внешней политики. [...] у консерваторов нет ключевой теории в сфере внешней политики, способной сыграть такую же роль, как консервативная “теория предложения” в сфере экономической политики» [4, с. 64].

Кристол действительно интересовался преимущественно внутривнутриполитическими, экономическими и культурными вопросами, так как работал, что называется, на внутренний интеллектуальный и политический рынок, а главное – отвечал за институциональное развитие. Как отмечает неоконсерватор первого поколения Джошуа Муравчик, Кристол не так часто высказывался на темы внешней политики и даже выступал против антикоммунизма Рейгана [7]. Таким образом, идеи ястребиной внешней политики, сегодня ставшие визитной карточкой неоконсерватизма (Фукуяма, например, даже не упоминает о вопросах внутренней политики в своем обзоре неоконсервативного движения), следует искать где-то в другом месте. И здесь самое время взглянуть на истоки движения шире.

Как уже говорилось, Муравчик отмечает, что неоконсерватизм имел два источника. Первый – издававшийся Кристолом журнал “Public Interest”, в котором освещались темы внутренней политики и культуры, второй – журнал Нормана Подгореца “Commentary”. Именно в “Commentary” обосновались те неоконсерваторы, которые писали о внешней политике и на протяжении долгого времени отвечали за эту часть неоконсервативной программы.

Те, кто сотрудничал с изданием Подгореца, размышляли о противодействии «красной угрозе». В то время как внешняя политика политического истеблишмента США строилась на принципах «реализма», неоконсерваторы искренне верили в то, что СССР является воплощением зла, и настаивали на необходимости наращивания военной мощи. Те, кто в США принимал решения в ту пору, были готовы решать возникающие конфликты с СССР путем дипломатии, проповедуемой Генри Киссинджером, или через мягкую силу, продавая Советскому Союзу “pepsi”. Неоконсерваторы из “Commentary” исповедовали то, что военный историк Макс Бут назвал термином «жесткий вильсонизм». Они настаивали на жесткой и даже агрессивной внешней политике, но осуществлять интервенции, с их точки зрения, было необходимо во имя высоких идеалов – демократии и борьбы за права человека. Конечно, демократии американского типа. Уже в 1980-х неоконсерваторы, группировавшиеся вокруг Подгореца, чувствовали себя в политическом поле значительно увереннее, так как обнаружили, что их ценности разделял действующий президент Рональд Рейган. И даже его риторика – а не только убеждения – отражала их взгляды. При Рейга-

не некоторые неоконсерваторы смогли занять важные позиции в политическом истеблишменте США. Так, Джин Киркпатрик стала представителем США в ООН, Ричард Перл – заместителем главы Пентагона, Пол Вулфовиц – послом на Филиппинах. В этом отношении они не перестали быть общественной силой, но вместе с тем приобрели влияние на политический процесс.

Однако с победой Соединенных Штатов в холодной войне политическое влияние неоконсерватизма из “Commentary” исчезло – следствием их успеха, как отмечают сами участники движения, стал проигрыш. Реальной внешней угрозы больше не существовало, а следующие президенты не оправдали их надежд. Джордж Буш-ст. во внешней политике не принимал решений, которые могли поддержать неоконсерваторы. Например, когда произошло восстание курдов против Саддама Хусейна, Америка ничего не сделала для помощи этому восстанию и не попыталась не допустить его подавления. Разумеется, внешнюю политику президента Клинтона они тоже не могли поддерживать. Таким образом, один из наиболее мощных потоков в общем течении неоконсерватизма в 1990-х как будто стал иссыхать.

Тем, кто поддерживал бренд на плаву, оставался Ирвинг Кристол. Его сосредоточенность на культурных и внутриполитических аспектах, а также неизменные гибкость и прагматизм позволяли движению сохранять общественное влияние. Только война в Ираке 2003 года позволила слить в единое течение разные неоконсервативные потоки. На эту тему внешней политики от лица неоконсерватизма Ирвинг Кристол ясно и отчетливо высказался только в 2003 году, после того как Соединенные Штаты объявили войну Ираку и неоконсерватизм вновь попал в фокус общественно-политической жизни.

В своем интеллектуальном завещании «Неоконсервативное убеждение» Кристол пересматривает «принципы», которые отстаивал в 1979 году, отмечая, кстати, что хотя раньше он и полагал, будто неоконсерватизм был поглощен основным течением американского консерватизма, больше он так не думает. У Уильяма Фрэнка Бакли-мл., все еще грезившего о коалиции, уже можно было выторговывать сотрудничество на равных правах. Кристол сохранял веру в экономический рост и без дрожи в коленках относился к дефициту государственного бюджета, что отделяло его от традиционных правых. Но Кристол уже оправдывал стимулирование экономического роста сокращением налоговых ставок и без прежнего пиетета отзывался о государстве всеобщего благоденствия [3, с. 171–172].

Вместе с тем, он замечал, что неоконсерваторы склонны больше интересоваться историей, чем экономикой и социологией, – что опять несколько противоречило его прежним «убеждениям», равно как и «убеждениям» тех неоконсерваторов, кто интересовался более всего социологией и экономикой. В любом случае Кристол указывал на конкретную линию водораздела с традиционалистами, предпочитая искать «интеллектуальное руководство в демократическом благоразумии Токвиля, а не в ностальгии консерваторов, скажем, по Расселу Кирку» [3, с. 172]. На чем Кристол делал особый акцент, так это на том, что неоконсерватизм – исключительно американское явление, что это единственное ответвление правой идеологии, обладающее «американской косточкой», что данное течение мысли гораздо здоровее европейского консерватизма, с чем опять же не согласились бы многие проponentы движения¹.

Однако главное, что изменилось в его программе: в ней появились и внешнеполитические аспекты. Кристол выступал не просто за патриотизм, он настаивал на умении и необходимости для мировой державы отличать друзей от врагов, а также заявлял, насколько неудачной ему – как и всем неоконсер-

¹ См. [28], второй раздел.

ваторам – представляется идея мирового правительства. Он замечал, что «национальные интересы» у крупной державы не ограничиваются границами государства. И поэтому национальный интерес Соединенных Штатах состоит в том числе и в том, чтобы защищать демократические страны от недемократических сил, внешних или *внутренних* [3, с. 73], – это та самая внешнеполитическая установка неоконсерватизма, которая сегодня всем хорошо известна.

Высказываясь о внешней политике, Кристол, конечно, отмечал, что неоконсерваторы во многом заимствуют свою мысль у Лео Штрауса. И он сам лично ссылается на интерпретацию Штраусом «Пелопонесской войны» Фукидида как войны слабой демократии против сильной аристократической республики, однако на самом деле влияние Штрауса на все неоконсервативное движение гораздо глубже. В чем же оно заключалось?

Лео Штраус

Кто такой Лео Штраус (1899–1973)? Тем, кто более или менее знаком с современной западной мыслью, известно, что это американский политический философ еврейского происхождения, вовремя перебравшийся в Соединенные Штаты из Германии и там обретший славу оригинального мыслителя наряду с другими выдающимися эмигрантами – Ханной Арендт, Эриком Фёгелином, Гербертом Маркузе, Гансом Моргентау и далее по списку. Среди его идей – защита этического абсолютизма, то есть вечных ценностей, «крестовый поход» против историцизма в политической философии и позитивизма в социальных науках. Его перу принадлежит почти полтора десятка книг, вышедших при его жизни (и несколько посмертных), в которых он представил оригинальную интерпретацию истории политической философии – Платона, Ксенофонта, Макиавелли, Спинозы, Гоббса и других великих мыслителей.

Одним из самых интересных и загадочных мест его философии стал особый метод чтения текстов этих великих философов – их эзотерическое толкование. Согласно этому подходу, великие умы, познавшие истину, не могли передать ее открыто своим последователям, боясь преследования, и поэтому вынуждены были писать для молодых учеников между строк. То есть они предлагали явное учение для всех и тайное – для избранных. Вопрос о взглядах Штрауса на эзотеризм до сих пор остается нерешенным: что и для кого хотел сказать Штраус, поведав о великой тайне, но вместе с тем ее не раскрыв? [16; 9].

Если и есть какой-то момент в его философии, который вообще не был освещен русскими исследователями, так это вопрос о связях Штрауса с евреями и иудаизмом. Один из исследователей его творчества однажды поставил вопрос прямо: «Каким евреем был Лео Штраус»? [26, р. 23–42]. Оставался ли он евреем всю жизнь или всё же выбрал ассимиляцию? Так или иначе, Штраус всегда сохранял лояльность Израилю, имея контакты со многими еврейскими интеллектуалами. В 1962 году, за одиннадцать лет до своей смерти, он прочел публичную лекцию «Почему мы остаемся евреями».

Вопрос об эзотеризме нельзя решить, не обратившись к «еврейским исследованиям» Штрауса. Именно еврейский вопрос дает нам ключ к пониманию связи Штрауса с консерваторами, и особенно с неоконсерваторами. Одна из интервенций Штрауса в общественную жизнь США – публичное письмо редактору журнала “National Review”, уже упоминавшемуся Уильяму Фрэнку Бакли-мл. “National Review” был первым и главным консервативным журналом в Соединенных Штатах. Он открыто и активно пропагандировал консервативные ценности. Сам Штраус читал это издание, в чем признался в этом письме Бакли. Штраус признавался и в том, что согласен со многим публикуемым в журнале. Однако позиция издания относительно Государства Израиль заставила Штрауса выйти

в сферу публичной политики и опротестовать некоторые мнения его авторов. Это письмо – одно из немногочисленных публицистических высказываний философа, что делает текст особенно интересным.

Лео Штраус пытался объяснить только-только формирующемуся консервативному движению в США, что сионизм едва ли не более консервативен, чем то, что сами американские правые подразумевали под консерватизмом. Поэтому консерватизм должен включить в себя сионизм или, во всяком случае, не быть откровенно антисемитским. Несколько десятилетий спустя многие видные американские правые – в частности, неоконсерваторы Норман Подгорец и Ирвинг Кристал – осуждали антисемитизм на страницах именно “National Review”. В их числе, естественно, был и Уильям Фрэнк Бакли-мл., тот самый редактор, которому Лео Штраус писал свое письмо в 1956-м, защищая Государство Израиль¹. Были ли определенные идеологические изменения в американском консерватизме так или иначе обусловлены четко выраженной позицией Лео Штрауса по еврейскому вопросу? Это проблема для другого, гораздо более глубокого исследования.

Другое звено, которое неизменно связывает мысль Штрауса с неоконсервативным движением, – ранние взгляды философа, которые касались непосредственно мирового политического процесса. Последователи и защитники Штрауса убедительно доказывают, что он не был «ястребом», обращаясь к корпусу его работ, которые либо непосредственно посвящены вопросам внешней политики, либо имели внешнеполитические импликации [27]. Однако как бы ни были они убедительны, у Штрауса есть тексты, в которых он предстает поклонником Черчилля эпохи Второй мировой войны. В частности, в тексте «Германский нигилизм» Штраус открыто говорит о необходимости оказать Германии вооруженный отпор и делает ставку именно на Англию, превознося добродетели Черчилля [15].

Американский палеоконсерватор Пол Готфрид отмечает в своей книге, посвященной Штраусу и американским правым, что Штраус куда больше восхищался Англией, чем каким-либо другим государством [21]. Сам Штраус, уже обосновавшись в США, говорил про себя так: «Я не либерал и не консерватор, я последователь Черчилля»². Уважение перед Англией не означает, что Штраус ценил ее за «либеральную демократию», которую на самом деле критиковал – особенно в ее американском варианте – на протяжении всей жизни. Как показывает Самуэль Гольдман, ссылаясь на письмо Штрауса Карлу Лёвиту, в момент своего преклонения перед Черчиллем Штраус восхищался не столько демократическими, сколько аристократическими началами британской политики – ее классическим римским наследием (и, возможно, милитаризмом), духом благородства в Парламенте. То есть Штраус ценил не демократические начала как таковые, а домодерные добродетели, олицетворением которых ему мог казаться Черчилль. Собственно, «Германский нигилизм» Штрауса заканчивается апологией войны и империи³. Другими словами, попытка обнаружить в политических идеях Штрауса начала неоконсерватизма имеет под собой веские основания.

Однако существует мнение, будто бы Штраус с течением времени изменил свои взгляды. В частности, после расшифровки некоторых семинаров, которые он посвятил интерпретациям политической философии Гуго Гроция и Иммануила Канта, некоторые исследователи заговорили о том, что Штраус поменял свои «ястребиные» убеждения и скорее стал рассуждать в духе ново-

¹ См.: National Review. 1992. Vol. 44. March 16.

² Цит. по [20]. Текст переведен на русский: [1].

³ См.: «Защищая современную цивилизацию от германского нигилизма, англичане защищают вечные принципы цивилизации как таковой» [15, с. 204].

го мирового порядка национальных государств, сменившего порядок амбициозных мировых империй. Якобы Штраус, хотя и отвергал идею мирового правительствa, полагая ее источником глобальной тирании, в целом размышлял о создании федерации республик с сохранением их национальных особенностей. Таким образом, якобы можно вести речь о «либеральном интернационализме» Штрауса [22], а не о его потенциальном неоконсерватизме.

Ссылка на то, что лекция Штрауса о германском нигилизме была прочитана в разгар Второй мировой и в дальнейшем он мог поменять свои убеждения, разумеется, имеет право на существование. Однако Штраус, кажется, никогда не отрицал своих прежних взглядов. Можно сказать больше: как видно из ссылок Кристола, он упоминает об истолковании Штраусом «реализма» Фукидида, а не идеализма Канта. Даже если предположить, что Штраус действительно стал «либеральным интернационалистом», это не значит, что неоконсерваторы черпали вдохновение во всех его текстах – им достаточно было взять то, что им требовалось. В каком-то смысле будущим неоконам были важны не столько взгляды Штрауса, сколько сама фигура философа, которая могла бы стать «фундаментом» для их деятельности. Более того, по слухам, его ученики собирались в день рождения Черчилля, чтобы выпить виски, выкурить сигары и отметить тем самым мировую победу классической добродетели над европейским нигилизмом и поползновениями тирании. Достаточно добавить к этому, что ставка на Черчилля и победа союзников во Второй мировой войне одновременно обернулись спасением и победой еврейского народа, создавшего в результате еврейское государство, столь ценное Штраусом.

В отношении последней идеи необходимо сослаться на Самуэля Гольдмана, заметившего разночтения в идеях Хоуза о перемене убеждений Штрауса [20]. Действительно, если учесть, что Штраус до конца жизни оставался верен сионизму и Израилю, он должен был поддерживать и политику, по крайней мере национальной защиты и, следовательно, негласно оправдывать политическое насилие, когда речь заходила о судьбе еврейского народа. Таким образом, для неоконсерватизма Штраус в самом деле оказался ценен как мыслитель, с одной стороны, предложивший наиболее убедительную критику либерализма и настаивавший на необходимости признания морального абсолюта, а с другой – неизменно поддерживавший сионизм и Израиль, причем со светских позиций и как отстраненный наблюдатель.

Генри Мартин Джексон¹

Однако государство Израиль поддерживали и практические политики – поначалу в основном демократы. Одним из таких демократов XX века стал сенатор Генри Мартин Джексон (1912–1983), также известный как «Скуп». Прозвище приклеилось к сенатору еще в детстве и означало умение юного Генри ускользать от исполнения домашних обязанностей подобно персонажу комиксов. Внешнеполитические позиции Джексона вызвали уважение к нему республиканских ястребов. По опросам 2014 года, 73% республиканцев и 44% демократов высказались за поддержку Израиля. Сегодня демократы в меньшей степени, чем их оппоненты, хотят встать на сторону проамериканского государства на Ближнем Востоке. Между тем, именно Джексон был одним из тех, кто пробуждал у своих сторонников симпатии к Израилю.

При этом во внутривполитических взглядах Джексон оставался классическим американским либералом. Его экономические воззрения не могли похвалиться правым – он верил в правительственное регулирование рынка, хотя

¹ Главка о Джексоне написана совместно с Иваном Денисовым.

поддерживал снижение налогов и голосовал за подобные инициативы при Кеннеди и Рейгане. В социальных вопросах Джексон был ближе к республиканцам. Он выступал против «новых левых» и не смешивал защиту прав меньшинств с требованиями особых прав. Умение сенатора сохранять верность либеральной политике в сочетании с умеренным консерватизмом сделало его идеальной фигурой в Сенате для деловых контактов демократов и республиканцев. Барри Голдуотер, один из первых консервативных политиков, говорил, что республиканцам-ястребам необходимо, чтобы Джексон был «рядом долгие и долгие годы, так как он всегда придает нам уверенность» [23, р. 213]. Даже Ричард Никсон, несмотря на ряд разногласий с сенатором, восхищался «заслугами Джексона перед его партией и Америкой» [23, р. 215].

Особую известность Джексон приобрел антикоммунистическими и «ястребиными» взглядами. Так, он ожидаемо сотрудничал с сенатором Маккарти в выявлении рисков для безопасности среди госслужащих, однако в результате оказался среди врагов Маккарти. Антикоммунисты расходились в главном: Маккарти видел особую опасность в коммунистах и их подручных внутри США, в то время как Джексон считал более важной внешнюю угрозу. Джексон не просто выступал против коммунизма и Советского Союза: он считал необходимым мировое лидерство США. По словам биографа Джексона Роберта Дж. Кауфмана: «Джексон неизменно выступал за продвижение демократии и защиту прав человека за рубежом... Для него выживание США было главным условием достижения благородных целей. Сила и готовность ее применить оставались необходимыми для поддержания разумного международного порядка» [23, р. 4].

Джексон поддерживал сторонников роста и модернизации вооружений, а также тех, кто ратовал за активное противостояние коммунистам в Корее и Вьетнаме. Демократ Джексон часто критиковал республиканскую администрацию Никсона за недостаточный антикоммунизм и политику разрядки, полагая линию на снижение напряженности и договоры вроде ОСВ уступками советскому режиму. В свое время, то есть в период президентства Джеральда Форда, Джексон даже противился назначению Дональда Рамсфельда (в итоге – при втором своем пришествии в Пентагон в 2001 году – ставшего одним из самых жестких ястребов) на пост министра обороны, подозревая, что республиканец за время работы на Никсона и Форда заразился «духом разрядки».

Задачи американской внешней политики сенатор сформулировал уже в 1950-х: «Свободное общество должно предпринимать все необходимые усилия для победы над советской тиранией... результаты холодной войны определяют, какая мировая система будет создана на нашей планете – коммунистическая или та, при которой смогут процветать свободные институты» [23, р. 102]. Антикоммунизм сенатора во многом сделал его одним из авторов знаменитой поправки Джексона – Вэника (1974). Она накладывала ограничения на торговые отношения со странами без рыночной экономики, которые были замечены в нарушении прав граждан. Во многом поправка была результатом усилий советских властей остановить выезд евреев в Израиль.

Джексон стал не только «лидером Демократической партии в вопросах безопасности и обороны», но и активным сторонником Израиля. Сенатор не раз посещал Ближний Восток. Как говорил он сам, «Израиль – оазис цивилизационного прогресса на Ближнем Востоке». В начале 1970-х Джексон был одним из самых активных сторонников принятия законопроектов о военной помощи Израилю. Также Джексон был среди тех, кто одобрил израильскую атаку на иракский ядерный реактор в Озиреке и выступал против заигрывания американской администрации с ближневосточными исламскими государствами. Например,

он противился поставкам нового вооружения в Саудовскую Аравию, считая, что это плохо отразится на безопасности Израиля. Кроме того, Джексон всегда был противником «Палестинского государства» и отметал все разговоры о «возвращении к границам Израиля до 1967 года» как нацеленные на подрыв безопасности страны.

Разумеется, Джексон не мог провести столь долгий срок в Конгрессе и не иметь при этом президентских амбиций. Он мог оказаться в президентском кресле в результате трех предвыборных кампаний. Однако у него не вышло, и неудачи Джексона в этой области навредили Демократической партии. В 1960 году возглавлявший тогда Национальный комитет Демократической партии Джексон рассматривался кандидатом в вице-президенты. Но привлечение голосов южан оказалось важнее, и пару Кеннеди составил Линдон Джонсон. Самого Джексона оттеснили преимущественно леволиберальные интеллектуалы, и президентство Кеннеди стало разочарованием для многих антикоммунистов, ожидавших продолжения жесткой антисоветской политики. Поэтому отток из демократов в республиканцы начался уже тогда.

В 1976 году, когда неоконсерватизм только еще укреплял позиции, республиканцы с трудом могли рассчитывать на успех. Скандалы в окружении Никсона, его последующая отставка, неуверенное президентство Форда – все это работало на демократов. При этом они все больше и больше уходили в сторону изоляционизма, и только Джексон помнил о традициях «либералов холодной войны». Демократы выставили Джими Картера, который показал себя противоположностью Джексону во многих вопросах, прежде всего в сфере внешней политики. В итоге несколько тесно сотрудничавших с Джексоном демократов порвали с картеровской администрацией (те, что еще в 1972-м создали Коалицию демократического большинства). Поэтому бывшие демократы Джин Киркпатрик или Пол Вулфовиц начали помогать уже республиканцам и вскоре стали важными фигурами в неоконсервативном движении.

Приход республиканца Рейгана стал для демократа Джексона отрадным событием. Он по-прежнему был критичен к консервативной экономической программе республиканцев, но в остальном ценил Рейгана куда больше, чем Картера. По словам Киркпатрик, «Джексон очень уважал Рейгана, потому что понимал правоту президента... Джексон уважал его за серьезность и готовность противостоять коммунизму и советской экспансии» [23, р. 420]. После смерти Джексона определение «джексоновский» перешло к республиканцам и не только неоконсервативным – хотя к ним в большей степени. Теперь идеи Джексона принадлежат консервативным республиканцам.

Однако Джексон не уникален. Еще одним – возможно, более удачным – примером либерального демократа и выпускника «Городского колледжа», ставшего популярным среди неоконсерваторов, был Дэниэл Патрик Мойнихен¹. Он был гораздо либеральнее Генри Джексона, но тесно сотрудничал со старыми друзьями неоконсерваторами и даже призывал к сотрудничеству с правыми («необходима стабильность социального порядка, поэтому нужен союз с консерваторами, которые разделяют озабоченность этим вопросом»). Кроме того, Мойнихен был свободен от партийной дисциплины и, оставаясь демократом, не раз критиковал политику «ослов». Не случайно Ирвинг Кристол в 1979 году упоминал среди тех, кто поддерживает неоконсерватизм, именно его, а не сенатора Джексона.

¹ Его имя часто упоминается в книге «США: консервативная волна», в то время как имя Джексона не упоминается ни разу. Мойнихена называют даже «отцом-основателем». См. [8, с. 92].

Послесловие

Чтобы увидеть, как изменились представления о неоконсерваторах с момента возникновения движения, достаточно познакомиться с книгой «Хрестоматия неоконсерватизма», изданной в 2004 году (в разгар президентской избирательной кампании). Например, в ней представлены только два текста Кристола – «Неоконсервативное убеждение» и «Порнография, непристойность и аргументы в пользу цензуры» [5¹]. Составитель сборника предлагает читателям свежий текст Кристола с учетом перемены в его взглядах относительно внешней политики и старый текст о цензуре, подразумевая, что в этих вопросах его мысль осталась прежней. Если учесть, что только один из пяти разделов хрестоматии посвящен внутренним вопросам США (экономике, культуре и т.д.), в котором, кстати, и представлено классическое эссе о непристойности и порнографии, можно понять, насколько эта сфера не важна для неоконсерваторов сегодня.

Обновленному неоконсерватизму куда важнее было развеять мифы о движении. В частности, Макс Бут в своем тексте обсуждает слухи о неоконсерватизме. Бут излагает мысли в таком ключе: воспроизводит миф, а далее комментирует его, опровергая или соглашаясь, что он правдив. Например, про миф, будто «администрация Буша следует консервативной внешней политике», Макс Бут замечает: «Если бы это только было правдой», так как основные должности в администрации Буша первого срока занимали не неоконсерваторы, а такие фигуры, как Ричард Чейни, Дональд Рамсфелд и Джон Болтон, которые на самом деле неоконсерваторами не являлись [18, р. 45]. Джошуа Муравчик считает точно так же, отмечая, что если вдруг эти люди и действовали в русле неоконсервативной внешней политики, то не под влиянием неоконсерватизма, а потому, что сами пришли к таким убеждениям [7].

Прочие мифы в изложении Бута таковы. «Неоконы – это либералы, разочарованные жизнью»: это больше неправда. «Неоконы – это хорошо организованная и хорошо финансируемая группа заговорщиков»: едва ли. «Неоконы – это вильсоновские идеалисты»: правда. «Неоконы нацеливаются на Северную Корею и далее на Иран»: правда. «Неоконы противостоят мультикультурализму»: ложь. «Неоконы – политические фундаменталисты»: здесь Бут «просит передохнуть». Имеется в виду довольно странный миф, согласно которому неоконсерватизм наследует идеям Льва Троцкого; разумеется, никто из представителей неоконсерватизма так не считает (и лишь Фукуяма говорит о троцкизме «Городского колледжа» как о прошлом), а Бут даже добавляет, что Троцкий скорее бы симпатизировал Саддаму, нежели идее демократического освобождения Ирака. «Неудача в Ираке дискредитировала неоконов»: «слишком рано так говорить». Получается, что в момент своей славы неоконсерваторы не отказываются разве что от «жесткого вильсонизма» и «защиты демократии во всем мире». Однако в таком виде это был уже совсем новый неоконсерватизм; при этом его нынешняя трансформация была как будто запрограммирована его создателем – как уже отмечалось, сам Кристол не раз говорил о гибкости этой идеи.

И насчет американской исключительности. В хрестоматии большой раздел посвящен вопросу, существует ли неоконсервативное убеждение за пределами США? [28]. Материалы самого сборника доказывают, что существует: например, в нем представлен текст Маргарет Тэтчер.

Вечный критик неоконсервативного движения палеоконсерватор Пол Готфрид в личной переписке с автором отметил, что сегодня политические и

¹ Этот сборник в том же самом виде уже выходил в середине 1990-х. Если обратить внимание на его содержание, можно в очередной раз прийти к заключению, что Кристол в течение жизни мало интересовался вопросами внешней политики.

интеллектуальные позиции неоконсерваторов по-прежнему сильны и что «эти люди даже более тоталитарны, нежели коммунисты. Помогите нам, небеса, если их кандидат в нынешней президентской гонке, которым в настоящий момент является Марк Рубио, будет выбран президентом!».

Так что влияние неоконсерваторов по-прежнему очень значительное. Объединяет современных представителей этого движения общая внешнеполитическая программа, важным пунктом которой является поддержка Израиля.

Одна из самых распространенных теорий заговора вокруг неоконсерватизма состоит в том, что неоконсерваторы – это якобы группа евреев, пытающихся развернуть политику США таким образом, чтобы та служила интересам Израиля [подр. см.: 25]. Выше цитируемый Макс Бут, комментируя этот слух, пишет: «злонамеренный миф» [18, р. 47]. Как замечают в один голос неоконсерваторы, тот факт, что многие из неоконсерваторов действительно евреи, не свидетельствует о том, что они готовят «еврейский заговор». Еврейское происхождение действительно не означает, что неоконсерваторы преследуют исключительно интересы Израиля. Однако симпатии неоконсерваторов к Израилю не заметить сложно. Ирвинг Кристал в своем «Неоконсервативном убеждении» говорит конкретно только об этом единственном пункте общего согласия: «...мы считаем необходимым сегодня, когда под угрозой находится само его выживание, защищать и Израиль. В национальных интересах не нужны никакие сложные геополитические расчеты» [3, с. 173]. На обвинения в том, что они являются своеобразными агентами влияния в США другой страны, неоконсерваторы отвечают примерно так: «Нас обвиняют в том, что большинство из нас евреи и что мы поддерживаем Израиль. Хотя большинство из нас евреи и мы на самом деле поддерживаем Израиль, эти обвинения – наглая ложь».

В настоящий момент позиции неоконсерватизма остаются сильными, но скорее в качестве интеллектуального течения – очевидно, что пока его представители не могут влиять на принятие ключевых политических решений администрации. Ранее с неоконсервативным движением пытались связать разделявшего его внешнеполитическую программу сенатора от Аризоны Джона Маккейна, но сегодня он – фигура скорее второго плана на американской сцене.

Неоконсерваторы могут оказывать поддержку тем кандидатам в президенты, которые исповедуют соответствующие взгляды – прежде всего на внешнюю политику. Как уже отмечалось, фаворит сторонников этого течения – сенатор от штата Флорида Марко Рубио. Но неоконсерваторы с симпатией относятся и губернатору штата Нью-Джерси Крису Кристи, выступающему с агрессивной внешней политикой и осуждающему позицию Рэнда Пола¹.

При этом, кажется, никто из этих кандидатов открыто себя к неоконсерваторам не причисляет. Но другие политические игроки готовы позиционировать себя таким образом – например, уже выпавший на данный момент из президентской гонки сенатор-республиканец от штата Южная Каролина, отличающийся крайне «ястребиными взглядами» Линдси Грэм.

В среде интеллектуальных изданий большую роль по-прежнему играет журнал “Commentary”, вокруг которого концентрируются авторы примерно одинаковых убеждений. Но еще большее влияние на политический и интеллектуальный климат США оказывает именитый журналист Уильям Кристал, сын Ирвинга и его супруги, известного историка философии Гертруды Гиммельфарб, который является издателем еженедельника “Weekly Standard”, главного рупора движения.

¹ О том, какие трудности в связи со своими позициями по внешнеполитическим вопросам испытывает Рэнд Пол, см. последнюю главку статьи И.В. Денисова и А.В. Павлова «Политическое либертарианство» в этом номере журнала.

Таким образом, как политическое – и тем более как интеллектуальное – движение неоконсерватизм еще рано сбрасывать со счетов. В конце концов, никто не предполагал, что его триумф наступит в 2003 году, когда даже Кристол считал, что неоконсерваторы влились в консервативный мейнстрим и ничем не отличаются от него. В настоящий момент это течение остается сильным, относительно влиятельным и поэтому все еще перспективным.

Литература

1. *Гольдман С.* Лео Штраус: ястреб или голубь? URL: <http://gefeter.ru/archive/14071>
2. *Жижек С.* Ирак: история про чайник. М.: Праксис, 2004.
3. *Кристол И.* Неоконсервативное убеждение // Логос. 2004. № 45.
4. *Кристол И.* Основные элементы консервативной коалиции // США: консервативная волна. М.: Прогресс, 1984.
5. *Кристол И.* Порнография, непристойность и аргументы в пользу цензуры // *Кристол И.* К итогам XX века: Размышления о современной цивилизации (Статьи 1970-х – 1990-х годов). М.: ИНИОН РАН, 2014.
6. *Кристол И.* Признания подлинного, возможно, единственного неоконсерватора, считающего себя таковым // США: консервативная волна. М.: Прогресс, 1984.
7. *Муравчик Д.* Прошлое, настоящее и будущее неоконсерватизма. Ч. 1. URL: <http://www.russ.ru/pole/Proshloe-nastoyashee-i-budushee-neokonservativizma.-CHast-1>
8. Неоконсервативная сеть // США: консервативная волна. М.: Прогресс, 1984.
9. *Павлов А.В.* Лео Штраус: искусство писать и искусство читать // Социологическое обозрение. 2012. Т. 10. № 3.
10. *Павлов А.В.* Пол Готфрид – историк, ревизионист, палеокон // *Готфрид П.* Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, 2009.
11. *Павлов А.В.* Прагматичные наследники политической философии Лео Штрауса // История философии. М.: ИФ РАН, 2008. Вып. 13.
12. *Павлов А.В.* У истоков американского консерватизма: Роберт Нисбет // Политическая концептология. 2011. № 4.
13. *Павлов А.В.* Уильям Фрэнк Бакли-младший и возникновение американского консерватизма // Полис. 2008. № 3.
14. *Фукуяма Ф.* Америка на распутье. М.: АСТ, 2007.
15. *Штраус Л.* Германский нигилизм // Историко-философский ежегодник. М.: ИФ РАН, 2013. Вып. 6.
16. *Штраус Л.* Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение. 2012. Т. 10. № 3.
17. *Bloom A.* An Outline of Gulliver's Travels // Ancients and Moderns: Essays on Tradition of Political Philosophy in Honor of Leo Strauss / Ed. by Josef Cropsey. New York: Basic Books, 1964.
18. *Boot M.* Myths about Neoconservatism // The Neocon Reader / Edited by Irvin Stelzer. New-York: Grove Press, 2004.
19. *Drury S.* Leo Strauss and the American Right. New-York: St. Martin Press, 1999.
20. *Goldman S.* Leo Strauss: Hawk or Dove? URL:<http://www.theamericanconservative.com/articles/leo-strauss-hawk-or-dove/>
21. *Gottfried P.E.* Leo Strauss and the Conservative Movement: A Critical Appraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
22. *Howse R.* Leo Strauss: Man of Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
23. *Kaufman R.G.* Henry M. Jackson: A Life in Politics. Washington: University of Washington Press, 2000.
24. *Kirkpatrick G.* Neoconservatism as a Response to the Counter-Culture // The Neocon Reader / Edited by Irvin Stelzer. New York: Grove Press, 2004.
25. *Muravchik J.* Neoconservative Cabal // The Neocon Reader / Ed. by Irvin Stelzer. New-York: Grove Press, 2004. P. 243–257.
26. *Smith S.B.* Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2006.
27. *Tarcov N.* Will the Real Leo Strauss Please Stand Up? // American Interest. 2006. Vol. 2. № 1.
28. The Neocon Reader / Edited by Irvin Stelzer. New York: Grove Press, 2004.
29. *Weinstein K.R.* Philosophic Roots, the Role of Leo Strauss, and the War in Iraq // The Neocon Reader / Edited by Irvin Stelzer. New-York: Grove Press, 2004.

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения и эволюции американского неоконсерватизма как интеллектуального и политического движения. Освещаются следующие вопросы: какова причина появления неоконсерватизма; как он трансформировался за последние годы; кого можно и кого нельзя причислять к этому движению; в чем заключаются причины его успеха. Автор считает, что рост влияния неоконсерватизма на политический процесс в США во многом зависел от его прагматизма и гибкости. Кроме того, в соответствии с признаниями самих неоконсерваторов, автор отмечает, что влияние неоконсерватизма на внешнюю политику США сильно преувеличено и не в последнюю очередь благодаря СМИ. Именно медиа создали «демонический образ» неоконсерватизма. Некоторые политики принимали решения (например, об интервенции в Ирак) в духе неоконсервативных убеждений не потому, что испытывали влияние неоконсерваторов, но потому, что независимо пришли к этим взглядам. В статье констатируется, чем неоконсерватизм отличается от других разновидностей нового американского консерватизма. Автор кратко рассматривает несколько точек зрения на проблему истоков неоконсерватизма и, предлагая собственное видение истории этого течения, концентрирует внимание на трех истоках неоконсервативной идеи – на взглядах Ирвинга Кристола, на политической философии Лео Штрауса и на практической деятельности сенатора Генри Джексона. Автор доказывает, что изначально неоконсерватизм не был однородным. Так, главный представитель движения – Ирвинг Кристол – не уделял внимания вопросам внешней политики и лишь значительно позднее включил этот пункт повестки дня в свою программу; за внешнюю политику изначально отвечали представители другого крыла неоконсерватизма – редакторы и авторы журнала “Commentary”.

Ключевые слова: американский консерватизм, неоконсерватизм, Ирвинг Кристол, Лео Штраус, Генри Джексон.

Alexander Pavlov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Philosophy School, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”. E-mai: apavlov@hse.ru

Origins of Neoconservatism

Abstract. The article focuses on neoconservatism, its history and evolution as a political and intellectual movement. The article describes the following points: origins of neoconservatism, its transformation in recent years, personalities who represent the movement, reasons of its success. According to the author the rise of neoconservatism is mostly based on its pragmatism and flexibility. The author also points out that neoconservative influence on the US foreign policy is exaggerated, mostly by the media. The Media created «demonic neocons» image. High-level politicians made serious decisions (like Iraq invasion) which followed neoconservative agenda not because of neoconservative influence but because of their own persuasions. The article also describes the differences between neoconservatism and other factions of conservative movement. Author gives brief descriptions of various views on neoconservatism origins. He also offers his own vision, concentrating on three key sources of neoconservative concept – views of Irving Kristol, political philosophy of Leo Strauss and practical implementation of neoconservatism by US Senator Henry M. Jackson. The author proves that initially neoconservatism was not homogenous. For example, Irving Kristol – leading neoconservative – did not find foreign policy interesting and only later started to delve into it. Originally, foreign policy was given to another neoconservative wing – editors and authors of “Commentary” magazine.

Keywords: American Conservatism, Neoconservatism, Irving Kristol, Leo Strauss, Henry M. Jackson.

Движение Чаепития: американский правый консерватизм в информационную эпоху

«У народа два врага – преступники и члены правительства. Так что вторых необходимо так крепко сковать цепями Конституции, чтобы они не стали легализованной версией первых».

(Томас Джефферсон, 1784)

«По мне, так лучше не иметь государства, чем не иметь свободы».

(Эдвард Сноуден, 2013)

Движение Чаепития (или, как его еще называют, Чайная партия) является, без сомнения, одним из самых важных внутривластных феноменов США в XXI веке. Правоконсервативные и либертарианские протестные акции, которые собирательно называют чайным бунтом, распространились по всей стране столь стремительно, что политические аналитики едва успевали следить за успехами бунтовщиков. Во время промежуточных выборов 2010 года представители «чайников» пришли во власть, обыграв на республиканских праймериз многих опытных мейнстримных политиков, и ворвались на Капитолийский холм. С того времени у вашингтонского истеблишмента уже не было ни одного спокойного дня.

На выборах 2014 года Движение Чаепития развило свой успех и после полугодичной позиционной борьбы с грандами Республиканской партии приступило к их политическому устранению. На праймериз проиграл кандидату «чайнику» один из самых влиятельных «слонов», лидер республиканского большинства в Палате представителей Эрик Кантор. Менее чем через год пришла очередь спикера палаты Джона Бейнера и его потенциального преемника Кевина Маккарти, занявшего место Кантора. Бейнер был вынужден уйти в отставку, а Маккарти даже не стал выставлять свою кандидатуру на пост спикера. Во главе нижней палаты Конгресса в октябре 2015 года встал 45-летний Пол Райан, чьи взгляды на социально-экономическую политику практически неотличимы от «чайных». Что важнее, его поддержала влиятельная фракция Freedom Caucus, состоящая из представителей Движения Чаепития (в основном входящих в Tea Party Caucus) и примкнувших к ним консерваторов старой школы.

Один из таких «стариков» – председатель Freedom Caucus Джим Джордан. Он ни разу не проигрывал праймериз «чайникам», но сегодня выступает с ними заодно. При этом в отличие от Райана у него в родном штате Огайо не было до недавнего времени никакой низовой поддержки от Чайной партии.

Недавно заговорили о том, что шатается кресло и под лидером республиканского большинства в Сенате Митчем Макконнеллом, выигравшим в 2014-м

перевыборы в Кентукки не без помощи младшего сенатора от этого штата Рэнда Пола, одного из вдохновителей и лидеров Движения Чаепития.

В президентской гонке по меньшей мере четыре кандидата-республиканца так или иначе принадлежат или симпатизируют «чайникам» – Рэнд Пол, Тед Круз, Марко Рубио¹ и Бен Карсон. И даже если в январе 2017-го в Белый дом не въедет президент-«чайник», на политику будущего президента движение будет оказывать значительное влияние. Республиканец будет находиться под постоянным давлением членов своей партии, а демократ столкнется с такой оппозицией Конгресса, которая Обаме и не снилась.

Любое исследование Движения Чаепития неизбежно сталкивается с несколькими сложностями. Во-первых, довольно трудно определить, когда именно оно зародилось. Во-вторых, практически невозможно сколько-нибудь точно очертить его границы – возрастные, этнические, религиозные и даже политические, если пользоваться устоявшейся к концу XX века политической терминологией. В-третьих, острота политической борьбы в Соединенных Штатах делает весьма затруднительным ответ на вопрос, в какой мере это движение стало результатом заговора богатых спонсоров, а в какой – явилось стихийным движением, произошедшим, как говорят в Америке, от корней травы.

Оппоненты Чайной партии часто описывают ее нарочито примитивно. Например, как движение пожилых белых зажиточных американцев за снижение налогов и сокращение госрасходов. Или как ответ руководства Республиканской партии на смелые левые социально-экономические эксперименты Барака Обамы.

Однако данные социологических исследований показывают, что это не так. Средний «чайник» действительно немного старше, образованнее, «белее» и зажиточнее среднего американца. Тем не менее движение снискало огромную популярность среди молодежи всех рас и национальностей, распространилось среди студенчества и молодых специалистов постиндустриальной сферы, то есть той части общества, которая ранее чаще голосовала за демократов. Молодежную «чайную» публику иногда называют «либертарианским компонентом» движения, но либертарианство является не идеологией части партии, а органичной частью всей ее идеологии. «Чайникам» присущ конституционный фундаментализм, скептическое отношение к любым полномочиям федерального правительства, распространяющихся далее защиты от внешнего врага, приверженность максимальной экономической и личной свободе и принципам отцов-основателей США.

И здесь мы подходим, пожалуй, к главному вопросу, на который следует поискать ответ всякому ответственному исследователю, заинтересовавшемуся Чайной партией: почему движение, члены которого в среднем чуть зажиточнее и образованнее, чем средний американец, движение, которое для своего развития использовало все самые современные интернет-технологии (кстати, еще до повсеместного распространения «Твиттера» и «Фейсбука» и на самой заре массового онлайн-банкинга) и которое выдвинуло на политическую арену целую плеяду молодых республиканских политиков, черпает свое вдохновение в ценностях XVIII века?

¹ Несмотря на то что в окружении сенатора Рубио, особенно в последнее время, немало неоконсерваторов, диктующих вполне определенную внешнеполитическую повестку, его избрание в Сенат проходило при поддержке «чайных» организаций Флориды. Уже заняв пост сенатора, Рубио назначил руководителем своего аппарата кубино-американца (такого же, как он сам) Сезара Конду, который ранее был советником вице-президента Дика Чейни. Считается, что именно Конда привел в команду Рубио неоконеров.

Это кажется «странным» их противникам – мол, на дворе XXI век, а все лелеемые Чайной партией принципы, казалось бы, были существенно скорректированы в XX веке.

Почему же небедные и образованные люди, продемонстрировавшие чрезвычайно высокую способность к самоорганизации с использованием самых современных информационно-коммуникационных технологических средств, так влюблены в американский XVIII век? Было бы это глупостью – их давно уже высмеяли бы. Было бы это притворством – их давно разоблачили бы. Попытки того и другого делаются мейнстримными СМИ и пиарщиками от истеблишмента регулярно, однако движение только набирает обороты и с истинно консервативным упорством держится за идеалы и символы Американской революции.

Любопытный пример. На многих мероприятиях «чайников» участники носят треуголки, изготовленные на заказ или просто сложенные из бумаги по инструкциям, которые имеются практически на любом «чайном» интернет-ресурсе. Это те головные уборы (точнее, их аналоги или символические изображения), которые носили во времена конституционного конвента и бостонского чайного бунта 1773 года, ставшего прологом к революции. Само название движения связано с бостонским бунтом, в то время символизировавшим борьбу с «Большим правительством» в Лондоне. Сегодня «чайная» символика и самоназвание политического течения символизируют борьбу с чрезвычайно разросшимися полномочиями федерального правительства США и отходом Америки от своих конституционных основ.

То, что Движение Чаепития называется именно так, как называется, а не, скажем, Вторым Филадельфийским конвентом или Партией конституционных фундаменталистов, отнюдь не случайно. Бостонский чайный бунт 1773 года был восстанием против имперских налогов. Точнее, налогов, которые не давали представительства североамериканским колониям в парламенте Британии. Лозунгом бунта были слова: «Никаких налогов без представительства!» (No taxation without representation!). В наши дни «чайники» полагают, что вашингтонский истеблишмент более не представляет реальных интересов и чаяний американцев, а занят «своими важными делами», навязанными различными группами влияния, лоббистами и союзниками США. Платить же за всё приходится налогоплательщику. А еще больше придется платить детям и внукам нынешних налогоплательщиков – по мере увеличения бюджетной нагрузки по обслуживанию астрономического американского внешнего долга.

* * *

Прежде чем мы разберемся с историей возникновения и развития чайного бунта XXI века, следует сделать одно терминологическое разъяснение.

Полное название Движения Чаепития в американском варианте – Tea Party Movement. В этом англоязычном словосочетании “Party” означает вовсе не «партия», хотя и пишется в точности так же. Tea Party – это чайная церемония, чайная вечеринка. В конце ноября 1773 года группа заговорщиков, называвших себя «Сыны свободы» (теперь уже сложно установить, кто из отцов-основателей принимал в ней участие), собрались в Бостоне в здании Фэнюел-Холл (Faneuil Hall) для обсуждения акции гражданского неповиновения. Акцию между собой называли «чаепитием»: в залив предполагалось выбросить груз чая, подлежащий налогообложению в порту. В декабре план заговорщиков был приведен в исполнение и положил начало борьбе за независимость США.

Это историческое событие так и осталось в анналах истории – Boston Tea Party, то есть бостонское чаепитие. Так что, если дословно переводить название Чайной партии, то это будет... Движение Чаепития. Но поскольку и в Америке слово Party в печати и устной речи часто подразумевает именно партию, а не

вечеринку, а название политического течения коротко называют Tea Party, то и «Чайная партия» является вполне адекватным русским названием движения.

Когда же в нашем веке возникла идея чайного бунта? Кто заново открыл идею «чайной вечеринки»? Когда и где «вечеринки» начались?

Поскольку первых зримых политических успехов движение добилось в 2009 году, многие считают, что зародилось оно именно тогда. Начались массовые протесты правых под флагом Чайной партии, и самый заметный из них – сентябрьский марш налогоплательщиков на Вашингтон – собрал не менее миллиона участников. Тогда же началась регистрация «чайных» депутатов на республиканские праймериз перед промежуточными выборами 2010 года. Как мы знаем, эта кампания была успешной – по крайней мере полторы сотни первых «чайников» попали в Конгресс.

А в августе 2010 года в журнале “The New Yorker” появилось журналистское расследование Джейн Мэйер под названием «Тайные операции» [5], в котором прямо указывалось на братьев-миллиардеров Чарльза и Дэвида Кохов как организаторов «чайной» войны против президента Обамы. Несмотря на то что расследование было проведено довольно качественно и почти все факты в статье Мэйер соответствовали действительности, вывод, что Чайную партию породили именно могущественные политические спонсоры-богатеи, был неверен. Расследование Мэйер запоздало как минимум на пару лет. В тот момент, когда братья Кохи, до этого времени спонсировавшие либертарианский Институт Катона, организацию «Граждане за честную экономику» и прочие НКО без особого общественного резонанса, открыли для себя Движение Чаепития (и действительно стали спонсировать его низовые ячейки и его кандидатов в Конгресс), оно уже стало общенациональным явлением, причем явлением, связанным с низовой мобилизацией избирателей и общественных активистов. В том же 2010 году автор либерального издания “Salon” Бен ван Хювелен, исследуя кампанию Рэнда Пола по выборам в Сенат от штата Кентукки, наткнулся на историю о том, как сегодняшний кандидат в президенты США еще в 2007 году помогал своему отцу, Рону Полу, кандидату-2008, организовывать массовый народный интернет-фандрайзинг. В статье «Как Рэнд Пол стал Обамой Чайной партии» Хювелен написал: «Его [Движения Чаепития] “вирусный”, децентрализованный характер, интеллектуальные корни его либертарианских принципов, его тактики фандрайзинга – всё это пришло из президентской кампании Рона Пола 2008 года» [3].

Рэнд Пол помогал отцу в его политической деятельности с подросткового возраста. Еще в 1976 году он вместе с Полом-старшим шел в колонне Рональда Рейгана на Республиканской национальной конференции (ему тогда было четырнадцать лет). В 2007-м, когда Рон Пол начал свою президентскую гонку, Рэнд находился на связи со многими либертарианскими активистами и просто людьми, симпатизировавшими его отцу, к тому времени заслуженному конгрессмену.

Один из таких активистов, живущий во Флориде Тревор Лиман, на одном из либертарианских интернет-форумов предложил провести 5 ноября 2007 года онлайн-мероприятие, получившее название «денежная бомба». Суть его состояла в том, чтобы собрать 3 млн долларов для любимого кандидата в течение одного дня благодаря небольшим пожертвованиям от равнодушных граждан. Лиман был неплохим программистом, однако ему помогли виртуальные друзья со всей Америки. Был создан сайт ThisNovember5th.com, который сторонники Рона Пола стали активно раскручивать на всех доступных им сетевых площадках. 5 ноября – это так называемый день Гая Фокса, британского бунтовщика, который планировал заложить бомбу под парламент. Гай Фокс – фигура сильно мифологизированная, но очень популярная среди молодежи и сетевых активистов.

стов благодаря графической новелле и голливудскому фильму «V – значит вендетта». Хорошо знакомая многим стилизованная маска Гая Фокса теперь является символом интернет-подполья. Так, группа хакеров-активистов «Анонимы» сделала ее своим символом.

Ресурс ThisNovember5th.com был весьма неплохо разработан по тем временам. Он не «валился» от наплыва посетителей (даже государственный сайт [Obamasare](http://Obamasare.com) в 2013 году, как выяснилось, был сделан гораздо хуже). Кроме того, на сайте были реализованы все новейшие на тот момент технологии для приема онлайн-транзакций. На сайте просто, но ярко отображался ход сбора пожертвований. Каждый раз, когда набирались очередные 100 тысяч долларов, сайт отображал новое поздравление спонсорам и новый призыв добавить еще денег, чтобы добиться рекорда. На каждый размер вклада была предусмотрена своя благодарственная фраза, которую мини-донор видел на экране компьютера. От «Вот! Даже студенты могут сделать героя президентом!» до «Ты настоящий средний класс, брат! Это твоя революция!».

Сборы значительно превысили первоначальные планы Лимана. Чуть более 37 тыс. человек в общей сложности пожертвовали 4,73 млн долларов. Это было немыслимо! За один день кандидат, который бросил вызов истеблишменту с его хорошо отлаженными связями, собрал рекордную сумму. Лиман решил не останавливаться на достигнутом. Он поставил себе и своим единомышленникам новую задачу – «взорвать» денежную бомбу в пять миллионов долларов. Нужно было подобрать правильную дату. Один из сторонников Пола из штата Огайо, Джои Боззи, предложил провести следующий фандрайзинг 16 декабря, в годовщину бостонского чайного бунта. Это была великолепная идея. Фактически будущая Чайная партия получила свое название именно 16 декабря 2007 года.

Другому активисту, 49-летнему Бобу Дуэйеру из Массачусетса, пришла в голову мысль: а почему бы вместе с онлайн-мероприятием не провести флеш-моб в реале? Для этого, по его мнению, лучше всего подошло бы здание Фэнел-Холл в Бостоне. Менее чем за месяц люди, до этого объединенные только через бостонскую группу в социальной сети Meetup («Фейсбук» еще не был достаточно развит), сумели собрать более десяти тысяч долларов, зарегистрировать некоммерческую организацию, арендовать здание на нужную дату, организовать совместно с Лиманом онлайн-трансляцию из главного зала Фэнел-Холла и даже разместить рекламу на радио и в местных газетах.

На мероприятии в Бостоне перед собравшимися выступил Рэнд Пол, который тогда еще только подумывал о собственной политической карьере. Но именно в тот день люди, собравшиеся в историческом здании Бостона и у экранов компьютеров по всей Америке, услышали его раскатистый уверенный голос и фирменную манеру речи: «Я приветствую вас, сыновья и дочери свободы! Добро пожаловать в революцию!». Зал взорвался овациями. Пол-младший, выдержав паузу, напомнил собравшимся об исторических параллелях: «Они [британцы] говорили, что подавили американский бунт и смеялись над американцами, над их бедной амуницией и несовершенной тактикой. Они смеялись, пока американская армия вынуждена была предпринимать отступление за отступлением. Они смеялись до самого Йорктауна¹». В зале – смех, гул, свист. «Сегодня вы – тот самый американский бунт. Вы рассержены, разочарованы и потеряли веру. Вы понесли тяжелую утрату. Мы утратили нашу свободу. Ис-

¹ Йорктаун – город в Виргинии, где в 1781 году состоялось несколько решительных сражений между королевскими силами Великобритании и повстанческой американской армией. Йорктаунская кампания считается решающей в ходе всей войны за независимость США, поскольку именно после нее Великобритания пошла на мирные переговоры.

теблшмент сидит в своих пентхаусах и, глядя сверху вниз, смеется над вами, смеется над нами... Но знаете, что я вам скажу? Сегодня они перестанут смеяться!».

Еще до наступления сумерек Рэнд Пол предрек, что новая денежная бомба рванет с такой силой, что это будет иметь далеко идущие последствия: «Сегодня мы заложим под них денежную бомбу. Она будет такой большой и такой устрашающей, что встряхнет весь политический ландшафт».

И он оказался прав. Планка в 5 млн долларов, запланированная активистами, была значительно превышена. За сутки в копилку кампании Рона Пола поступило более 6 млн долларов. На тот момент это был абсолютный рекорд однодневного фандрайзинга за всю историю выборов в США¹.

До этого момента традицией фандрайзинга являлось исключительно проведение вечеров для толстосумов, которые, обласканные вниманием перспективного политика, передадут в предвыборный фонд чеки на суммы с множеством нулей. Проект Лимана ломал эту традицию. Интернет-фандрайзинг стал пусть и неполноценной, но весьма важной альтернативой пожертвованиям от бизнес-империй и лоббистских групп. Джон Николс, известный колумнист издания "The Nation", 18 ноября написал в статье с говорящим названием «Настоящая революция Рона Пола»: «Даже те, кто не разделяют его [Пола] либертарианских взглядов... могут и должны быть горды тем, что кандидат ломает правила игры и получает мощную поддержку от корней травы. Если голосующие на праймериз республиканцы, пусть и не все, последуют этому примеру, то кампания Рона Пола действительно станет революцией. Он станет таким кандидатом-2008, которого будут помнить за нечто, что значит гораздо больше, чем выигрыш номинации от партии [на президентский пост] и даже победа на ноябрьских выборах, и это всё меняет в политике в стране, которой нужны новые методы для изменения коррумпированного и недееспособного статус-кво» [6].

«Встряхивать весь политический ландшафт» и «изменять коррумпированный и недееспособный статус-кво» принялось новое поколение людей, новый тип политического течения, объединенного с помощью новейших информационных технологий. Когда впоследствии благодаря расследованиям Конгресса и откровениям Эдварда Сноудена выяснилось, что виртуальное пространство, благодаря которому произошла мобилизация «чайников», подвергается систематической слежке, это было воспринято ничуть не менее болезненно, чем в XVIII–XIX веках воспринималось подглядывание в окна или обыск без ордера.

Еще в конце 1990-х, по мере развития Всемирной паутины, суды различных инстанций в США включили Интернет в расширенное толкование Билля о правах, в частности Четвертой поправки. Но теперь это было уже не юридическим фактом, а фактом политическим. Люди осознали, что правительство недопустимо превысило свои полномочия и разрослось до такой степени, что более не контролируется избирающими его гражданами. У американцев с их трепетным отношением к конституционным правам и налогам возникло два естественных желания: сократить денежное довольствие такому правительству (устроить ему «чайную вечеринку») и потребовать неукоснительного соблюдения Билля о правах не только в индустриальной и бытовой сферах, но и в сфере постиндустриальной, информационной.

Так самые продвинутые и образованные люди, простые налогоплательщики, которые не живут на государственные пособия и не руководят мега-

¹ До Рона Пола рекорд был за Джоном Керри, кандидатом в президенты от Демократической партии в 2004 году. Однако сумма 5,7 млн долларов, полученная в течение суток, была получена уже тогда, когда Керри выиграл праймериз. И, разумеется, речь не шла об онлайн-пожертвованиях от простых американцев.

корпорациями, способными укрывать капиталы в офшорах, стали основой политического движения, возродившего дух Америки XVIII века. И случилось это в веке XXI, когда индустриальная эпоха достигла практически всех своих целей, и старый индивидуализм, дух предпринимательства и неотъемлемые личные права обрели новое звучание в мире Интернета, робототехники и глобальной экономики.

* * *

Разумеется, не все исследователи относят зарождение Чайной партии к декабрю 2007 года, когда состоялось памятное мероприятие в Фэнел-Холле. Даже очень уважающие обоих Полов историки Юрий Мальцев и Роман Сказкив в книге «Объясняя Чайную партию» [4] считают стартовой точкой массового движения яркое выступление комментатора телеканала CNBC Рика Сантелли на торговой площадке Чикагской товарной биржи 19 февраля 2009 года. Сантелли был разгневан решением администрации Обамы спасти прошттрафившиеся американские банки и безответственных заемщиков в разгар финансового кризиса. «Мы тут задумываемся о чайной вечеринке в Чикаго в июле!» – прокричал журналист, и видео с его выступлением разнеслось по всему Интернету.

Скотт Расмуссен и Дуглас Шон делают смелое предположение [9], что Движение Чаепития началось еще в 1992 году, во время беспрецедентной президентской кампании независимого кандидата Росса Перо. Эта гипотеза, пожалуй, чересчур революционна, хотя и в 2008-м, и в 2012-м американские СМИ пытались сравнивать Рона Пола с Перо. Однако прогноз о том, что чайный бунт фундаментально скажется на самой двухпартийной системе США, на мой взгляд, заслуживает внимания. Книга Расмуссена и Шона увидела свет в 2010 году, и то, что они мыслили в верном направлении в то время, когда остальные аналитики всячески принижали значение Чайной партии и сулили ей скорый упадок, становится тем яснее, чем ближе президентские выборы 2016 года. Уже сегодня мы видим практически полный упадок республиканского истеблишмента и триумф «чайников» и других несистемных политиков. А что произойдет к 2020 году, не берется предсказать никто.

В своих книгах «Чайная партия идет в Вашингтон» [8] и «Занимая позицию» [7] Рэнд Пол также прогнозирует изменение политического ландшафта, связанного с появлением Движения Чаепития. Старые право-левые противоречия, по мнению Пола-младшего, со временем отойдут на второй план, то есть на новом историческом этапе произойдет некий «сброс» до беспартийной политики в стиле XVIII века. Автор утверждает, что экономика, образование и здравоохранение в XX веке еще могли централизованно управляться государством, но в веке XXI снова требуют распределенного управления с использованием всех новейших технологий, в том числе информационных. Сегодня эти прогнозы Рэнда Пола обсуждаются не очень активно, что в основном связано с его низкими президентскими рейтингами. Однако на них, на мой взгляд, все-таки стоит обратить внимание. Пол-младший уже не единожды с памятного 2007 года проявлял себя не только как умелый организатор, но и как политик с большим чутьем на новые перспективные тенденции.

Что касается ближайшего политического будущего Пола-младшего, то он вполне может сняться с президентской гонки в январе – марте 2016 года и сосредоточиться на работе в Сенате. В таком случае после вероятного переизбрания в ноябре он возглавит борьбу «чайников» в Сенате против «коррупционного статус-кво», которую Движение Чаепития ведет в Палате представителей и которая привела к отстранению от власти старых лидеров, Джона Бейнера и Кевина Маккарти. В таком случае нет ничего невозможного в ситуации, когда нижнюю палату возглавит Пол Райан, а в верхней республиканское

большинство – Рэнд Пол. Худшего кошмара для представителей «статус-кво» не придумашь.

Было бы неправильным не упомянуть еще двух историков Движения Чаепития – Дика Арми и Мэтта Киббе, которые в 2010 году издали книгу «Дайте нам свободу: Манифест Чайной партии» [2]. Авторы затруднились с ответом на вопрос, когда же именно возникло движение, однако объясняют его расцвет гневом американцев на «финансовую безответственность правительства в 2009 году». Книга была выпущена в правильное время – накануне поворотных выборов в Конгресс 2010 года и разошлась весьма приличным тиражом. Несмотря на достаточно конъюнктурный характер, она хороша тем, что показывает не только отчаяние и разочарование американцев действиями федерального правительства, но и растущую информированность избирателей и развивающиеся у них навыки низовой самоорганизации.

Любопытно, что оба автора успели поработать в организации «Свобода работает» (Freedom Works), которую спонсировали уже упомянутые братья Кохи. И если Арми, бывший член Палаты представителей, был в организации своего рода свадебным генералом, то Киббе зарекомендовал себя квалифицированным политическим менеджером и незаурядным аналитиком. Он без колебаний оставил пост старшего экономиста в Республиканском национальном комитете, когда в 2002 году Джордж Буш-мл. нарушил свои предвыборные обещания о сокращении дефицита государственного бюджета. Киббе успел поработать председателем бюджетного управления Торговой палаты США, а также управляющим редактором влиятельного журнала «Marketing Process», издаваемого Университетом Джорджа Мэйсона. Свои познания в экономике, менеджменте и маркетинге он употребил на то, чтобы координировать различные правые организации, а в 2009 году вместе с женой Терри сосредоточился на фандрайзинге для Движения Чаепития. Именно Мэтт и Терри «открыли» для братьев Кохов Чайную партию и сыграли немалую роль в координации «чайных» ячеек по всей стране, помогая им наращивать информационные ресурсы и связываться со спонсорами – как мелкими, так и крупными.

То, что обнаружила в августе 2010 года журналистка Джейн Мэйер, а именно связь Движения с братьями Кохами, было продуктом долгой работы и обоих поколений Полов, и простых энтузиастов вроде Лимана и Дуэйера, и профессионалов вроде четы Киббе, и многолетних исследований мозговых центров, таких как Институт Катона и Freedom Works. Да, в 2009–2010 годах в Движение Чаепития пришли большие деньги, но они пришли уже в живое движение, умеющее работать без вашингтонских покровителей и богатых доноров. Обе президентские кампании Рона Пола, сенатская кампания Рэнда Пола, неожиданное свержение Эрика Кантора и стойкость губернатора Висконсина Скотта Уокера – тому прямое подтверждение.

Могли бы «чайники» добиться столь впечатляющих успехов без прихода больших денег? Трудно сказать. Во всяком случае, для этого потребовалось бы больше времени. Куда очевиднее ответ на другой вопрос: могло ли Движение Чаепития изменить политический ландшафт Америки, основываясь только на деньгах и предвыборных технологиях? И ответ на этот вопрос – однозначно нет. Примером может служить разработанная Эриком Кантором и Кевином Маккарти программа «Молодые стрелки» (Young Guns), которая получала финансирование через структуры братьев Кохов с 2007 года. Целью программы было рекрутирование молодых консервативных политиков в Республиканскую партию. Несмотря на поддержку лидера республиканского (тогда) меньшинства в Палате представителей и солидные финансовые ресурсы, программа буксовала весь избирательный цикл 2007–2008 годов. Как рассказывает в своей книге

«Путь вперед» [10¹] нынешний спикер нижней палаты Конгресса Пол Райан, заработала программа лишь к концу 2009 года, когда наладила связи с местными «чайными» ячейками. Райан скромно подытожил итоги трехлетней работы так: «Программа стала хорошим дополнением к усилиям Чайной партии».

При этом совместная попытка Митта Ромни и Пола Райана в 2012 году занять (соответственно) президентский и вице-президентский посты была, думаю, последней попыткой примирения истеблишмента и Движения Чаепития. И усилия Райана в этом вопросе сложно переоценить. На форуме организации «Американцы за процветание» в августе 2012 года кандидат в вице-президенты выступил перед братьями Кохами и другими «чайными» спонсорами, убеждая их не играть против пары Ромни – Райан и не лишать Республиканскую партию шанса сделать Барака Обаму президентом одного срока.

Что было бы, выиграй Ромни те президентские выборы, сказать сегодня сложно, поскольку давление Чайной партии на истеблишмент вряд ли бы ослабло, а истеблишмент вряд ли бы сопротивлялся бы такому давлению, используя свой главный козырь – действующего президента. Для Митта Ромни это было бы кошмарным президентством. Вот что справедливо писала о паре Ромни – Райан в 2012 году газета «The New York Times»: «Когда мистер Ромни объявил, что его партнером по гонке будет мистер Райан, его команда подчеркивала детальное знание Райаном бюджетного процесса, а также «химию», возникшую между ним и Ромни. Однако мало кому известно, что Райан тесно связан с донорами и активистами Чайной партии, создавшими политическую машину с багажом 400 миллионов долларов, собранных консервативными и либертарианскими спонсорами. И эта машина сегодня конкурирует и раз за разом побеждает республиканский истеблишмент, который стоит за мистером Ромни»².

Президентом в 2012 году остался Обама, что лишь распалило «чайников» и ускорило переворот в Конгрессе. Теперь на очереди не только Сенат. Кандидаты в президенты от Республиканской партии близки к тому, чтобы лишиться власти Республиканский национальный комитет (RNC – руководящий орган партии) за его не слишком решительные действия по реформированию процесса праймериз и внутрипартийных дебатов. Штабы претендентов уже ведут прямые переговоры между собой, что может привести или к смене руководства RNC, или к созданию более авторитетного параллельного органа.

И это будет очередным этапом «чайного» бунта.

* * *

При всем своем бунтарском характере Чайная партия обладает всеми чертами консервативного политического течения.

Впрочем, и сам бунт – тоже вполне в традициях американского консерватизма. Похожим образом самоорганизовывались, мобилизовались и бунтовали против вашингтонских либералов религиозные правые. Против умеренных республиканцев, представленных Фордом и Бушем-ст., бунтовал Рейган. Да и отцы-основатели в XVIII веке бунтовали против несправедливых налогов и всепроникающей государственной власти, вот только управляющий центр тогда находился в Лондоне, а не в Вашингтоне.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что снижение налогов, минимизация госрегулирования в экономике, ликвидация дефицита бюджета и уменьшение госдолга – важные, но не главные пункты «чайной» повестки. Лидеры Движения

¹ Автор данной статьи написал рецензию на эту книгу для сайта «Русская idea»: [1].

² *Confessore, Nicholas*. Ryan Has Kept Close Ties to Wealthy Donors on the Right // The New York Times, August 13, 2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/08/14/us/politics/paul-ryan-has-kept-close-ties-to-conservative-and-libertarian-donors.html>

Чаепития апеллируют к главной американской традиции – конституционным нормам, оставляющим за правительством лишь ограниченный набор полномочий, за который оно не должно выходить, тем более когда дело касается прав личности.

В уже упомянутой книге Пола Райана «Путь вперед» ключевым консервативным принципом называется наличие *«жизненно важного пространства между государством и личностью»*, в котором действуют семья, община, гражданское общество, экономика, образование, значительная часть социальной сферы, творчество и т.д.

Это пространство каждая эпоха наполняет по-своему, но политическое понимание консерватизма, с точки зрения Райана, запрещает вторгаться в эту область государству, которое должно быть *«одновременно достаточно энергичным, чтобы отвечать потребностям общества, и достаточно ограниченным, чтобы не покушаться на права личности»*, что в полной мере соответствует принципам отцов-основателей. Иными словами, пресловутые «свобода, равенство и стремление к счастью» – это личная прерогатива и зона личной ответственности, а не план государственного аппарата. И «соответствие духу времени» определяется наполнением пространства между личностью и государством, а не ликвидацией этого пространства.

С точки зрения Чайной партии, в XX веке с его Великой депрессией, двумя страшными горячими войнами и затяжной холодной государству (возможно, и разумно) развязали руки, и правительство воспользовалось этим так, как этого и следовало ожидать: пространство между личностью и властью было полностью оккупировано чиновничеством. А когда террористы обрушили самолеты на Нью-Йорк, настала очередь и личности. И через двенадцать лет один из молодых образованных патриотов, работающих на АНБ, не выдержал.

Разумеется, истеблишмент заклеил Сноудена как преступника. А еще губернатор Нью-Джерси Крис Кристи очень смешно назвал его либертарианцем. Что ж, это довольно точное определение и довольно точный диагноз – если сотрудник спецслужб вдруг говорит фразу, вынесенную в эпиграф к данной статье («Лучше не иметь государства, чем не иметь свободы»), то это значит, что либертарианство переживает пик своей популярности.

Это случилось в то время, когда мир сильно изменился и продолжает стремительно меняться, когда на наших глазах стираются границы между предметами повседневности и средствами производства, когда частный бизнес устремляется в космос, сельское хозяйство индустриализировано и начинается его роботизация, так что оно снова может быть эффективным семейным делом, когда меняется социальное поведение различных страт общества, да и страты становятся другими, когда всеобщая информатизация делает домашнее и/или персонифицированное образование делом общедоступным, – у консерваторов «чайного» толка, у этих певцов «XVIII века», появляется шанс предложить старые-новые рецепты для века XXI.

При этом они удерживают важную для консерватора связь с предыдущими поколениями – с Рейганом (который, как известно, считал себя либертарианцем), с Гувером, Тафтом, Кулиджем и самими отцами-основателями. Наследие отцов-основателей – Конституция, Билль о правах и емкие, лаконичные высказывания – как будто изначально создавалось для информационной эпохи. Как только текст поправок к Конституции, цитаты Джефферсона и Гамильтона попали в Сеть, появление Чайной партии, по сути, было предreshено. Отцы-основатели не были, формально говоря, профессиональными политиками. Они были на две трети врачами и предпринимателями. Обратите внимание: в республиканской предвыборной гонке с большим отрывом лидируют предприниматель и врач, Дональд Трамп и Бен Карсон.

Вспомним также, кто отобрал кресло у лидера республиканского большинства в Палате представителей, профессионального политика Эрика Кантора, – экономист Дэйв Брат, который, помимо преподавательской деятельности, успел поработать и бухгалтером, и менеджером банка.

И раз уж, как явствует из эпиграфа к данной статье, Джефферсон полагал, что члены правительства – «преступники», коих следует «сковать цепями Конституции», то именно это, по мнению «чайников», и надлежит сделать. Смелый рассказ Сноудена о злоупотреблениях властью только упрочил их уверенность в актуальности этого рецепта. Доинформационная эпоха отличалась от нынешней не только с точки зрения производительных сил и производственных отношений. Она сегодня представляется правым консерваторам эпохой большой лжи или, в лучшем случае, эпохой большого сокрытия правды, временем, когда профессиональные политики скрывали из корыстных побуждений от людей простые истины, главной из которых они считают тот факт, что правительство приносит гораздо больше проблем, чем решений. Вспомним, что именно об этом предупреждали в своих трудах отцы-основатели.

Остается открытым вопрос, насколько предлагаемые «чайниками» политические и экономические преобразования практически осуществимы. Однако в государстве, которое должно уже 18 трлн долларов, застряло в нескольких региональных вооруженных конфликтах, накрыло всех колпаком тотальной прослушки и продолжает требовать себе еще больше полномочий и денег, «чайная» альтернатива хороша уже фактом своего существования и растущего успеха.

Разумеется, среди «чайников» есть как внешнеполитические «голуби», так и «ястребы». Последние готовы сокращать любые статьи бюджета, кроме военных. Однако если движению суждено хорошее будущее, довольно быстро сама собой станет ясна актуальность пацифистских максим Джефферсона. Последний, как известно, предостерегал потомков от вмешательства в дела за пределами континента и призывал их иметь дружественные и взаимовыгодные отношения со всеми странами мира, при этом не вступая ни с кем в военные союзы.

Случится ли это на наших глазах или нет, покажет время. Возможно, и нет.

Но наличие в США Движения Чаепития со всей определенностью демонстрирует, что американский консерватизм скорее жив, чем мертв, и, стало быть, «неизбежная победа либерализма» в XXI веке как минимум откладывается.

Литература

1. *Дробницкий Д.* Ребрендинг мечты или консерватизм по-американски // Русская idea. 2014. 17 сентября. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/rebranding-mechty-ili-konservatizm-po-amerikanski>
2. *Army, Dick; Kibbe, Matt.* Give Us Liberty: A Tea Party Manifesto. Harper Collins, 2010.
3. *Heuvelen, Ben van.* How Rand Paul Became the Tea Party's Obama // Salon, May 14, 2010. URL: http://www.salon.com/2010/05/14/rand_paul_tea_party_obama
4. *Maltsev, Yuri; Skaskiw, Roman.* The Tea Party Explained: From Crisis to Crusade. Chicago: Open Court, 2013.
5. *Mayer, Jane.* Covert Operations: The Billionaire Brothers Who Are Waging a War against Obama // The New Yorker, August 30, 2010. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2010/08/30/covert-operations>
6. *Nichols, John.* The Real Ron Paul Revolution // The Nation, November 17, 2007. Интернет-версия текста сохранилась на сайте CBS. URL: <http://www.cbsnews.com/news/the-real-ron-paul-revolution/>
7. *Paul, Rand.* Taking a Stand: Moving Beyond Partisan Politics to Unite America. Center Street, 2015.
8. *Paul, Rand.* The Tea Party Goes to Washington. Center Street, 2011.
9. *Rasmussen, Scott; Schoen, Douglas.* Mad as Hell: How the Tea Party Movement Is Fundamentally Remaking Our Two-Party System. New York: Harper, 2010.
10. *Ryan, Paul.* The Way Forward: Renewing the American Idea. Twelve, 2014.

Аннотация. Движение Чаепития – одно из самых важных внутривнутриполитических явлений в США в XXI веке. Право-консервативные и либертарианские протестные акции, которые собирательно называют чайным бунтом, стремительно распространились по всей стране в 2009 году. Во время промежуточных выборов 2010 года представители «чайников» пришли во власть, а на выборах 2014 года упрочили свое положение. Движение черпает вдохновение в заветах отцов-основателей и выступает за минимальное государство. Консерватизм рассматривается сторонниками движения как следование принципам конституции, которая, по их мнению, обрела новое звучание в информационную эпоху.

Ключевые слова: Чайная партия, Движение Чаепития, чайный бунт, консерваторы, либертарианцы, конституция, конституционалисты, налоги, минимальное правительство, отцы-основатели, Рэнд Пол, Тед Круз, Пол Райан.

Dmitry Drobnitski, Americanologist, standing author, “Russian Idea” site; editor-in-chief, “Terra America” portal (2012–2014). E-mail: drobnitski@yandex.ru

Tea Party Movement: American Right Conservatives in the Information Era

Abstract. Tea Party movement is one of the prominent political phenomena in the US history of the 21st century. Conservative rights and libertarians started their protests in 2009. This Tea Party rebellion spread all over the nation. In 2010 during midterm elections Tea Party members came to power, and in the 2014 elections their positions became even stronger. Tea Party movement is inspired by the ideas of the Founding Fathers promoting for limited government. The movement members view conservatism as following Constitution principles that has new potential in the information era.

Keywords: Tea Party, Tea Party Movement, Tea Party Rebellion, Conservatives, Libertarians, Constitution, Constitutionals, Taxes, Limited Government, Founding Fathers, Rand Paul, Ted Cruz, Paul Rayan.

«Религиозные правые» Америки: безуспешные «десекуляризаторы»

Принцип отделения церкви от государства с момента знаменитого вольтеровского призыва «раздавить гадину» (то есть римско-католическую церковь) рассматривался в качестве необходимого элемента развития современного государства. Захлестнувшие западный мир в XIX – начале XX века процессы секуляризации, сопровождавшиеся бурным развитием экономики, науки и техники, казалось бы, должны были окончательно вытеснить религию в специальное («религиозное») пространство и тем самым полностью предотвратить возможность проникновения религиозных ценностей и норм в общественную сферу и, как следствие, в столь важную ее часть, как политика.

В конце XX столетия мир пережил возвращение религиозного фактора в политику, вследствие чего многие исследователи заговорили о процессах десекуляризации, которые в итоге приведут к формированию постсекулярного мира [7; 10]. Ученым еще предстоит ответить на вопросы о природе этого явления, а также его последствиях для социальной материи европейских обществ. Но уже сегодня можно констатировать, что религиозное начало вышло за границы того специального религиозного пространства, в которое оно было вытеснено секуляризацией, и превратилось в действенную политическую силу.

Впрочем, в рамках западного политического и экономического этоса существовало государство, в котором религия никогда не была вытеснена в отдельную сферу, оставаясь важным фактором социальной и политической жизни общества. Это государство – Соединенные Штаты Америки.

В небольшом очерке «Протестантские секты и дух капитализма» (1906) знаменитый немецкий социолог Макс Вебер отмечал, что, несмотря на проводимый в жизнь принцип «отделения церкви от государства», в конце XIX столетия в США «количество “не принадлежавших к определенному вероисповеданию людей” составляло <...> лишь 6% (приблизительно), и это при полном игнорировании со стороны государства конфессиональной принадлежности граждан, при отсутствии всех тех весьма существенных преимуществ, которые в большинстве европейских государств того времени обеспечивала принадлежность к определенным привилегированным церквям» [1, с. 273]. Объяснение этого факта Вебер усматривал не столько в какой-то особой религиозности американцев, которые, по его мнению, были весьма практичными людьми, далекими от какой-либо религиозной экзальтации, сколько в тех преимуществах, которыми мог пользоваться член религиозной общины. Ведь «принадлежность к секте <...> является своего рода нравственным (прежде всего в деловом отношении) аттестатом личности», как следствие, «характер исповедания не играл уже почти никакой роли. Никого не интересовало, был ли данный человек масоном,

Аршин Константин Валерьевич, кандидат философских наук, консультант аппарата Государственного антинаркотического комитета. E-mail: Kosta-10@yandex.ru

последователем Christian science, адвентистом, квакером или еще кем-нибудь. Важно было лишь то, что он принят посредством “ballot” после предварительной проверки и этического утверждения под углом зрения тех добродетелей, которые провозглашались обязательными мирской аскезой протестантизма, то есть старой пуританской традицией» [1, с. 277–278]. К таким добродетелям прежде всего относились «деловая добропорядочность и проверенная кредитоспособность» [1, с. 278].

Однако реальность была отнюдь не столь однозначной и прямолинейной, как воспринял ее немецкий социолог. Религиозная составляющая в протестантской версии служила не просто характеристикой американского «хорошего парня», с которым стоит иметь дело, но представляла собой один из столпов, на котором основывались американские национальная культура и государство¹.

Как отмечал известный американский политолог Сэмюэль Хантингтон, «будучи ключевым элементом американской культуры, протестантизм в Америке оказывал и оказывает существенное влияние на католицизм и прочие культуры; протестантскими по сути являются и сложившиеся в американском обществе воззрения на личную и общественную мораль, экономическую активность, принципы управления и государственную политику. Самое главное – протестантизм стал основой “американской веры”, то есть комплекса политических принципов, дополняющих англо-протестантскую культуру в качестве ключевого элемента американской идентичности» [8, с. 109].

И это не удивительно, ведь сами США были основаны «как последовательность протестантских фрагментов». Как следствие, писал С. Хантингтон, «американцы определяли свою миссию в Новом Свете в библейских выражениях: они были “избранным народом”, “скитавшимся в пустыне” и грезившим о создании “нового Израиля” или “нового Иерусалима” <...> Америка виделась им местом “новых небес и новой земли”, домом справедливости. Ощущение богоизбранности и святой миссии вдобавок накладывалось на миллениаристские концепции Америки как “нации-искупительницы” и “визионерской республики”». Едва ли в этой связи можно считать случайным, что «они (американцы – К.А.) основывали свои поселения и заключали “договор с Господом”, мечтая создать “град на холме”, который стал бы образцом для всего мира» [8, с. 111].

Христианские фундаменталисты неоднократно заявляли свои претензии на столь важную культурную сферу, как образование. К примеру, в 1925 году в штате Теннесси прошел судебный процесс, известный как «дело Скоупса». Суть дела состояла в следующем. Учитель биологии Джон Скоупс обвинялся в преподавании теории эволюции в государственной школе, что было строжайше запрещено законами штата. Несмотря на тот факт, что интересы Скоупса защищал лучший на тот момент адвокат США Кларенс Дерроу, обвинению, которое возглавил бывший кандидат в президенты Уильям Дженнингс Брайан, удалось доказать вину учителя биологии.

Дело получило столь широкую огласку, что в него вмешался Верховный суд США, постановивший, что установление препятствий преподаванию в государственных школах теории эволюции нарушает Первую поправку к Конституции США в части установления государственной религии.

Несмотря на тот факт, что впоследствии Верховный суд неоднократно выносил постановления касательно неконституционности запретов властей различных штатов на преподавание теории эволюции в школах, попытки фунда-

¹ Как отмечал первый председатель Верховного суда США Джон Джей, можно выделить шесть столпов единения американцев – общее происхождение, язык, религия, принципы управления, обычаи, военный опыт. См. [8, с. 105].

менталистов установить в государственных школах соответствующие правила не прекращаются.

Одновременно наблюдается и рост активности христианских фундаменталистов в политике.

В одном из интервью профессор Принстонского университета Роберт Питер Джордж, которого газета "The New York Times" назвала «наиболее влиятельным консервативным христианским мыслителем», справедливо отметил, что для Соединенных Штатов Америки «разделение церкви и государства не является разделением религии и общественной жизни» [2], как следствие, религия оказывала и оказывает огромное влияние на американское общество и общественное мнение.

Однако объединение христианских фундаменталистов с консерваторами, которое современным исследователям кажется едва ли не естественным, на самом деле не было настолько предопределено.

К примеру, между 1940 и 1970 годами наблюдался настоящий расцвет левого религиозного крыла, обусловленный борьбой за гражданские права, призывами бороться с бедностью и неприятием войны во Вьетнаме.

Однако под воздействием изменения политической повестки левых в 1970-х годах происходят судьбоносные перемены. Рост религиозного и политического либерализма способствовал либерализации религиозных общин, пастыри которых начинают проповедовать в поддержку легализации аборт, движений гомосексуалистов за равные права. Эти проповедники также отказались от безусловного осуждения внебрачных и добрачных половых связей. Для значительной части американцев подобная риторика была недопустима. Более того, в их мировоззрении отказ от традиционных религиозно-этических ценностей оказался крепко привязан к наблюдаемому разгулу преступности, росту разводов, потере моральных ориентиров нации, а также экономическим и внешнеполитическим проблемам.

В 1976 году «Институтом Гэллапа», изучающим общественное мнение, был проведен опрос среди американцев старше восемнадцати лет об их отношении к религии. Результаты оказались ошеломляющими. Почти 34% опрошенных заявили, что считают себя «рожденными заново». Столько же были уверены, что Библия – это буквальная запись Слова Божия. Для 83% респондентов Библия являлась боговдохновенной книгой, не содержащей искажений.

Два месяца спустя президентом США был избран Джимми Картер, который не только открыто заявлял о себе как о «рожденном заново» христианине, но и вел свою президентскую кампанию под лозунгами «нравственного правления» и «возвращения к традиционным семейным ценностям». Впрочем, фундаменталисты довольно быстро разочаровались в новом президенте, не захотевшем или не сумевшем провести законы, которые они рассматривали в качестве приоритетных.

Но вскоре у христианских фундаменталистов появился новый фаворит – Рональд Рейган. Однако прежде чем стало возможным говорить о появлении нового лидера, потребовалась трудоемкая организационная работа, которая была проведена Робертом Грандом и преподобным Джерри Фолуэллом.

В 1978 году Роберт Гранд попытался сплотить христианских правых в активное политическое движение, получившее название «Христианский голос». Миссия указанной организации состояла в поддержке традиционных ценностей брака, семьи, материнства и отцовства, которые рушатся под воздействием либеральной этики, основывающейся на принципах половой распущенности, порнографии, гедонистической культуры.

Став первой из организаций, созданных в качестве национального политического лобби, ставящего своей целью защиту традиционных семейных

ценностей, детище Роберта Гранда отнюдь не осталось единственным в ряду подобных и даже наиболее известным. Вслед за «Христианским голосом» появились «Христианская коалиция», «Коалиция за традиционные ценности», «Взволнованные женщины Америки», а также «Моральное большинство». Причем именно учрежденное в 1979 году преподобным Джерри Фолуэллом «Моральное большинство» вскоре стало синонимом движения консервативно настроенных христиан.

Название «Моральное большинство» отсылало к программным установкам, которые исповедовали члены организации. Они были уверены, что проповедуемое их сообществом понимание моральных проблем есть выражение мнения большинства американцев, а представленность их точки зрения в политической сфере выступает необходимым условием для поддержания христианской концепции нравственного закона. В основе этой концепции лежало введение цензуры в СМИ для прекращения распространения антисемейных ценностей, борьба против поправки о равных правах женщин, против ограничения стратегических вооружений, против признания гомосексуализма, против допустимости абортов, а также за введение обязательной молитвы в школе.

Первоначально ориентируясь только на жителей южных штатов, «Моральное большинство» вскоре превратилось в общенациональную силу. Этому немало способствовала эффективная медийная политика, строившаяся на распространении информации путем почтовой рассылки и телевизионных программ. Так, в значительной мере ее росту способствовала идущая по национальному телевидению программа «Евангельский час», благодаря которой «Моральное большинство» получало адреса для рассылки собственных пропагандистских материалов.

Считается, что именно активность членов «Морального большинства» во многом предопределила победу Рональда Рейгана на президентских выборах 1980 года, а также его переизбрание в 1984 году. Впрочем, было бы неверно связывать успех религиозных консерваторов, которые и обеспечили приход к власти Республиканской партии во главе с Рональдом Рейганом, исключительно с протестантскими фундаменталистами. Состав движения Новой религиозной правой был значительно более пестрым и разнообразным.

Так, в 1970-х годах можно наблюдать рождение движения культурно-религиозного консерватизма, которое направляли интеллектуалы-католики. Среди них особого внимания заслуживают Рассел Кирк, историк Уильям Линд, политический комментатор Пол Уайрич, политолог Майкл Новак, политический активист Ричард Вигери. Целью культурных консерваторов, о которой они открыто говорили, было возрождение американской культуры, под которой они понимали «образы мышления, жизни и поведения, характеризующие людей и подчеркивающие их достижения. Это коллективный дух нации, ее восприятие правоты и неправоты, способ достижения реальности и самоинтерпретации. <...> Это мораль и привычки, которые мы стремимся привить своим детям <...> наши определения долга, чести и достоинства» [4, с. 30]. Причем в основе этой культуры, с их точки зрения, лежала религия, воплощенная в тысячелетних иудео-христианских ценностях.

Отказ от этих ценностей в пользу этического релятивизма, доминирования плюрализма и «свободного рынка» применительно к моральным нормам, согласно доктрине религиозных правых, вел к нарушению баланса между индивидуальными правами и властью общества, к разрушению гармонии, которая изначально свойственна культуре, и, в конечном счете – к отказу от цивилизации. Таким образом, с точки зрения культурных консерваторов, упадок религиозности способствовал снижению социальной толерантности, иными словами, росту насилия, преступности, атомизации общества.

Указанные выводы в значительной мере перекликались с выводами протестантских фундаменталистов, что предопределило сближение столь непохожих по составу и взглядам движений и совместное их выступление в поддержку Рональда Рейгана. Вместе с тем идеологи культурного консерватизма постоянно подчеркивали дистанцию, пролежавшую между ними и протестантскими фундаменталистами. Различие двух движений наиболее полно обозначил уже упоминавшийся У. Линд, отметивший, что «одним из неверных представлений об американских культурных консерваторах – членах политического движения Новой религиозной правой – является предубеждение, что они будто бы нацелены на создание в США теократии в духе протестантского сектантства, нечто вроде колонии Массачусетского залива, где религиозный примитивизм и протестантский евангелизм будут поддержаны всей мощью и силой государства. Ярлык протестантского фундаментализма для Новой религиозной правой неуместен. Многие из ее лидеров – католики» [3, с. 19].

Впрочем, не только здесь проявилось размежевание культурных консерваторов и протестантских фундаменталистов, игравших более значимую, нежели католики, роль в администрации Рональда Рейгана и, как следствие, формировавших его позицию по внутри- и внешнеполитическим вопросам.

Расхождение, к примеру, наблюдалось в трактовке отношения обоих движений к абортам. Казалось бы, и культурные консерваторы, и протестантские фундаменталисты выступали против абортотворения, полагая их продуктом распада христианской морали и торжества атеизма. Но если культурные консерваторы помещали эту проблему в рамки более широкой идеи «священности человеческой жизни», выступая тем самым одновременно против смертной казни и в пользу ядерного разоружения, то администрация Рейгана игнорировала иные помимо запретов абортотворения составляющие вышеуказанной идеи. Не менее важные споры велись также по вопросам необходимости религиозного обоснования политической системы США. Так, для культурных консерваторов оказалась неприемлема риторика Рейгана, который довольно часто рассуждал о религии в утилитарном смысле, используя библейские положения для обоснования величия Соединенных Штатов Америки.

Во второй половине 1980-х годов намечается размежевание культурных консерваторов и протестантских фундаменталистов. Первые констатировали практически полный провал политического курса Белого дома, который, как отметил П. Уайрич, сведя религиозно-этическую повестку к вопросам школьной молитвы и абортотворения, одновременно проигнорировал цивилизационный кризис США. Тем самым, «с точки зрения формирования такой программы, которая была бы достаточно широкой и глубокой для того, чтобы предотвратить культурный упадок, мы (консерваторы – К.А.) провалились» [6, с. 47].

Несмотря на явное полемическое преувеличение, Уайрич вполне четко охарактеризовал итоги правления Рональда Рейгана. Так же как администрации предыдущего президента США Дж. Картера, администрации Рейгана не удалось принять ни одного закона, касающегося важных для консерваторов тем: обязательной школьной молитвы, запрещения абортотворения, поддержки религиозных школ и ограничения прав сексуальных меньшинств. Но нельзя не признать, что Рейгану удалось, с одной стороны, легитимировать ряд требований религиозных правых, которые до той поры читались крайними радикалами и даже экстремистами, а с другой – посредством союза с религиозными правыми вывести из кризиса Республиканскую партию, которая, по мнению ряда наблюдателей, в 1970-х годах практически прекратила свое существование [9, с. 376]. Наконец, в-третьих, и сами фундаменталисты-протестанты приобрели легитимный статус в политике, превратившись в значимую политическую силу, от поддержки которой теперь зависел успех Республиканской партии.

Ярким примером подобной организации является «Христианская коалиция Америки». Основанная в 1989 году телепроповедником Пэтом Робертсоном, она уже в 1990-х годах обеспечила завоевание Республиканской партией большинства в Конгрессе.

Эта организация, преподносящая себя в качестве самой крупной консервативной организации Соединенных Штатов Америки и практически единственного социального лифта для верующих христиан, позволяющего им занять значимые места в центральных и местных органах власти, помимо традиционных для протестантов-фундаменталистов целей (укрепление американской семьи, сохранение христианских ценностей), ставит себе также цели, которые едва ли можно назвать ортодоксальными: активное донесение своей позиции гражданам через средства массовой информации, подготовка «эффективных христианских лидеров-политиков», защита прав христиан в мире, где доминируют секуляризм.

Достичь указанных целей, по мнению лидеров движения, возможно только в том случае, если у власти окажутся открыто симпатизирующие или исповедующие христианство политики, поддерживающие политическую программу «Христианской коалиции Америки».

Обладая высоким мобилизационным потенциалом, «Христианская коалиция Америки» не только обеспечила сохранение электоральных позиций религиозных консерваторов в 1990-х годах, но и предопределила возвращение династии Бушей в Белый дом.

О росте значимости «христианских правых» в Республиканской партии можно судить хотя бы по тому факту, что из 2000 человек, присутствовавших на предвыборном съезде республиканцев в 1992 году, к «христианским правым» причисляли себя 300 человек. На аналогичном мероприятии четыре года спустя их стало уже 500.

При этом необходимо учитывать и не ослабевающее влияние протестантов-фундаменталистов во внутренней политике США. Приход к власти в 1992 году либерала Билла Клинтона, представляющего Демократическую партию, отнюдь не обескуражил консерваторов. Наоборот, в неприглядном положении оказался только что избранный президент, чьи либеральные начинания наталкивались на жесткую оппозицию «религиозных правых». Наиболее яркими примерами противостояния между влиятельными фундаменталистскими кругами и администрацией Билла Клинтона стали либерализация отношения к открытым гомосексуалистам в армии и реформа здравоохранения. В обоих случаях администрация Билла Клинтона оказалась вынуждена пойти на попятную, отказавшись от своих планов.

И, напротив, возвращение Республиканской партией себе большинства в Конгрессе в 1994 году (кстати, впервые с 1952 года) и избрание спикером республиканца Ньюта Гингрича, предложившего программу «Контракта с Америкой», во многом предопределили поворот администрации Клинтона к более консервативным взглядам. Так, под влиянием консерваторов были снижены налоги, в особенности на представителей наиболее богатых слоев населения, и сокращены социальные расходы.

Впрочем, для «Христианской коалиции Америки» это не прошло бесследно. В 1999 году она была лишена статуса некоммерческой организации, следствием чего стало повышение ее налогообложения.

Тем не менее год спустя «религиозные консерваторы» уже праздновали свой триумф. В результате выборов 2000 года республиканцы во главе с Джорджем Бушем-мл. вернулись в Белый дом.

Притом что отношения с Джорджем Бушем-ст., пришедшим на смену Рональду Рейгану, у протестантов-фундаменталистов не сложились, в Буше-мл.

они увидели своего человека, и тому были как объективные, так и субъективные причины. Среди них: сама личность Буша-мл., который открыто симпатизировал фундаменталистам, называл себя «рожденным заново» и активно цитировал выдержки из книг консервативных американских мыслителей, в частности М. Магнета, в чьей работе «Мечта и кошмар» устанавливалась прямая связь между современной маргинализацией белого населения США и революционными социальными экспериментами 1960-х годов.

К объективным причинам можно отнести ту команду, которая сложилась вокруг Джорджа Буша-мл. и сформировала костяк будущей администрации. Так, советником его предвыборного штаба стал один из лидеров «Христианской коалиции Америки» политический консультант Ральф Рид. Значительную роль в победе Джорджа Буша-мл. сыграли и близкие к «христианским правым» Джон Эшкрофт, Гровер Норквист.

Не удивительно, что в рамках «праймериз» 2000 года христианские организации приложили значительные усилия для выбывания сенатора Джона Маккейна из предвыборной гонки и выдвижения Буша в качестве единственного кандидата от Республиканской партии. На последовавших выборах Буша поддержали 87% белых протестантов, из которых 69% голосов принадлежало представителям христианских фундаменталистских организаций.

Следует отметить, что Буш-мл. отблагодарил тех, кто ему помог. Так, Джон Эшкрофт занял пост министра юстиции, Спенсер Абрахам – министра энергетики, Гровер Норквист был назначен на пост советника президента. Таким образом, констатирует отечественный ученый Георгий Мирский, «ни в одной администрации “христианские правые” не имели таких сильных позиций» [5]. Как следствие, и политика администрации Джорджа Буша-мл. была направлена на удовлетворение чаяний протестантов-фундаменталистов. Как указывает Мирский: «По трем важнейшим направлениям администрация Джорджа Буша-мл. действует вполне в духе “христианских правых”: это унилатерализм национально-патриотического толка в подходе к глобальным геополитическим проблемам, ближневосточная политика и борьба с терроризмом под девизом: “Кто не с нами, тот против нас”. Отказ от подписания Киотского протокола и договора по антибаллистическим ракетам, позиция США по вопросу о статуте международного трибунала – всё это вызвало бурное одобрение фундаменталистов. Известно их враждебное отношение к ООН, якобы стремящейся в конечном счете создать некое “мировое правительство”. И, естественно, отказ администрации Буша считаться с мнением ООН в период подготовки вторжения в Ирак получил полное одобрение “христианских правых”».

Однако уже в 2008 году «христианским правым» пришлось снова покинуть Белый дом. Чернокожему кандидату от Демократической партии удалось переиграть протестантов-фундаменталистов на их же собственном поле.

Республиканцам, чьим представителем выступил сенатор Джон МакКейн, у которого давние разногласия с правыми религиозными кругами, не удалось мобилизовать актив религиозных американцев. В тщетных попытках это сделать политические консультанты Республиканской партии даже пошли на крайне нетривиальный ход. В напарники Маккейну, который не желал подчеркивать свою религиозность, была подобрана кандидатура малоизвестного губернатора Аляски Сары Пэйлин.

Ярая противница аборт, которая на собственном примере показала стойкую приверженность исповедуемым взглядам, Пэйлин также была известна как член консервативной пятидесятнической деноминации, члены которой не только верили в буквальное толкование Библии, но и практиковали глоссологию – говорение на незнакомых языках.

Казалось бы, подобный напарник должен был увеличить популярность Маккейна в глазах верующих американцев. Однако всё произошло с точностью до наоборот. Политические консультанты Республиканской партии просчитались: кандидатура Пэйлин вместо того, чтобы расширить электоральную базу Маккейна, наоборот, сузила ее. Сближение Маккейна с правым радикализмом Пэйлин испугало умеренное большинство и заставило его более пристально присмотреться к Обаме, сумевшим заручиться поддержкой этого большинства.

Грамотным ходом, например, стала избранная Обамой позиция по проблеме абортов. Выступая против их запрета, он в то же время указывал на необходимость правильного религиозного воспитания для женщин, которое позволило бы им пользоваться этим правом разумно и ответственно. Маккейн же в свою очередь, исключив из предвыборной кампании религиозную риторику как таковую, указывал, что запрет абортов нарушает права граждан. Безусловно, позиция Обамы рядовым гражданам США, исповедующим религиозные взгляды, была значительно ближе.

Это, в сущности, и предопределило победу Барака Обамы над кандидатом от Республиканской партии.

В 2016 году Соединенным Штатам Америки предстоят очередные президентские выборы. История последних сорока лет демонстрирует, что победа того или иного кандидата в значительной степени зависит от того, кому из них удастся угадать желания и чаяния религиозных граждан Америки и тем самым привлечь на свою сторону эту крайне активную часть населения страны.

Литература

1. Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Джордж Р.П. Секулярные Штаты Америки. URL: <http://www.sdelanounih.ru/sekulyarnye-shtaty-ameriki>
3. Линд У. Что такое культурный консерватизм? // Рахмиров П.Ю. Культурный консерватизм в США. Пермь, 1995.
4. Линд У., Маршнер У. Культурный консерватизм. К новой национальной повестке дня // Рахмиров П.Ю. Культурный консерватизм в США. Пермь, 1995.
5. Мирский Г. Фундаменталисты Джорджа Буша. URL: <http://www.nomad.su/?a=18-200401190014>
6. Уайрич П. Культурный консерватизм и консервативное движение // Рахмиров П.Ю. Культурный консерватизм в США. Пермь, 1995.
7. Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002.
8. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
9. Шлезингер-мл. А.М. Недолгое счастье американских политических партий // Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М., 1992.
10. Berger, Peter L. (ed.) The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Washington DC, 1999.

Аннотация. Статья посвящена анализу становления христианской составляющей консервативного движения в США, так называемой христианской правой, во второй половине XX столетия. Используя обширный фактический материал, автор демонстрирует причины того, почему христианские правые стали весомой силой в американском консервативном движении, предопределив его победу в 1980-х годах. Согласно автору указанный факт стал возможен, с одной стороны, благодаря объединению представителей различных христианских движений, как протестантского, так и католического толка вокруг фигуры Рональда Рейгана. А, с другой стороны, появлению множества христианских, преимущественно протестантских, организаций ставящих себе целью реализацию своих программных установок политическими методами. Одной из наиболее известных подобных организаций стало «Моральное большинство». Используя современные технологии (телевидение, радио), этим организациям удалось мобилизовать своих сторонников и помочь консерваторам одержать победу над представителями прогрессивных взглядов.

Отставка Рейгана с поста президента США и его уход из политики в значительной мере предопределили распад христианской коалиции и снижение влияния консервативных протестантов на политическую повестку дня. Вместе с тем поднимаемые ими проблемы, такие как ограничение прав сексуальных меньшинств, ограничение права на аборт и т.д. сохраняют свое значение для выбора политических предпочтений сотен тысяч американцев. Как следствие они находят отражения в политических программах ведущих политических партий США, речах претендентов на политические посты, президентских дебатах и принимаемых решениях.

Ключевые слова: протестантизм, христианство, Рейган, моральное большинство, консерватизм, политическая борьба, Республиканская партия.

Konstantin Arshin, Ph.D. in Philosophy. Office Consultant, State Anti-Drug Committee of the Russian Federation. E-mail: Kosta-10@yandex.ru

America's "Christian Right": Unsuccessful Desecularizers

Abstract. The article pinpoints the analysis of Christian part formation of conservative political movements in the USA, so-called "Christian Right", in the second half of the 20th century. Using extensive factual material the author shows the reasons why the Christian right became a weighty force in the American conservative movement, predetermining its victory in the 1980s. According to the author, it became possible, on the one hand, thanks to uniting of representatives of different Christian movements both Protestant and Catholic around the figure of Ronald Reagan, on the other hand, the emergence of many Christian, mostly Protestant organizations, aiming to implement their objectives by political means. One of the best known of such organizations became "Moral majority". Using modern technologies (radio, TV) the organization managed to mobilize their supporters and to help Conservatives to win over representatives of progressive views.

Reagan's resignation from the post of President of the United States, and his departure from politics largely determined disintegration of the Christian coalition and decrease of the conservative Protestant influence on the political agenda. At the same time, the issues they are raising such as limiting the rights of sexual minorities, restrictions of the right to abortion and so on, still influence the political preferences of hundreds of thousands of Americans. As a consequence, they are reflected in the political programs of leading US political parties, speeches of candidates for political office, presidential debates and political decisions.

Keywords: Protestant, Christianity, Reagan, "Moral majority", Conservatism, Republican Party, Political Struggle.

*К.С. Бенедиктов
Черный лебедь. Политическая биография
Дональда Трампа (Главы из книги)*

*Т.А. Шаклеина
Джон Эллис (Джеб) Буш – мейнстрим американской
стратегии*

*В.В. Ванчугов
Марко Рубио: неоконсервативный образ американской
мечты*

*И.В. Денисов
Бен Карсон: триумф черного консерватизма*

*М.В. Перепёлкина
Тед Круз: возрождая «американскую мечту»*

*Б.В. Межуев
Джон Кейсик: умеренный и упорный*

*И.А. Истомин
Рэнд Пол: «фискальный ястреб», «консервативный
реалист» и «одинокий флибустьер» американской политики*

*Н.А. Демченко
Крис Кристи: чем грозит «консервативная недостаточность»?*

*Н.Е. Войкова
Карли Фиорина: звезда или метеор Республиканской партии?*

*М.А. Девлин
Майк Хаккаби – ревнитель христианской Америки*

Черный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа

Главы из книги

Шоу должно продолжаться

3 февраля 2016 года в 16.30 по местному времени «Боинг-757» с огромными буквами TRUMP на борту, направлявшийся в Литл-Рок, штат Арканзас, неожиданно запросил экстренную посадку в аэропорту Нэшвилла (штат Теннесси) из-за проблем с двигателем.

Впервые в превосходно налаженной машине предвыборной кампании миллиардера Дональда Трампа произошел сбой. Был ли инцидент с самолетом действительно технической неисправностью, какие случаются время от времени на всех авиалиниях мира? Или же это была искусно подстроенная неприятность, своего рода предупреждение человеку, который неожиданно для всех из аутсайдера президентской гонки стал ее фаворитом? Если так, то Трампа это не остановило.

В Литл-Роке хозяина самолета ожидал губернатор Арканзаса Ас Хатчинсон. Ему пришлось прождать лишние два часа, но в итоге Трамп все же прилетел в Литл-Рок, сменив свой роскошный самолет, известный как «Борт № 1 Трампа», на скромный небольшой чартер. Несмотря на инцидент, он был энергичен и бодр, как, впрочем, и всегда. После встречи с губернатором миллиардер выступил перед огромной аудиторией, собравшейся в Колизее Бартона, крупнейшем общественном здании штата, с зажигательной пятидесятиминутной речью. Колизей рассчитан на 7150 мест, а послушать Трампа пришло почти 12 тысяч. Последний раз, пишут журналисты, такой аншлаг Barton Coliseum видел в 1974 году, когда здесь выступала культовая группа ZZ Top.

Трамп, как звезда рок-н-ролла, собирает стадионы и устраивает массовые шоу. В Де-Мойне, штат Айова, он произнес речь перед студентами городского колледжа, которые несколько часов стояли в очереди на морозе, чтобы увидеть самого «неполиткорректного» кандидата Америки. *«Так стоят за новым айфоном или новым кронатом¹... и потом еще нужно было пройти через кор-*

¹ Кронат (cronut) – гибрид пончика и круассана, изобретенный нью-йоркским кондитером Домиником Анселем в 2013 году. Каждый месяц вкус кроната меняется: май – ваниль с розой, июнь – лимон с кленовым сиропом, июль – ежевичный, август – кокосовый, сентябрь – маскарпоне с фидами и т.д. Умелый маркетинг при продвижении нового продукта на рынок привел к тому, что кронат стал пользоваться ажиотажным спросом. На официальном сайте кондитерской Анселя говорится: «Если вы хотите попробовать кронат в будние дни, у вас будет гораздо больше шансов, если встать в очередь заранее. Начало формирования очереди – 5.30 утра, то есть за 2,5 часа до открытия кондитерской. В выходные дни сделать это будет гораздо проблематичнее. Места в очереди не бронируются, а также не приветствуются спекулянты, которых вы можете встретить. Лимит продажи: максимум два кроната в одни руки».

Бенедиктов Кирилл Станиславович, главный редактор портала «Русская idea», писатель, политолог. E-mail: redviper7@yandex.ru

доны секьюрити, похожих на агентов администрации транспортной безопасности, чтобы попасть внутрь»¹, – писала The Daily Beast.

При этом в трех милях от Колледжа Де-Мойна шли дебаты между республиканскими кандидатами – последние перед праймериз в Айове. Трамп их проигнорировал, воспользовавшись предлогом – одним из модераторов дебатов была телеведущая Fox News Меган Келли, с которой у Трампа еще летом возник конфликт², и организаторы наотрез отказались заменить ее другим журналистом. Зацепившись за этот отказ, Трамп в довольно провокационной манере обвинил Fox News в том, что они используют его имидж для повышения цен на рекламные ролики во время дебатов с его участием. «С какой стати я должен приносить деньги Fox?» – возмутился он, и, вместо того чтобы спорить с конкурентами, устроил шоу в Колледже Де-Мойна, а затем провел благотворительный марафон по сбору средств для раненых военнослужащих американской армии. Это произвело крайне благоприятное впечатление на аудиторию, правда, праймериз в Айове Трамп все равно не выиграл, уступив Теду Крузу (45 429 голосов против 51 666)³. 3 февраля в своем «Твиттере» Трамп написал: «Тед Круз не выиграл Айову, а украл ее»⁴.

Второе место, полученное Трампом в Айове, не слишком его расстроило (Айова вообще считается не самым показательным штатом – некоторые из кандидатов в президенты США, в итоге победившие в гонке, вообще игнорировали праймериз в этом штате). Впереди был Нью-Гэмпшир, где опросы предсказывали ему уверенную победу: опрос, проведенный по заказу телекомпаний CNN и WMUR, показывал, что Трампа готовы поддержать 28% избирателей-республиканцев, а сенатора Марко Рубио – 17% (Крузу эти же опросы давали 13% поддержки). Другой опрос, подготовленный телекомпанией 7News, давал уровень поддержки Трампа в Нью-Гэмпшире еще выше – 38%, на втором месте, с большим отрывом – Тед Круз (14%).

По многим причинам Нью-Гэмпшир имеет для дальнейшей предвыборной гонки гораздо большее значение, чем глубоко провинциальная Айова, где сильны позиции религиозных правых (именно они стали «пехотой», обеспечившей победу Круза). Этот небольшой штат с населением 1,4 млн человек известен не только тем, что во время войны за независимость первым провозгласил независимость от Великобритании. Довольно часто (чаще, чем можно было бы объяснить простым совпадением) тот, кто выигрывает праймериз в Нью-Гэмпшире, побеждает и в номинации от своей партии (а иногда и становится хозяином Белого дома). Так повелось с 1952 года, когда Дуайт Эйзенхауэр неожиданно победил в этом штате фаворита республиканцев Роберта Тафта и в итоге стал президентом США. Впрочем, были и знаковые исключения: в 1992 году на праймериз в Нью-Гэмпшире будущий кандидат от демократов Билл Клинтон занял второе место, а в 2000-м Джордж Буш-мл. уступил здесь

¹ Nuzzi O. Trump's Carnival In Des Moines Overshadows the Debate // The Daily Beast, January 29, 2016. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2016/01/29/trump-freakshow-overshadows-the-debate.html>

² О нем подробно рассказывается в главе «Большие гонки».

³ URL: <http://www.iowagop.org/2016/02/03/release-iowa-gop-certified-caucus-results/>

⁴ «Кражу» Крузом Айовы Трамп мотивировал следующим образом. Круз рассылал пресс-релизы, в которых говорилось, что Бен Карсон снял свою кандидатуру и просил своих сторонников голосовать за Круза (на самом деле нет); рассылал так называемые сертификаты о нарушении правил голосования (Voter Violation), где сообщал о предполагаемых нарушениях избирательного процесса и опять же призывал голосовать за него, чтобы исправить эти нарушения; и в завершение всего этого рассказывал избирателям, что Трамп якобы полностью разделяет идеи Обамы относительно реформирования сферы медицинского страхования (Obamacare). «Полная ложь!» – возмутился Трамп.

Джону Маккейну. Совсем недавно, в 2008 году, праймериз здесь выиграла Хиллари Клинтон, обойдя победителя гонки 2008 года – Барака Обаму. И тем не менее «фактор Нью-Гэмпшира» нельзя сбрасывать со счетов: по крайней мере в сознании значительного числа американцев победитель праймериз в этом штате становится фаворитом выборов.

Штат этот, в отличие от аграрной и в общем-то не слишком продвинутой Айовы¹, вполне современный и может служить достаточно четким маркером настроений американского общества. Победа в Айове не значит почти ничего – а вот победа в Нью-Гэмпшире значит очень много.

Праймериз в Нью-Гэмпшире Трамп выиграл блестяще – он получил 35,3% голосов (10 делегатов на общенациональных выборах). На втором месте – с большим отрывом – неожиданно для всех оказался губернатор Кейсик с 15,8%. Победитель Айовы Круз и вовсе получил 11,7% голосов. После этого тональность статей, посвященных Трампу, становилась все более алармистской.

Затем последовали праймериз в Южной Каролине, где Трамп получил 33% голосов. Правда, его соперникам удалось сократить разрыв: Круз – 22% голосов, Рубио – 23%. Затем последовали праймериз в Неваде, где за Дональда Трампа проголосовали рекордные 46% избирателей (за Круза – 21%, за Рубио – 24%). После этого газеты и интернет-сайты запестрели паническими заголовками «Кто остановит Трампа?», сама постановка вопроса намекала, что сделать это вряд ли удастся.

Соперники Трампа один за другим сходили с дистанции. После Нью-Гэмпшира сняли свои кандидатуры губернатор штата Нью-Джерси Крис Кристи и Карли Фиорина. После праймериз в Южной Каролине заявил о выходе из предвыборной гонки считавшийся «главным кандидатом» республиканского истеблишмента Джеб Буш. А Трамп отвоевывал штат за штатом, и как гром среди ясного неба прозвучало сделанное Крисом Кристи заявление о том, что он поддерживает Трампа, поскольку именно Трамп имеет наиболее реальные шансы выиграть президентскую гонку у Хиллари Клинтон, которая почти наверняка станет кандидатом от Демократической партии.

Демарш Кристи вызвал шок в истеблишменте Великой Старой партии, как по традиции называют Республиканскую партию США. В тот же день, когда он сделал свое заявление, группа влиятельных политических спонсоров, ранее ориентировавшихся на кандидатов от Республиканской партии, запросила срочный доклад у консалтинговой компании Data Targeting о возможности введения в президентскую гонку третьего, независимого, кандидата. Причем доклад необходимо подготовить до 16 марта, после чего, как указывается в запросе, победа Трампа в номинации от Республиканской партии будет уже неизбежной².

Авторитетный сайт Politico опубликовал «слитый» кем-то конфиденциальный предварительный отчет Data Targeting, в котором говорится о возможности – «при условии немедленных действий» и «широкой известности» идеологически приемлемого для избирателя политика – в пожарном порядке подготовить и выставить против Трампа такого независимого кандидата³.

¹ В Колледже Де-Мойна на встречу с Трампом собрались как раз самые «продвинутые» избиратели штата, но судьбу голосования решили не они, а куда менее подверженные политической моде «религиозные правые».

² Bland S. Donors ask GOP consulting firm to research independent presidential bid // Politico, February 26, 2016. URL: <http://www.politico.com/story/2016/02/doors-gop-consulting-independent-219859>

³ URL: <http://static.politico.com/4b/2e/f597073c4ba18c25c6b1bc1396a4/independent-ballot-access.pdf>

Это означает, что влиятельные круги, от которых зависит финансирование Великой Старой партии, уже не верят в возможность остановить Дональда Трампа – и при этом готовы на все, чтобы не дать ему попасть в Белый дом.

Кто же такой Дональд Трамп, и почему его так боятся не только (а на данный момент – не столько) политические противники из Демократической партии, но и истеблишмент республиканцев?

Человек, который не стал Рейганом

Существует старый анекдот о миллиардере, у которого берет интервью молодой репортер. На вопрос журналиста «Как вы добились таких успехов в жизни?» миллиардер долго рассказывает о том, как, будучи школьником, купил в одной лавке яблоко за два цента и продал его за углом за четыре, потом купил два яблока и продал за восемь... в конце концов, с гордостью говорит он, я, упорно трудясь, заработал целых пятьдесят долларов!

«А потом?» – спрашивает сбитый с толку репортер. «А потом умер мой дядя и оставил мне в наследство пятьсот миллионов баксов».

Неизвестно, продавал ли Дональд Трамп в детстве яблоки (скорее всего нет), но родился он не в самой бедной семье Америки. Торговля недвижимостью – *real estate* – была делом его семьи на протяжении ста лет.

Семья Трампов имеет немецкие корни – дед Дональда Фридрих Трумп¹ эмигрировал в Америку в 1885 году из крошечного немецкого городка Кальштадт в земле Рейнланд-Пфальц. Сделав состояние во время золотой лихорадки в Канаде (он занимался не поиском самородков, а строительством гостиниц и ресторанов для золотоискателей), Фридрих вернулся в Германию, женился на девушке из соседской семьи и увез ее в США. Там Фредерик Трамп (так звучала англоязычная версия его имени) умер во время эпидемии «испанки» 1918 года, оставив вдове и детям значительную сумму денег и несколько домов в Квинсе, который тогда был зеленым пригородом Нью-Йорка.

Его сын Фред с юных лет занялся строительным бизнесом и довольно быстро в нем преуспел. До войны он строил дома для среднего класса – две-три спальни, гараж, маленький садик. Во время войны стал строить большие жилые комплексы для военных моряков, получая подряды от Министерства обороны. Среди его клиентов было немало евреев, и Фред Трамп рассказывал им, что его предки прибыли в Новый Свет из Швеции – к скандинавам отношение было нейтральное, не то что к немцам. Позже Дональд Трамп повторит эту легенду о шведских корнях своей семьи в книге «Искусство заключать сделки» и будет уличен в «преднамеренном обмане» дотошными журналистами...

В 1936 году Фред Трамп женился – на шотландке Мэри Энн Маклауд, которая была младше него на семь лет. Мэри Энн родилась в Старом Свете, в городе Сторноуэй (Гейбридские острова), и приехала в США в 1930 году². Спустя

¹ Первоначально фамилия предков Трампа звучала как «Друмф» (*Drumpf*), но впоследствии была упрощена до «Трумп». Первым достоверно известным представителем семьи был некий Ханс Друмф, живший в первой половине XVI века. Происхождение фамилии неясно. Немецкое слово *Dumpf* означает «глухой, смутный, неясный»; в то же время, слово *Trumpf*, как и его английский аналог *Trump* означает «козырь» (иногда, в переносном смысле, «фарт», «везение»).

² Мэри Энн принадлежала к получившему всемирную известность после фильмов «Горец» клану Маклаудов (*MacLeod*), чьим легендарным прародителем был сын Олафа Черного, короля острова Мэн, Лауд. Отец Мэри Энн был рыбаком, мать – домохозяйкой (<https://www.scottishroots.com/people/donald.php>).

десять лет, 14 июня 1946 года, в большом доме Трампов в Квинсе родился их четвертый ребенок, которого назвали Дональдом¹.

Детство Дональда Трампа прошло в двухэтажном доме в стиле Tudor Revival (смесь элементов позднесредневековой архитектуры и раннего Ренессанса). Дом был расположен в живописном районе Квинса – Ямайке, – жаль только, что через год после рождения нашего героя рядом начал работу новый нью-йоркский аэропорт «Айделуайд» (в 1967 году получивший имя Джона Ф. Кеннеди). Впрочем, в те времена интенсивность воздушных полетов над Нью-Йорком была не сравнима с нынешней.

Когда Дональду было восемь лет, он стащил у брата Роберта ящик с игрушечными строительными блоками и построил из них «небоскреб» с себя ростом. Ничего особенного в этой истории не было, если бы не основательный подход Дональда к задаче: блоки он скрепил монтажным клеем, да так здорово, что разобрать «небоскреб», к досаде Роберта, не смогли даже взрослые. Уже тогда, шутил позже Дональд, было понятно, кто из детей Фреда Трампа продолжит дело отца.

Ходил Трамп-мл. в школу Kew-Forest – частное учебное заведение в Квинсе, неподалеку от дома. Отец Дональда состоял в ее попечительском совете. Спустя много лет Фред Трамп рассказывал журналистам, что Дональд был «изрядным хулиганом» (pretty rough) и доставлял и учителям, и родителям немало хлопот. И в 1959-м Фред отдал сына в Нью-Йоркскую военную академию.

Несмотря на громкое название, это была не военная академия в русском понимании этого термина, а нечто вроде нашего Суворовского училища. Девизом Академии, кстати, был хорошо известный советским пионерам лозунг «Всегда готов!». Академия была весьма дорогой школой для детей элиты. Ее основал в 1889 году ветеран Гражданской войны в США Чарльз Джефферсон Райт, который считал, что армейская дисциплина наилучшим образом способствует усвоению школьных предметов. Преподавание в Академии было на высоте – из ее стен вышла целая плеяда политиков, военных, спортсменов и деятелей культуры (самым известным, наверное, был Фрэнсис Форд Коппола) – но главный упор делался на воспитании лидерских качеств у кадетов. День кадета начинался в шесть утра и заканчивался в десять вечера. Спорту уделялось не меньше (а то и больше) времени, чем наукам, – в Академии серьезно занимались американским и европейским футболом, бейсболом, баскетболом, плаванием, регби, софтболом, лакроссом, легкой атлетикой, борьбой, теннисом, гольфом, волейболом, верховой ездой, лыжами... – проще, наверное, перечислить виды спорта, которые не были там представлены. Состязания проходили ежегодно, уклониться от физподготовки было невозможно. Впрочем, Дональду спорт пришелся по душе: он предпочитал командные виды спорта, и одно время даже был капитаном бейсбольной команды.

Военным Трамп так и не стал, но годы, проведенные в Академии, вспоминал с теплотой. «Я получил в Академии больше военной подготовки, чем многие парни, которые пошли служить в армию», – говорил он в одном из интервью².

И еще одно весьма красноречивое признание: «Когда я смотрю на себя, каким я был в первом классе, и смотрю на себя сейчас, то понимаю, что в основном я остался тем же».

¹ Всего у Фреда Трампа и Мэри Энн Маклауд родилось пятеро детей: Мэри Энн (1937, судья федерального суда); Фредерик (Фред-мл., 1938–1981); Элизабет (1942, исполнительный директор «Чейз Манхэттен банка»); Дональд и Роберт (1948, президент одной из семейных фирм).

² Donald Trump Likens His Schooling to Military Service in Book // The New York Times, 09.09.2015. http://www.nytimes.com/2015/09/09/us/politics/donald-trump-likens-his-schooling-to-military-service-in-book.html?_r=0

Итак, каким же был Трамп после окончания Военной академии? Сильным, жестким, собранным и целеустремленным. Изначально он был щедро наделен бойцовскими качествами. Военная академия научила его дисциплине, которой Дональду так не хватало в детстве. А отец, «динозавр» героической эпохи бизнеса, мотивировал его на достижение успеха любой ценой.

Эти «три источника, три составные части» характера Трампа и предопределили его дальнейшую карьеру. В книге «Искусство заключать сделки» (1987) он вспоминал, что после окончания Академии раздумывал, не поступить ли ему в киношколу, но в итоге отказался от этой мысли в пользу Фордэмского университета, а затем Уортонской школы бизнеса Пенсильванского университета. Сюжет с выбором молодым Трампом жизненной стези выглядит сейчас удивительным и едва ли не выдуманным «для оживления образа», но, по-видимому, все так и было. Трампа всегда неудержимо влекло в мир кино и грандиозных телевизионных шоу. Уже будучи на вершине успеха, он стал исполнительным продюсером и ведущим реалити-шоу «Ученик» на канале NBC¹. Из этого «хобби» Трамп, впрочем, тоже сумел извлечь выгоду – когда рейтинги шоу взлетели до небес, он стал одним из самых высокооплачиваемых ведущих на американском ТВ, получая по 3 млн долларов за передачу. Он вел шоу «Рестлмания» и с удовольствием играл небольшие комические роли в кино («Один дома-2», «Шлоппаи», сериалы «Дни нашей жизни», «Принц из Беверли-Хиллз» и др.). У Трампа даже есть собственная звезда на голливудской «Аллее славы».

Однако, в отличие от Рональда Рейгана, с которым у Трампа есть кое-что общее (например, любовь к американскому футболу), Дональд не стал делать карьеру киноактера. Он решил, что гораздо большего достигнет, если будет продолжать заниматься семейным бизнесом.

«Многие до сих пор убеждены, что я стартовал, уже имея большие деньги, полученные мною от отца. На самом же деле в начале своей деловой карьеры я был практически без гроша. Отец не дал мне больших денег – но он дал мне хорошее образование и простую формулу успеха: делай то, что любишь», – писал Трамп в книге «Мысли по-крупному и не тормози»². Правда, своему биографу, лауреату Пулитцеровской премии Майклу д'Антонио, Трамп рассказывал, что отец советовал ему «быть убийцей» (в переносном, конечно, смысле) и напутствовал его словами – «Ты – король!»³.

Король Дональд

История успеха Трампа довольно подробно описана в его книгах («Искусство заключать сделки», «Выживание на вершине», «Трамп никогда не сдастся» и др.). Конечно, в них есть доля лукавства: например, достаточно очевидно, что без семейных денег он не смог бы реализовать свои первые проекты, такие как модернизация 1200-квартирного комплекса «Свифтон-Виллидж» в Цинциннати, штат Огайо. Но то, что он обладал наследственным чутьем на перспективные проекты и великолепными управленческими способностями, не подлежит сомнению.

В 1968 году, в возрасте 22 лет, окончив Уортонскую школу бизнеса, он официально стал работать в компании отца, которая в то время еще называ-

¹ The Apprentice – суть этого реалити-шоу заключается в том, что участники конкурируют между собой за место топ-менеджера в компании Трампа с годовым окладом \$250 000. Тем, кто не выдержал испытаний, Трамп говорил ставшую знаменитой фразу «You're fired!» – «Ты уволен!», которую позже зарегистрировал как торговую марку.

² Дональд Трамп. «Мысли по-крупному и не тормози». 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

³ D'Antonio, Michael. Never Enough: Donald Trump and the Pursuit of Success. Macmillan, 2015 – Biography & Autobiography.

лась «Элизабет Трамп и сын». Спустя три года он уже возглавил эту компанию и переименовал ее в Trump Enterprises. В 1999 году компания была вновь переименована – на этот раз в Trump Organization, под этим именем она существует и сейчас.

Переименование семейного бизнеса было не просто сменой вывески. Возникновение Trump Enterprises знаменовало приход на девелоперский рынок нового игрока – честолюбивого, мыслящего глобальными проектами, чертовски амбициозного. Фред Трамп, на формирование которого как бизнесмена оказала огромное влияние атмосфера Великой депрессии, старался работать с проектами, рассчитанными не на самые богатые слои общества. В этом были свои плюсы – помощь со стороны городской мэрии, относительно низкие налоги – но и свои минусы. Главный минус, на взгляд Дональда, заключался в том, что по-настоящему больших денег таким образом было не заработать. Нужно было выходить на тот круг, который американский социолог и экономист Ф. Ландберг определял как «богачей и сверх-богачей». Только вращаясь в этом кругу, можно получить действительно выгодные контракты, которые прославят имя Трампа и сделают его самого миллиардером. Забегая вперед, следует сказать, что этот расчет полностью оправдался.

Трамп стал завсегдатаем легендарного ночного клуба Le Club на Манхэттене. Это было труднодоступное для простых смертных заведение, облюбованное нью-йоркской элитой (здесь, например, отмечали свой «сдвоенный» день рождения Джон Кеннеди-мл. и его сестра Кэролайн). «Среди членов Le Club были многие успешнейшие мужчины и прекраснейшие женщины мира, – писал он в книге «Искусство заключать сделки». – То было место из тех, где вы легко могли встретить 75-летнего богача, которого сопровождали три юные блондинки из Швеции». Парню «с улицы» стать членом Le Club было невозможно, но Трамп нажал на все возможные рычаги и после множества неудачных попыток все-таки получил клубную карточку. На фоне седовласых миллиардеров и лоцменных светских львов Манхэттена он был всего лишь «рыжим парнем из Квинса», но его энергия, общительность и легкость характера мало-помалу делали свое дело. Членство в клубе позволило ему завести знакомства такого уровня, о которых его отец, уважаемый и богатый застройщик, не мог даже мечтать. Одним из таких новых приятелей Трампа стал Рой Кон – скандально известный юрист, бывший некогда «главным инквизитором» сенатора Маккарти, беспощадно преследовавшим коммунистов и гомосексуалистов¹. С помощью Кона Трампу удалось выиграть несколько важных процессов, что обеспечило ему хотя и скандальную, но известность в нью-йоркских деловых кругах². Постепенно, но далеко не сразу, он действительно стал получать выгодные предложения – и, что еще важнее, негласную поддержку со стороны городских властей.

В 1974 году, когда обанкротилась Пенсильванская центральная транспортная компания, Трамп выиграл тендер на приобретение нескольких участков земли на 60-й улице и вокруг Центрального вокзала Нью-Йорка и стоявших там зданий, в частности, старого и обанкротившегося отеля Commodore. Трамп обязался восстановить его и, используя свои связи в мэрии, сумел выбить у городских властей беспрецедентные условия – в течение 40 лет он мог платить

¹ Позже стало известно, что сам Кон тоже был приверженцем однополый любви – это позволило журналистам назвать его «величайшим лицемером Америки» («он был одновременно евреем и антисемитом, гомосексуалом и гомофобом», – написал о нем один из биографов).

² *Haden-Guest, Anthony*. Donald Trump's Nights Out at Le Club With Roy Cohn // *The Daily Beast*, January 30, 2016. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2016/01/30/donald-trump-s-nights-out-at-le-club-with-roy-cohn.html>

за него пониженные налоги. Вслед за этим, узнав, что компания Hyatt Hotel Corporation ищет место под новый отель в центре Нью-Йорка, он предложил ей свои услуги. И спустя несколько лет на месте полуразвалившегося Commodore вырос сверхсовременный, роскошный, отреставрированный Трампом Grand Hyatt на 1400 номеров.

В это же время Трамп подружился с Джорджем Пикоком, вице-президентом компании Equitable Life Assurance Society, которая поддержала строительство Grand Hyatt 70 млн долларов залогового кредита. Компании Equitable принадлежал участок земли на пересечении Пятой авеню и 56-й улицы Манхэттена, на котором стоял балансировавший на грани банкротства супермаркет Bonwit Teller. Когда Пикок поделился с Трампом планами о постройке суперсовременного бизнес-центра на Пятой авеню, тот мгновенно получил кредит 24 млн долларов, выкупил Bonwit Teller у его владельца (который по странному стечению обстоятельств был мужем близкой подруги сотрудницы Trump Enterprises Луизы Саншайн)... и, уладив все вопросы с Пикоком, начал строительство своего первого небоскреба – 58-й «Башни Трампа». Кредит на строительство – 150 млн – дал Chase Manhattan Bank, с топ-менеджерами которого Трамп завел знакомство все в том же Le Club. Трамп вложил в строительство первого небоскреба всю свою энергию. Он проводил на строительной площадке по 14 часов в сутки, лично вникал во все детали, увольнял людей за малейшее нарушение инструкций или пятиминутное опоздание. 202-метровая башня была закончена в 1983 году в оговоренный в контракте срок и стала первой в цепи небоскребов, носящих имя Трампа (Trump Towers, Trump Plaza, Trump Hotels), построенных его компанией в США и еще семи странах мира. (Пристрастие Трампа к небоскребам породило известную шутку о том, что в случае победы на выборах он наверняка превратит старое четырехэтажное здание Белого дома в современную высотку.)

Так было положено начало империи Трампа, подробное изложение истории которой требует отдельной книги. Главное, чего добился Трамп в конце 1970-х – начале 1980-х годов, – заработал себе репутацию крайне ответственного застройщика, который всегда выполнял работу в срок (что для нью-йоркских девелоперов скорее исключение, чем правило) и никогда не завышал первоначальную смету.

Восьмидесятые годы XX века были временем наивысшего расцвета бизнеса Трампа. Бренд Trump стал символом роскоши: девелоперы во всем мире покупали у Трампа права на использование его имени на зданиях, к которым он сам не имеет никакого отношения (в настоящий момент известно 14 таких зданий). Кроме того, его имя используется в ипотечном (Trump Financial) и ресторанном (Trump Restaurants) бизнесе, производстве мебели и товаров для дома (Trump Home), мужской одежды (Donald J. Trump Signature Collection) и даже питьевой воды (Trump Ice).

Пролившийся на Трампа золотой дождь привел к тому, что в какой-то момент он начал тратить гораздо больше денег, чем зарабатывать. Трамп вкладывал деньги во все, до чего мог дотянуться, – в игорный бизнес (купил несколько казино), в авиаперевозки (приобрел компанию Eastern Shuttle), в спорт (стал владельцем нескольких элитных гольф-клубов и футбольной команды), купил у султана Брунея 86-метровую яхту, назвав ее «Принцессой Трампа». В конце концов, в 1988 году он приобрел свое третье казино – гигантский «Тадж-Махал» в Атлантик-Сити, недостроенное здание которого он планировал превратить в роскошный дворец. Деньги на покупку и реконструкцию «Тадж-Махала» он, по обыкновению, занял у банкиров – к этому моменту он был уже настолько известен, что, как признавался сам Трамп в книге «Искусство заключать сделки», «*доходило до смешного: банкиры приходили ко мне в офисы и сами осведом-*

лялись, не желаю ли я одолжить у них денег!»¹. К несчастью для Трампа, проект «Тадж-Махал» финансировался так называемыми мусорными облигациями – высокодоходными ценными бумагами с кредитным рейтингом ниже инвестиционного уровня, которые выпускаются компаниями, не имеющими солидной деловой репутации (особенности торговли такими облигациями наглядно показаны в фильме Мартина Скорсезе «Волк с Уолл-стрит»). «Мусорные облигации» в итоге превратились в клочки бумаги, Трамп был вынужден остановить текущие платежи по долговым обязательствам, оставшись должен более миллиарда долларов. Через год в том же Атлантик-Сити обанкротился отель Trump Plaza. Удар следовал за ударом, к тому же на Трампа ополчилась пресса. Вишенкой на торте стал бракоразводный процесс с первой женой – чешской фотомodelью Ивановой Зельничковой.

В 1991 году корпоративный долг Trump Enterprises составлял астрономическую цифру 9,8 млрд долларов, из которых 900 млн был должен лично Дональд. «Когда я ходил по улицам Нью-Йорка и видел бездомных, то думал – какие они счастливые люди! – писал позже Трамп. – Каждый из них богаче меня на 9,8 млрд долларов!».

История большого бизнеса знает не так много примеров возрождения после подобных провалов. Но Трамп вновь сумел мобилизовать силы – и поднялся.

Ему пришлось уступить кредиторам почти половину своей доли в проектах. Он продал яхту «Принцесса Трампа» (с выгодой). Сумел реструктурировать долги, объединил строительный и игровой бизнес в общую компанию Trump Hotels & Casino Resorts и вывел ее на биржу. «Тадж-Махал» наконец-то начал приносить прибыль, а крупные инвесторы вновь стали доверять Трампу деньги. Именно в это время начался длительный «роман» компании Трампа с финансовыми гигантами Юго-Восточной Азии.

В 2001 году Трамп привлек инвесторов из корпорации Daewoo к строительству Trump World Tower – 72-этажного, черного, как графит, небоскреба на Первой авеню, напротив здания ООН, совершенно потерявшегося в тени нового гиганта. На паях с группой гонконгских инвесторов он построил два огромных здания в жилом комплексе над Гудзоном – названных, в соответствии с давней традицией, Trump Place.

История взлетов и падений Трампа на этом не закончилась. В последующие годы – 2009, 2011 и 2014-й – Trump Entertainment Resorts, правопреемница Trump Hotels & Casino Resorts, несколько раз заявляла о своем банкротстве. И каждый раз Трампу удавалось реструктурировать бизнес и вновь поднимать его на прежнюю высоту.

Точный размер состояния Дональда Трампа неизвестен никому, кроме него самого. «Я – частная компания, и никто на самом деле не знает, сколько я стою», – сказал он летом 2015 года. Впрочем, в отчете о своих активах, поданном в Федеральную избирательную комиссию тогда же в июле, он сообщил, что его состояние выросло с 2014 года с 8,7 млрд долларов до 10 млрд. Однако следует учитывать, что в декларации о доходах 2015 года он оценил стоимость своего бренда (Trump) в 3,3 млрд. Критики Трампа указывают, что его состояние может быть в разы меньше, так как значительная часть его активов заложена и перезаложена в ходе многочисленных процедур банкротства. Forbes оценивает состояние Трампа в 4,5 млрд (по состоянию на 2015 год), Bloomberg – в 2,9 млрд. В случае, если оценка Forbes ближе к истине, Дональд Трамп может войти в историю как богатейший кандидат в президенты США – состояние Росса Перо, хранившего этот «титул» с 1992 года, составляло лишь 3 млрд долларов.

¹ Трамп, Дональд. Искусство заключать сделки. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

«Первое, что я сделаю в случае избрания на пост президента, – откажусь от зарплаты, – пообещал Трамп в сентябре 2015 года. – Ни доллара не возьму».

Вполне логичное заявление из уст человека, пообещавшего потратить на свою избирательную кампанию миллиард долларов из собственных средств.

Большие гонки

Принято считать, что Дональд Трамп начал свою президентскую кампанию 16 июня 2015 года. В тот знаменательный день он выступил перед журналистами в вестибюле легендарного первого небоскреба Trump Tower. Как и следовало ожидать, из своего вступления в гонку он сделал шоу, обрушившись с жесткой критикой на администрацию Обамы и вашингтонский истеблишмент. Он говорил сорок пять минут, пообещав, что станет «величайшим президентом, когда-либо сотворенным Богом», предоставит американцам новые рабочие места, сократит безработицу, возведет высокую стену на границе с Мексикой, положит конец реформе Obamacare, ужесточит позицию США на переговорах с Китаем, сократит 18-триллионный внешний долг страны. И провозгласил ставший знаменитым лозунг «Сделаем Америку снова великой!».

На самом деле, первый шаг по направлению к Белому дому Дональд Трамп сделал двумя месяцами ранее, 18 апреля, выступив на Республиканском форуме лидеров в Нью-Гэмпшире. Уже там Трамп сделал несколько заявлений, которые определили тональность его будущей избирательной кампании. «Когда мы последний раз слышали о том, что Америка выиграла? – спрашивал Трамп у собравшихся в зале республиканцев. – Будь то ИГИЛ, будь то Китай, будь то торговые соглашения – мы больше нигде не выигрываем». Obamacare – это катастрофа, ее необходимо отменить. Торговые отношения с Китаем следует выстраивать максимально жестко, поскольку китайцы ведут себя крайне эгоистично и занимаются протекционизмом. Необходимо провести реиндустриализацию и вернуть рабочие места из Китая и других азиатских стран обратно в Америку. Мексика – не друг США, от нее следует отгородиться. И так далее, и тому подобное. Даже фраза, которой он завершил свое двадцатиминутное выступление – «сделаем нашу страну снова великой», – это уже почти предвыборный лозунг «Make America great again». Так что 16 июня Трамп, по сути, повторил сказанное в Нью-Гэмпшире, только в более жесткой форме.

Сам Республиканский форум был своего рода «смотринами» возможных кандидатов от Великой Старой партии на будущих президентских выборах. По видимому, выступление Трампа пришлось организаторам форума по душе. По крайней мере некоторым из них. Наверняка, за кулисами форума шел негласный торг об условиях выдвижения Трампа в качестве одного из кандидатов GOP. Почти наверняка, в тот момент никто, кроме самого Трампа, не рассматривал его в качестве фаворита партии. Летом 2015 года отношение к Трампу – во всяком случае, в большинстве американских СМИ – было снисходительно-насмешливым. Газеты вспоминали, что впервые Трамп заговорил о своем возможном участии в президентской кампании еще лет тридцать назад (если быть точным, то в 1988 году), но его кандидатура никогда не воспринималась всерьез. «О чем можно говорить, если его уровень поддержки составляет от 3 до 5%?» – задавались вопросом политические обозреватели. В начале президентской гонки Трамп занимал «почетное» десятое место в республиканском списке.

Однако за лето он сумел существенно улучшить позиции. Сразу же после объявления о вступлении в гонку Трамп отправился в Айову – готовить почву для первых национальных кокусов, и в Нью-Гэмпшир, где должны были состояться первые праймериз. В Южной Каролине ему пришлось отменить запланирован-

ные выступления из-за бойни, которую устроил в церкви для цветных юный ра-сист Дилан Руф¹. В июле он совершил турне по западным штатам, выступив с зажигательными речами в Лас-Вегасе и Лос-Анджелесе.

К моменту, когда на национальном телевидении начались первые дебаты кандидатов на пост президента от Республиканской партии, Трамп был готов к драке больше, чем кто-либо из его соперников. Он громил конкурентов, используя свои исключительные ораторские способности и опыт шоумена.

Первые дебаты с участием 10 кандидатов-республиканцев были организованы каналом Fox News в Кливленде 6 августа 2015 года. К изумлению многих политических обозревателей, они показали, что Трамп «доминирует в гонке республиканских кандидатов»². Он «превратил дебаты в шумную драку», позиционировав себя как бунтаря против истеблишмента и вступив в примечательный спор с ведущей Fox News Меган Келли.

– Почему вы так настроены против женщин? – допытывалась Келли. – Вы называете женщин, которые вам не нравятся, толстыми свиньями, собаками, неряхами и мерзкими животными.

– Да что вы, – отшутился Трамп, – я назвал толстой свиньей только Розы О’Доннелл³. А вообще у меня нет времени на политкорректность. И, если честно, у Америки тоже на нее нет времени. Я вот что вам скажу – политкорректность – самая большая проблема этой страны.

Позже, в интервью CNN, он скажет, что Меган Келли «докопалась» до него, потому что у нее, наверное, были месячные. Вернее, он на это намекнул, но вполне прозрачно («у нее из глаз кровь шла... кровь у нее отовсюду шла»). Разумеется, все всё поняли.

Эта шутка стоила ему участия в конференции, организованной республиканским сайтом RedState в Атланте. Редактор сайта, влиятельный республиканский консерватор Эрик Эриксон, назвал Трампа «непрофессиональным политиком» и «тупым говоруном» (blunt talker)⁴ и публично отозвал приглашение на конференцию. «Есть границы, которые не должны переступать даже тупые говоруны и непрофессиональные политики. Порядочность – одна из таких границ», – написал он в своем блоге и пригласил Меган Келли прибыть на конференцию вместо Трампа⁵.

Казалось бы, Трамп допустил серьезную ошибку и настроил против себя как женскую аудиторию, так и часть республиканского истеблишмента. Однако его рейтинг после инцидента с Келли и пикировки с Эриксоном не только не рухнул, но даже вырос – если до дебатов в Кливленде он составлял 22%, то после 7 августа – 23%. Как будто немного, но это если не принимать во внимание, что у «мейнстримного» кандидата республиканцев Теда Круза этот показатель составил 13%, у Бена Карсона – 11%, а у Марко Рубио и Карли Фиорины – по 8%⁶.

¹ Убивший девятерых прихожан, в том числе члена сената штата Клементу Пинкни.

² Defiant Donald Trump dominates US Republican TV debate // BBC News, August 7, 2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-33814280>

³ Розы О’Доннелл – актриса, телеведущая, блогерша, ЛГБТ-активистка. В 2006 году обрушилась с критикой на Трампа, когда тот открыто поддержал победительницу конкурса Мисс США-2005 Тару Коннер, уличенную в употреблении наркотиков.

⁴ Британская Daily Telegraph несколько лет подряд помещала Эриксона в список «самых влиятельных американских консерваторов» – в 2007 году на 69-е, а в 2010-м – на 65-е место.

⁵ Erickson, Erick. I Have Disinvited Donald Trump to the RedState Gathering // RedState, August 7, 2015. URL: <http://www.redstate.com/erick/2015/08/07/i-have-disinvited-donald-trump-to-the-redstate-gathering/>

⁶ По опросам телеканала NBC.

Главное было сделано: Трамп уверенно позиционировал себя как врага политкорректности и убежденного «мужского шовиниста». И оказалось, что в республиканском электорате существует запрос на кандидата с такой позицией.

Трамп уверенно и без колебаний разрушал один стереотип за другим: он совсем нетолерантно критиковал мигрантов («мексиканцы – преступники, насильники и наркоманы. Некоторые из них, я верю, – хорошие люди»¹) – его рейтинг упорно стремился вверх. Из-за его антииммигрантских высказываний с ним отказались сотрудничать несколько компаний, в том числе Perfumania, сеть магазинов Macy's, производитель матрасов Serta, ряд спонсоров мероприятий, проходивших в гольф-клубах Трампа. Канал NBC отказался транслировать шоу «Мисс США» и «Мисс Вселенная», принадлежащие Трампу. Более того, от Трампа ушел один из его влиятельных советников, известный политический стратег республиканцев Роджер Стоун. Стоун помогал Трампу не только в ходе его избирательной кампании: на протяжении многих лет он лоббировал интересы Трампа в игровом бизнесе. Однако после «сексистского» выпада Трампа против Меган Келли Стоун решил покинуть давнего партнера.

Сайт Politico приводит характерный разговор Трампа и Стоуна на следующий день после дебатов в Кливленде:

Стоун: *Дональд, завязывай уже с этим дерьмом насчет Меган Келли. Это п...ц какой-то. Это нас убивает!*

Трамп: *Что ты имеешь в виду? Я выиграл эти дебаты! Люди меня любят!*

Стоун: *Ты не выиграл эти дебаты.*

Трамп: *Конечно, выиграл. Посмотри на результаты опросов. Посмотри на данные Drudge Report².*

Стоун: *Данные Драджа – не научный опрос. Ты не даешь мне денег, чтобы провести научный соцопрос. И ты ссылаешься на неофициальные данные.*

Трамп: *Есть и другие опросы.*

Стоун: *Это все чушь собачья, а не опросы. У нас нет ни одного научного опроса. Мы должны вести профессиональную кампанию и говорить о том, что действительно волнует людей.*

Трамп: *Мы выигрываем!³*

После этого Стоун заявил, что покидает команду Трампа, а спустя час Трамп объявил журналистам, что уволил Стоуна. Возможно, за демаршем Стоуна скрывалось что-то более серьезное, чем недовольство поведением Трампа в истории с Келли. Учитывая авторитет Стоуна в истеблишменте Республиканской партии, представляется вероятным, что где-то с августа 2015 года влиятельные партийные круги, которые (возможно) рассматривали Трампа как кандидата-спойлера, окончательно убедились в том, что он опасен для разработанной ими концепции предвыборной борьбы и может серьезно нарушить расстановку сил в лагере GOP. В этом случае уход Стоуна выглядит как сознательное ослабление позиций Трампа верхушкой его же партии. Другое дело, что ожидаемого эффекта этот уход не дал. Рейтинги Трампа продолжали расти.

¹ Donald Trump Transcript: «Our Country Needs a Truly Great Leader» // The Wall Street Journal, 16.06.2015. URL: <http://blogs.wsj.com/washwire/2015/06/16/donald-trump-transcript-our-country-needs-a-truly-great-leader/>

² Drudge Report – популярный новостной сайт, созданный в 1995 году Мэттью Натаном Драджем, американским независимым политическим журналистом. Посещаемость сайта, по оценкам службы Quantsat, превышает 3 млн визитов в день. С самого начала избирательной кампании Драддж позиционировал себя как верного сторонника Дональда Трампа.

³ Sources: Roger Stone quit, wasn't fired by Trump in campaign shakeup // Politico, August 8, 2015. URL: <http://www.politico.com/story/2015/08/sources-roger-stone-quit-wasnt-fired-by-donald-trump-in-campaign-shakeup-121177>

Невероятно, но факт – человек, который бросил вызов «системе», человек, от которого отрекались его «товарищи по партии», который не боялся говорить вслух о том, о чем большинство американцев боялось даже думать, – на глазах превращался из «кандидата-спойлера» в фаворита Республиканской партии. И чем очевиднее становилась эта метаморфоза, тем яснее было, что истеблишмент Великой Старой партии отнюдь не рад такому повороту.

Это началось как перешептывания по углам: «Может ли такое случиться?» – писала в октябрьском номере *National Review* Элана Джонсон. – А теперь, когда до кокусов в Айове остается всего лишь три месяца, представители истеблишмента Республиканской партии начали один за другим высказываться в пользу мнения, на глазах превращающегося в общее, что Дональд Трамп, некогда рассматривавшийся как карнавальный фигляр, шут, цирковой клоун... может очень даже запросто выиграть номинацию»¹.

Стремительный взлет Трампа, который за полгода стал из аутсайдера гонки ее лидером, причем лидером безусловным, требовал объяснений. В начале кампании некоторые аналитики предполагали даже, что Трамп – это своего рода «троянский конь», подсунутый Великой Старой партии кланом Клинтонов, с далеко идущими целями – ослабить действительно серьезных конкурентов Хиллари Клинтон и «унизить» республиканцев. Так считал, в частности, известный российский политтехнолог Евгений Минченко, писавший в своем ФБ: «Лично я считаю, что изначально Трамп был “троянским конем” клана Клинтонов в Республиканской партии. Но потом он почувствовал запах возможной победы и забыл про тормоза. В этом главная проблема кандидатов-спойлеров – чем они эффективнее и ресурснее, тем сложнее их контролировать. Вчера спойлер – сегодня уже угроза. А завтра он уже пьет бурбон из твоего черепа»².

«Теория заговора» изначально выглядела довольно сомнительной, но окончательно рассыпалась в пыль в декабре 2015-го, когда Трамп схлестнулся с Хиллари Клинтон уже всерьез. Конфликт спровоцировала сама Хиллари. «Мне он больше не кажется смешным», – заявила фаворит демократов, отреагировав на предложение Трампа приостановить выдачу разрешений на въезд мусульман в США. К этому времени Трамп уже никому не казался смешным, так что экс-госсекретарь лишь продемонстрировала несколько запоздалую реакцию. А вот реакция предполагаемого «спойлера» последовала незамедлительно и была – в полном соответствии со стилем Трампа – предельно жесткой и некорректной. *«Это она стала причиной всех этих проблем, – обрушился Трамп на Хиллари, – ее idiotские решения. Посмотрите, что она сделала с Ливией, что она сделала с Сирией. Посмотрите на Египет, что сейчас творится в Египте, это полный бардак! Она была одним из худших, если не самым худшим, госсекретарем за всю историю страны. Она говорит, что я опасен? Ее глупость убила сотни тысяч человек!»*³.

О том, что Трамп – не спойлер, говорит и тот страх – порой вполне иррациональный, – который испытывают сейчас представители американского политического истеблишмента (и не только демократы!) перед перспективой его победы.

«Вопрос в том, как ему это удалось?» – спрашивают обозреватели портала *Vox* Либби Нельсон и Дара Линд. И отвечают: «Трамп не создал движение

¹ The Establishment Thinks the Unthinkable: Trump Could Win the Nomination // *The National Review*, October 19, 2015. URL: <http://www.nationalreview.com/article/425750/gop-establishment-thinks-trump-could-win>

² URL: <https://www.facebook.com/minchenko/posts/1193668223995953?pnref=story>

³ *Nimmo, Kurt*. Trump: Clinton “killed hundreds of thousands of people” // *Infowars.com*, December 13, 2015. URL: <http://www.infowars.com/trump-clinton-killed-hundreds-of-thousands-of-people/>

в одиночку. Он – симптом каких-то очень глубинных процессов в американской политике – реакции на множество экономических, демографических, расовых и культурных факторов, которые оказывают на американский народ куда более сильное и глубокое влияние, чем представляют это большинство СМИ»¹.

Но что это за факторы? И кто те избиратели, которые обеспечивают Трампу его триумфальное шествие по Америке – от одного штата к другому?

Электорат бунтаря

Еще перед выборами 2012 года Трамп привлек на свою сторону так называемых birthers – сторонников Республиканской партии, считавших, что действующий президент Обама родился не на территории США (и, соответственно, избран президентом в нарушение Конституции). Трамп охотно использовал в своих выступлениях эту конспирологическую версию, что в итоге привело к известному конфликту между ним и Обамой на ежегодной встрече президента США с журналистами (1 мая 2011 года). На этой встрече Обама представил обществу доказательства своего американского происхождения и жестоко высмеял Трампа за его приверженность «теориям заговора». «Наверное, нет в мире теперь более счастливого человека, чем Дональд Трамп, – сказал тогда президент, демонстрируя журналистам на большом экране свое свидетельство о рождении. – Он наконец-то может вернуться к более важным проблемам, например – высаживались ли мы на Луну? Что на самом деле произошло в Розуэлле? И где все-таки Бигги (Смолз) и Тупак (Шакур)?»².

Президент был настроен шуточно (в частности, пообещав журналистам продемонстрировать официальный ролик самого своего рождения, он показал им отрывок из мультфильма «Король Лев»), но Трамп разъярился не на шутку. Это, пожалуй, был единственный момент в его карьере, когда кто-то (пусть даже этот кто-то был хозяином Белого дома) сумел унижить его на людях.

«Что по-настоящему запомнилось мне в этот вечер, – писал в *New Yorker* известный журналист Адам Гопник, – так это реакция Трампа. Он сидел через несколько столиков от нас, журналистов, и его унижение было столь абсолютно, столь очевидно, что я, пожалуй, никогда прежде не видел ничего подобного. Его голова была неподвижна, как у человека, привязанного к позорному столбу, лицо его чуть дрогнуло, только когда волна смеха ударила в него... Он даже не пытался симулировать хорошее расположение духа, ничего подобного тому, как бы повел себя нормальный политик, или даже обычного для американского парня выражения “Эй, со мной все отлично!”, ни следа той толстокожей жизнерадостности, которой обучаются почти все общественные деятели в Штатах, умеющие улыбаться, даже когда больно... Он сидел совершенно неподвижно, с твердым подбородком, запертая ярость клочкотала в нем. Можно было бы даже пожалеть его, если бы он только что не упражнялся в чистой воды расизме...»³.

Впрочем, несмотря на унижение, которому подвергся Трамп на том ужине, его популярность среди республиканских birther'ов только выросла. Кроме того, уже в ходе предвыборной кампании-2015 Трамп обрушился с аналогичными обвинениями на Теда Круза, который имел несчастье родиться в канадской провинции Альберта.

¹ *Nelson, Libby*. The Donald Trump phenomenon, explained in 21 maps and charts // *Vox*, February 10, 2016. URL: <http://www.vox.com/2016/2/9/10940008/donald-trump-polls-maps-charts>

² Известные американские рэперы.

³ *Gopnik, Adam*. Trump and Obama: A Night to Remember // *New Yorker*, September 12, 2015. URL: <http://www.newyorker.com/news/daily-comment/trump-and-obama-a-night-to-remember>

Цитировавшие выше Либби Нельсон и Дара Линд подчеркивают, что Трампа охотнее поддерживают менее образованные избиратели Республиканской партии – так называемые синие воротнички, представители рабочего класса. Действительно, кокусы в Айове показали, что избиратели с образованием ниже среднего склонны поддерживать Трампа больше, чем Круза. Это та часть электората, которую эксперты Pew Research Centre называют «непоколебимыми консерваторами»¹ (steadfast conservatives).

Представители этой группы, как правило, имеют среднее и неоконченное среднее образование, придерживаются крайне консервативных взглядов на социальную политику, наиболее критичны по отношению к большому бизнесу, олицетворяемому Уолл-стрит, чаще всего возмущаются политикой федерального правительства, отрицательно относятся к иммигрантам и достаточно скептически в отношении глобального вмешательства США в международные дела.

75% из них полагают, что США «зашли слишком далеко в своих усилиях защитить окружающую среду», 73% считают, что иммигранты являются обузой для Америки, так как они «занимают наши рабочие места, претендуют на наше жилье и пользуются нашей системой здравоохранения». В то же время, лишь 7% «непоколебимых консерваторов» полагают, что федеральное правительство обязано гарантировать всем американцам медицинское страхование.

Согласно данным Pew Research Centre, «непоколебимые консерваторы» составляют лишь 12% населения США. Однако они являются высоко политизированной группой населения: 74% из них, согласно опросам, всегда или почти всегда голосуют на праймериз.

В расовом отношении эта группа почти однородна – 87% составляют белые неиспаноязычные граждане. При этом «непоколебимые консерваторы» достаточно нетолерантная группа – более четверти опрошенных заявили, что были бы недовольны, если член их семьи сочетался браком с представителем иной расы.

Логично предположить, что именно эти 12% населения США и составляют основное ядро электората Дональда Трампа – однако реальность на порядок сложнее. Это продемонстрировали праймериз в Неваде, где половина избирателей имеет высшее образование. Среди этой группы Трамп победил Рубио со счетом 41:30. Среди не имеющих высшего образования он побил Круза с еще более разгромным счетом 51:22².

По-видимому, такие результаты оказались приятным сюрпризом и для самого Трампа, поскольку в своей триумфальной речи он воскликнул: *«Мы выиграли среди высокообразованных. Мы выиграли среди малообразованных. Я люблю малообразованных. Мы самые умные!»*.

Праймериз в Неваде показали, что Трамп значительно опережает своих соперников во всех демографических группах. Он победил среди мужчин с отрывом 24% и среди женщин – с перевесом 18%. Он вновь (как и в Южной Каролине) получил большую поддержку евангелистов, чем Тед Круз, чьим электоратом они считаются.

Тем не менее факт остается фактом: «синие воротнички», рабочий класс и lower middle class остаются надежной избирательной базой миллиардера Дональда Трампа. Причина этого проста: Трамп говорит на одном с ними языке, он

¹ Steadfast Conservatives // Pew Research Centre, June 26, 2014. URL: <http://www.people-press.org/2014/06/26/typology-comparison/types/steadfast-conservatives/>

² Hohmann, James. The Daily 202: Trump's romp in Nevada shows why conventional wisdom about his ceiling may be wrong // The Washington Post, February 24, 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/paloma/daily-202/2016/02/24/daily-202-trump-s-romp-in-nevada-shows-why-conventional-wisdom-about-his-ceiling-may-be-wrong/56cc817a981b92a22d383ec1/>

не боится открыто говорить о том, что его «достала» политкорректность (насаждавшаяся как раз «высокообразованными» из колледжей и университетов), он обещает защитить тружеников США от конкуренции со стороны китайцев и мексиканцев, он предлагает простые решения сложных проблем (пример – стена на границе с Мексикой), и, last but not least, он бизнесмен из «реального сектора», давший работу десяткам тысяч строителей и представителей других рабочих профессий. Такой миллиардер куда ближе миллионам «синих воротничков» Америки, чем холеные политики, к которым lower middle class не испытывает ни симпатии, ни доверия.

Что еще более важно, Трампу, судя по всему, удастся привлечь на свою сторону так называемых потерянных белых избирателей. Так обозреватель сайта RealClearPolitics Шон Тренд назвал часть электората, которая в 2012 году не проголосовала за Митта Ромни. Хотя общепринятая точка зрения заключалась в том, что Ромни недостаточно работал с латиноамериканскими, азиатскими и афроамериканскими избирателями (что и обусловило его поражение), Тренд выдвинул другую гипотезу. Он довольно убедительно показал, что слабость Ромни была вызвана равнодушным отношением к нему малообеспеченных белых избирателей, тех самых «синих воротничков», в основном с северо-запада США, в регионах, голосовавших в 1992 году за независимого кандидата Росса Перо. В 2012 году Тренд предполагал, что этих избирателей оттолкнули «богатство» Ромни и его поведение, свойственное представителю «высшего сословия», и что если бы Республиканская партия смогла бы каким-то образом мотивировать этих «потерянных белых избирателей», чтобы проголосовать за своего кандидата, это значительно сократило бы разрыв между GOP и Демократической партией, вызванный «известными демографическими изменениями»¹. Тренд оценивает число «потерянных белых избирателей» в 6,5 млн человек. В 2012 году Обама выиграл у Ромни с перевесом 5 млн. «Эти избиратели больше не пропавшие, – делают вывод Нельсон и Линд, – Трамп их нашел»².

На первый взгляд кажется, что избиратели, проигнорировавшие Митта Ромни из-за его принадлежности к «богатым», не должны были поддержать гораздо более обеспеченного Трампа (состояние семьи Ромни оценивалось в 200 млн долларов, личное состояние Трампа – в 4,5 млрд). Но не забудем, что «потерянные избиратели» поддержали в 1992 году миллиардера Росса Перо. То есть сама по себе принадлежность к «сверхбогачам» еще не является для этой части электората «черной меткой». А Трамп, по мнению Шона Тренда, «вписывается в ряд политиков склада Никсона – Перо – Хаккаби – Санторума – популистского штамма республиканизма».

Великий республиканский мятеж

Сравнение Трампа с Россом Перо, чья попытка бросить вызов устоявшейся двухпартийной системе США напугала американский истеблишмент и мобилизовала его на борьбу с «независимым кандидатом», неслучайно. Трамп тоже не профессиональный политик, а бизнесмен, человек дела, а не «болтун». Он тоже «чужой среди своих» – истеблишмент боится его непредсказуемости, его откровенности, его демонстративного пренебрежения нормами политкорректности, которые за последние десятилетия въелись в плоть

¹ *Trend, Sean.* Cruz, Trump and the Missing White Voters // RealClearPolitics, January 28, 2016. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2016/01/28/cruz_trump_and_the_missing_white_voters_129465.html

² *Nelson, Libby; Lind, Dara.* The Donald Trump phenomenon, explained in 21 maps and charts // Vox, February 10, 2016. URL: <http://www.vox.com/2016/2/9/10940008/donald-trump-polls-maps-charts>

и кровь американских политиков. Его огромное состояние делает его независимым от влиятельных спонсоров менее обеспеченных кандидатов, и это, помимо всего прочего, огромный плюс в глазах избирателя. Таким же независимым был и Росс Перо, которого элиты обеих партий сумели технично убрать с политической доски, используя комбинацию черного пиара, психологического давления и «административного ресурса»¹.

Но есть и отличия, причем существенные. Во-первых, Трамп – не независимый кандидат, а один из официальных кандидатов от Республиканской партии. И, хотя часть республиканского истеблишмента наверняка не в восторге от его успехов на праймериз, сама партийная машина работает на него – и включится на полную мощь, если Трамп все-таки выиграет номинацию. Конечно, нельзя исключать, что элиты GOP и Демпартии заключат за его спиной тайное соглашение, чтобы не допустить «выскачку» в Белый дом... но чем больше побед одерживает Трамп, тем больше у него будет союзников в правящих кругах Великой Старой партии. Не секрет, что последние годы республиканцы пребывали в тяжелом системном кризисе. Электоральная база GOP сильно сократилась из-за демографических изменений в стране (за последние десятилетия расовый состав населения менялся нарастающими темпами. В двух наиболее населенных штатах страны – Техасе и Калифорнии – белые неиспаноязычные граждане уже составляют меньшинство), а также секуляризации населения, особенно молодежи. Демократическая партия, с приходом Обамы позиционирующая себя как партия будущего, партия перемен, пользуется огромной поддержкой цветных избирателей. На выборах 2012 года была зафиксирована фактическая расовая сегрегация электората – за демократов проголосовало 93% афроамериканцев (составляющие 13% всего электората), за республиканцев – 59% белых избирателей². При этом, как уже указывалось выше, значительная часть белого электората вообще проигнорировала выборы и не стала голосовать за кандидата-республиканца.

Эти вялость и апатия консервативного белого электората были в числе основных причин слабости Великой Старой партии, которую не могли преодолеть даже достаточно радикальные протестные движения, такие как Движение Чаепития. Однако, судя по событиям последних девяти месяцев, Дональд Трамп стал именно тем кандидатом, кому удалось мобилизовать разуверившихся или колеблющихся.

«Белые американцы, принадлежащие к среднему классу, выражают глубокое недоверие ко всем институтам американского общества – не только к правительству, но и к корпорациям, профсоюзам, даже политической партии, за которую они обычно голосуют, – Республиканской партии Ромни, Райана и Макконнелла, которую они презирают как инвалидную команду слабаков и ренегатов. Они страшно разражены. И когда Дональд Трамп вдруг добивается успеха, они говорят проводящим опросы социологам: “Вот это мой парень!” – пишет неоконсервативный журналист, бывший спичрайтер Дж. Буша-мл., Дэвид Фрам в статье с красноречивым заголовком «Великий республиканский мятеж»³.

¹ Технология победы кланов Бушей и Клинтонов над независимым кандидатом Россом Перо хорошо описана в статье Д. Дробницкого «Бунт миллиардера», опубликованной в 2011 году на сайте Terra America. К сожалению, с 2014 года сайт закрыт для посещения, поэтому ознакомиться со статьей можно только в сокращенном виде: <http://nashmir.kz/en/node/4563>

² Where Americans stood this election // The Washington Post. Exit polls 2012. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/special/politics/2012-exit-polls/national-breakdown/>

³ Frum, David. The Great Republican Revolt // The Atlantic, Issue Jan/Feb 2016. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/01/the-great-republican-revolt/419118/>

Против кого поднят этот мятеж? Известный американский политолог (родившийся в СССР) Дмитрий Саймс считает, что «восстание, которое возглавляет Дональд Трамп и не только он», направлено против «американских неотрекцистов, которые постепенно мигрировали из левого крыла Демпартии к республиканцам и стали бороться снова под американской эгидой за мировую революцию»¹. Вот против этих «неотрекцистов» (а точнее, неоконсерваторов) и восстала значительная часть внешнеполитического истеблишмента, в том числе, нормальных и очень успешных американцев, которые говорят: «А зачем нам это?».

Надо иметь в виду, что эта версия была выдвинута Саймсом в эфире российской телепрограммы и рассчитана в основном на русскую аудиторию. В действительности, влияние неоконсерваторов, очень сильное во времена президентства Дж. Буша-мл., на политику Республиканской партии сейчас ощутимо ослабло. Но Саймс прав в том, что часть республиканского истеблишмента действительно недовольна переменами, происходящими внутри партии и в среде ее влиятельных спонсоров.

Несмотря на распространенное представление о кардинальных расхождениях между республиканцами и демократами по вопросу об иммиграционной реформе, общим трендом в истеблишменте GOP является постепенная либерализация позиций в отношении иммигрантов. Все чаще влиятельные спонсоры республиканцев, такие как игорный магнат Шелдон Адельсон или глава фонда Elliot Management Пол Сингер, утверждают, что «это негуманно – просто выслать 12 млн человек обратно из этой страны», и выступают за то, чтобы «найти путь... для этих людей легально получить гражданство США»². Считавшийся главным кандидатом GOP Джеб Буш³ открыто выступает за либерализацию иммиграционной политики (он женат на мексиканке, выучил испанский, перешел в католичество и однажды машинально назвал себя в анкете «латиноамериканцем»), а второй «мейнстримный» кандидат, Марко Рубио, несколько лет назад входил в так называемую банду восьми – группу сенаторов-республиканцев, выдвинувших план иммиграционной реформы, предусматривавшей легализацию нелегальных мигрантов.

На этом фоне бескомпромиссная позиция Дональда Трампа, который обещает отгородиться от нестабильной Мексики «великой стеной», причем за счет Мексики, готов депортировать «потенциально» миллионы нелегальных мигрантов и намерен проводить жесткую политику в отношении переселенцев из исламских стран, в том числе сирийских беженцев, выглядит по-настоящему революционной. Более того, она во многом отвечает чаяниям избирателей и настроениям низового и среднего звеньев Республиканской партии. Но для партийного истеблишмента она остается недопустимо радикальной – в том числе и потому, что существует реальная опасность оттолкнуть от себя тех испаноязычных избирателей, которые еще поддерживают GOP (на президентских выборах 2012 года таких было 27%). Очень показательным в этом смысле высказывание одного из молодых представителей республиканского истеблишмента, латиноамериканца по происхождению, Карлоса Рубело: «Дональд Трамп делает и говорит то, что мы учим не делать наших детей»⁴.

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wnvesH5NuFw>

² Mundy, Alicia. Sheldon Adelson: "I'm Basically a Social Liberal" // The Wall Street Journal, December 5, 2012. URL: <http://blogs.wsj.com/washwire/2012/12/05/sheldon-adelson-im-basically-a-social-liberal/>

³ Снял свою кандидатуру после праймериз в Южной Каролине.

⁴ Cassata, Donna. Fear and loathing over Trump among GOP in Congress // The Big Story, February 27, 2016. URL: http://bigstory.ap.org/3b8f7f54ada24ef7bc0a570943964e00&utm_source=android_app&utm_medium=facebook&utm_campaign=share

Для Рубело, как и для многих других политиков-республиканцев, представляющих округа с преобладающим испаноязычным населением, стремительное восхождение Трампа грозит потерей поддержки электората. Ведь, согласно опросам Washington Post и Univision, 8 из 10 испаноязычных избирателей негативно относятся к Трампу и его программе – и это не может не сказываться на их поддержке конгрессменов-республиканцев на местах.

Однако верно и то, что Трамп сумел мобилизовать электорат республиканцев так, как это не удавалось еще ни одному кандидату от GOP за последние десятилетия. Это вынуждены признавать даже те, кто не слишком ему симпатизирует. «Дональд Трамп, я думаю, подключился к энергии, которая приводит все больше людей на выборы, – считает Джефф Денхем, конгрессмен от 10-го избирательного округа в Северной Калифорнии, где победу на выборах дважды одерживал Обама. – Вы получили множество избирателей, голосующих впервые. Вы получили некую новую энергию. Я думаю, это другая электоральная модель».

Внешнеполитическая доктрина Трампа также существенно отличается от официальной повестки Республиканской партии. Внешнеполитический обозреватель агентства Bloomberg Джош Рогин со ссылкой на бывшего советника Трампа по вопросам внешней политики Сэма Нунберга¹ называет его внешнеполитическую доктрину рейгановской *realpolitik* – политикой, которая меняется в зависимости от обстоятельств и над которой не довлеет идеология: «Узкое определение Трампом понятия “национальный интерес” не включает таких вещей, как продвижение демократии, гуманитарное вмешательство, ответственность по защите людей от расправ, выступления за права человека за рубежом... Трамп считает, что экономическое взаимодействие в конечном счете откроет двери и в политике. Он не думает, что правительству США следует платить кровью или деньгами за попытки изменения системы в других странах»².

Несмотря на то что Трамп не является профессиональным политиком, его внешнеполитическая программа демонстрирует хорошее знакомство с международной проблематикой, а также готовность идти на нестандартные шаги для решения целого ряда спорных вопросов. Это касается и переговоров между США и Японией о заключении нового союзного договора, и декларируемого желания «отдать на аутсорсинг» решение сирийской проблемы (с использованием российского военного потенциала).

Об отношении Трампа к России написано много – по понятным причинам, эта тема волнует нас больше, чем другие векторы внешнеполитической доктрины кандидата-миллиардера. Как правило, делается акцент на тех высказываниях, которые свидетельствуют о симпатиях Трампа к России и ее лидеру. Действительно, отношение Трампа к Владимиру Путину отличает его от других американских политиков, как республиканцев, так и демократов. Критические высказывания в адрес российского лидера, зачастую на грани фола, являются неотъемлемой частью вокабуляра всех системных – и даже несистемных, если считать таковым Берни Сандерса, – участников предвыборной гонки. На их фоне высказывания Трампа вроде «*Он по крайней мере лидер, а не то, что мы имеем в этой стране...* Я всегда хорошо относился к Путину. Я считаю, он сильный лидер. Он мощный лидер... Он реально популярен у себя в стране. Они уважают его как лидера»³, – выглядят крамоллой и ересью. Не случайно в много-

¹ «Прославившегося» тем, что Трамп увольнял его дважды – последний раз (в августе 2015 года) из-за расистских постов в «Фейсбуке».

² Rogin, Josh. The Trump Doctrine Revealed // BloombergView, January 31, 2016. URL: <http://www.bloombergview.com/articles/2016-01-31/the-trump-doctrine-revealed>

³ Интервью Д. Трампа программе Morning Joe на канале MSNBC.

кратно цитировавшемся интервью Трампа ведущему телеканала MSNBC Джо Скарборо последний несколько раз пытался добиться от Трампа осуждения Путина за то, что тот «убивает журналистов». Не добился: в тот же день (в другом интервью) Трамп на тот же вопрос ответил так: «Никто не доказал, что он кого-нибудь убил, и знаете, он всегда отрицал это. Никогда не было доказано, что он убил кого-либо... Вы вроде как должны считаться невиновным, пока ваша вина не доказана? По крайней мере в нашей стране. Не было доказано, что он убивал репортеров»¹.

Этот ответ настолько поразил политический класс США, что удостоился отдельной статьи в *The Washington Post*². Слова Трампа о Путине вызвали возмущение и у республиканцев, и у демократов. Обозреватель той же *Washington Post* Джонатан Кейпхарт в статье с характерным заголовком «Позорная дружба между Трампом и Путиным»³ заявил, что манера Трампа уходить от прямого ответа на вопрос вызывает раздражение, но его похвалы в адрес Путину еще хуже – они «омерзительны»: «Слушайте, лидеры США и России никогда не будут приятелями, – раздраженно писал Кейпхарт. – Несмотря на все комплименты, которыми Путин и Трамп осыпают друг друга, не стоит ждать, что они станут разъезжать по мировой арене верхом, голые по поясу... *Все в Путине идет вразрез с тем, что для нас свято* (курсив авт. – К.Б.). Претендент на Овальный кабинет в Белом доме должен бы это знать. И то, что Трамп не знает этого, то, что ему на это наплевать, – еще одна причина в списке тех причин, по которым он не должен стать президентом»⁴.

Политтехнологи Республиканской партии отреагировали еще более жестко.

«Дональд Трамп – словно бродячая собака, – заявил бывший советник Митта Ромни Стюарт Стивенс в интервью *Politico*. – Стоит его только кому-нибудь приласкать, и он будет следовать за вами домой. Путин его хвалит, значит, он любит Путина. Это постыдно и грустно. Это весьма ущербный и сильно закомплексованный человек, которому нужны внимание и похвала, откуда бы они ни исходили»⁵.

Очевидно, что даже намек на возможное изменение позиции Вашингтона по отношению к российскому лидеру вызывает крайне болезненную реакцию в американской элите. При этом следует учитывать, что реальные шаги Трампа в случае, если ему все же удастся выиграть выборы, могут существенно отличаться от его предвыборных заявлений. Но даже его риторика, резко отличающаяся от слов надпартийного мейнстрима, пугает истеблишмент.

Сочетание довольно дружелюбной по отношению к Владимиру Путину риторики Дональда Трампа с резкими нападками на него антироссийски настроенных групп элиты вызывает у российского наблюдателя поверхностное и в целом довольно ошибочное впечатление о некоей «пророссийской» позиции Трампа. Как представляется, его стратегия заключается в том, чтобы подвергать кри-

¹ Интервью Д. Трампа программе *This Week* на канале ABC.

² *DelReal, Jose A.* Donald Trump on Putin: "Nobody has proven that he's killed anyone" // *The Washington Post*, December 20, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/12/20/donald-trump-on-putin-nobody-has-proven-that-hes-killed-anyone/?hpid=hp_hp-top-table-main_trump-putin-215pm%3Ahomepage%2Fstory

³ В оригинале – *Disgraceful bromance*. *Bromance* – существующий в английском языке термин для обозначения тесной мужской дружбы не сексуального характера.

⁴ *Capehart, Jonathan.* The disgraceful bromance between Donald Trump and Vladimir Putin // *The Washington Post*, December 18, 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/blogs/post-partisan/wp/2015/12/18/the-disgraceful-bromance-between-donald-trump-and-vladimir-putin/>

⁵ *Oreskes, Benjamin.* GOP gobsmacked by Trump's warm embrace of Putin // *Politico*, December 18, 2015. URL: <http://www.politico.com/story/2015/12/gop-trump-putin-216949>

тике политику действующей администрации и позиции политиков-конкурентов. Кроме того, будучи не профессиональным политиком, а бизнесменом, он действительно свободен от идеологической нагрузки, вызывающей аберрацию зрения мейнстримных политиков каждый раз, когда они обращают взгляд в сторону России. Более того, как можно судить по первой книге Трампа «Искусство заключать сделки», он вполне прагматично относился и к СССР. Во всяком случае, его воспоминания о «строительном проекте, который я бы хотел осуществить в Москве», относятся еще к 1987 году. Трамп рассказывает, что на одном деловом обеде его соседом за столом оказался советский посол Юрий Дубинин. «Оказалось, что его дочь читала и много знает о “Трамп Тауэр”. Слово за слово возникла идея делового сотрудничества. И вот теперь я веду переговоры о строительстве огромного роскошного отеля в центре Москвы, прямо напротив Кремля, при поддержке советского правительства. Они приглашают меня приехать в Москву в июле»¹.

Все это не означает, что Дональд Трамп занимает какую-то специфически пророссийскую позицию: если политическая конъюнктура изменится, то, вполне вероятно, изменятся и его политические симпатии. Не стоит забывать, что за год до начала своей предвыборной кампании он высказывался в поддержку антироссийских санкций и критиковал Обаму за недостаточную, на его взгляд, помощь Украине. Трамп также не возражал против вступления Украины в НАТО и заявлял, что в отношениях с Россией Америка должна демонстрировать свою силу².

Кроме того, из его публичных выступлений (в частности, перед военными) можно сделать вывод, что, несмотря на всю дружественную риторику в адрес Владимира Путина, он считает Россию одним из основных геополитических соперников США. Так, выступая на палубе легендарного корабля-музея «Айова» в порту Лос-Анджелеса 15 сентября 2015 года с речью, посвященной национальной безопасности США, он заявил: «Мы сделаем наши вооруженные силы столь крупными и мощными, таким сильными, что вряд ли мы их будем когда-либо использовать – просто потому, что никто не захочет с нами связываться... У нас будет президент, который будет пользоваться уважением со стороны Путина, со стороны Ирана...»³. (На встречу пришли несколько тысяч ветеранов армии и флота, встретившие речь Трампа бурными аплодисментами и прерывавшими его довольно воинственное выступление криками поддержки.)

Тем не менее его приверженность *realpolitik*, прагматизм и свобода от идеологических клише, безусловно, выгодно отличают его и от Хиллари Клинтон, и от таких республиканских «ястребов», как Марко Рубио. Характерно, что в конце февраля 2016 года Трамп пригласил в качестве внешнеполитического советника бывшего главу военной разведки Министерства обороны США (РУМО) Майкла Флинна, который известен как сторонник конструктивного диалога с Россией по сирийскому вопросу⁴.

Но не только прагматизм и готовность выстраивать нормальные отношения с Россией делают Трампа опасным в глазах республиканского истеблиш-

¹ Трамп, Дональд. Искусство заключать сделки. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 23.

² Лозанский, Эдуард. Истеблишмент ищет разные способы остановить Трампа // Портал «Русская идея». 2016. 15 февраля. URL: <http://politconservatism.ru/interview/isteblishment-ishhet-raznye-sposoby-ostanovit-trampa>

³ Donald Trump Speech On National Security In Los Angeles Aboard USS Iowa. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NkkfrxbduJ4>

⁴ Donald Trump Adviser Advocates Working More With Russia // RFE/RL, February 27, 2016. URL: <http://www.rferl.org/content/donald-trump-adviser-flynn-advocates-working-more-with-russia-islamic-state-republican/27577129.html>

мента. Не менее болезненными являются предвыборные обещания Трампа сделать достоянием гласности (в случае его избрания президентом) знаменитые «28 страниц» отчета Комиссии 9/11, засекреченные по личному распоряжению Дж. Буша-мл. Выступая на предвыборном митинге в Блаффтоне (Южная Каролина), Трамп прямо обвинил в атаке на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке саудитов. «Это были вовсе не иракцы, – заявил он. – Вы обнаружите, что это были саудиты»¹.

По крайней мере часть элиты Великой Старой партии, заинтересованная в сохранении добрых отношений с королевским домом Саудов и сопротивляющаяся попыткам администрации Обамы переформатировать систему союзов на Ближнем Востоке в пользу Ирана, воспринимает подобные заявления как покушение на внешнеполитические устои. Еще более запутывает ситуацию то, что, обвиняя Саудовскую Аравию в атаке на башни-близнецы, Трамп в то же время осуждает иранскую разрядку Обамы («ядерная сделка с Ираном – это плохая сделка») и выступает в поддержку Израиля. Тем не менее представители истеблишмента GOP и консервативные политические обозреватели, такие как Марк Левин, поспешили объявить Трампа truther'ом (от «Движения за истину» – 9/11 Truth movement), сторонником «теории заговора» и «беспредельщиком» (radical kook)².

Черный лебедь

Полгода назад никто не воспринимал Дональда Трампа всерьез. Его называли «шутком», «клоуном», в лучшем случае «спойлером». В российской политической журналистике было модно сравнивать его с Владимиром Жириновским.

Немногие эксперты (среди которых был и коллектив закрытого ныне интернет-портала Terra America) указывали на огромный скрытый потенциал Трампа, на резонанс, который получают его идеи и лозунги в среде «молчаливого большинства» Америки, на кризис доверия, который испытывают избиратели Великой Старой партии, разочаровавшиеся в «системных» политиках. Долгое время эти робкие голоса тонули в дружном смехе политических комментаторов, потешавшихся над эксцентричным миллиардером. Потребовался ряд блестящих побед Трампа на праймериз, чтобы всем стало очевидно: недооценка Трампа была лишь следствием инерции мышления, привычки анализировать политические процессы в США в соответствии с раз и навсегда выработанными шаблонами.

Между тем, Дональд Трамп оказался классическим «черным лебедем» из знаменитой концепции Нассима Талеба. «Черный лебедь», согласно Талебу, – это событие, которое является неожиданным для наблюдателя, имеет значительные последствия, но в ретроспективе может быть легко и рационально объяснено, так что непонятно, почему же его все-таки никто не мог предсказать. Вне зависимости от того, выиграет ли Трамп номинацию и тем более президентские выборы, он уже продемонстрировал всему миру – в американском обществе существует мощный запрос на консервативные перемены, перемены не в духе обамовских Changes, а в духе возвращения к «доброй старой Америке», Аме-

¹ Donald Trump on 9/11: "You Will Find Out Who Really Knocked Down The World Trade Center" // RealClearPolitics, February 17, 2016. URL: http://www.realclearpolitics.com/video/2016/02/17/trump_you_will_find_out_who_really_knocked_down_the_world_trade_center_secret_papers_may_blame_saudis.html#

² Mark Levin: Trump a 'Radical Kook', 'Close' to Being 9/11 Truther // Breitbart, 16 February, 2016 <http://www.breitbart.com/video/2016/02/16/mark-levin-trump-a-radical-kook-close-to-being-911-truther/>

рике традиционных моральных ценностей, Америке более сосредоточенной на себе, чем на глобальном Pax Americana, Америке сильной и уверенной в своей силе. Широкая поддержка Трампа самыми разными группами избирателей в самых разных штатах показывает, что эта «Америка, которую они потеряли», остается идеалом для десятков миллионов американцев, не приемлющих либо разочаровавшихся в сияющих миражах «либеральной империи» Обамы.

Является ли Трамп консерватором? Это не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд. В последнее время противники Трампа, мобилизующие все возможные ресурсы для того, чтобы остановить несистемного кандидата, активно эксплуатируют тему «Трамп не (настоящий) консерватор».

Влиятельный журнал *The National Review* посвятил целый номер «разоблачениям» Трампа, предоставив слово видным деятелям Республиканской партии и политическим аналитикам консервативного толка¹. Знакомство с этой подборкой критических отзывов о Трампе свидетельствует о почти не контролируемом страхе, который республиканский истеблишмент и особенно неоконсерваторы испытывают перед человеком, имеющим хорошие шансы стать кандидатом от их партии на выборах-2016.

Трамп правильно констатирует, что американские элиты слабы и не готовы ставить превыше всего интересы американского народа, признает, например, главный редактор журнала *National Affairs* Юваль Левин. Однако когда он переходит к рецептам, обнаруживается, что его диагнозы не столь разумны, как могут показаться на первый взгляд. Для консерваторов слабость элитных институтов является как раз аргументом для восстановления конституционных принципов и, соответственно, ограничения силы этих институтов, уменьшения централизации власти и возрождения исходного видения американской жизни, согласно которому главная цель федерального правительства есть обеспечение защиты американцев, а не менеджмент всем и вся. Когда Трампа спрашивают, как он собирается решать все имеющиеся проблемы, то его ответы сводятся к одному: «Нужен великий менеджмент»².

«Конечно, Трамп не консерватор, – утверждает президент влиятельной неправительственной организации *The Club for Growth* Дэвид Макинтош. Он популист, основной лозунг которого: наше правительство сломано, и я его починю. По первому пункту он прав: обе партии оказались плохими лидерами. Обама и демократы в Конгрессе манипулируют рычагами власти, для того чтобы все дальше толкать Америку к европейскому социализму. Республиканцы декларируют приверженность принципам свободного рынка, но каждый раз либо прогибаются, либо идут на поводу у поддерживаемых партией особых интересов “большого правительства”. Но Трамп не лучше их. Он будет говорить все, что угодно, чтобы получить голоса. Он надувает нас, издевается над политкорректными СМИ и хамит тем, кто указывает, что король-то голый. Ничто из этого не делает его консерватором, для которого главной ценностью является свобода. Он призывал бойкотировать американские компании, которые ему не по нраву, давил на бюрократов, чтобы с помощью экспроприации заполучить лучшие цены на участки для строительства, и с помпой предлагал наибольшее повышение налогов в истории Америки. Он выдвигает грандиозные планы новых расходов, но ничего серьезного для их сокращения или реформы социальных программ».

Известный писатель Марк Гелприн и вовсе назвал его «диетическим, декофеинезированным марксистом», «леваком», «ничего не знающим демагогом»,

¹ Conservatives against Trump // *The National Review*, January 21, 2016. URL: <http://www.nationalreview.com/article/430126/donald-trump-conservatives-oppose-nomination>

² Ibid.

«даже больше похожим на Муссолини, чем сам Обама». А влиятельный идеолог неоконсерватизма Уильям Кристол, ссылаясь на Лео Штрауса, определявшего консерватора как человека, который презирает вульгарность, вопрошал: «Разве Дональд Трамп не само воплощение вульгарности? И разве трампизм – это не никудышный автократизм того вида, который всегда презирали американские консерваторы?»¹.

Конечно, вся эта подборка предельно тенденциозна, да такой, собственно, и задумывалась (своего рода коллективный вопль системных консервативных интеллектуалов «Америка, ты одурела!»). Но некое рациональное зерно в ней есть – Трамп действительно не похож на идеологически мотивированного консерватора, образ которого стал привычен американскому избирателю за последние лет тридцать – с окончания холодной войны и прихода к власти клана Бушей.

Но если неоконсерваторы и близкие к ним круги республиканского истеблишмента безоговорочно отказывают Трампу в праве называться консерватором, то эксперты, занимающие более объективную позицию, придерживаются другого мнения. Например, авторитетный консервативный публицист, редактор журнала «Американский консерватор» Скотт Макконнелл, считает, что Трампа можно назвать консерватором, «потому что он хочет сохранить то общество, в котором он вырос. Трамп вырос во времена Эйзенхауэра, во времена стабильного общества с сильными профсоюзами, большим госбюджетом и минимальным мультикультурализмом. Это была другая система консервативных ценностей, которую он, видимо, хотел бы сохранить и вернуть». «Однако, – добавляет Макконнелл, – надо осознать, что определение консерватизма с тех пор изменилось, в связи с чем сегодня Трампа никак нельзя назвать идеологическим консерватором»².

Отсылка к Эйзенхауэру не кажется случайной. И дело тут не только в том, что у Трампа, как и у Эйзенхауэра, немецкие корни. И не в том, что он, как и Айт, является прихожанином пресвитерианской церкви. И не в том даже, что он, как и Эйзенхауэр, «никогда не обучался политике» и «пришел в нее со стороны». Тут все же есть существенная разница: Айт был боевым генералом и пришел в политику из армии, а Трамп – из крупного бизнеса. Гораздо больше сближает Трампа с Эйзенхауэром общеполитическая ситуация, вытолкнувшая на вершину власти Айка и выталкивающая сейчас Трампа.

Приход Эйзенхауэра знаменовал собой конец политического измерения рузвельтовского New Deal. Программа реформ, проводившихся по рецептам Дж. Кейнса, была свернута еще раньше, со вступлением США во Вторую мировую войну, а в условиях послевоенного экономического бума необходимость в реформах вообще отпала. Но доминирование Демократической партии в политической сфере, тесно связанное с Новой Сделкой, продолжалось вплоть до 1952 года, когда неожиданно для всех (в том числе и для республиканцев, смирившихся за два десятилетия со своим положением на вторых ролях) кандидата от демократов, великолепного оратора, харизматичного губернатора Иллинойса Эдлая Стивенсона победил знаменитый военачальник, но никому не известный политик Дуайт Эйзенхауэр. Дополнительную интригу выборам 1952 года добавил тот факт, что во внутрипартийной борьбе Эйзенхауэр одолел опытного политического тяжеловеса Роберта Тафта, которому, как утверждают

¹ Conservatives against Trump // The National Review, January 21, 2016. URL: <http://www.nationalreview.com/article/430126/donald-trump-conservatives-oppose-nomination>

² Макконнелл, Скотт. Истеблишмент боится, истеблишмент в шоке // Портал «Русская idea». 2016. 21 февраля. URL: <http://politconservatism.ru/interview/isteblishment-boitsya-isteblishment-v-shoke>

историки, был в начале гонки готов уступить без борьбы – так неуверен был Аик в собственных силах. Но ему удалось мобилизовать консервативный электорат не либерального и не крайне правого толка, который существовал по всей стране в виде разрозненных групп – а ведь считалось, что в США нет массового избирателя, готового проголосовать за республиканца-центриста. Сейчас Трамп, как и Эйзенхауэр в 1952-м, тоже нашел своего «потерянного» избирателя – и этот электорат может помочь ему осуществить настоящую революцию в Республиканской партии.

Ситуация 2016 года во многом похожа на те далекие времена. Республиканский истеблишмент, как представляется, смирился с перспективой отдать демократам (в лице Хиллари Клинтон) Белый дом еще на четыре года, понимая, что GOP слишком слаба, а ее избирательная поддержка неуклонно сокращается. Более того, кандидатура Клинтон рассматривалась как безальтернативная не только в США, но и в других ведущих странах мира.

И тут появился «черный лебедь» – Дональд Трамп. Человек, который действительно может смешать все предвыборные расклады и принести победу Великой Старой партии, чего сама эта партия – или хотя бы часть ее – не хочет и боится. Ибо ценой этой победы с большой степенью вероятности окажется и ее конец – или, во всяком случае, конец той Республиканской партии, к которой американцы привыкли за последние десятилетия.

Аннотация. В публикуемых главах книги «Черный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа» анализируется его политический феномен в контексте разворачивающейся президентской кампании в США. Прослеживаются основные этапы биографии Д. Трампа и обстоятельства, способствовавшие формированию его личности как предпринимателя и политика. Фиксируются причины и условия, способствовавшие тому, что рассматривавшийся всеми как аутсайдер Д. Трамп вышел в лидеры национальных праймериз Республиканской партии.

Ключевые слова: Дональд Трамп, Республиканская партия, президентские выборы в США 2016.

Kirill Benediktov, Editor-in-Chief, "The Russian idea" portal (politconservatism.ru),
Writer, Political Analyst. E-mail: redviper7@yandex.ru

Black Swan. Political Biography of Donald Trump

Chapters from the book

Abstract. In the chapters of the book "Black Swan. Political Biography of Donald Trump" published here the author analyses his political phenomenon in the context of the ongoing presidential election campaign in the USA. The author traces the main stages of D. Trump's biography and the circumstances that added to the forming of his personality as businessman and politician. He states the principal reasons and conditions contributing to the fact that D. Trump, who has been initially viewed as an outsider, is now holding leading positions in the national primaries of the Republican Party.

Keywords: Donald Trump, Republican Party, Presidential Elections in the USA in 2016.

Джон Эллис (Джеб) Буш – мейнстрим американской стратегии

При рассмотрении предвыборной кампании 2015–2016 годов и оценке перспектив избрания кандидатов от обеих партий следует иметь в виду несколько общих положений, которые при любом исходе кампании будут оказывать влияние на формирование международной стратегии Соединенных Штатов.

Основные направления политики США при любой администрации

В американской политике важное значение имеют *преемственность и приверженность основным целям Американского государства*. Все, что делают Соединенные Штаты в сфере международных отношений, направлено на сохранение, приумножение и консолидацию американского доминирующего влияния, контроля и управления на глобальном уровне. Это стало особенно заметно после окончания периода биполярного порядка, когда СССР сдерживал и ограничивал масштаб действий США. На современном этапе развития международных отношений, по оценкам многих американских политиков и экспертов-международников, подобного препятствия не существует, и можно действовать глобально, используя все имеющиеся средства. Так называемый глобальный терроризм не рассматривается как препятствие, поскольку США удалены от него и хорошо защищены. Но главное – его природа, масштабы и движущие и поддерживающие террористов силы до конца не ясны (как и роль самой Америки в этом феномене).

Любой президент, независимо от партийной принадлежности, будет проводить политику, являющуюся продолжением политики предыдущих администраций. Демократ Обама и политика его администраций стали продолжением политики и Клинтона, и Буша-мл. Словесное оформление существенного значения не имеет. Можно сказать, что демократы показали себя более воинственными, чем «ястребы» команды Дж. Буша-мл.

Начатые еще при администрации Клинтона *проекты организации мирового и регионального пространств будут продолжены* любой администрацией¹.

¹ Инициативы США по структурной организации мира, по нашей оценке, следует рассматривать не просто как создание интеграционных объединений, а как формирование региональных подсистем, имеющих, помимо экономики, политическую, идеологическую и военную составляющие. См.: [2, с. 283–298].

Это проекты Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, Транстихоокеанского торгового партнерства, НАФТА и АЛКА, которые позволят США контролировать значительную часть стран Европы (ЕС + тяготеющие к нему страны), АТР, Северной и Южной Америк. *Главной задачей будущей администрации станет численное расширение существующих объединений под контролем США и на их условиях, вовлечение Китая в орбиту США.* В настоящее время КНР стоит перед выбором: сохранить автономность, развивая взаимодействие с Россией, или войти в состав ТТП на своих условиях, сформировав биполярный управляющий центр. Созданные по инициативе США ВТО и «Группа двадцати» не удовлетворяют интересам сверхдержавы, поэтому отходят на второй план.

Любая администрация *продолжит дестабилизацию энергетических рынков*, начатую с разрушения части арабских государств, разработки сланцевых месторождений, оказания давления на страны, участвующие или планирующие участвовать в российских проектах по созданию новых энергетических путей.

США *продолжат наращивание военной мощи, создание новых видов оружия, использование новых видов вооружений на полигонах, где США и НАТО участвуют в проведении военных операций.* Они ориентируются на опыт администрации Рейгана по «изматыванию» других стран, прежде всего России. В отношении России будет продолжена политика давления, ограничения маневра, препятствия ее более тесному сближению с Китаем и другими странами, имеющими для нее большое значение (Турцией, Ираном, Монголией, Кореей, Вьетнамом, Индией, Бразилией и др.), воздействия на соседние с Россией страны.

В случае победы Дж.Э. Буш продолжит политику по указанным направлениям, используя опыт и людей, работавших на администрацию предшественников-республиканцев.

Приоритеты кандидата Дж.Э. Буша

В ходе избирательной кампании претенденты на выдвижение в кандидаты и затем кандидат от партии обычно концентрируется на внутривнутриполитических проблемах. Но если проанализировать заявления Дж.Э. Буша, можно заметить, что внешняя политика занимает в них весьма значительное место.

Дж.Э. Буш пытается возродить так называемый сострадательный, или благотворительный, консерватизм своего старшего брата. Он намерен получить широкую поддержку всех групп электората. Пока ему удалось заручиться поддержкой правоцентристского крыла партии, но он стремится найти поддержку у тех республиканцев-консерваторов, которые обычно ставят на претендента, чье избрание представляется наиболее вероятным (*electable nominee*). Именно этот контингент может в последний момент изменить ход предвыборной гонки, осознав, что шансы на избрание есть у другого претендента. По оценкам политологов, в кампании 2015–2016 годов *просматривается тенденция к поиску и поддержке такого претендента, который не связан слишком давними и крепкими узами со старыми политическими кланами.* Американские избиратели устали от «семейных» кандидатов (семьи Бушей и Клинтон), от одиозных фигур (Дж. Маккейн, М. Ромни), поэтому могут поддержать таких, как М. Рубио, а в прошлом – Б. Обаму. К концу 2015 года у Дж.Э. Буша самые большие финансовые средства на кампанию – у него мощная поддержка со стороны основных доноров Республиканской партии. Но при этом нет большой поддержки рядовых членов. Не ясна также позиция республиканской элиты – сенаторов и конгрессменов, губернаторов, бывших авторитетных политиков. По сравнению с демократами, у которых позиция партийной элиты очевидно на стороне Х. Клинтон (60,2%), республиканская

партийная элита еще не определилась (при этом Буш имеет самую большую поддержку элиты – 8,8%). Финансовая и политическая ситуация могут измениться, и средства пойдут другому кандидату¹.

Дж.Э. Буш, как и все кандидаты, обещает: экономический рост 4%; увеличение рабочих мест на 19 млн (Б. Обаме это не удалось); легализацию нелегалов, в основном из стран Латинской Америки (что идет вразрез с общепринятой позицией республиканцев); увеличение помощи бедным и незащищенным слоям населения; сокращение административных расходов, как федеральных, так и местных органов власти. Дж.Э. Буш придерживается традиционного для республиканцев тезиса о том, что в экономике и управлении должно быть меньше федерального правительства: Вашингтон – препятствие для эффективного управления и экономического процветания. В бытность губернатором штата Флорида Дж.Э. Буш добился сокращения правительства штата, сократил расходы на 2 млрд долл., сократил финансирование библиотек и помощи на дому. Поддерживает смертную казнь².

Во внешней политике он выступает как традиционный республиканский «ястреб», намерен продолжать политику брата и отца и хотя критикует Обаму, фактически предлагает ту же политику, только более решительную. Традиционно для республиканцев он выдвигает тезис о необходимости увеличения военных расходов.

Выступая в Президентской библиотеке Рональда Рейгана, Дж.Э. Буш заявил, что положительные результаты возможны только тогда, когда Америка действует вместе с друзьями и союзниками, чутко реагирует на опасности, готова решительно бороться с угрозами, чтобы они не превратились в катастрофу³. Как и его брат, он провозгласил в качестве основной задачи борьбу с исламским терроризмом, который, по его мнению, вопреки заявлениям демократов остается главной угрозой США и миру. По его мнению, минималистский подход привел к слабой вовлеченности США без видимых стратегических результатов.

Как и Дж. Буш-мл., Джеб Буш использует метафору «мировое зло», олицетворяемое ныне в «Исламском государстве», призывает все цивилизованные страны, прежде всего ведущие державы, объединиться в борьбе с этим злом. Он назвал военную операцию в Ираке блестящей и героической, хотя и дорогостоящей, а уход из Ирака – преждевременным и ошибочным, приведшим к появлению ИГ. Он возлагал ответственность за это на демократов и тогдашнего государственного секретаря Х. Клинтон. Дж.Э. Буш заявлял, что демократы Клинтона, претендовавшие на авторство «новой американской истории», разработали стратегию, которая не принесла США ни мира, ни позитивных результатов [см.: 3]. А администрация Обамы, действовавшая в русле так называемой эпохальной стратегии, тоже нанесла ущерб интересам Соединенных Штатов, были допущены серьезные ошибки.

Дж.Э. Буш критикует договоренности по Ирану, призывает Конгресс не поддерживать подписанные соглашения, считает, что Иран по-прежнему может реализовать программу по созданию ядерного оружия, поддерживает террористов, угрожает Израилу, важнейшему и преданному союзнику США⁴. В случае

¹ Who's Winning the Presidential Campaign? URL: <http://www.nytimes.com/interactive/2016/us/elections/presidential-candidates-dashboard.html>

² Declared 2016 Republican Presidential Candidate Jeb Bush. URL: <http://2016.presidential-candidates.org/Bush/>

³ Выступление Дж.Э. Буша в Президентской библиотеке Рональда Рейгана. URL: <https://jeb2016.com/policy-defeating-isis/?lang=en>

⁴ Джеб Буш уделяет особое внимание взаимодействию с представителями еврейских организаций. Создан Национальный комитет еврейских лидеров, в который вошел 71 выдающийся член еврейской общины. На заседании этого комитета в сентябре

своего избрания, он намерен проводить решительную политику в борьбе с ИГ, будет стремиться к сплочению вокруг США Египта, Саудовской Аравии, Иордании, Арабских Эмиратов, Туниса, Ливана. Считает необходимым поддержать всеми средствами иракскую армию и силы курдов, наладить контакты и взаимодействие с суннитскими племенами, которые боролись вместе с американскими силами против «Аль-Каиды» в Ираке. Предлагает оказать прежде всего военно-воздушную поддержку наземным силам, предоставить курдам в борьбе с ИГ все необходимое для победы.

Относительно Сирии Дж.Э. Буш также не демонстрирует позиции, отличной от политики администрации Б. Обамы. Предлагает поддерживать сирийскую оппозицию, продолжить обучение и подготовку бойцов против ИГ в Сирии, то есть фактически намерен добиваться усиления сил, воюющих против армии Б. Асада.

Обещания Джеба Буша воинственны, нацелены на эскалацию военных действий в странах, разрушенных военными операциями администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, что как раз и привело к эскалации экстремизма и терроризма в регионе. При Джебе Буше Америка сохранит образ страны «с поднятым кулаком». Он даже говорит примерно то же самое, что и Б. Обама: союзы, ведомые Америкой, американская дипломатия и вера в Америку сдерживали агрессоров и защищали мир, и впредь Америка продолжит такой курс. Президент Обама говорил то же самое другими словами: «Наша страна несет особое бремя в глобальных делах. Нам не всегда говорят спасибо за наши усилия, и мы иногда делаем ошибки. Но больше, чем какая-либо другая страна, Соединенные Штаты обеспечивали глобальную безопасность в течение более шестидесяти лет – периода, во время которого рушились стены, открывались рынки, миллиарды людей были спасены от нищеты, наблюдался невиданный научный прогресс и раздвигались границы» [4, р. xviii].

Джеб Буш не оставляет без внимания трансатлантических союзников по НАТО, заявляя, что в его политике будет больше Европы, а не Китая. Во время визита в Европу летом 2015 года он посетил Германию, Польшу и Эстонию, обосновав такой выбор тем, что Германия – это ведущая европейская страна, а Польша и Эстония находятся на острие противостояния России на Украине, да и в целом политике России. В своих выступлениях он делал акцент на том, что США будут расширять присутствие в Европе, укреплять НАТО, крепить евроатлантическую солидарность, продолжать санкции против России, а также реализацию планов по поэтапному развертыванию систем ПРО в Румынии и Польше (2018), будут стремиться к реализации планов по размещению постоянных вооруженных сил НАТО на территории Польши и стран Балтии¹. Реализация указанных планов ставит под удар не только отношения между Россией и НАТО, но и договор РСМД. Как и в случае со второй администрацией Клинтона, которая не приняла окончательно жесткого решения по вопросу об отношениях с Россией из-за программы НПРО, так и сейчас администрация Обамы скорее всего оставит дальнейшую эскалацию жесткой политики в отношении России, Ирана и ряда других стран «ястребам» Буша, если он будет избран².

2015 года в Майами Джеб Буш заявил о необходимости восстановления прочных связей с Израилем, а также о том, что в случае избрания позаботится, чтобы у Израиля было самое передовое оружие и будет выступать за пересмотр договоренностей по иранской программе. URL: http://www.jewishjournal.com/nation/article/jeb_bush_launches_jewish_leadership_team

¹ Jeb Bush Supports Expansion of NATO's Presence in Europe. 11.06.2015. URL: <http://www.unian.info/world/1088052-jeb-bush-supports-expansion-of-natos-presence-in-europe.html>

² Jeb Bush: Signals on the European front. URL: <http://panteres.com/2015/06/14/jeb-bush-signals-on-the-european-front/>

Джеб Буш намерен продолжить политику администрации Обамы по усилению влияния в АТР, где в сентябре 2015 года часть стран вошла в ТТП, среди них Вьетнам. Американское руководство недоволено тем, что база Камрань предоставляет возможность дозаправки российским военным самолетам, считая это вторжением в зону безопасности США. Дж.Э. Буш намерен продолжить давление на Вьетнам, будут это делать и демократы.

Вырисовывается весьма агрессивная политика США практически на всех направлениях. Россия остается в фокусе политики сдерживания, когда происходит усиление военного присутствия американских вооруженных сил по периметру российских границ, оказывается давление на союзников и партнеров России, которым предлагаются военная и финансовая помощь. Дж.Э. Буш не против предоставления летального оружия Украине.

Хотя Джеб Буш заявляет, что не желает новой холодной войны, его позиция и позиции представителей его окружения говорят об обратном. Это подкрепляется и данными об американском общественном мнении: 54% считают, что США проводят недостаточно жесткую политику по отношению к России в украинском вопросе, 32% одобряют проводимую политику, только 4% против проводимой политики, то есть подавляющее большинство американцев – 86% – готово поддерживать жесткую политику и в будущем. Среди европейцев иная картина: 23, 35 и 27%, соответственно. Не одобряют американцы и «мягкость» Европейского Союза по отношению к России в украинском вопросе: 59% не считают ее достаточно жесткой, 22% считают вполне жесткой, 4% не одобряют проводимой политики. Сами граждане государств ЕС думают иначе: 26% – недостаточно жесткая политика, 44% – достаточно жесткая, 18% – против проводимой политики¹.

Конечно, пока слишком рано говорить, что будут в действительности делать республиканцы в случае победы этого их кандидата, но ясно одно: *традиции семьи Бушей, традиции республиканцев, опора на наследие Р. Рейгана, окружение кандидата – все это не предвещает ослабления международной напряженности, мирного существования, грозит еще более напряженной гонкой вооружений, ростом американского военного присутствия в мире, особенно в Евразии, усложнением отношений между США и Россией* [1].

Предвыборные заявления кандидатов в президенты нередко расходятся с той политикой, которую затем проводит избранный президент. Однако ориентация на доминирование с опорой на вооруженные силы – мейнстрим американской политики.

Команда Джеба Буша

Большое значение в проведении предвыборной кампании имеет команда претендента, так как именно она обеспечивает и поддерживает содержательную и финансовую базу кампании. В команду входят самые близкие друзья, а также политики и эксперты, работавшие или связанные с кандидатом по совместной работе. Связи и авторитет советников кандидата очень важны для поддержания кампании на успешном треке, а в случае победы на выборах они могут составить влиятельный неформальный внутренний круг приближенных к президенту или же занять ответственные посты в администрации.

Советники Джеба Буша – известные и влиятельные в политических кругах люди, работавшие в разное время в администрациях Дж. Буша-младшего: П. Вулфовиц – заместитель министра обороны, Дж. Негропonte – представи-

¹ Jeb Bush Goes to Europe. By Daniel Larison. June 9, 2015. URL: <http://www.theamericanconservative.com/larison/jeb-bush-goes-to-europe/>

тель США в ООН, С. Хэдли – советник по национальной безопасности, П. Госс и генерал в отставке М. Хэйден – директоры ЦРУ, М. Чертофф – глава Министерства внутренней безопасности, М. О’Салливан – занимала ответственные посты в СНБ, Т. Ридж – первый министр внутренней безопасности. Рядом с Бушем Дж. Шульц и Дж. Бейкер – государственные секретари в администрациях Р. Рейгана и Дж. Буша-ст. Все они очень опытные политики, имеющие широкие контакты в рядах правящей элиты и в бизнес-кругах. Все они консерваторы, хотя не всех можно отнести к «ястребам», которыми зарекомендовали себя П. Вулфовиц, С. Хэдли, П. Госс и М. Хэйден.

Так, С. Хэдли, адвокат по образованию, работал с генералом Б. Скоукрофтом, советником по национальной безопасности в администрации Р. Никсона, в министерстве обороны, в компании «Локхид Мартин». В разное время он работал также в консервативных «мозговых центрах» – Национальном институте общественной политики и АНСЕР (Advanced National Strategies and Enabling Results), дочерней организации «РЭНД корпорейшн», где участвовал в разработке ядерной доктрины, занимался подготовкой важных документов совместно с представителями Пентагона, ЦРУ, разведки. С. Хэдли вошел в группу так называемых вулканов [5], стал опорой президента Буша вместе с представителями компании «Локхид», занявших посты в администрации, и непосредственно разрабатывал концепцию «внутренней безопасности» (Homeland Security). Он также руководил выполнением Проекта переходных демократий (Project of Transitional Democracies), курируя участие в нем ВПК. С. Хэдли имеет широкие связи в кругах ВПК, ведущих «мозговых центрах», политических кругах. Он нужен для продолжения политики военных вмешательств, которая даст новые контракты компаниям по производству оружия, компаниям, разрабатывающим новые виды оружия, обеспечит увеличение финансирования разведки и в целом рост военных ассигнований.

П. Госс и М. Хэйден – как директоры ЦРУ и главы разведсообщества США – тоже обладают обширным опытом в разработке политики с опорой на военный компонент. П. Госс имеет широкие связи в парламентских кругах. М. Хэйден возглавлял Агентство национальной безопасности (АНБ), которое занималось прослушиванием телефонных разговоров американцев, оправдывал необходимость применения пыток в случаях наличия прямой угрозы безопасности граждан США. Помимо государственной службы он работал в частных консультативных компаниях «Чертофф групп» (создана М. Чертоффом) и «Лигнет» (Информационная сеть Лэнгли). «Чертофф групп» концентрирует свою деятельность на подготовке аналитических материалов по проблемам безопасности, прежде всего по кибербезопасности, оценке рисков для крупных корпораций и правительства и разработке действий по их нейтрализации и предотвращению. «Лигнет» готовит информацию, аналитику и прогнозы от бывших сотрудников разведки, АНБ и СНБ.

Дж. Негропonte – опытный дипломат, все свою карьеру сочетавший официальные функции с разведдеятельностью, курировавший тайные операции (Южный Вьетнам, Камбоджа, Гондурас, Мексика). Он был вовлечен в дело Иран – контраст, курируя финансирование контраст в Никарагуа через Гондурас. В 2001 году был назначен официальным представителем США в ООН, а в 2004-м – послом в Ираке (был одним из авторов информации о наличии ОМП в Ираке).

Том Ридж также принадлежит к числу политиков, делавших карьеру в сфере безопасности. Он был первым главой министерства внутренней безопасности, дважды избирался губернатором Пенсильвании, входит в руководящие органы влиятельных «мозговых центров» (например, Института оборонных исследований), возглавляет созданный им центр «Ридж глобал», занимающийся

консультативной и аналитической деятельностью по вопросам кибербезопасности, международной безопасности и управления рисками.

Меган О'Салливан имеет опыт аналитической и преподавательской работы, возглавляет Проект по энергетической геополитике Школы Кеннеди Гарвардского университета, занимается вопросами внешней политики, контр-террористических операций, нацбилдинга на Среднем Востоке. Во второй администрации Дж. Буша-младшего она занимала посты специального помощника президента – заместителя советника по национальной безопасности по Ираку и Афганистану, была директором по стратегическому планированию и по Юго-Восточной Азии в СНБ. Входит в круг политиков и экспертов, вовлеченных в пул, из которого происходит ротация органов власти.

Все советники Джеба Буша по внешней политике и международным отношениям являются специалистами в военных вопросах и в деятельности разведки. Это сказывается на заявлениях кандидата, чьи предложения и обещания, на случай победы, предусматривают продолжение и усиление военного компонента американской политики в мире, регионах и в отношении отдельных стран.

* * *

Воинственная программа Джеба Буша, которая хотя и укладывается в мейнстрим современной американской стратегии, пока выглядит довольно односторонней и напоминает политику брата. Читая тексты, забываешь, кто это говорит. Конечно, еще есть время для доработки и внесения корректив, смещения акцентов, так как для американского избирателя продолжение политики администраций Дж. Буша-мл. вряд ли привлекательно. Может быть, именно поэтому республиканские боссы не торопятся высказаться более решительно в поддержку Джеба Буша (8,8%).

«Усталость» от «президентских семей» и «отцов» внешней политики может сыграть против Джеба Буша, и основные доноры могут сделать выбор в пользу более привлекательного кандидата (electable). Но и ему придется учесть (а возможно, и подчиниться им) интересы группировок, заинтересованных в продолжении военизированной политики и политики глобального доминирования.

Литература

1. Америка в фокусе российских исследований: Ситуационные анализы. Вып. 5 / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Изд-во МГИМО – Университета, 2014.
2. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова. М.: Аспект пресс, 2013.
3. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке: Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: ИСКРАН, 2002. URL: www.obraforum.ru
4. Mann J. The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Penguin Books, 2012.
5. Mann J. The Rise of Vulcans. The History of Bush's War Cabinet. N.Y.: Penguin Books, 2004.

Аннотация. В США полным ходом идет предвыборная кампания по выборам президента, которые должны состояться в ноябре 2016 года. Она началась уже в 2015 году, хотя по традиции активные дебаты обычно проходят в год выборов. Политическая борьба усложнилась, обе партии испытывают дефицит харизматических лидеров, нелегко развести программы Демократической и Республиканской партий в условиях заметного сближения идейного обеспечения их внутри- и внешнеполитической программ. Один из кандидатов от Республиканской партии – Джон Эллис Буш, младший брат Джорджа Буша-мл. У него мощная команда советников, хорошая финансовая база, неплохой опыт политической деятельности. В своих выступлениях он уделяет основное внимание вопросам борьбы с терроризмом, безопасности США, наращиванию военной мощи, обещает усилить взаимодействие с европейскими союзниками, намерен продолжить политику по распространению демократии и сдерживанию оппонентов Америки, среди которых называется Россия. Говорить о победе Джеб Буша рано, но независимо от того, кто выиграет выборы, можно ожидать продолжения политики США в том формате, который мы наблюдаем, начиная с 2001 года.

Ключевые слова: президентские выборы в США, Республиканская партия, Джеб Буш, внешняя политика США.

Tatyana Shakleina, Ph.D. in Political Science, Professor, Chairman, International Problems Applied Analysis Department, MGIMO Political Affairs School. E-mail: Shakleina-tania@yandex.ru

John Ellis “Jeb” Bush – American Strategy Mainstream

Abstract. Presidential election campaign is under way in the United States. Traditionally the most active debates start closer to the elections but political debates and struggle begin earlier, often already during the second term of the administration. The reason for that is that political struggle in the US has become more complicated; both parties lack charismatic leaders, and programs of the Democratic and Republican parties look very similar, concentrating on American dominance/global leadership, military power, expansion of NATO, deterrence of any opposition to American plans. One of the candidates of the Republican Party is John Ellis Bush (Jeb Bush) who belongs to the Bush “presidential family”. He has a very impressive team of consultants, strong financial support, is very experienced in American politics. In his election speeches he promises economic growth, is ready to fight terrorism, plans to work closer with transatlantic allies, supports growth of American military power, is resolute to deter any country or force opposing the US, naming Russia as one of the focuses of such policy. It is too early to say whether Jeb Bush can win the elections, as well as any other candidate. However, any outcome of presidential elections in November 2016 does not promise radical change of American policy, especially toward Russia.

Keywords: Presidential Elections in the United States, Republican Party, John Ellis Bush (Jeb Bush), US Foreign Policy.

Марко Рубио: неоконсервативный образ американской мечты

В 1939 году США отказались принять еврейских беженцев из Германии, приплывших на судне «Сент-Луис». Отказала и Куба, и корабль вынужден был вернуться в Европу. После этого Америка старалась не отвергать беженцев. В 1959 году с Кубы в Штаты приплыли бежавшие от режима Фиделя Кастро, среди них – Марио Рубио и Ория Гарсия. В 1971 году у них родился сын Марко, а через четыре года они получили заветное американское гражданство.

Как следует из первого обращения Марко Рубио в качестве кандидата, его личная история может служить примером американской мечты в ее классическом варианте. Родители его, перебравшись в Америку, будучи бедными, всё же добились успеха, получив работу бармена и горничной. Что касается самого Рубио, то в 1993 году он окончил Университет Флориды со степенью бакалавра, в 1996-м – Университет Майами со степенью доктора права. Затем работал адвокатом, входил в муниципальный совет Западного Майами, в 2000–2008 годах – член Палаты представителей от Флориды в Конгрессе США, в 2003–2006 годах – лидер большинства, в 2006–2008 годах – спикер, в 2010 году избран в Сенат США от штата Флорида. В феврале 2013 года его портрет появился на обложке американского журнала “Time” с подписью: «Спаситель республиканцев. Как Марко Рубио стал новым лидером партии». 13 апреля 2015 года он объявил о президентских амбициях и официально вступил в избирательную кампанию 2016 года.

Родители Рубио приобщили его к Католической церкви. Однако когда ему было восемь лет и семья переехала из Южной Флориды в Лас-Вегас, Рубио по настоянию матери стал членом церкви Иисуса Христа Святых последних дней и три года был мормоном. Затем был еще один поворот, когда он с женой Жанетт посетил «Братство Христа» (Christ Fellowship) в Майами, типичную баптистскую мега-церковь – религиозную организацию с десятками тысяч прихожан, организованную как бизнес-структура и имеющую доходы, сопоставимые с транснациональными корпорациями. Сам Рубио пожертвовал как минимум 50 тыс. долл. и посещал ее службы с 2000 по 2004 год, после чего вернулся в лоно Католической церкви.

Позиционируя себя человеком, добившимся всего в этой жизни благодаря предоставляемым в Штатах возможностям, Марко Рубио рассчитывал на то, что спонсором его кампании станет широкий круг людей, исповедующих схожие принципы. Но, представляя себя воплощением американской мечты и называя главным препятствием для ее осуществления «политические династии» США, он был вынужден пойти наперекор своему давнему покровителю – губернатору Флориды Джебу Бушу.

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea».
E-mail: vanchugov@gmail.com

Рубио принадлежит к быстро растущей латиноамериканской общине США, образован, деловит, умеет извлечь выгоду из любой ситуации и ловко выйти из затруднительного положения. В феврале 2013 года, когда республиканцы предложили именно ему произнести официальную речь в ответ на обращение к нации Барака Обамы (State of the Union, О положении страны), перед телевизионными софитами он сильно вспотел и, потянувшись за бутылкой с водой, сделал не совсем удачное телодвижение, после чего темой для обсуждения в социальных медиа стал его «сушняк». Впрочем, сенатор не растерялся и сам выложил фото в «Твиттере», а уже на следующий день комитет политического действия «Reclaim America» объявил, что всякий желающий сможет приобрести бутылку с питьевой водой за 25 долларов со слоганом: «Марко Рубио вас вдохновляет... Он же вас еще и увлажняет». В итоге на этой акции его группа поддержки заработала 100 тыс. долларов.

Выступая в родной Флориде перед своими сторонниками, Рубио назвал Хиллари Клинтон политиком вчерашнего дня и пообещал, что путь к «новому веку Америки» проложит поколение молодых лидеров, к которому он сам и принадлежит. Принадлежит он к «ястребам», отличительным признаком которых является жесткая критика Обамы за «мягкотелость» во внешней политике. Рубио обладает внушительным внешнеполитическим опытом. В течение четырех лет политик состоял в комитетах по международным делам и по делам разведки в Сенате США, совершил пятнадцать зарубежных поездок, в ходе которых встречался с главами государств. Самым серьезным стало ближневосточное турне, когда он посетил Иорданию, Палестинскую национальную администрацию и Израиль, где его принимали Шимон Перес и Биньямин Нетаньяху.

С тех пор как возник украинский кризис, Рубио неоднократно давал американским СМИ интервью, в которых призывал Вашингтон к введению, а потом и к ужесточению санкций в отношении России. Так, в марте 2014 года в журнале «Politico» он опубликовал статью под заголовком «Восемь шагов, которые необходимо сделать Обаме, чтобы наказать Россию»¹. Используя свое место в Комитете по иностранным делам Сената, Рубио проводил интервенционистскую внешнюю политику, выступая против бюджетных сокращений для военных.

В мае 2015 года, в выступлении перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке Рубио очертил подход к внешней политике, которого он будет придерживаться, став главой Белого дома. Он полагает, что администрация США оставила на Ближнем Востоке «вакуум», который теперь заполняет Россия, и потому авианалеты в этом регионе нанесут не только урон «Исламскому государству», но и будут содействовать поддержке президента Сирии. А после этого, как вероятный сценарий развития событий, Россия обратится, по мнению Рубио, к ближневосточным странам с призывом: «Америка больше не является надежным союзником! Египет, Саудовская Аравия, начните полагаться на нас» – утверждая, что способна заменить Штаты в роли более сильного посредника. Также Рубио понятны намерения президента России, который хочет, чтобы его страна вновь заняла место мировой державы, поскольку разрушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой XX века.

В интервью Джону Харвуду из телекомпании CNBC Марко Рубио характеризовал президента России как «самого влиятельного геополитического брокера в регионе» (“most influential geopolitical broker in the region”)² и заявил, что

¹ 8 Steps Obama Must Take to Punish Russia. URL: <http://www.politico.com/magazine/story/2014/03/8-things-obama-must-do-about-ukraine-104128#UxMmCYVa-p1>; на русском: Как наказать Россию (Politico). URL: <http://inosmi.ru/world/20140303/218099995.html>

² Obama's ideas don't work: Rubio. URL: <http://video.cnbcs.com/gallery/?video=3000429066>; CNBC Transcript: CNBC Chief Washington Correspondent John Harwood Speaks with Florida Senator Marco Rubio Today on CNBC's "Fast Money Halftime Report." URL: <http://www.cnbcs.com>

готов пойти на риск войны с ним для установления над Сирией зоны, закрытой для полетов, чтобы не позволить Москве атаковать повстанцев, получающих поддержку от ЦРУ. Рубио уверен, что ВВС США могут обеспечить такую зону и что русские не рискнут испытывать американцев на прочность. А на вопрос, что бы он сделал, если бы российские военные попытались войти в бесполетную зону, заметил, что тогда «возникнет проблема».

Выступая 25 апреля 2012 года в Вашингтонском Институте Брукингса с программной речью о будущем американской внешней политики «Является ли американский мировой порядок устойчивым и необходимым в XXI веке?»¹, он обратил особое внимание на мнение, согласно которому пришло время сосредоточиться не столько на мировых проблемах, сколько на своих собственных. Марко Рубио – только за такую внешнюю политику, которая служит сохранению американского лидерства. Америка не может себе позволить уступить роль глобального лидера, поскольку от этого зависит ее собственное благополучие, не может всецело полагаться на существующие международные институты и в случае острой необходимости должна действовать самостоятельно. При этом «перезагрузку» с Россией он посчитал неэффективной, поскольку Штаты получили не всё, что хотели.

В президентской гонке Рубио активно использует доктрину Вулфовица и проект “A New American Century”, что видно по речи в начале предвыборной кампании – «Новый американский век». Среди его внешнеполитических советников известные неоконсерваторы Уильям Кристол (основатель и редактор “Weekly Standard”, комментатор “Fox News Channel”), бывший советник Дж. Буша-мл. по национальной безопасности Стивен Хэдли, журналист и историк Роберт Каган (Кейган). Книга последнего – “The World America Made” (Тот мир, который сделала Америка) – дает обоснование, почему следует выступать против отказа США от роли мировой сверхдержавы (сохранение устраивающего Америку миропорядка хорошо для демократии во всем мире), и повествует о том, что только политические и экономические свободы в сочетании с военной силой дают все необходимые основания для глобальной американской гегемонии.

Среди его советников – Джемми Флай (Jamie Fly), который присоединился к Рубио в январе 2013 года в качестве советника по зарубежной и национальной политике и безопасности. Он имел ряд должностей в администрации Буша-мл., в том числе в Совете национальной безопасности, а также в Министерстве обороны при Дональде Рамсфелде. Когда Буш-мл. покинул свой пост, то для сохранения и дальнейшего претворения в жизнь его инициатив в области внешней политики в 2009 году был создан своего рода инкубатор молодых неоконсерваторов – центр «Внешнеполитическая инициатива» (The Foreign Policy Initiative)². Исполнительным директором был назначен Флай, перед которым стояла задача сохранить заложенные в годы Буша-мл. традиции агрессивной защиты американских интересов на международной арене, консолидировать силы для противодействия «возродившихся и растущих сил Китая и России», а также «остальных автократий, нарушающих права своих граждан». Собственные внешнеполитические принципы Флай изложил в 2012 году (в соавторстве с Гэри Шмиттом) в статье, где призвал США напасть на Иран, не ограничивая себя авиаударами – для препятствия развития ядерной программы «дестабилизировать режим».

[com/2015/10/05/cnbc-transcript-cnbc-chief-washington-correspondent-john-harwood-speaks-with-florida-senator-marco-rubio-today-on-cnbc-s-fast-money-halftime-report.html](http://www.cnn.com/2015/10/05/cnbc-transcript-cnbc-chief-washington-correspondent-john-harwood-speaks-with-florida-senator-marco-rubio-today-on-cnbc-s-fast-money-halftime-report.html)

¹ Is the American World Order Sustainable and Necessary in the 21st Century? An Address by Senator Marco Rubio. URL: <http://www.brookings.edu/events/2012/04/25-rubio>

² The Foreign Policy Initiative. URL: <http://www.foreignpolicyi.org>. Среди основателей центра – Уильям Кристол и Роберт Каган. Фонд осуществил ряд антироссийских акций и провокаций.

Среди наставников Марко Рубио отмечен Макс Бут, представляющий неоконсервативный Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), недавно привлечший к себе внимание призывом в одностороннем порядке объявить суннитскую автономную область в Ираке, после чего и Рубио заявил, что в качестве президента он будет поддерживать эту идею вплоть до ее финансирования.

Также Марко Рубио получает советы от группы John Hay Initiative, основанной в 2013 году бывшим советником Митта Ромни Брайаном Хуком и чиновниками прежней администрации Эриком Эдельманом и Элиотом Коэном.

Как состав советников, так и вектор внешнеполитических инициатив дают основание оппонентам Марко Рубио говорить о нем как о лоббисте Израиля, дружбу с которым он демонстрирует. Это приносит ему ощутимые дивиденды, причем не только политические, но и финансовые.

12 марта 2015 года Марко Рубио и его соперники выступали перед 700 активистами еврейской общины на специальном форуме в Вашингтоне, организованном Республиканской еврейской коалицией (Republican Jewish Coalition), основанной в 1985 году для укрепления связей с представителями Республиканской партии в правительстве и Конгрессе. Накануне этого события председатель Национального комитета Демократической партии Дебби Вассерман-Шульц съязвила, что все кандидаты будут конкурировать друг с другом, по сути, лишь за «доступ к миллионам Адельсона». Однако представитель еврейской коалиции Марк Макналти отметил, что в центре внимания не финансы, а поддержка избирателей, поскольку в последние годы республиканцы получают с каждым разом все больше еврейских голосов, так что республиканские кандидаты примут участие в конференции, чтобы рассказать политическим активистам еврейской общины о том, как они будут обеспечивать национальную безопасность страны, бороться с «Исламским государством» и противостоять ядерным амбициям Тегерана.

На этой встрече Марко Рубио заявил, что Израиль ведет борьбу за свои цивилизационные ценности, сдерживая натиск радикального, «апокалиптического ислама»¹. Он пообещал собравшимся, что, когда станет президентом, переведет американское посольство из Тель-Авива в Иерусалим и будет содействовать тому, чтобы тот оставался неделимой и вечной столицей еврейского государства.

В октябре 2015 года Рубио посетил казино Venetian Las Vegas, принадлежащее Шелдону Адельсону, и в ходе встречи, на которой присутствовали также главные советники магната Роб Голдстайн и Патрик Дюмон, обсудил динамику президентской кампании. Поддержка того или иного кандидата для Адельсона – всего лишь капиталовложение, и ему не хотелось бы допустить ошибку минувшей кампании, когда он выделил Ньюту Гингричу 20 млн долл. В целом же на ту избирательную кампанию магнат потратил 100 млн долл. и может потратить больше в 2016 году без особого ущерба для себя: состояние Шелдона Адельсона оценивается в 32 млрд долл., а в американском списке самых богатых людей он занимает двенадцатое место. Он уже не раз заявлял, что видит в сенаторе из Флориды «будущее Республиканской партии» и ему импонирует его твердая произраильская позиция, нашедшая отражение в разработанном до мельчайших деталей плане настоящей и будущей внешней политики Рубио.

Среди заявивших о своей поддержке Марко Рубио и такой мега-донор, как предприниматель и финансист Пол Сингер (Paul Singer). Он особенно ценит сенатора за его позицию по высшему образованию и реформе системы социального обеспечения, за обещание заменить Обамасаре и, конечно же, за

¹ Под «апокалиптическим исламом» он подразумевает истинные убеждения лидеров Ирана и «Исламского государства», которые живут словно «в последние времена», а массовый геноцид является для них способом почитания своего Бога.

поддержку Израиля. Он назвал Рубио лучшим глашатаем ценностей консерватизма в общественной жизни и кандидатом, способным победить осенью 2016-го. Примечательно также, что 71-летний Сингер мотивировал свою благосклонность к Марко Рубио еще и его поддержкой гей-движения, что не характерно для ведущих игроков Республиканской партии.

Развернутый ответ на вопрос, почему американцев должно волновать происходящее в Израиле, с Израилем и вокруг него, Рубио дал во время выступления в Сенате 19 марта 2015 года. На его взгляд, тому есть две причины. Израиль представляет собой все, что граждане США хотели бы видеть в ближневосточном регионе: демократия, развитая рыночная экономика, которая обеспечивает благосостояние своего народа, партнерство в торговле и коммерции. Также Израиль обладает особой и уникальной миссией: создан как национальный дом еврейского народа, основанный на обещании, что никогда больше не будет ситуации, когда евреям мира некуда будет уйти, и чтобы они жили в безопасности. Таким образом, обороноспособность Израиля – это и часть американской национальной безопасности, и если Израилю придется защищать себя, Америка его непременно поддержит.

Политическое кредо Марко Рубио приносит ему и политические очки, и финансовые бонусы. В совокупности с другими факторами это может сделать его лидером гонки. А в случае его победы и избрания президентом Россия получит ряд проблем не только во внешней, но и во внутренней политике, поскольку своими приоритетами он считает защиту суверенитета Украины, возвращение ей «аннексированного» Крыма, установление контроля над Восточной Украиной, обеспечение Киева военной помощью (поставки летального оружия, обмен разведданными, тренировка личного состава); сохранение и усиление против России экономических санкций; усиление НАТО; противодействие российской политике в Сирии; всестороннюю поддержку идеологически близких российских журналистов и активистов, чтобы с их помощью «подорвать российскую пропаганду».

Аннотация. Автор статьи представляет российскому читателю политический портрет одного из ключевых участников президентской гонки от Республиканской партии. Акцент на его религиозных убеждениях, базовых постулатах идеологии и технологическом сопровождении полемики и агитации дает возможность получить объективное представление не только о кампании 2016 года, но и политической реальности США в целом.

Ключевые слова: США, Республиканская партия, Израиль, религия, внешняя политика, выборы, агитация, идеология.

Vasily Vanchugov, Ph.D. in Philosophy; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, Site politconservatism.ru. E-mail: vanchugov@gmail.com

Marco Rubio: Neoconservative Image of American Dream

Abstract. This article gives a political portrait of one of the key members of the Republican Party, who took part in the race for the presidency. Focus on his religious beliefs, basic postulates of ideology, as well as the technological content of campaign gives us the opportunity to get an objective idea not only of the election campaign in 2016, but the US political reality as a whole.

Keywords: US Republican Party, Israel, Religion, Foreign Policy, Elections, Propaganda, Ideology.

Бен Карсон: триумф черного консерватизма

До президентских выборов достаточно долго, но кампания-2016 уже объявлена самой непредсказуемой за последние трудно сказать сколько лет. Не в последнюю очередь из-за успеха «республиканских аутсайдеров», то есть кандидатов от Республиканской партии, ранее бывших далеко от профессиональной политики. Хотелось бы обратить внимание на Бена Карсона, который осенью 2015 года шел недалеко от лидера опросов, республиканца-миллиардера Дональда Трампа. Согласно другим опросам, именно Карсон имеет наилучшие шансы в очном поединке с фавориткой Демократической партии Хиллари Клинтон.

Карсон – чернокожий. Благодаря усилиям мейнстримных (то есть ориентированных прежде всего на либеральных демократов) СМИ создан образ республиканцев, прежде всего консервативных, как компании расистов. В действительности республиканцы как раз куда более ориентированы на права чернокожих, чем демократы. Напомню, что именно первый республиканский президент Авраам Линкольн освободил рабов. Республиканцы в Конгрессе проводили поправки, нацеленные на расширение прав освобожденных (чему демократы препятствовали). Республиканские президенты Уоррен Гардинг и Кэлвин Кулидж предпринимали усилия по борьбе с Ку-клукс-кланом и дискриминацией. Дуайт Эйзенхауэр провел ряд мер по отмене сегрегации. Ричард Никсон вообще был почетным членом Ассоциации по продвижению цветного населения. Да, знаменитый Акт о гражданских правах принимался при демократическом президенте Линдоне Джонсоне, но большинством республиканских голосов. И, по признанию самого Джонсона, без помощи лидера сенатских республиканцев Эверетта Дирксена у него мало что получилось бы. Еще один республиканский экс-президент, Герберт Гувер, видел здесь проблему еще со времен ФДР: «Пусть Рузвельт много говорит о правах негров, но южные демократы продолжают голосовать за него. И это легко объяснить – таким образом они сохраняют свое представительство в правительственных органах и продолжают контролировать черное население».

Со временем демократы превратили проблему равных прав для черных в проблему прав особых (философ Гарри В. Джаффа прямо указывал – современные сторонники особых прав для меньшинств есть продолжение сторонников особых прав для рабовладельцев в XIX веке... и те, и другие демократы, кстати [5, р. 530]). И завладели голосами афроамериканцев уже не только на Юге.

Умелые манипуляции в сотрудничестве с «черными лидерами» вроде Джесси Джексона превратили чернокожее население в почти монолитный и поддерживающий демократов блок. И любой чернокожий, кто осмеливается выйти за пределы определенных либеральными демократами и «чёрными лидерами» границ, объявляется предателем.

Впрочем, не будем снимать ответственность и с консервативных республиканцев. В своем отрицании правительственного вмешательства и при сильном влиянии «южных консерваторов» деятели нашедшего себе пристанище именно в Республиканской партии консервативного движения перестарались и отчасти отпугнули чернокожих избирателей своей критикой расовой интеграции «сверху». Со временем нужные выводы были сделаны, и основатель консервативного движения Уильям Ф. Бакли-мл. даже предлагал чернокожего президента в 1980-х (кстати, при консервативном республиканце Рональде Рейгане уровень жизни чернокожих сильно вырос). И вот реальный шанс – доктор Карсон.

Нет, Карсон никак не первый чернокожий представитель консервативного крыла Республиканской партии. Сами черные консерваторы указывают на выдающегося активиста-аболициониста Фредерика Дугласа как на основателя черной консервативной идеи («Черным не нужны жалость, сочувствие и благотворительность, только справедливость»). Если переместиться во времена становления современного консерватизма, то среди лидеров влиятельной молодежной организации «Молодые американцы за свободу» мы увидим такого чернокожего активиста, как Джей Паркер.

Дальше – больше. Разочарование в правозащитном движении (сделавшем целью не равные, но те самые особые права) и либеральных программах 1960-х (сделавших чернокожих зависимыми от правительственной помощи) только способствовало развитию черного консерватизма. И чернокожие консерваторы приобретали всё больший вес в обществе. Философ и экономист Томас Соуэлл уже многие десятилетия остается едва ли не самым влиятельным автором правого крыла в Америке. Юриста Кларенса Томаса (ученика и последователя Джаффы, Паркера и Соуэлла) по праву называют наиболее консервативным членом Верховного суда. Популярный праволибертарианский ведущий Лэрри Элдер удостоен звезды на голливудской Аллее славы. А есть еще сатирики Кевин Джексон и Альфонзо Рейчел, публицистки Стар Паркер, Денин Борелли или Анджела Макглоуэн, наконец, сенатор Тим Скотт и конгрессвумен Мия Лав. И на выборах в 2012 году чернокожий бизнесмен-республиканец Герман Кейн был не последним участником, пока раздутый прессой сексуальный скандал не выдал его из гонки.

Но вернемся к Карсону. Его биография – типичная американская история успеха, пример для многих, кому не повезло родиться в успешной и богатой семье. Бенджамин Соломон Карсон родился в Детройте в 1951 году. Детство проходило в не самых благоприятных условиях (как говорит сам Карсон, «в нашем районе было полно банд... Я помню, как убили самого популярного наркоторговца»¹). С учебой тоже не все ладилось. Биографы Карсона указывают на большую роль его матери: разведенная и не очень грамотная Соня Карсон делала все, чтобы сын получил должное образование («Моя мама работала на трех работах, лишь бы не попасть в зависимость от пособий... Будь она министром финансов, мы забыли бы о дефиците бюджета»²). Бен не подвел ее – постоянно работал над собой, добился поступления в Йельский, а потом и Мичиганский университет, а с 1977 года посвятил себя работе в балтиморском госпитале Джона Хопкинса.

¹ Ben Carson Presidential Campaign Announcement. May 4, 2015. URL: <http://www.c-span.org/video/?325722-1/dr-ben-carson-presidential-campaign-announcement>

² Ibid.

Нейрохирург Карсон стал героем Америки. И приобретенные в юности бойцовские качества помогали доктору. Только боец рискнул бы разделить сросшихся головами сиамских близнецов или оперировать мальчика-карлика с внутричерепным заболеванием вопреки рекомендациям страховой компании. Карсон стал пробовать себя и в писательстве, тоже успешно. Книги «Золотые руки» и «Одна нация» [1; 2] имели немалую популярность. Даже рак не смог ничего поделаться с доктором и отступил. И полученная Карсоном в 2008 году Президентская медаль свободы более чем заслуженна.

В 2013-м Карсон произвел оглушительный эффект своей речью на молитвенном завтраке в Белом доме. Доктор раскритиковал политкорректность, систему образования и, естественно, реформу здравоохранения имени Барака Обамы (критика этой реформы стала постоянной темой в выступлениях и книгах Карсона): «Одним из принципов основания нашей страны была свобода слова и мысли. Политкорректность затыкает людям рты. Служит намордником. И не позволяет обсуждать важные проблемы во времена, когда меняется само общество. Нельзя поддаваться этому. Нужно обсуждать вещи, важные для развития страны... Вспомните Древний Рим. Он был очень силен. Никто не мог сразиться с ним. И что же случилось? Римляне уничтожили себя сами. Моральное разложение, фискальная безответственность. Если думаете, что в Америке такое невозможно, почитайте книги. Но знаете – мы всё можем исправить...» [2, р. xi-xxv].

После той речи Карсон стал любимцем консервативных СМИ. Ветеран правой прессы Р. Эмметт Тайрелл: «Бен Карсон – американский герой» [3]. Популярнейший правый сатирик Грег Гатфелд: «Бен Карсон – черный доктор-консерватор, который бесит левых тем, что он черный доктор-консерватор. Он говорит спокойно, но веско. Я бы симулировал припадок, лишь бы попасть к нему на прием» [4, р. 242].

Доктор стал и постоянным участником консервативных мероприятий. Прежде всего ежегодных конференций СПАС (Conservative Political Action Conference). Его речи на конференциях 2013, 2014 и 2015 годов разошлись на цитаты среди консервативных республиканцев. Несколько примеров: «Брак остается союзом между мужчиной и женщиной. У геев должны быть равные права, но никаких особых. Им точно не стоит переделывать определение брака». «Я скучаю по той медицине, что у нас была. Я точно не скучаю по той медицине, что у нас сегодня». «Мы живем в стране возможностей. Моя мама не принимала отговорки, а я всегда верил в Бога... Это Америка. Мы свободные люди». «Обамовская реформа здравоохранения – это правительственные ограничения и контроль. Все правительственные программы создаются для улучшения дел, но в результате делают ситуацию только хуже». «Необходимо признавать опасность исламского терроризма. Я бы позволил нашей армии уничтожить террористов. И не стал бы связывать им руки»¹.

В ставшей бестселлером книге Карсона «Единая нация» были сформулированы основы политической философии доктора. Да, консерватизм, но консерватизм, имеющий целью единение американцев разных мировоззрений. Карсон неоднократно подчеркивает свой патриотизм: «Нет сомнения, что США, как и любая нация, ошибались. Но мы первая нация, которая обрела силу без жестокого порабощения других народов. Мы восстанавливали страны, разрушенные войнами, в которых мы участвовали, и отказывались от конфискации нефти, минералов и прочих сокровищ, которыми обладали побежденные нами. Я верю, что мы можем утверждать – мы самая благородная супердержава... В Америке мы гордимся нашей историей достижений и помощью миру в борьбе

¹ URL: <http://legalinsurrection.com/2014/03/ben-carson-speaks-at-cpac2014/>; URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7QqFn08h0gk>

с тиранией» [2, р. 39]. Как и положено консерватору, он восхищается Конституцией США («Конституция была написана для защиты прав граждан, а не прав правительства» [2, р. 172]), критикует социализм и объясняет преимущества капитализма («Социализм требует, чтобы каждый член общества обеспечивался правительственными структурами всем необходимым. Однако постоянно растущие расходы приводят к тому, что граждане попадают в зависимость от правительственного долга. Предлагает ли капитализм лучший выход? Да, если соблюдены правила личной ответственности и сострадания... Капитализм точно не должен означать “каждый за себя”, но позволять каждому человеку свободно зарабатывать и свободно делиться с ближним» [2, р. 154]).

Карсон недобрым словом поминает реформу здравоохранения: «Я назвал Обамакер худшим явлением в нашей стране со времен рабства. Я имел в виду, что американцы отдают под правительственный контроль самое ценное – свое здоровье... Как только мы отдаем правительству такую власть, наивно верить, будто оно остановится в стремлении полностью контролировать нашу жизнь» [2, р. 12–13]. И акцентирует внимание на традиции черного консерватизма: «Такие лидеры, как Букер Т. Вашингтон, Джордж Вашингтон Карвер и Мартин Лютер Кинг, были сторонниками независимости и опоры на собственные силы» [2, р. 30].

В речи, в которой Карсон объявил о своем участии в выборах, он выделил ключевые для себя моменты: «Мы вышли за пределы Конституции... Политический класс хочет укрепить свою власть над людьми. Поэтому людям пора вернуть правительство себе... Америка остается местом воплощения мечтаний. Всегда есть те, кто поучает, будто у нас все плохо. Но вы заметили? Сюда стремятся попасть многие, а вот отсюда не особенно пытаются сбежать... Я не политик. Я не хочу быть политиком. Политики делают то, что выгодно. Я хочу делать то, что правильно... Мы переделаем правительство в хорошо управляемый бизнес»¹.

Основные пункты его предвыборной программы следующие. Начинаящий политик выступает против абортс («Как хирург, я оперировал младенцев до рождения. Уверяю, они живые»²), предлагает поправку к Конституции о сбалансированном бюджете, критикует федеральные стандарты образования («Система образования должна управляться заинтересованными родителями и учителями; все попытки контроля со стороны безликих федеральных бюрократов необходимо пресекать»). Он за сохранение тюрьмы Гуантанамо, отказ от обамовской реформы здравоохранения («больше свободы и меньше правительства в нашей системе здравоохранения будут означать низкие цены, большую доступность и непрерывные инновации»), уважение к религиозной традиции («США были основаны на иудео-христианских ценностях. Мы можем и должны гордиться этим фактом. Ценности хорошо служили нам эти двести лет»), за способность говорить с Россией с позиции силы («Президент Путин должен понимать, что в случае агрессивных действий России его будут ждать серьезные последствия»). Карсон признает право на ношение оружие («Я не стану поддерживать попытки ослабить Вторую поправку»), считает необходимой безоговорочную поддержку Израиля («Израиль – наш единственный демократический союзник на Ближнем Востоке. Он окружен странами, мечтающими уничтожить Израиль. Мы не должны давать врагам ни малейшей надежды на ослабление твердой позиции по помощи Израилю. Мы должны быть рядом с Израилем и его народом») и реформу налоговой системы в сторону упрощения.

¹ Ben Carson Presidential Campaign Announcement. May 4, 2015. URL: <http://www.c-span.org/video/?325722-1/dr-ben-carson-presidential-campaign-announcement>

² Здесь и далее предвыборная программа Бена Карсона цитируется по: URL: <https://www.bencarson.com/issues>

Все основные идеи консервативного движения в программе представлены. Больше вопросов вызывает способность не слишком опытного политика Карсона вести дебаты, но здесь выручает природное обаяние. Да и ряд поданных как скандальные высказываний Карсона в общем и целом подтверждается фактами. Например, когда кандидат заявил, что президентом США не должен быть мусульманин, то на него обрушилась та самая «полиция политкорректности», но ряд экспертов по вопросам ислама (Диана Уэст, Эндрю Маккарти) доказывают – шариат и американская Конституция несовместимы.

Почти за год до выборов трудно делать прогнозы. Но вне зависимости от того, что произойдет в ноябре 2016 года, можно утверждать: доктор Бен Карсон стал звездой президентской кампании, а черный консерватизм продолжает утверждаться в Республиканской партии как сила, с которой придется считаться демократам.

Литература

1. *Carson, Ben; Murphey, Cecil; Carson, Candy.* Gifted Hands: The Ben Carson Story. Zondervan, 1992. URL: <http://www.creators.com/opinion/r-emmett-tyrrell/for-ben-carsons-mom-a-presidential-medal-of-freedom.html>
2. *Carson, Ben; Carson, Candy.* One Nation: What We Can All Do to Save America's Future. Sentinel, 2014.
3. *Emmett Tyrrell Jr., R.* For Ben Carson's Mom, a Presidential Medal of Freedom.
4. *Gutfeld, Greg.* Not Cool: The Hipster Elite and Their War on You. New York: Crown Forum. 2014.
5. *Jaffa, Harry V.* A New Birth of Freedom. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2000.

Аннотация. Статья представляет собой краткий очерк политической биографии Бена Карсона – одного из претендентов от Республиканской партии на пост президента США в 2016 году. В тексте отмечается, что образ Республиканской партии как «партии расистов», не заботящейся о правах меньшинств в США, был создан медиа и не соответствует реальному положению дел в американской политической жизни. Автор кратко рассказывает, как демократы превратили проблему прав чернокожих в проблему «особых прав» и сделали это ключевым элементом своей программы. На самом же деле республиканцы во многом более ориентированы на поддержку чернокожего населения, нежели демократы. Доказательством тому служат взгляды и деятельность Бена Карсона – чернокожего республиканца и консерватора. В статье особо отмечается, что успешный нейрохирург, а ныне популярный политик Бен Карсон продолжает уже сложившуюся традицию «черного консерватизма». Автор кратко описывает «поле» американских чернокожих консерваторов и, опираясь на мнение многих аналитиков, заключает, что Карсон как представитель традиции черного консерватизма имеет хорошие шансы пройти в финал избирательной гонки. Подробно в тексте рассматриваются взгляды Бена Карсона (во многом высказанные в его книге 2014 года «Единая нация») на ключевые социальные, экономические и политические проблемы Соединенных Штатов – взгляды, которые полностью соответствуют современной повестке дня правого движения. Например, Карсон выступает против аборт, против реформы здравоохранения Барака Обамы, за право на оружие, за сбалансированный бюджет, за поддержку Израиля, а также за сохранение тюрьмы в Гуантанамо.

Ключевые слова: новый консерватизм, черный консерватизм, Республиканская партия, президентская избирательная кампания-2016, Бен Карсон, Барак Обама.

Ivan Denisov, Americanologist, the author of many publications on American conservatism. E-mail: ivan_denisov@inbox.ru

Ben Carson: the Triumph of Black Conservatism

Abstract. The paper focuses on Ben Carson, Republican presidential hopeful, and his political biography. Also the piece attacks the conventional wisdom of GOP as «racist party» which neglects minorities and their struggles. According to the author, this image was created by liberal media and is very far from reality. Author gives historical proof that Democratic Party turned the problem of equal rights into the problem of special rights and made this point the key one in their political programs. In truth, Republicans care much more about black community than Democrats. Best example – Ben Carson, black conservative Republican. The paper also points out that successful neurosurgeon Carson having moved into politics continues traditions of «black conservatism». Author gives brief description of the main currents of black conservatism and makes a conclusion that Carson has good chances to win Republican nomination. The article describes Carson's political and socio-economical views (based on his best-selling book «One Nation», 2014) – views that fully correspond with contemporary conservative agenda. For example, Carson is against abortions, against Obamacare, supports gun rights, balanced budget and Israel, against closing down Guantanamo etc.

Keywords: New Conservatism, Black Conservatism, Republican Party, Elections-2016, Barack Obama, Ben Carson.

Тед Круз: возрождая «американскую мечту»

На первый взгляд образ Теда Круза резко контрастирует с медийным имиджем классического американского консерватора: сорокачетырёхлетний сын кубинского эмигранта и американки, прекрасный оратор, получивший блестящее образование в университете Принстона и Гарвардской школе права и первым вступивший в президентскую гонку, был назван авторитетным “National Review” «большой рейгановской надеждой» [4].

Успех политической карьеры сенатора во многом связан с его работой в избирательном штабе и администрации президента Дж. Буша-мл. в начале 2000-х годов, когда в качестве советника по внутренней политике Круз консультировал будущего президента по широкому кругу вопросов, связанных с гражданским и уголовным судопроизводством, конституционным правом, иммиграционной политикой и реформированием правительства. После того как президент Буш вступил в должность, Круз был назначен заместителем генерального прокурора в Департаменте юстиции США, а в 2003 году – генеральным солиситором штата Техас.

Позднее, в 2012 году, Рафаэль Эдвард Круз был избран 34-м сенатором США от штата Техас (первый латиноамериканец в этом качестве). Страстный борец за ограниченное правительство, снижение уровня налогов, экономический рост и соблюдение Конституции, Круз одержал решительную победу над Д. Дьюхерстом и П. Сэндлером в ходе республиканских предварительных и всеобщих выборов, несмотря на то что никогда прежде не избирался на столь высокий государственный пост¹.

Будучи одним из многих кандидатов от Республиканской партии США на предстоящих президентских выборах, сенатор Круз является приверженцем идей либертарного консерватизма и обеспечен поддержкой лидеров Движения Чаепития – Рона и Рэнда Пола, Сары Пэйлин.

Круз характеризует свое мировоззрение как «консерватизм возможностей» [2]. Приводя аргументы в пользу традиционных республиканских принципов экономической и социальной политики, сенатор утверждает, что республиканская экономическая программа неверно преподносится СМИ и должна быть объявлена попыткой представить всех равными.

Одним из наиболее ярких эпизодов политической карьеры Теда Круза является открытая критика реформы здравоохранения, инициированной дей-

¹ Ted Cruz: Presidential Candidate Profile // Conservative View. May 3, 2015. URL: <https://www.conservativereview.com/2016-presidential-candidates/candidates/ted-cru>

Перепёлкина Маргарита Владимировна, аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: m.perepolckina@yandex.ru

ствующим президентом Б. Обамой в 2009 году. Следует сказать, что практически все консерваторы выступают против данной реформы, но только Круз отличился своей бескомпромиссной тактикой [3]. Более чем двадцатичасовое выступление в Сенате – попытка отменить реформу путем внесения поправки к законопроекту – не увенчалось успехом, и противоречия между республиканцами и демократами привели в октябре 2013 года к шестнадцатидневной приостановке деятельности американского правительства.

После знаменитой речи Круза глава одного из консервативных объединений Крис Чокола заключил: «Американцы должны стоя благодарить сенатора Теда Круза за его принципиальную борьбу за отмену реформы здравоохранения Б. Обамы. Вашингтонская элита всё отрицает, но фактически реформа – это катастрофа, одна из самых больших нападков на индивидуальную свободу в истории, она душит экономический рост, потому и не работает»¹.

В рамках настоящей предвыборной кампании сенатор Круз отмечает, что в случае его избрания президентом США будет принят новый закон, который позволит простым американцам получать страховку по доступной цене².

Тед Круз чрезвычайно консервативен в большинстве социальных вопросов. Решительно выступая против однополых браков во время нынешней кампании, будущий сенатор и в 2012 году успешно защищал традиционный брак как союз между одним мужчиной и одной женщиной и отстаивал невинную человеческую жизнь, активно пропагандируя запрет абортов.

Не менее известен факт, что Тед Круз является ярким противником контроля над огнестрельным оружием. Так, в 2013 году он объяснил свою позицию конституционным правом каждого гражданина на хранение и ношение оружия, хотя и после прохождения процедур тестирования и создания национального реестра огнестрельного оружия. К слову, даже супруга сенатора владеет пистолетом.

В экономическом плане, как и большинство консерваторов-республиканцев, Круз зарекомендовал себя сторонником снижения налогового бремени как для предпринимателей, так и для физических лиц. «Я убежден, – говорит Круз, – что смелые консерваторы объединятся и смогут привести нас к свободным рыночным принципам и конституционным свободам, на которых была основана эта страна»³.

Большинство споров и критики вызывает видение иммиграционной политики сенатора, который поддерживает идею ее полного реформирования. В последнее время в связи с событиями в Сирии и терактами в Париже сенатор Круз предлагает ужесточить процедуру въезда беженцев из стран Африки и Ближнего Востока на территорию Соединенных Штатов.

Среди представителей Великой старой партии ведутся ожесточенные споры о том, каким должен быть внешнеполитический курс США в современном мире, а действующий президент Б. Обама зачастую обвиняется в большей преданности ИГИЛ, нежели американскому народу. Сенатор Круз занимает некую срединную позицию – между изоляционизмом Рэнда Пола и неоконсерватизмом Дж. Маккейна, – оставаясь приверженцем классического консерватизма Р. Рейгана. В целом это подразумевает достаточно жесткую внешнеполитическую линию, с одной стороны, и сдержанность в использовании собственной военной силы за рубежом, с другой.

¹ Ted Cruz: Presidential Candidate Profile // Conservative View. May 3, 2015. URL: <https://www.conservativereview.com/2016-presidential-candidates/candidates/ted-cruz>

² Ibid.

³ Ted Cruz: “Courageous Conservatives” Can “Reignite the Promise of America” // Breitbart, 22 March, 2015. URL: <http://www.breitbart.com/big-government/2015/03/22/ted-cruz-courageous-conservatives-can-reignite-the-promise-of-america/>

Тем не менее по отдельным актуальным вопросам современных международных отношений Круз высказывается максимально жестко, вполне в «ястребином» духе. Так, например, он обрушил критику на президента Б. Обаму за его неспособность «ответить» должным образом президенту России Владимиру Путину во время событий на Украине, сравнивая президента США с «котенком», который «столкнулся с русским медведем»¹.

Тед Круз считает, что американская внешняя политика должна определяться, исходя из жизненно важных интересов и национальной безопасности американского народа². Одним из самых важных вопросов политической гонки 2016 года является восстановление американского лидерства в мире, которое, к сожалению, поддерживается немногими. Миру нужна Америка. Америка, которая будет другой, чем при президенте Б. Обаме.

По сравнению со своими коллегами по партии Тед Круз является сильнейшим сторонником государства Израиль. Сенатор признает право Израиля на самооборону, что является огромным фактором для американской внешней политики. По мнению Круза, Израиль необходим Америке в качестве истинного союзника на Ближнем Востоке [5]. Израиль разделяет те же демократические ценности. Военная помощь, которую Америка предоставляет Израилю, становится огромным преимуществом в обеспечении национальной безопасности³.

Известный спортивный комментатор, экономист и блоггер Нейт Сильвер периодически публикует аналитику и статистические данные относительно исхода президентских выборов в США. В 2008 году его модель прогнозов «538» оказалась весьма точной – он правильно предсказал кандидата-победителя в 49 из 50 штатов, а также результат выборов в Сенат – 35 из 35. На выборах 2012 года Сильвер предсказал победителя во всех 50 штатах и в округе Колумбия [1]. Модель прогнозирования результатов выборов «538», в частности, измеряет идеологию кандидатов, используя всевозможные данные по идеологическим позициям, экономической состоятельности и количеству голосов в Конгрессе. В соответствии с этой моделью Тед Круз является более консервативным, чем любой другой современный кандидат в президенты от республиканцев. В связи с чем реальных шансов на победу у него не так много, особенно если учитывать, что в ходе нескольких последних избирательных циклов избиратели-республиканцы выдвинули и более умеренных кандидатов. Республиканцы действительно хотят победить Х. Клинтон, так что самое интересное – баланс идеологии и шансов на избрание – еще предстоит увидеть.

Техасский сенатор Тед Круз вызывает почти идеалистическое представление о том, что значит быть консерватором [3]. Хотя по ряду экономических, государственных и социальных проблем он правее своих соперников и надеется убедить консервативных активистов, не только поддерживая правильную политику, но и готовностью бороться за свои принципы. Эмоциональная связь с потенциальными избирателями может стать причиной успеха его избирательной кампании, поскольку большинство простых американцев действительно верят ему. Сенатора Круза вряд ли можно назвать умеренным консерватором, скорее наоборот. Но хотя он и является сторонником жесткой политической линии, его

¹ Сенатор Тед Круз: Обама – это котенок, который столкнулся с русским медведем. URL: http://oane.ws/2014/08/31/senator_ted_kruz_obama_eto_kotenok_kotoryy_stolknulsya_s_russkim_medvedem.html

² Glick C. Ted Cruz: A Fresh Approach to American Foreign Policy and U.S.-Israel Relations // The Jerusalem Post. October 23, 2015. URL: <http://www.jpost.com/Israel-News/Politics-And-Diplomacy/Ted-Cruz-A-fresh-approach-to-American-foreign-policy-and-US-Israel-relations-429752>

³ Ibid.

взгляды на современную мирополитическую ситуацию достаточно осторожны, в то время как основные цели и приоритеты обращены исключительно к внутренним проблемам.

Обладая харизмой и президентскими амбициями, Тед Круз вскоре может стать лицом Республиканской партии США. Тем не менее собрать вокруг себя электорат сенатору, да и всем кандидатам от Великой Старой партии, под силу только благодаря реальным действиям в интересах американского народа, а не «благими делами» и звучной фамилией.

Литература

1. *Enten H.* Ted Cruz. Ted Cruz? Ted Cruz! // FiveThirtyEight. October 16, 2015. URL: <http://fivethirtyeight.com/features/ted-cruz-ted-cruz-ted-cruz/>
2. *Freed D.* Ted Cruz: New Messenger // Harvard Political Review. January 27, 2013. URL: <http://harvardpolitics.com/united-states/ted-cruz-new-messenger/>
3. *Gillman T.J.* Ted Cruz left with few friends after Obamacare fight fails, government shutdown ends, debt limit rises. 17.10.2113 // The Dallas Morning News. October 16, 2013. URL: <http://www.dallasnews.com/news/politics/headlines/20131016-ted-cruz-left-with-few-friends-after-leading-failed-obamacare-fight.ece>
4. *Nordlinger J.* A Great Reaganite Hope, &c. // National Review. May 12, 2009. URL: <http://www.nationalreview.com/article/227482/great-reaganite-hope-c-jay-nordlinger>
5. *Weissman D.* Ted Cruz – Best Choice for America, Best Choice for Israel // The Conservative Underground, September 30, 2015. URL: <http://www.the-conservative-underground.com/ted-cruz-best-choice-for-america-best-choice-for-israel>

Аннотация. Статья посвящена анализу политического и идеологического базиса кандидата-республиканца Т. Круза и его позиций по актуальным вопросам современной внешней политики США. На основе математической модели прогнозирования результатов выборов «538» автором оценена перспектива победы сенатора на предстоящих президентских выборах.

Ключевые слова: выборы президента США, Т. Круз, консерваторы, Республиканская партия, Движение Чаепития.

Margarita V. Perepyolkina, Post-graduate, Sociology of International Relations Department, Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: m.perepyolckina@yandex.ru

Ted Cruz: Reviving the American Dream

Abstract. This article is devoted to the analysis of political and ideological basis of the Republican Party candidate T. Cruz and his views regarding topical issues of the USA foreign policy. Using the mathematical model of forecasting elections results “538”, the author estimated the possibility for the senator to win the upcoming presidential elections.

Keywords: the US Presidential Elections, T. Cruz, Conservatives, Republican Party, Tea Party Movement.

Джон Кейсик: умеренный и упорный

Губернатор штата Огайо Джон Кейсик до самого начала праймериз в январе 2016 года, пожалуй, мог быть назван самым незаметным и малоизвестным участником президентской гонки в Республиканской партии. Он сравнительно поздно сообщил о своем желании участвовать в праймериз, не был особенно заметен в дебатах и явно уступал в плане интереса со стороны медиа не только представителям знаменитых фамилий Джебу Бушу и Рэнду Полу, но даже губернатору штата Висконсин Скотту Уокеру. Поэтому когда Кейсик неожиданно занял второе место в праймериз в маленьком северном штате Нью-Гэмпшир, это выглядело чуть ли не сенсацией, которая потребовала какого-то рационального объяснения. Успех Кейсика тут же был приписан электоральной тактике его штаба: агитации «от двери к двери» и многочисленным личным встречам кандидата с избирателями в каждом из населенных пунктов штата. Благо Нью-Гэмпшир – небольшой, его можно было объехать за сравнительно короткое время¹.

Между тем, объяснением заслуживало скорее то обстоятельство, что человек с таким послужным списком и с таким политическим опытом, как Кейсик, не стал сразу же фаворитом республиканских праймериз. Пожалуй, никто из потенциальных номинантов не имел столь долгой и столь успешной политической карьеры. Этот человек привлек внимание прессы еще в далеком 1970 году, когда он, восемнадцатилетний студент университета штата Огайо, решил написать письмо президенту Ричарду Никсону, в котором, выразив восхищение его политической деятельностью, тем не менее от имени группы студентов изложил свои представления о будущем и попросил Никсона о личной встрече². В 1970-м Никсон не часто находил одобрение в студенческой среде, и потому он решил выполнить просьбу молодого студента и встретиться с ним в Овальном кабинете Белого дома. Их дружеское рукопожатие, завершившее двадцатиминутную встречу, попало на страницы газет и стало одним из элементов пропагандистской кампании президента, – оно свидетельствовало, что далеко не вся американская молодежь протестует против войны во Вьетнаме и бомбардировок Камбоджи. Кейсик пообещал Никсону победу на будущих пере выборах и не ошибся: Никсон выиграл в 49 штатах, завоевав симпатии примерно 60% избирателей.

¹ Kasich as he campaigns in New Hampshire // Новости России. 2016. 4 февраля. URL: <http://news-russia.info/2016/02/04/kasich-as-he-campaigns-in-new-hampshire>

² Kasich J. Letter to Richard Nixon [Dec. 2, 1970] // Dayton Daily News. URL: <http://m.daytondailynews.com/documents/2015/may/08/letter-nixon-and-schedule/>

Межуев Борис Вадимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета сайта «Русская idea». E-mail: borismezhuev@yandex.ru

Таким образом, молодой студент из Огайо стал одним из символов того самого «молчаливого большинства», которое отвернулось от крикливых пацифистов и завязнувших в наркотиках и рок-н-ролле «детей цветов», чтобы проголосовать за ненавидимого истеблишментом Восточного побережья Никсона. Пришедшая так рано к Кейсику известность оказалась подкреплена его последующей весьма успешной политической карьерой. После окончания университета он некоторое время работал в юридической фирме, пока в 1978 году не был избран в верхнюю палату штата Огайо, став самым молодым сенатором этого штата за всю его историю.

Наиболее крупный успех в политической карьере ждал Кейсика уже в Палате представителей Конгресса США, куда он был избран в 1983 году. Семь лет он проработал в комиссии Палаты по делам вооруженных сил, где снискал известность как непримиримый борец против различных лоббистских групп. Вообще Кейсик мог быть причислен к тем, кого в Америке называют «бюджетными ястребами», – консервативно настроенным политикам, для которых высшим приоритетом является бездефицитный бюджет. А не снижение налогов, приоритетное для так называемых фискальных консерваторов, к коим можно отнести сторонников распространенной в эпоху Рейгана теории стимулирования предложения (supply-side economy). Эти последние подвергли сомнению приоритет бездефицитного бюджета, поскольку он не соответствовал фундаментальным – в первую очередь оборонным – задачам Америки; они пришли к убеждению, что снижение налогообложения позволит стимулировать экономический рост и тем самым решить бюджетную проблему без снижения существенных затрат. В итоге, однако, после рейгановского снижения налогов бюджет страны стал пополняться за счет внешних заимствований.

Придя в 1995 году к руководству бюджетным комитетом Палаты представителей, Кейсик, опираясь на завоеванное республиканцами большинство и во взаимодействии с администрацией Клинтона, повел войну с дефицитом бюджета. И в 1997 году эта борьба увенчалась успехом – общими усилиями двух ветвей власти был сформирован первый за 28 лет бездефицитный бюджет страны. Кейсик, разумеется, посчитал это своей личной заслугой и совершенно обоснованно решил, что кому, как не ему, главному герою бюджетной революции в Палате, претендовать на лидерство в собственной партии, кому, как не ему, вести ее на выборы в 2000 году.

Как и полагается кандидату в президенты, Кейсик накануне избирательной кампании, выпустил книгу своих политических мемуаров, посвященных его борьбе за бездефицитный бюджет, под названием “Courage is Contagious”, что можно перевести как «Отвага заразительна». У книги был весьма характерный подзаголовок: “Ordinary People Doing Extraordinary Things to Change the Face of America” – то есть «Обыкновенные люди, делающие экстраординарные вещи, чтобы изменить лицо Америки». Подтекст был очевиден – Кейсик говорил о том, что он, простой человек из большинства, пришел в Конгресс и сделал невозможное – подарил Америке профицит бюджета. Чем не сюжет для мыльной оперы и, соответственно, чем не красивая сказка, так необходимая избирателю.

И вот тут мы сталкиваемся с первой загадкой в судьбе Кейсика. Довольно быстро выяснилось, что его история, причем вполне реальная, совершенно не привлекла финансовых спонсоров. Кейсик просто не смог найти достаточного количества средств для своей избирательной кампании, а бороться ему предстояло не больше не меньше, как с губернатором Техаса Джорджем Бушем, человеком, для которого деньги не проблема. Кейсик вышел из президентской гонки еще в 1999 году, до начала праймериз. Возможно, его неуспех объяснялся и другими обстоятельствами. Для того исторического момента, когда на электоральном поле боролись представители больших политических династий

(Буш против Гора), Кейсик все-таки был слишком человеком из народа. Он – сын простого почтальона из штата Пенсильвания, к тому же не англо-саксонского происхождения: его отец – чех, мать – хорватка. Он и в самом деле похож на человека из глубинки, но скорее какой-то восточноевропейской, а не типично американской.

Впрочем, намного более важным обстоятельством представляется тот факт, что помимо недолго просидевшего в Белом доме Джеймса Абрама Гарфильда, убитого анархистом в 1881 году, президентом США никогда не становился действующий член Палаты представителей. Конгрессмен – фигура, видимо, слишком ассоциирующаяся со своей партией и, главное, со своим штатом, чтобы привлечь симпатии избирателей всей страны. Вероятно, именно по этой причине Кейсик не просто отказался от номинации, а после неудачи с выборами вообще ушел немного в тень. Что выглядело несколько парадоксально: нынешнего спикера Палаты представителей Конгресса и автора бюджетной программы республиканцев Пола Райана следовало бы называть современным Джоном Кейсиком. Однако пресса, сопоставляя двух политиков, предпочитает именно последнего именовать «Полом Райаном 1990-х». Причина в том, что на Кейсика никто, по существу, никогда не делал ставку как на самостоятельного политика: он всегда оставался «простым человеком из молчаливого большинства», заслуживающим уважения, признания, но и только.

Опять же, подчеркну: 1990-е – эпоха соперничества больших политических кланов, сын почтальона явно не нашел в них своего места. Его покровитель, спикер Палаты представителей Ньют Гингрич, впервые за сорок с лишним лет завоевавший для республиканцев нижнюю палату Конгресса, пошел на союз с набиравшими силу неоконсерваторами, а Кейсик предпочитал держаться «умеренных» взглядов. Эта умеренность проявилась в его голосованиях по внешнеполитическим вопросам: Кейсик выступал против отправки морских пехотинцев в Ливан в 1983 году и против бомбардировок боснийских сербов в 1995-м. Судя по всему, к неоконсерваторам и либертарианцам, будущим членам Чайной партии, его не тянуло, и радикализация Республиканской партии и по экономическим, и по внешнеполитическим вопросам была ему чужда. Он как конгрессмен поддержал импичмент Клинтона, но согласился с приостановкой Сенатом процесса отрешения президента от должности. Сам себя он стал называть «сострадавательным консерватором» (*compassionate conservative*), то есть правым по своим экономическим воззрениям политиком, но с некоторым особым подходом к особо нуждающимся группам населения, например, ветеранам или инвалидам.

В 2001 году Кейсик покинул Конгресс и в дальнейшем как будто сошел с политической сцены: он вел свою передачу «Сердце страны с Джоном Кейсиком» на консервативном телеканале Fox News, работал в инвестиционной компании Lemay Brothers, выпустил в свет еще две книги воспоминаний [1; 2]. Последняя из них, вышедшая в 2010 году под названием «Каждый второй понедельник: двадцать лет жизни, трапезы, веры и дружбы», посвящена трагическим обстоятельствам жизни автора, которые в зрелые годы привели его к вере. Кейсик родился католиком и одно время даже думал о карьере священника, однако его остановило нежелание принимать целибат. Кейсик оставил церковь и, по его словам, вообще отошел от веры. В 1987 году по вине пьяного водителя в автомобильной катастрофе погибли его родители. Страшная трагедия заставила политика вновь обратиться к Богу. В католическую церковь он, однако, не вернулся и поначалу заменял посещение храма регулярным чтением Библии в тесном кругу единомышленников. Вскоре Кейсик стал прихожанином Епископальной церкви, повторив религиозный путь своих родителей – из католиков в англикане. Религиозное обращение повлекло за собой переход на очень кон-

сервативные позиции по ряду социальных вопросов – в частности, по вопросу об абортах.

В 2010 году он решил выставить свою кандидатуру на губернаторских выборах в Огайо. Здесь Кейсика ждала удача. Ему удалось заручиться поддержкой Чайной партии и вырвать победу с преимуществом в два процента у действующего губернатора Тэда Стрикленда. В 2014 году Кейсик смог легко, с большим преимуществом переизбраться, получив на выборах 63,8% голосов.

Очевидно, что на сегодня Кейсик – один из самых популярных губернаторов-республиканцев, причем руководящий критически важным для партии штатом, победа в котором – так уж сложилось – неременное условие для победы на президентских выборах. Если республиканцы не побеждают в Огайо, они не проходят в Белый дом. Не случайно в 2016 году Республиканский национальный комитет решил именно в этом штате провести свой съезд, на котором будет решено, кто пойдет от партии на выборы в ноябре.

Итак, послушной список Кейсика таков, что именно на него и, пожалуй, ни на кого другого следовало бы делать ставку партийному истеблишменту. Ветеран партии, творец бездефицитного бюджета, успешный губернатор, верующий христианин, переживший новое обращение во взрослом возрасте; наконец, судя по всему, что о нем известно, лично порядочный и симпатичный человек, не рвач и не карьерист. Конечно, такие люди всегда уступают напору рвущихся к власти честолюбцев.

Однако есть уязвимая черта и у самого Кейсика. Она проявилась и на этих праймериз, которые губернатор Огайо выдержал до конца. Это – отсутствие ясной последовательной линии, некоторой идеологической жесткости. Кейсик – человек, несомненно, правых убеждений и «бюджетный ястреб». Но это не помешало ему способствовать продвижению в своем штате введенной Обамой программы медицинского обеспечения для инвалидов и ветеранов, что вызвало явное недовольство «чайников». «Чайные» консерваторы признали Кейсика слишком колеблющимся в вопросах налогообложения и не решились сделать на него ставку. С другой стороны, фаворитом республиканского истеблишмента снова стал Буш, на этот раз Джеб, бывший губернатор штата Флорида.

Неоконсерваторы тоже не считали Кейсика полностью своим: конечно, он высказывал много раз свои симпатии к Израилю, а в период предвыборной кампании запомнился в основном предложением «дать Путину по носу» и в этих целях начать поставки Украине вооружений. Однако когда Кейсика спросили, кто из бывших государственных секретарей ему больше всего нравится, он назвал имя Джеймса Бейкера – того самого человека, который в период правления старшего Буша жестко принуждал Израиль к мирным переговорам с палестинцами и тем самым заслужил ненависть всего неоконсервативного лагеря [3]. Однако и реалисты не увидели в Кейсике своего единомышленника, именно по причине совершенно не нужной агрессивности по отношению к России, которую губернатор Огайо проявил в ходе дебатов.

Кейсик оказался своего рода воплощением «умеренности» в момент идеологической поляризации в Республиканской партии. Поэтому он был сразу заслонен такими фигурами, как Тед Круз, Марко Рубио и Рэнд Пол, каждый из которых выражал собой какое-то определенное идеологическое течение внутри американского консерватизма. Однако и в тот момент, когда обнаружилось, что данная идеологизация касается лишь небольшого сегмента электората партии, а преобладающая его часть чужда любой ортодоксии и тяготеет к центризму, Кейсик не смог извлечь из этого обстоятельства большие дивиденды. Поскольку такой центризм оказался выражен в лице Дональда Трампа в эксцентричной и экстравагантной, столь привлекательной для электората форме: Кейсик же не смог предложить избирателю ничего аналогичного пресловутой «стене» на

границе с Мексикой, торговой войне с Китаем или же нормализации отношений с Россией.

И тем не менее упорство Кейсика может принести ему в дальнейшем некоторый успех. Если Трамп будет выдвинут в кандидаты в президенты США и если он все же проиграет с большим отрывом Хиллари Клинтон, Республиканскую партию придется буквально собирать заново, по кирпичикам. Кто это сможет сделать? Едва ли старый истеблишмент, опозоривший себя неудачной ставкой на Джеба Буша, человека, оказавшегося явно не пригодным для предвыборных дебатов. Едва ли ситуацией смогут воспользоваться и ультраконсерваторы из Чайной партии – уже очевидно, насколько далекими от настроений избирателей оказались их лозунги. Наверное, будет востребована умеренность с человеческим лицом. И мне кажется, этим лицом вполне может стать Джон Кейсик – если не как кандидат на выборах 2020 года, то как сенатор или кандидат в вице-президенты. Партии после триумфального обвала на этих праймериз придется восстанавливать доверие к себе, освобождаясь от тех фигур, тех идей и тех течений, которые симпатичны богатым спонсорам, но чужды не столь богатым избирателям. Быть может, именно Джон Кейсик и выведет республиканцев из нынешнего тупика, объединив вокруг себя тех, кто не захочет ни перебежать к демократам, ни замыкаться в либертарианских догмах? Иными словами, быть может, Кейсику суждено будет стать Джеральдом Фордом XXI века, воплощением простоты и человечности после расчетливой хитрости и прагматизма? Но это может произойти только в будущем. Пока же на сцене американской политики идет «другая драма», и в ней Кейсик вновь не оказывается главным героем.

Литература

1. *Kasich J.* Early Other Monday: Twenty Years of Life, Lunch, Faith and Friendship. Atria Books, 2010.
2. *Kasich J.* Stand for Something: The Battle for America's Soul. Grand Central Publishing, 2006.
3. *McConnell S.* Why Kasich Flopped // The American Conservative, April 27, 2016. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/why-kasich-flopped>

Аннотация. Губернатор штата Огайо Джон Кейсик одним из последних политиков вышел из республиканских праймериз. До праймериз в штате Нью-Гэмпшир, на которых Кейсик занял второе место, он воспринимался как заведомый аутсайдер президентской гонки. Между тем, из всех участников республиканских праймериз он имел наиболее заслуженную политическую историю: еще молодым студентом Кейсик лично встречался с президентом Ричардом Никсоном, в 1995 году он в качестве конгрессмена был автором бездефицитного бюджета, наконец, он является одним из самых уважаемых губернаторов-республиканцев. Тем не менее Кейсик не принадлежит ни к одному влиятельному политическому клану и не является твердым приверженцем какой-то жесткой идеологической линии. Поэтому партийные элиты никогда не воспринимали его как серьезного претендента в президентской гонке, выбирая более удобные фигуры. Возможно, это была одна из многочисленных стратегических ошибок истеблишмента на этих праймериз.

Ключевые слова: Кейсик, «бюджетные ястребы», умеренные консерваторы, фискальные консерваторы, теория стимулирования предложения, сострадательный консерватизм.

Boris Mezhuев, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, History of Russian Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, Chairman, Editorial Board, "Russian Idea" Internet site. E-mail: borismezhuев@yandex.ru

John Kasich: Moderate and Staunch

Abstract. The governor of the state of Ohio John Kasich has dropped the race at its last stage. Before primaries in the state of New Hampshire where Kasich came second he was seen as an indubitable outsider of the race. Nevertheless among other candidates Kasich has more personal accomplishments: already as a young member of the student delegation he met president Richard Nixon, in 1995 as a congressman he was the author of the deficit-free budget project and last, but not least, he is one of the most respectable Republican governors. But Kasich does not belong to any influential political clan and he is not a steadfast supporter of any partisan line. On account of these reasons party elites have never considered him as a serious contender in this race, choosing more convenient persons. It might be one of their numerous strategic errors in this campaign.

Keywords: Kasich, Budget Hawks, Moderate Conservative, Fiscal Conservative, the Supply-side Theory, Compassionate Conservative.

Рэнд Пол: «фискальный ястреб», «консервативный реалист» и «одинокий флибустьер» американской политики

Предвыборный цикл 2015–2016 годов отмечен участием в гонке за президентский пост множества примечательных персонажей. Среди них и представители влиятельных политических династий (Клинтон и Буши), и неожиданные аутсайдеры (вроде Бена Карсона, Дональда Трампа, Карли Фиорины), и выразители крайних, традиционно маргинальных, течений американской политики (в частности, социалист Берни Сандерс и фаворит Движения Чаепития Тед Круз). Фигура Рэнда Пола парадоксальным образом объединяет едва ли не все основные тренды нынешней кампании, и при этом он остается, возможно, главной «белой вороной».

Прежде всего он выступает наследником политической династии пусть и не такой влиятельной, как другие, но хорошо известной в США [3]. Сенатор унаследовал¹ сплоченную команду активистов от своего отца Рона Пола, который с конца 1970-х годов неоднократно (хотя и с перерывами) избирался в Палату представителей от штата Техас. В 1988, 2008 и 2012 годах он также выдвигался на пост президента страны – все три раза безуспешно. Несмотря на эти неудачи, в консервативных кругах США Рон Пол остается живой иконой либертарианства – политической идеологии, ориентированной на сокращение роли государства как в экономике, так и в регулировании социальных отношений [7].

Несмотря на семейные связи, Рэнд Пол одновременно оказывается аутсайдером американской политики. До конца 2000-х годов он не стремился к самостоятельному участию в партийной борьбе (несмотря на то, что неоднократно помогал в кампаниях отца), сделав успешную карьеру врача-офтальмолога в штате Кентукки. Лишь в 2010 году он выдвинул свою кандидатуру на пост сенатора и сразу добился успеха². Таким образом, Рэнд Пол впервые попал в круговорот washingtonской политики лишь в 2011 году.

Заявив о претензиях на пост руководителя страны в нынешний выборный цикл, он повторяет путь Барака Обамы, который в 2008 году также выдвигался в президенты, не отслужив даже первого сенаторского срока. Рэнд Пол любит подчеркивать свою независимость от политического мейнстрима, критикуя коррумпированность и дисфункциональность washingtonской политики³. В то

¹ *Peters J.W.* Rand Paul Begins to Make Believers Out of His Father's Supporters // The New York Times. June 2, 2015.

² Meet Rand. URL: <http://www.paul.senate.gov/about-rand/meet>

³ Paul R. Campaign Launch Speech. April 7, 2015. URL: <http://time.com/3773964/rand-paul-presidential-campaign-launch-speech-transcript/>

же время его критики отмечают, что ему не хватает дисциплины, стратегических и организаторских способностей профессиональных политических деятелей¹.

Наконец, идеологические взгляды Рэнда Пола также серьезным образом отличаются от республиканского мейнстрима. Его традиционно характеризуют как приверженца ограниченного правления во внутренних делах и изоляционизма на международной арене². Для значительной части истеблишмента такие подходы представляются не меньшим радикализмом, чем «демократический социализм» Берни Сандерса. В то же время с конца 2000-х годов риторика дерегулирования пользуется широким признанием в американском обществе.

С первых шагов политической карьеры выступления Рэнда Пола против вмешательства государства в личную жизнь граждан и за снижение налогов заработали ему популярность среди сторонников Движения Чаепития³. Последнее, возникнув в начале 2010-х годов как общественная кампания за фискальную дисциплину и против национального истеблишмента, быстро превратилось во влиятельное крыло Республиканской партии. В то же время за представительство этой части электората Рэнду Полу приходится конкурировать с другими кандидатами на президентский пост, прежде всего с ранее упомянутым Тедом Крузом. Тем не менее жесткий подход к вопросам бюджетной экономии остается центральным элементом политических взглядов сенатора из Кентукки.

Требования финансовой дисциплины и критика «большого правительства»

Несмотря на то, что в предвыборной кампании 2016 года спрос на необычных кандидатов высок, в случае Рэнда Пола смесь семейственности, дилетантства и маргинальности пока успеха не приносит. По данным портала «Риал клиар политикс», агрегирующего данные социологических опросов, если в мае 2015 года его электоральный рейтинг по стране достигал 10%, то в начале ноября он упал ниже 3%⁴. Более того, его кампания столкнулась с нехваткой финансирования и информационного освещения на фоне включения в гонку таких тяжеловесов, как Хиллари Клинтон, Джеб Буш и Дональд Трамп⁵.

И все же причину снижения популярности стоит искать прежде всего в политических взглядах кандидата. Как и его отец, Рэнд Пол выступает выразителем взглядов существенной, но крайне ограниченной и политически изолированной части американского общества, поддерживающей радикальное снижение роли государства во всех областях жизни. В этой связи одним из ключевых лозунгов его кампании стали выступления против «нечестивого альянса правых и левых».

¹ *Isenstadt A.* Inside Rand Paul's downward spiral. URL: <http://www.politico.com/story/2015/07/rand-paul-2016-downward-spiral-gop-campaign-120716>

² *Strauss D.* Rand Paul's libertarian summer. URL: <http://www.politico.com/story/2015/07/rand-paul-2016-libertarian-platform-119619>; *Rubin J.* Rand Paul can't hide his isolationist views // *The Washington Post*. October 29, 2014.

³ Книга, написанная Рэндом Полом о предвыборной кампании и политических взглядах, даже получила название «Движение Чаепития едет в Вашингтон» (в названии содержится аллюзия на классический голливудский фильм «Мистер Смит едет в Вашингтон», провозглашающий победу наивного идеализма над коррумпированностью традиционных политиков). См. [6].

⁴ 2016 Republican Presidential Nomination. URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/us/2016_republican_presidential_nomination-3823.html

⁵ По состоянию на конец ноября 2015 года у него оставалось менее 2 млн долл. в предвыборном фонде (см.: *Goldmacher Sh.* The 2016 ballot wars begin. November 27, 2015. URL: <http://www.politico.com/story/2015/11/2016-election-candidates-on-ballot-216191>).

Американскому консерватизму исторически был присущ высокий уровень недоверия к государству. В концентрированном виде оно отразилось в популярном высказывании: «лучшим правительством является то, которое правит меньше других» (как правило, некорректно приписывается третьему президенту США Томасу Джефферсону [2, р. 49]). Между тем, за вторую половину XX столетия Соединенные Штаты настолько привыкли к возросшим масштабам государственного регулирования и правительственных расходов, что и значительная часть консерваторов научилась использовать государственные ресурсы для достижения своих приоритетов. В первую очередь они добиваются повышения затрат на национальную оборону, что позволило республиканцам заработать репутацию более ответственной партии в вопросах обеспечения безопасности по сравнению с демократами. Они уверяют, что способны лучше отстаивать интересы Соединенных Штатов на международной арене за счет более жесткой политики, опирающейся на доминирование в военной сфере над потенциальными противниками.

Рэнд Пол регулярно критикует коллег по Республиканской партии за излишнюю толерантность к федеральным расходам¹. Он обвиняет их в сделках с демократами, добивающимися наращивания социальных программ и затрат на поддержку наименее обеспеченных слоев. Результатом закулисных договоренностей двух частей политической элиты становится компромисс – бюджетные расходы на статьи, лоббируемые обеими партиями, увеличиваются параллельно, а неизбежно возникающий дефицит обеспечивается за счет повышения государственного долга. По мнению сенатора и его сторонников, подобные сделки «нечестивого альянса правых и левых» противоречат принципу «жить по средствам», которому федеральное правительство должно следовать так же, как граждане и власти штатов. Они приводят к увеличению долговой зависимости Соединенных Штатов, которая в будущем может поставить страну на грань финансовой катастрофы.

В противоположность безответственному поведению республиканского мейнстрима Рэнд Пол позиционирует себя в качестве «фискального ястреба», готового безжалостно урезать национальный бюджет, а соответственно и регулирующие функции правительства. По мнению сенатора, в современной Америке правительство берет на себя слишком много задач, и их стоит сократить. Между тем в борьбе за финансовую дисциплину он порой выглядит несколько опоздавшим за общественными настроениями. Сокращение бюджетного дефицита – цель, регулярно постулируемая американскими консерваторами². Тем не менее по сравнению с предвыборным циклом 2012 года в глазах избирателей значение этой тематики снизилось, и большинство кандидатов концентрируются на приоритете снижения налоговой нагрузки³. На фоне выдвигаемых демократами масштабных социальных программ (в том числе инициативы Барака Обамы обеспечить доступ к двухлетнему высшему образованию для всех граждан страны)⁴ возможность критиковать «большое правительство» для республиканцев оказывается ограниченной.

¹ *Brunner J.* In Seattle, Rand Paul blames both parties for 'horribly broken' system // The Seattle Times. August 26, 2015.

² *Sherfinski D.* Cutting federal spending should be Congress's top priority: TWT/CPAC poll // The Washington Times. February 28, 2015.

³ *Tankersley J.* Deficits and debt are no longer at the top of the GOP agenda // Washington Post. September 22, 2015.

⁴ *Obama B.* State of the Union Address. January 8, 2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/sotu>

Сенатор-одиночка против национальной политической машины?

Рэнд Пол, как и другие кандидаты от Республиканской партии, выдвинул свой фискальный план, направленный на сокращение налоговой нагрузки и упрощение ее администрирования. Одновременно он остается активным сторонником сокращения расходов и долга. В конце октября 2015 года он (вместе с другим претендентом на номинацию от Республиканской партии – Тедом Крузом) постарался заблокировать повышение потолка государственного долга, поддержанное значительной частью его коллег по партии. Изначально обреченная попытка оказалась еще и довольно неуклюжей. Вместо многочасовых речей и изобретательного манипулирования регламентом Рэнд Пол ограничился символическими попытками затормозить законопроект¹.

Выступления сенатора против государственного интервенционизма не ограничиваются только бюджетными вопросами. В мае 2015 года ему удалось предотвратить возобновление «Акта о патриотизме» 2001 года, создававшего юридическую базу программ сбора персональной информации, просмотра и прослушивания личной корреспонденции Агентством национальной безопасности США². Несмотря на то что победа носила символический характер (спустя сутки Сенат принял похожий законопроект под другим названием), в том числе благодаря усилиям Рэнда Пола, доступ американских спецслужб к переписке и звонкам американских граждан был ограничен.

Блокирование правительственных инициатив путем использования лазеек в регламенте и длительных выступлений стали фирменным методом Рэнда Пола. Хотя в американской политике имеется давняя традиция обструкционизма (в политическом лексиконе она обозначается термином «флибустьерство» [9]), в последние годы никто не использовал эту тактику столь широко и ярко, как сенатор из Кентукки. Восхождению своей популярности он во многом обязан именно этому опыту.

Так, раннюю известность он получил в 2011 году, когда впервые постарался затормозить утверждение нового потолка госдолга. Решение было принято, но молодого сенатора заметили СМИ и общественность. Самый же большой резонанс приобрело его почти тринадцатичасовое выступление против использования дронов во время обсуждения кандидатуры Джона Бреннана на пост директора ЦРУ в 2013 году. Эта речь Рэнда Пола вошла в десятку длиннейших в истории американского Сената³. Как и в случае с борьбой против «Акта о патриотизме», столь внушительное выступление преследовало довольно ограниченную задачу – законодатель требовал гарантий, что дроны не будут использоваться против американских граждан на территории США⁴. Прецеденты таких операций отсутствовали. Кроме того, подобный шаг привел бы к серьезным имиджевым потерям для администрации. Акция сенатора носила скорее популистский характер. Тем не менее она утвердила его в статусе восходящей звезды Республиканской партии.

¹ *Weigel D.* Rand Paul's 'filibuster' fails to delay debt votes // Washington Post. October 30, 2015.

² *Elliot Ph.* Rand Paul Kills Patriot Act, Boosts Presidential Campaign – For the Moment // Time. May 31, 2015.

³ *Voorhees J.* Where Ted Cruz's Fake Filibuster Would Rank If It Were a Real Filibuster. URL: http://www.slate.com/blogs/the_slatest/2013/09/25/longest_filibusters_where_would_ted_cruz_s_faux_filibuster_rank_if_it_were.html

⁴ *Ewing Ph.* Rand Paul pulls plug on nearly 13-hour filibuster. March 6, 2013. URL: <http://www.politico.com/story/2013/03/rand-paul-filibuster-john-brennan-cia-nominee-088507#ixzz3stOxHVBv>

Влиятельный журнал «Тайм» в 2014 году назвал его «самым интересным человеком в политике»¹.

Яркие выступления и статус главного «флибустьера» Конгресса привлекают общественное внимание, но одновременно свидетельствуют об изолированности Рэнда Пола, его принадлежности к меньшинству и неспособности формировать успешные коалиции. В условиях сложной системы «сдержек и противовесов» в американской политике достижение реальных, а не символических результатов связано с умением мобилизовать союзников и достигать компромиссов. Неудивительно, что ни один из сорока четырех выдвинутых сенатором законопроектов не был принят (он также выступил со-инициатором еще восьмидесяти трех безуспешных законодательных инициатив)². В своей борьбе против «большого правительства» он скорее напоминает одиночку Дон Кихота, а не лидера, способного повести за собой нацию.

Ограниченность либертарианской базы заставляет Рэнда Пола искать поддержку среди более широких слоев консервативного электората. Наибольшую известность приобрели его попытки заручиться доверием евангельских христиан. С этой влиятельной группой протестантских деноминаций, придерживающихся крайне традиционалистских позиций в сфере регулирования семейных отношений и социальной политики, он начал работать еще в 2013 году, задолго до официального начала предвыборной кампании на пост президента США³.

Между тем жесткие меры по борьбе с наркотиками, защита традиционной семьи на государственном уровне и ограничения в отношении аборт, которых ожидают религиозные консерваторы, противоречат требованию либертарианцев радикально снизить роль государства в регулировании общественных отношений. В результате в адрес Рэнда Пола все чаще раздаются обвинения в предательстве идеалов ограниченного правления⁴. Сенатор мучительно и не всегда успешно стремится найти баланс между сохранением собственной идентичности, социальной базы среди либертарианцев и необходимостью расширения числа сторонников за счет представителей других ветвей американского консерватизма.

Сомнения в степени его реального отличия от политического мейнстрима связаны не только с содержанием выступлений Рэнда Пола, но и с опытом его работы в законодательном органе. Несмотря на громкие обвинения в адрес коллег, по большинству вопросов он голосует в соответствии с партийной линией. Его нельзя отнести к числу наиболее дисциплинированных республиканцев, но по этому критерию он оказывается ближе к мейнстриму, чем ряд его прямых конкурентов в ходе праймериз (Марко Рубио и Линдсей Грэм) и почти на тех же позициях, что и еще один представитель Движения Чаепития Тед Круз⁵.

¹ *Sherer M.* The Reinventions of Rand Paul. URL: <http://time.com/3512657/rand-paul-reinventions/>

² Sen. Rand Paul voting record. URL: https://www.opencongress.org/people/voting_history/412492_Rand_Paul

³ *Wallstein P.* Sen. Rand Paul aggressively courting evangelicals to win over GOP establishment // Washington Post. May 12, 2013.

⁴ См., напр.: *Hall A.* Is Rand Paul a True Libertarian? No, He's a Politician. July 29, 2015. URL: <http://www.newsweek.com/rand-paul-true-libertarian-no-hes-politician-358122>; *Romero A.D.* Rand Paul, Libertarian? July 31, 2015. URL: http://www.huffingtonpost.com/anthony-d-romero/rand-paul-libertarian_b_7910982.html

⁵ Republican Senator Voting With Party. URL: https://www.opencongress.org/people/votes_with_party/senate/republican

Противодействие интервенционизму в американской внешнеполитической стратегии

Еще одной областью, в которой Рэнд Пол позволяет себе отступления от республиканской ортодоксии, остается внешняя политика. С учетом его членства в Комитете по международным делам Сената за последние пять лет у него было немало возможностей продемонстрировать свою позицию в этой сфере. В отличие от большинства коллег Рэнд Пол настороженно относится к возобновлению практики американского вмешательства в конфликтные ситуации в Евразии. В этой связи критики зачастую обвиняют его в склонности к изоляционизму и отказе от американского лидерства. Между тем, сам Рэнд Пол позиционирует себя как «конституционного реалиста»¹. Его политическая программа не предполагает замыкания США исключительно на внутренних проблемах, но предусматривает более четкое разграничение ключевых интересов Соединенных Штатов и концентрации усилий на них.

В основе его позиции лежит представление о том, что США должны ограничить использование вооруженной силы исключительно ситуациями, непосредственно угрожающими их национальной безопасности. Им также необходимо признать, что вмешательство во внутренние дела других стран нередко провоцирует недовольство в отношении Америки, а попытки навязывания демократических институтов приводят к замещению пусть кровавых, но стабильных и секулярных режимов анархией. Последняя создает благоприятную среду для вызревания и укрепления экстремистских движений и террористических организаций².

Представление о том, что США должны менее полагаться на применение вооруженных сил и больше на дипломатические инструменты, включая формирование многосторонних коалиций с другими крупными игроками, пользуется большой популярностью в американских академических кругах. Среди международников-реалистов такая стратегия, которую они рассматривают как альтернативу одинаково опасным интервенционизму и изоляционизму, получила название политики «удаленного балансирования» (“off-shore balancing”) [4, 8]. В то же время в политических дискуссиях в Вашингтоне к доводам исследователей по этому вопросу прислушиваются редко, а сторонников ограничения вовлеченности Соединенных Штатов в международные дела обвиняют в подрыве американского могущества.

Стремление Рэнда Пола соединить активную роль США в международных делах с отказом от примата силового инструментария сближают его политику с логикой поведения Барака Обамы³ (особенно в ходе его первого срока) [5]. Вместе с тем, сенатор выступает жестким критиком внешнеполитического курса нынешнего президента. Он обвиняет действующую администрацию в игнорировании конституционных положений, требующих согласия Конгресса на использование вооруженной силы. Пример войны в Ливии, когда Б. Обама действовал без одобрения законодателей, Рэнд Пол рассматривает как прямое нарушение принципа разделения властей⁴. Он обещает в случае избрания на

¹ Paul R. The Case for Conservative Realism / Center for the National Interest. 2014. URL: <http://nationalinterest.org/feature/rand-paul-the-case-conservative-realism-11544?page=2>

² Meet the Press Transcript – May 17, 2015. URL: <http://www.nbcnews.com/meet-the-press/meet-press-transcript-may-17-2015-n360261>

³ Krauthammer: Rand Paul Closest to Obama. More He Tacks To The Right, The More It Puts Authenticity In Question // Foreign Policy, April 7, 2015. URL: http://www.realclearpolitics.com/video/2015/04/07/krauthammer_rand_paul_closest_to_obama_in_foreign_policy_more_he_tacks_to_the_right_the_more_it_puts_authenticity_in_question.html

⁴ Paul R. The Case for Conservative Realism / Center for the National Interest. 2014. URL: <http://nationalinterest.org/feature/rand-paul-the-case-conservative-realism-11544?page=2>

пост руководителя страны согласовывать основные внешнеполитические инициативы с Конгрессом.

В декларируемой Рэндом Полом концепции «конституционного реализма» заложено фундаментальное противоречие – практика обсуждения международной проблематики с привлечением Сената, а тем более Палаты представителей, содержит многочисленные примеры блокирования перспективных инициатив под влиянием частных интересов отдельных законодателей, корпоративных и этнических лобби. Она плохо совместима с реалистским стремлением сфокусировать внешнюю политику на эффективном выделении внешнеполитических приоритетов и обеспечении гибкости по второстепенным вопросам. Подобное сопряжение выставляет Рэнда Пола выразителем то ли доктринерского идеализма, то ли политического популизма.

Показательно, что, сталкиваясь с необходимостью конкретизации заявленной внешнеполитической концепции и обсуждения многих текущих международных сюжетов, сенатор сближается с позициями других представителей республиканской элиты¹. Так, отмечая невозможность разрешения украинского кризиса без взаимодействия с Москвой, Рэнд Пол высказался за поставки оружия Украине. Он также выступает за активизацию американских действий против группировки «Исламское государство», в которой видит прямой вызов американским интересам.

Сенатору в своих выступлениях приходится учитывать, что для последователей Республиканской партии с 1950-х годов сохранение американского военного преобладания в мире и активная внешняя политика остаются незыблемыми ценностями². Высказываясь в поддержку «консервативного реализма», он не может позволить себе полностью порвать с господствующей традицией, хотя и представляет несколько более осторожную альтернативу по сравнению с преобладающим в Вашингтоне дискурсом.

Консервативная умеренность и современный политический мейнстрим

Острая конкуренция между различными группировками американской элиты не позволяет прогнозировать имя не только будущего президента США в 2017 году, но даже претендента от Республиканской партии на этот пост. С учетом описанных выше противоречий вероятность того, что эту позицию займет Рэнд Пол, остается минимальной. Вместе с тем, предвыборная кампания – это не только отбор наиболее успешного кандидата на высший пост в Соединенных Штатах, но и яркая демонстрация различных политических сил в стране, позволяющая оценить их влияние на национальный дискурс и принимаемые решения.

Стремление Рэнда Пола совместить идеологическую принципиальность с привлечением поддержки широких общественных слоев демонстрирует не столько его личную непоследовательность, сколько пределы толерантности американского населения к альтернативам нынешнему политическому курсу. Несмотря на многочисленные выражения усталости американцев от вашингтонской элиты, политика, реализуемая нынешним истеблишментом, по большей части отражает компромисс внутри все более плюралистического социума [1].

¹ Parton H.D. Rand Paul's incoherent foreign policy mess. May 12, 2014. URL: http://www.salon.com/2014/05/12/rand_pauls_incoherent_foreign_policy_mess/

² Halpin D. Rand Paul and Isolationist Ghosts in the Republican Party. February 4, 2015. URL: http://www.americanthinker.com/articles/2015/02/rand_paul_and_isolationist_ghosts_in_the_republican_party.html#ixzz3stawlxhD

В последние годы идеи поддержания фискальной дисциплины, ограничения правительственного интервенционизма и умеренности во внешней политике получили большую популярность. Тем не менее им по-прежнему приходится конкурировать с многочисленными частными интересами, стремящимися использовать государство как внутри страны, так и на международной арене.

Достигнутые в период правления Барака Обамы относительная стабилизация и возобновление роста в экономике снижают привлекательность болезненного выбора, связанного с отказом от ряда государственных функций. На этом фоне в обозримом будущем как либертарианцам во внутренней политике, так и последовательным реалистам во внешних делах, трудно ожидать реализации значительной части своих программ.

Литература

1. *Истомин И.А.* Северная Америка: преследователи сокращают разрыв // *Россия и мир 2020. Контуры тревожного будущего.* М.: Эксмо, 2015.
2. *Boller Jr.P.F.* Not So! Popular Myths About America from Columbus to Clinton. Oxford: Oxford University Press, 1995.
3. *Dal Bó E., Dal Bó P., Snyder J.* Political dynasties // *Review of Economic Studies.* 2009. Vol. 76. No. 1. P. 115–142. doi: 10.1111/j.1467-937X.2008.00519.x
4. *Layne C.* America's Middle East grand strategy after Iraq: the moment for offshore balancing has arrived // *Review of International Studies.* 2009. Vol. 35. No. 1. P. 5–25.
5. *Mann J.* The Obamians: The struggle inside the White House to redefine American power. N.Y.: Penguin, 2012.
6. *Paul R.* The Tea Party Goes to Washington. N.Y.: Hachette Book, 2011.
7. *Paul R.* The Revolution: A Manifesto. N.Y.: Grand Central Publishing, 2008.
8. *Posen B.R.* Restraint: A new foundation for US grand strategy. Ithaca: Cornell University Press, 2014.
9. *Wawro G.J., Schickler E.* Filibuster: Obstruction and lawmaking in the US Senate. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

Аннотация. Статья посвящена личности, идеологической платформе и политической деятельности кандидата на праймериз Республиканской партии в ходе президентской кампании 2015–2016 годов в США Рэнда Пола. В ней содержится попытка оценить причины быстрого взлета его популярности и последующего снижения общественной поддержки. Сенатор Пол остается выразителем существенной, но политически изолированной части американского населения, поддерживающей ограничение роли государства внутри страны и проведение более осторожного курса на международной арене. В этой связи он сталкивается с необходимостью совмещения идеологической принципиальности с привлечением поддержки широких общественных слоев. Порожденные этой дилеммой противоречия позволяют продемонстрировать пределы толерантности американской общественности к альтернативам сохраняющемуся политическому мейнстриму. Статья включает четыре раздела, в которых рассматриваются особенности личности кандидата, его взгляды на роль государства в экономике, опыт борьбы за индивидуальные права, внешнеполитическая программа. В заключении делается вывод о соотношении позиций, отстаиваемых Рэндом Полом, с общественным мнением и взглядами политической элиты страны.

Ключевые слова: либертарианство, внешнеполитический реализм, финансовая дисциплина, предвыборная кампания в США, ограниченное правление, американский Сенат, Движение Чаепития, индивидуальные права.

Igor Istomin, Ph.D. in Political Science, Senior Lecturer, International Problems Applied Analysis Department, MGIMO Political Affairs School. E-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru

Rand Paul: 'Fiscal Hawk', 'Conservative Realist' and 'Lonely Filibuster' of the American Politics

Abstract. The article examines personality, ideological platform and political activity of the U.S. Senator Rand Paul, who runs in the primaries of the Republican party within the 2015-2016 presidential election campaign. It contains an assessment of the rapid rise and similar fall of his public support. Senator Paul reflects interests of a rather significant, but isolated part of the American population, which supports limitation of government in domestic affairs as well as restraint in the foreign policy. The insufficiency of this social base for a successful presidential campaign fosters him to seek a balance between his ideological principles and securing wider social recognition. This dilemma creates controversies, which enable to identify limits of tolerance within the American society towards alternatives to the existing mainstream. The article contains four major parts, which cover personality of the candidate, his views on federal government role in national economy, his record of fighting for individual rights and foreign policy program. In conclusion, the author compares the views of Rand Paul, with the dominating public opinion and mainstream attitudes in the political establishment of the country.

Keywords: Libertarianism, Foreign Policy Realism, Financial Discipline, Election Campaign in the United States, Limited Governance, American Senate, Tea-Party Movement, Individual Rights.

Крис Кристи: чем грозит «консервативная недостаточность»?

Теплым сентябрьским утром 2013 года две полосы автодороги, соединяющей Нью-Йорк с городом Форт Ли в соседнем штате Нью-Джерси, были перекрыты. Аккурат в час пик, когда жители Нью-Джерси ехали на работу в Нью-Йорк, трехполосная дорога – нижний уровень самого загруженного моста в мире – превратилась в однополосную. Официальная версия гласила, что сделано это «для изучения транспортных потоков». Движение в прилегающих к мосту районах Форты Ли было парализовано и следующие четыре дня. Все это время местные чиновники, на которых обрушился шквал народного гнева, безуспешно пытались отменить распоряжение руководства порта Нью-Джерси, принявшего решение о проведении этого «исследования» без должного согласования, в обход местной полиции и городских властей.

Это на первый взгляд совершенно локальное событие обернулось в итоге впечатляющим политическим скандалом (в прессе его неоригинально окрестили «Бриджгейтом»), который и по сей день оказывает серьезное влияние на расклад сил в предвыборной гонке Республиканской партии.

С этой историей оказался связан перспективный политик-республиканец, губернатор Нью-Джерси Крис Кристи. В прессу попали копии электронных писем, которыми обменивались сотрудники его администрации с руководителем портовой службы Нью-Йорка. Этот чиновник – Дэвид Вальдстайн, протеже Криса Кристи, призванный быть «глазами и ушами» губернатора в управлении портовых властей. Именно он отдал приказ о перекрытии движения. Из опубликованной в прессе переписки прямо следовало, что приказ был отдан в обход местных властей сотрудниками администрации губернатора. «Пришло время для транспортных проблем в Форте Ли», – написала Вальдстайну Бриджит Анна Келли, руководитель избирательного штаба Криса Кристи. «Понял», – лаконично ответил Вальдстайн.

Одна из версий, объясняющих, зачем это вообще могло понадобиться Кристи, предполагает, что создание огромного затора, парализовавшего жизнь города, было демонстрацией силы и, одновременно, «наказанием» для мэра Форты Ли Марка Соколича. Якобы он отказался поддержать Кристи на прошедших незадолго до этого губернаторских выборах.

Идея устроить публичную порку мэру-демократу за то, что тот не поддержал губернатора-республиканца, лишь на первый взгляд кажется абсурдной. Поддержка политиков из конкурирующей партии – существующая в Америке практика, особенно когда губернатор позиционирует себя как человека, спо-

собного находить с партией соперников взаимопонимание по острым политическим вопросам. Кристи же в 2013 году одержал впечатляющую победу над Барбарой Буоно из Демократической партии и не в последнюю очередь благодаря тому, что заручился публичной поддержкой многих политиков-демократов.

Республиканец в штате демократов

Политическая карьера Криса Кристи до злополучной истории с ограничением движения по мосту Джорджа Вашингтона складывалась довольно гладко. Уроженец Нью-Джерси, он происходит из семьи католиков-ирландцев по отцовской линии и католиков-сицилийцев по материнской. Идею о необходимости «межпартийного взаимодействия» он буквально впитал с молоком матери: его отец был приверженцем Республиканской партии, а мать в течение всей жизни поддерживала демократов.

Путь в большую политику будущий губернатор начал еще в подростковом возрасте: пятнадцати лет с благословения родителей он отправился работать на добровольных началах в избирательный штаб республиканца Томаса Кина, который баллотировался на пост губернатора Нью-Джерси. Кин на долгие годы останется «ролевой моделью» для Кристи, который много лет спустя будет пользоваться политической поддержкой бывшего патрона, когда заявит о решении баллотироваться в президенты.

Образование Крис Кристи получил сначала в университете штата Делавэр (бакалавриат по политологии), а затем в Нью-Джерси, в престижном частном католическом университете Сетон-Холл, который окончил со степенью доктора права. В Делавэре он познакомился и со своей женой Мэри Пет Фостер. Успешная бизнес-леди, инвестиционный банкир с Уолл-стрит, чей годовой доход более чем в два раза превышал доход Кристи, оставит в 2015 году высокий пост управляющего директора в нью-йоркской инвестиционной компании “Angelo, Gordon & Co”, чтобы уделять больше времени семье, когда Кристи примет окончательное решение баллотироваться в президенты.

После окончания университета, в 1987 году Кристи устроился на работу в юридическую фирму «Дуги, Хьюитт и Палатуччи». Однако политика в тот момент его интересовала не меньше. Он принимал участие в избирательных кампаниях разного уровня. Работал, например, в команде одного из кандидатов в Сенат Нью-Джерси Кристи Уитмена.

В 1991 году он принимал участие во второй избирательной кампании Джорджа Буша-старшего. Связи, которые он обретет в это время, окажут значительное влияние на его дальнейшую политическую карьеру. Именно после этой кампании он примет решение участвовать в собственных выборах – в Законодательное собрание штата Нью-Джерси от округа Моррис. За время своей работы там (с 1995 до 1998 год) Кристи заработал первые политические очки как борец с коррупцией, выступая за законодательное закрепление запрета на прием подарков для чиновников. По окончании срока полномочий Кристи вернулся в «Дуги, Хьюитт и Палатуччи» и вырос там до статуса партнера фирмы. Несколько лет он работает лоббистом, представляя интересы ведущей торговой ассоциации Уолл-стрит Промышленной ассоциации по ценным бумагам и лоббируя дерегулирование нефтегазового законодательства штата в интересах крупной энергетической компании GPU Inc¹.

Успех политической карьеры Криса Кристи тесно связан с самым влиятельным республиканским семейством США – Бушами. Его работа на избира-

¹ NJ.com. Gov. Corzine, Chris Christie trade barbs about lobbying histories. URL: http://www.nj.com/news/index.ssf/2009/05/christie_a_need_to_lead_honed.html

тельную кампанию Буша-ст. не была забыта, и в 2001 году Буш-мл. предложит кандидатуру Криса Кристи на пост федерального прокурора штата Нью-Джерси. Кристи в 2002 году получит эту должность, несмотря на сопротивление других членов местной Коллегии адвокатов, которые указывали на то, что у новоявленного прокурора слишком мало опыта участия в делах федерального уровня и в уголовных процессах. Кристи не останется в долгу и развернет впечатляющую деятельность по сбору средств во время избирательной кампании Буша-мл., выступив его главным «связным» с донорами Нью-Джерси.

На посту прокурора Нью-Джерси он изберет центральным вопросом своей деятельности борьбу с коррупцией, объявив, что по своей важности эта задача уступает только борьбе с терроризмом. Этот, без сомнения, популистский ход принесет свои плоды: когда в 2009 году Крис Кристи будет баллотироваться уже на пост губернатора штата, за ним прочно закрепится слава парня, который крепко стоит на стороне простых избирателей, защищает их от злоупотреблений со стороны властей и не боится говорить правду.

Местная пресса того времени пела дифирамбы молодому губернатору: «За шесть лет работы прокурором он стал самым заметным сотрудником правоохранительных органов штата. Настоящий уроженец Джерси, грозный прокурор, который сделал себе имя на осуждении стольких коррумпированных государственных чиновников, что лидеры Республиканской партии штата практически умоляли его въехать на белой лошади в Трентон¹ и занять губернаторский особняк»². Кристи, меж тем, остался верен образу «простого справедливого парня» – губернаторские выборы он выиграл, но занять причитающийся ему по должности особняк отказался.

В 2009 году, в разгар мирового экономического кризиса, избирателей Нью-Джерси коррупция волновала не слишком. Гораздо больше их интересовала судьба пенсионных накоплений, бедственное экономическое положение и опустевшая казна штата. Поэтому Кристи сделал то, что в 2015 году попытается повторить в масштабе всей страны, – сыграл в игру «я самый обыкновенный парень из Нью-Джерси, такой же, как и вы». Политик, который по-настоящему заботится о своих сторонниках: «Слушайте, у меня четверо детей от пяти до пятнадцати лет, так что я собираюсь работать до конца моей жизни, – скажет он одному из пожилых избирателей, который пожалуется ему на дороговизну жизни в Нью-Джерси. – Я в той же лодке, что и вы».

Конечно, Кристи отчасти лукавит. Этот прямолинейный и иногда чересчур резкий грузный и энергичный человек совсем не тот «простой парень», каким хочет казаться: большую часть своей жизни он занимался политикой, от первой в жизни победы на несерьезных выборах школьного президента до участия в федеральных избирательных кампаниях и лоббирования крупных законопроектов.

«Паршивый консервативный республиканец»

«Он идеальный консервативный демократ. Он паршивый консервативный республиканец». Эти слова принадлежат политическому консультанту из Нью-Йорка Хэнку Шиенкопфу, в 2013 году прокомментировавшему перспективы Кристи в президентской гонке для издания Daily Beast³.

¹ Трентон – столица штата Нью-Джерси.

² NJ.com. Christie: A need to lead, honed by family and success. URL:http://www.nj.com/news/index.ssf/2009/05/christie_a_need_to_lead_honed.html

³ Daily Beast. In New Jersey and Across America, Chris Christie Casts a Big Shadow. URL:<http://www.thedailybeast.com/articles/2013/01/07/in-new-jersey-and-across-america-chris-christie-casts-a-big-shadow.html>

Межпартийный диалог, умение находить компромиссы – одновременно источник успеха и проклятие Криса Кристи. В роли налогового консерватора Кристи, пожалуй, преуспел более всего: за время своего губернаторства он проводит агрессивную фискальную политику, буквально выгрызая дефицит из бюджета своего штата. Новоиспеченный губернатор ограничивает рост налоговых ставок и одновременно проводит политику сокращения социальных гарантий, сберегая миллионы бюджетных денег за счет сокращения различных льгот для госслужащих. В марте 2010 года он подписал закон о пенсионной реформе, разработанный при поддержке обеих партий, предусматривающий сокращение пенсионных отчислений для всех, кто будет нанят на работу после его вступления в силу¹. В 2011 году этот курс был продолжен – и вновь при поддержке обеих партий. В совокупности обе реформы должны сэкономить штату 120 млрд долл. в течение следующих 30 лет².

Эти и другие меры, призванные ликвидировать бюджетный дефицит, привели к тому, что полиция, учителя и пожарные откровенно не любят губернатора Нью-Джерси. Судебные иски, сложные отношения с профсоюзами – в демократическом штате республиканцу на самом деле нелегко.

В сфере энергетики он трижды выступил против введения запрета на добычу нефти и газа методом гидроразрыва пласта. Троекратное вето губернатора – явный реверанс в сторону лоббистов добычи сланцевого газа в Нью-Джерси, с завистью смотрящих на соседнюю Пенсильванию³. Он также критиковал местный департамент защиты окружающей среды, объявив, что взимание штрафов с промышленных предприятий превратилось в многомиллиардный бизнес. Одновременно с этим Кристи активно выступает за развитие альтернативной энергетики в штате и налоговые льготы компаниям, инвестирующим в эту сферу⁴.

Кристи частенько критикуют за недостаточно радикальную позицию по социальным вопросам. «Слишком умеренную» для социального консерватора и католика позицию Кристи отстаивает и в отношении абортов (считает допустимым аборт в случае изнасилования, инцеста и угрозы жизни матери ребенка), и в отношении однополых браков (до легализации однополых браков по решению Верховного суда США в июне 2015 года он считал вполне приемлемым заключение однополых гражданских партнерств, хотя и защищал брак как союз мужчины и женщины).

Тем не менее к концу своего первого срока на посту губернатора Кристи пользовался огромной поддержкой как в собственном штате, так и в качестве политика федерального масштаба. Поговаривали, что он примет участие в президентских выборах 2012 года и сможет составить достойную конкуренцию Митту Ромни и Бараку Обаме, слегка подрастерявшему прежний блеск за вре-

¹ NJ.com. N.J. Police, firefighter unions sue to stop pension reform laws. URL: http://www.nj.com/news/index.ssf/2010/04/nj_police_firefighter_unions_s.html

² Christie Wins on Pension, Health Benefits Reform. URL: http://www.nj.com/news/index.ssf/2010/04/nj_police_firefighter_unions_s.html

³ NJ.com. Christie vetoes bill aiming to ban fracking waste in N.J. URL: http://www.nj.com/politics/index.ssf/2014/08/christie_vetoes_bill_aiming_to_ban_fracking_waste_in_nj.html; Christie Vetoes Popular Fracking Waste Ban, Saying It's Unconstitutional. URL: <http://insideclimatenews.org/news/20140814/christie-vetoes-popular-fracking-waste-ban-saying-its-unconstitutional>

⁴ NJ.com. GOP candidate Chris Christie calls for cuts to N.J. Department of Environmental Protection. URL: http://www.nj.com/news/index.ssf/2009/04/gop_candidate_chris_christie_c.html; NJ.com. Gov. Chris Christie at Paulsboro Marine Terminal to sign wind energy bill into law. URL: http://www.nj.com/gloucester-county/index.ssf/2010/08/gov_chris_christie_at_paulsbor.html

мя первого срока президентства. Однако тогда Кристи считал, что не готов выставить свою кандидатуру.

Осенью 2012 года ураган Сэнди накрыл нью-йоркское побережье буквально за неделю до всеобщих выборов. Кристи активно включился в работу по преодолению последствий стихийного бедствия. Вместе с Обамой Кристи проинспектировал пострадавшие районы побережья, а в своих публичных выступлениях высоко оценил оперативность действий администрации президента и – так неконсервативно! – запросил помощь федерального бюджета для ликвидации последствий разгула стихии.

Оппоненты и политические соперники Кристи в собственной партии этого ему не забыли. Поведение Кристи – «подарок для президента», кипятились консерваторы. Своими заявлениями о том, как высоко он ценит лидерство Обамы, он подрывает веру избирателей в аргументы республиканцев, которые стремились представить действующего президента как слабого лидера, неспособного на решительные действия. Из-за этой истории в 2013 году Криса Кристи даже не стали приглашать на ежегодную Конференцию лидеров консервативного движения, CPAC (Conservative Political Action Conference)¹.

Осенью 2013 года разразился политический скандал, упомянутый в начале этой статьи. Ограничение движения на мосту имени Джорджа Вашингтона не стало для Кристи концом политической карьеры, но серьезно повредило – и до сих пор продолжает вредить – его репутации. Злополучные письма сыграли такую роль не столько из-за того, что для политической реальности США неприемлема «месть» мэру за отсутствие поддержки. Этот факт прошел для биографии Кристи почти бесследно – тем более что сам мэр Соколич отрицал, что его о такой поддержке просили. Не простили Кристи оскорбительного тона переписки его сотрудников, глумление над тем, что «дети избирателей Барбары Буоно» стоят в огромной пробке в первый день учебного года. Разумеется, не простили и того, что огромное число людей испытало серьезные неудобства из-за мелочного каприза облеченного властью человека.

Миф, согласно которому губернатор способен поставить повседневные интересы своих избирателей выше политических, рухнул в одночасье.

Инцидент был расследован сразу несколькими комиссиями, однако причастности самого губернатора (или хотя бы малейшего свидетельства, что приказ исходил непосредственно от Кристи, а не от его заигравшихся во власть соратников) доказать не удалось. Кристи провел двухчасовую пресс-конференцию, пытаясь убедить Нью-Джерси, что не имеет никакого отношения к инциденту. Против него сыграло то обстоятельство, что он всегда отзывался о своей команде как о близком ему круге людей. Он был вынужден вновь и вновь повторять, что нет ни малейшего оправдания этому поведению. «Нет ни малейшего оправдания тому, что эти люди солгали своему губернатору о том, что они непричастны к этой истории. Мое сердце разбито, доверие предано»².

Спустя всего полгода после скандала казалось, что Крису Кристи удалось полностью оправиться от его последствий. Согласно опросам об-

¹ Business Insider. Conservatives Are Beginning To Freak Out About Chris Christie And Barack Obama. URL: <http://www.businessinsider.com/chris-christie-obama-sandy-new-jersey-damage-conservatives-drudge-2012-10>; Daily Caller. What's Chris Christie up to? URL: <http://dailycaller.com/2012/10/31/whats-chris-christie-up-to/>; New-York Times. The 'I' of the Storm. URL: http://www.nytimes.com/2012/10/31/opinion/dowd-the-i-of-the-storm.html?_r=0; Los Angeles Times. Chris Christie and Hurricane Sandy give Obama a timely boost. URL: <http://www.latimes.com/opinion/topoftheticket/la-na-tt-chris-christie-boost-20121031-story.html>

² Полная запись двухчасовой пресс-конференции Криса Кристи доступна на YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=N5GRpJweZNU>

щественного мнения в июле 2014 года, он пользовался поддержкой 13% избирателей и входил в топ-5 самых популярных республиканцев¹. Организаторы СРАС также вернули Кристи свою благосклонность и приглашали его на свою Конференцию в 2014 и 2015 годах.

Человек, который мог (бы) победить Хиллари

30 июня 2015 года Крис Кристи объявил о решении вступить в борьбу за президентскую номинацию своей партии. Он стал четырнадцатым по счету кандидатом от республиканцев и, как считают, выбрал для этого далеко не самый лучший момент своей карьеры. Его рейтинг падал на протяжении предыдущих месяцев, и, согласно опросам Fox News, на момент объявления о собственном решении он не входил даже в десятку самых популярных политиков-республиканцев. Политические аналитики связывают это с тем, что «Бриджгейт» все же сказался на репутации Кристи в отдаленной перспективе. Кроме того, на тот момент о своем намерении бороться за пост президента заявили уже многие политики и бизнесмены, и внимание избирателей было приковано к эксцентричному Дональду Трампу, политическому «тяжеловесу» Джебу Бушу и давним любимцам республиканцев Теду Крузу и Марко Рубио.

По сравнению с каждым из них у Кристи есть весомые преимущества. Он сочетает в себе мощную харизму, умение ярко и хлестко говорить и – едва ли не самое важное – реальный политический опыт, отсутствие которого еще не раз припомнят фаворитам республиканской гонки – Дональду Трампу, Марко Рубио и Бену Карсону. Казалось, история воплощения республиканской повестки в штате, где большинство избирателей традиционно поддерживает демократов, действительно может привести к победе президента-республиканца в стране, где последние восемь лет сильны позиции демократов. Крис Кристи выгодно смотрится в переполненном пуле кандидатов в президенты от Республиканской партии и действительно способен выступить достойным соперником искусственной в политических играх Хиллари Клинтон.

Однако в ноябре 2015 года Кристи поджидал мощный удар. Слишком большое число кандидатов от Республиканской партии вынудило организаторов публичных дебатов, “Fox News” и “Wall Street Journal” выбирать, кого поместить в основные дебаты, которым отведено самое лучшее эфирное время, а кого – в предварительные «разогревающие» дебаты, которые демонстрируются в более раннее время.

Впрочем, Кристи выжал из этой ситуации буквально все, что мог. Бобби Джиндалл, неумело атакующий Кристи за «недостаточно консервативную» историю управления штатом; лоцный и очевидно нервный Санторум, который сумел справиться с волнением только ближе к концу дебатов; безобидный Майк Хаккаби – все они выглядели рядом с Кристи так, словно были на голову ниже его. Кристи же обратился к зрителям с ясным посланием: его цель отнюдь не мелкие склоки с ближайшими политическими соперниками, его цель – победа над врагом более мощным и сильным – Хиллари. Грузный и не особенно привлекательный на статичных фотографиях, Кристи всегда отлично выглядит на телевизионной картинке. Он совершенно не тушует перед камерами, ни на минуту не теряет уверенности в себе и буквально излучает энергию и готовность к решительным действиям.

¹ NJ.com.Chris Christie jumps to top of the list among GOP presidential contenders, poll finds. URL: http://www.nj.com/politics/index.ssf/2014/07/chris_christie_jumps_to_top_of_the_list_among_gop_presidential_contenders_poll_finds.html

Исключение Кристи из основных дебатов назвали «невероятно вредным» для его избирательной кампании¹, а “New York Times”, регулярно критикующая Кристи, так и вовсе сочла этот факт достаточным, чтобы отправить Кристи в список аутсайдеров гонки². Это, без сомнения, серьезно скажется и на возможностях Кристи привлечь финансирование для избирательной кампании, ведь ему тяжело соперничать в количестве потраченных и привлеченных средств с Дональдом Трампом и Джебом Бушем³.

Единственный шанс для Кристи перевести избирательную кампанию на новый уровень – добиться выступления в основных дебатах, где он, наконец, получит реальный шанс проявить себя. Если спустя пять недель после ноябрьских дебатов Кристи примет участие в очередной публичной дискуссии в ранге одного из основных кандидатов, он сможет составить серьезную конкуренцию нынешним фаворитам республиканской гонки. Рано или поздно республиканцы устанут от бесконечного эпатажа Трампа и самолюбования Марко Рубио и, наконец, обратят взгляды на тех, чья способность к ярким выступлениям подкреплена политическим весом и реальным опытом.

Впрочем, вне зависимости от того, что думают на этот счет политические аналитики и его соперники по партии, Крис Кристи не намерен сдаваться.

¹ NJ.com. Why debate diss is ‘enormously damaging’ to Christie campaign. URL: http://www.nj.com/politics/index.ssf/2015/11/christie_nh_morning.htmlhttp://www.nj.com/politics/index.ssf/2015/11/christie_nh_morning.html

² New York Times. Gov. Christie, Time to Go Home. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/30/opinion/governor-chris-christie-time-to-go-home.html>

³ Fox Business. Home Depot Co-Founder Dials Down Chris Christie Push. URL: <http://www.foxbusiness.com/business-leaders/2015/11/04/home-depot-co-founder-dials-down-chris-christie-push/>

Аннотация. В статье дан политический портрет губернатора Нью-Джерси Криса Кристи, проанализировано его место в ряду претендентов на пост президента США от Республиканской партии. Особое внимание уделено политическому скандалу, получившему название «Бриджгейт», его последствиям для политической карьеры Криса Кристи, а также якобы «недостаточно консервативной» политике губернатора-республиканца в «демократическом» штате.

Ключевые слова: президентская избирательная кампания-2016 в США, Республиканская партия, Крис Кристи, либеральный консерватизм, Бриджгейт, Хиллари Клинтон, «недостаточно консервативный».

Natalya Demchenko, political observer. E-mail: natalya.demchenko@gmail.com

Chris Christie: What’s the Danger of the “Insufficiency of Conservatism”?

Abstract. The article presents political portrait of New Jersey Governor Chris Christie and gives a detailed analysis of his place among Republican candidates for the US presidency. Particular focus is made on the so-called “Bridgagate” political scandal, its consequences for Chris Christie’s political standing and the Republican Governor’s “not enough conservative” policy in a “Democratic” State.

Keywords: Presidential Election Campaign in the USA in 2016, Republican Party, Chris Christie, Liberal Conservatism, Bridgagate, Hilary Clinton, “not enough conservative”.

Карли Фиорина: звезда или метеор Республиканской партии?

Шестидесятилетняя протестантка, рожденная в Техасе, изучавшая в Стэнфорде средневековую историю, руководившая крупнейшей корпорацией и поднимавшаяся вверх по карьерной лестнице без всяких «феминистских штучек», владеющая пятью единицами стрелкового оружия, верная республиканским идеалам, она успешно сражалась с раком груди, потеряла падчерицу в войне с наркоманией. С нее можно писать портрет современной правой женщины.

Карли Фиорина. Если бы подобная женщина-кандидат не появилась на президентских выборах в лагере правых, республиканцы должны были ее придумать. Фиорина презентовала электорату свежий образ консервативной женщины и дополнила портрет нового правого лидера, идущего из бизнеса в крестовый поход против отмирающего истеблишмента.

Но чтобы понять, почему именно она и именно сейчас появилась в списке претендентов на высший пост США, нужно перенестись в год 2008-й.

Женщины ветерана Маккейна

Именно тогда – в 2008-м – Барак Обама и Джо Байден уверенно победили пару Джон Маккейн – Сара Пэйлин. При этом если Маккейн уверенно выиграл праймериз родной партии, то в лагере левых Обаме пришлось побороться за место в финале и выдержать тяжелейшую схватку с Хиллари Клинтон.

Пока демократы выясняли между собой, отдать ли должное почти полувековой расовой интеграции, выбрав Обаму, или дать порулить феминисткам во главе с Клинтон, республиканцы думали, как привлечь разочаровавшегося избирателя и освежить кампанию. Тогда только-только начало формироваться Движение Чаепития, еще лишь зрел запрос на обновление истеблишмента партии (но «клан Бушей» уже вызывал сопротивление, а выпускники традиционных «республиканских инкубаторов» навевали скуку). К тому же, критиковать в полную силу госпожу Клинтон было нелегко. В ее руках гендерный вопрос стал мощным оружием, которым она умело пользовалась, чуть что – обвиняя оппонентов в сексизме.

Как следствие, в окружении сурового ветерана Маккейна (для улучшения образа кандидата в глазах правых избирательниц) начали появляться женщины: Джилл Хэзелбэкер заняла пост директора по связям с общественностью, Мелисса Шуффилд стала пресс-секретарем. Карли Фиорине досталась роль советника по экономическим вопросам.

Еще два года назад она блистала на вершинах рейтингов самых влиятельных и успешных женщин Америки, но слияние компаний Hewlett-Packard и Compaq

закончилось для HP потерей миллиардов и падением курса акций на 63%. Фиорина покинула пост, не дожидаясь, когда совет директоров ее уволит...

* * *

Карли отдала телекоммуникационной отрасли более четверти века, к двадцати пяти годам попав в телеком-гигант AT&T. До этого Фиорина успела поработать секретаршей, брокером и даже преподавательницей английского в Италии. Она прошла все ступени карьерной лестницы, начав в AT&T с должности стажера, и к сорока годам уже руководила продажами компании в Северной Америке.

В 1996 году Фиорине доверили руководить первым выпуском акций одного из подразделений AT&T – телекоммуникационной Lucent (с Фиориной компания заработала на удачном размещении акций три миллиарда долларов), а к 1998 году Карли возглавила отдел глобальных поставщиков услуг и приносила компании более двадцати миллиардов ежегодного дохода.

Ей всегда был близок мужской стиль работы. «У Карли Фиорины серебряный язык и железная воля», – писал “Businessweek” в конце 1990-х.

Впрочем, позже скептики скажут, что сделки Фиорины того времени были сомнительны: Lucent не стеснялась кредитовать клиентов для покупки ее же оборудования, что привело к сумасшедшему росту продаж¹.

В 1999 году звезда Фиорины была на пике: она стала первым внешним гендиректором Hewlett-Packard, приглашенным советом директоров как «идеальный кандидат на усиление позиции HP в стремительно меняющейся отрасли информационных технологий». Однако провалившаяся «сделка века» – противоречивое слияние HP и Compaq Computers в 2005 году – довела ее до отставки².

Положительный эффект от ее менеджмента все же был: Фиорина упорядочила деятельность HP, укрупнив подразделения и сделав их более управляемыми. Она помогла сделать компанию лидером в благотворительности и запустила программу обучения технологиям HP в разных странах, чтобы помочь преодолеть цифровой разрыв.

По мнению многих критиков и экспертов, «госпожа Фиорина была превосходна в маркетинге, более или менее в стратегии и совершенно плоха как исполнитель». После истории с Hewlett-Packard она написала ставшую бестселлером биографию «Трудный выбор», регулярно появлялась как комментатор на Fox News, вошла в советы директоров нескольких компаний, а также была назначена председателем Внешнего консультативного совета ЦРУ (его главе

¹ «Деньги от возвращенных кредитов стали появляться в графе “прибыли и убытки” Lucent в качестве новых поступлений, в то время как рискованный долг был спрятан в балансе в качестве якобы актива», – писал тогда обозреватель “Forbes” Скотт Вулли.

² 3 сентября 2001 года Фиорина, невзирая на возражения сыновей учредителей HP Уолтера Хьюлетта и Дэвида Паккарда, объявила о слиянии с Compaq Computers, за два года до этого продавшей больше серверов, чем IBM, HP и Dell вместе взятые. Сделке противились и многие акционеры, называя ее результатом закулисной борьбы и сговора. По информации представителей династии Хьюлетта, за слияние Compaq и Hewlett-Packard генеральные директора обеих компаний могли получить компенсацию 115 млн долл. Сын основателя HP потратил 32 млн долл. личных средств на противодействие сделке. Он утверждал, что на рекламу слияния было истрачено не менее 150 млн долл. Покупка все-таки состоялась и стала символом провальной сделки такого масштаба. К 2005 году стоимость акций объединенной компании обвалилась с 52 до 21 долл., было уволено около 30 тыс. сотрудников, прибыль не выросла, и HP уступила место на рынке конкурентам из Dell. В феврале 2005 года Фиорина предпочла уйти из компании, что вызвало отскок биржевых котировок HP на 7%.

Майклу Хейдену НР помогала оборудованием после терактов 11 сентября). Однако, по сути, Карли «заклчила себя в относительно добровольную ссылку» – выдерживая паузу, не спешила возвращаться в сферу IT...

* * *

Политические амбиции появились у Фиорины в 2008 году, когда Джон Маккейн предложил ей поработать в его избирательном штабе. Покойный отец Фиорины был консервативным федеральным судьей апелляционного суда и в 2000 году вел скандальное дело «Уайтуотер»¹, где Карли и Маккейн выступали свидетелями. Там они и познакомились. Фиорине тогда понравился этот «хорошо разбирающийся в технологических инновациях» сенатор. В 2008-м Маккейну понадобилась телегеничная, узнаваемая и умеющая хорошо говорить персона для продвижения его экономических предложений избирателю. А в контексте наступающей на пятки госпожи Клинтон с ее женским электоратом и непопулярности сенатора среди избирательниц компетентная в экономике Фиорина казалась ему идеальной кандидатурой на роль советника. Для Карли же это была возможность восстановить, наконец, свою репутацию после неудачи в НР.

Впрочем, именно эта неудача вызывала большие вопросы в окружении Маккейна. Многие влиятельные республиканцы и близкие советники сенатора недоумевали, почему женщина, раскритикованная за неумелое управление одной из легендарных корпораций, представляет кандидата, который недавно сам публично признал, что «не понимает экономику настолько хорошо, насколько должен».

Мнения о Фиорине были противоречивы: от «превосходного маркетолога» до «хулиганки с уличным стилем правления» и «худшего выбора Маккейна». Многие считали, что из-за провала в НР она не сможет послужить мостом кандидата к деловым кругам и уж точно не найдет отклика у сообщества с Уолл-стрит.

Но Маккейн настаивал на участии Фиорины в кампании, называя ее «американской историей успеха», и в случае победы прочил ей большую должность в своем кабинете. Тогда эксперты гадали, что же это будет за роль: министр финансов или вице-президент? Но на Фиорину в роли вице-президента республиканцы реагировали негативно – она была новичком в политике, а рисковать в сложившейся ситуации никто не хотел. Рейтинги Буша-мл. тогда были слишком низки, поэтому республиканцы отчаянно пытались сыграть на симпатиях избирательниц.

Идея о том, чтобы переломить ситуацию, выдвинув женщину на пост вице-президента, витавшая в воздухе, все же воплотилась. Но кандидатом на эту должность стала Сара Пэйлин, имевшая опыт управления штатом Аляска и любимица религиозных правых. Неожиданный и смелый выбор Маккейна в пользу молодой подчеркнутой консерваторши поначалу принес сенатору завидный довесок в рейтинге – его напарница вдруг оказалась самым популярным политиком США, опередив по этому показателю и Хиллари Клинтон, и Барака Обаму, и самого Джона Маккейна.

Однако Маккейн переиграл в «ястреба», и в итоге их с Пэйлин воинственный дуэт начал производить странное и даже жалкое впечатление.

¹ Дело 2000 года о незаконной сделке по приобретению земельного участка в штате Арканзас в 1980-х годах. Тогда Клинтон был губернатором штата, а его жена – партнером адвокатской фирмы, оформлявшей сделку. Обвинения в том, что они добивались незаконных налоговых скидок, а затем лгали под присягой и препятствовали отправлению правосудия, сопровождали Клинтон в течение всего его пребывания на посту президента.

К тому же, как мы помним, в 2008 году гендерная комбинация не прошла испытания – Америка оказалась не готова к президенту-женщине¹, а Пэйлин в итоге не смогла помочь республиканцам стереть гендерный разрыв с демократами. Из «хоккейной мамочки» СМИ сделали карикатуру. Впрочем, настоящая карьера Сары Пэйлин началась уже после кампании 2008 года. Свежих и привлекательных идей у партии тогда так и не нашлось, и чуть позже для таких, как Пэйлин, открылось окно возможностей в виде Движения Чаепития.

Но вернемся к Фиорине.

Гендерная карта-2016

В президентской кампании Маккейна Карли присмотрелась к правилам игры и комбинациям на новом для нее политическом поле, проанализировала ошибки (свои и коллег), оценила шансы. И начала готовиться к собственной политической карьере. Благо, амбиций ей всегда хватало.

Еще в 2008 году она вместе с Кондолизой Райс создала фонд One Woman Initiative, задачей которого стало расширение прав женщин. В 2010 году, несмотря на тяжелую болезнь, сразилась на выборах в Сенат за Калифорнию. Не с кем-нибудь, а с Барбарой Боксер – одним из самых либеральных сенаторов США (и сразилась достойно – набрав 42%). Наконец, с 2014 года возглавила Комитет политических действий (Unlocking Potential Project), который занимается вовлечением активных женщин в республиканские ряды. Проще говоря, комитет по отбору голосов у Клинтон.

* * *

Со времен Буша-ст. в 1988 году ни одному кандидату-консерватору не удавалось заручиться поддержкой женского большинства.

В этом нет ничего неожиданного – в последние годы консерватизм в публичном пространстве все меньше связывался с экономической доктриной и все больше – с культурными войнами, где правые «девственники» героически сражались с абортами, развратной одеждой и многообразием семейных форм. В итоге женщины ушли к левым. Оно и понятно. Если твои проблемы не интересны – ты уходишь туда, где тебя любят. Зачем идти к кому-то, кто сидит и рассуждает, что в тебе не так?

Когда уже в 2012 году 55% избирательниц поддержали Барака Обаму, это сделало неизбежным поражение Митта Ромни. В итоговом докладе Республиканской партии тогда был сделан вывод: «Нам нужно выработать ориентированную на будущее позицию, чтобы убедить женщин».

В целях формирования такой позиции был создан ряд институтов и комитетов. О том, что гендерные комбинации демократов стали давать сбои, красноречиво говорят проигранные ими в 2014 году промежуточные выборы в Конгресс. Либералы настолько сосредоточились на войне за женские права, что не заметили, как женщины-республиканки наводнили этот высший законодательный орган. И вот уже от белого мормонского штата Юта в Палате представителей заседает первая в истории этого штата конгрессмен-республиканка-афроамериканка, Аризону и Айову представляют правые летчица-полковник и женщина – ветеран Ирака, а Западная Виргиния, впервые с 1942 года, запо-

¹ После выборов 2008 года конгрессмен-демократ Патриция Шредер так описывала ситуацию: «Всякий в Америке знает, как должен одеваться кандидат в президенты: красный галстук, белая сорочка, костюм. Если вы хотите выглядеть напряженно работающим, вы ослабляете узел галстука, снимаете пиджак, закатываете рукава. А что должна делать женщина? У нас нет готовых решений».

лучила на полный срок правую «женскую активистку». Демократам такое гендерное равноправие и не снилось.

Но правым было нелегко. Женское присутствие изначально не было обозначено в правом дискурсе. Поскольку консервативное представление «о естественном порядке вещей» во многом основано на христианской идеологии, встроенные в него концепции «естественного предназначения женщины» были очень устойчивы, их очень тяжело изменить. Между тем, рассуждения демократов о потребностях женщины в категории «борьбы за права» за много десятилетий плавно и незаметно срослись с такими понятиями, как «право на аборт», «право делать карьеру» и «право на свободное удовлетворение сексуальных потребностей».

Консерваторы выработали позицию, исходя из которой женщины с промытыми феминизмом мозгами и представлениями об «изначальной дискриминации» сами делают себя несчастными: они ждут помощи от «большого правительства», требуют особых прав на основании того, что становятся матерями, но в то же время отрицают материнство в качестве непреложной ценности, поскольку оно мешает им быть по-настоящему успешными.

Но на практике с самого начала праймериз республиканцы продолжали отталкивать от себя женщин, наступая на те же грабли. На первых же дебатах случился скандал вокруг сексистских заявлений Дональда Трампа в адрес журналистки Мегин Келли. Там же, в Кливленде, Марко Рубио и Скотт Уокер неубедительно выступили за полный запрет абортов, даже в случае инцеста, изнасилования и угрозы для жизни матери. Другие претенденты, в том числе и «умеренный» Джеб Буш, предложили отказать в государственных субсидиях организации Planned Parenthood, которая оказывает женщинам медицинские услуги в сотнях клиник по всей стране. Иными словами, правые кандидаты снова показали, какой избиратель является для них приоритетом: «белый мужчина шовинистских взглядов».

Отягощало ситуацию и то, что мейнстримная американская культура за два срока правления демократов устойчиво разделила женщин на два лагеря. В первом оказались яркие носительницы левых идей, хрестоматийные и запоминающиеся вроде мультяшной Лизы Симпсон и реальной Хиллари Клинтон. У таких всегда есть цель: транслировать прогрессивные лозунги, быть политически активными, вести героическую борьбу с мужчинами (и просто – борьбу). В общем, менять и спасать мир. На фоне этих ярких левых образов остальные женщины выглядели бледно.

Однако «ускорившийся» мир дал правым шанс исправить ситуацию. Когда Америка окончательно избавилась от «глупостей», касающихся неравенства полов, возможности начали делиться не между мужчинами и женщинами, а между способными и не способными ими воспользоваться. И в таких условиях давление левого эмансипированного образа на женские умы оказалось слишком велико. Многие современные женщины, мечущиеся между своими природными потребностями и навязанным образом «работающей матери», делающей карьеру наравне с мужчинами, попадали в ловушку.

Соответственно, картина мира, где женщину никто не притесняет (она выступает как союзник мужчины, представляя вторую половину в едином союзе) и у нее есть выбор (заниматься общественной жизнью или, в ответ на общую тенденцию, напротив, уйти в семью), – такая картина выглядела весьма соблазнительной на фоне феминистского крайнего индивидуализма.

Именно свободу выбора предложила Карли Фиорина, выдвинув свою кандидатуру на президентский пост. На мероприятии в Манчестере (Нью-Гэмпшир) она так рассуждала о феминизме: «Феминистка ли я? Зависит от того, что вы имеете в виду. Равенство? Глупости. Если я и феминистка, то в

том смысле, что выступаю за право женщине самой выбирать, как ей жить, – растить и обучать дома пятерых детей или штурмовать высоты бизнеса. А этот термин слишком политизирован»¹. Иными словами, Фиорина объявила женские проблемы искусственным конструктом, а «войну против женщин» – изобретением демократов.

Весной 2015 года на одной из встреч с журналистами Карли пустилась в рассуждения о том, что было бы, если бы Хиллари Клинтон пришлось столкнуться с оппонентом-женщиной. Фиорина представила себя единственным республиканским кандидатом, которому не придется беспокоиться о том, чтобы случайно начать войну против женщин или о противостоянии демократу женского пола. «Клинтон не сможет разыграть гендерную карту, – заявила Фиорина. – Ей придется полагаться на свой послужной список, а не на политику идентичности».

Фиорина vs Клинтон

На тренировках боксеры бегают в тяжелой обуви для того, чтобы затем на ринге, сняв ее, легко передвигаться. Карли Фиорина «тренировалась» семь лет. Она вступила в предвыборную борьбу 4 мая 2015 года и плелась в хвосте семнадцати претендентов на четырнадцатом месте, в лучшем случае набирая 2% голосов потенциальных избирателей. Более 60% американцев вообще не знали, кто она такая.

Тяжелые ботинки она скинула на первых же дебатах. Сначала Фиорина поучаствовала в дискуссии кандидатов с низким рейтингом, где буквально «вытерла пол» соперниками, тотчас попав «из малой лиги в высшую». На вторых дебатах она была признана победительницей по уровню одобрения аудитории, вторглась в топ-пятерку и едва не догнала Дональда Трампа. Избирателям в ней понравилось многое: и статус политического аутсайдера, и отвага выступать против закаленных политиков-профессионалов, которыми Америка сыта по горло, и манера изящно парировать любые удары.

Рост ее рейтинга (с 2–3% в начале августа до 12–15% в конце сентября) послужил поводом для разговоров, что обе партии по итогам толкотни на праймериз могут наблюдать дуэль двух женщин. И что за Карли Фиориной зарезервировано место кандидата в вице-президенты, дабы из-за могучей спины основного кандидата критиковать Клинтон, не боясь нарваться на обвинения в сексизме.

На руку Фиорине играла и устаревшая гендерная повестка госпожи Клинтон. В отсутствие принципиально нового подхода последняя упорно продолжала развивать давние идеи об узаконенных абортах и доступной контрацепции. Но ни она, ни кто-либо из демократов не уделили внимания развитию репродуктивной медицины и новым возможностям женского жизненного цикла, который интересует образованную эмансипированную женщину гораздо больше, чем абстрактные права. Казалось бы, это упущение отчетливо просматривалось в программе *Obamacare* (в той самой ее части, где речь идет об абортах, контрацепции и материнстве). Но рисковать и снова разбивать себе лоб о коварное американское здравоохранение Клинтон не стала, а потому Фиорина легко крушила выстроенную левыми систему феминистических ценностей, сосредоточившись на критике своего главного оппонента.

«Клинтон размещает твиты по поводу прав женщин в этой стране и при этом берет деньги у правительства, которое отрицает элементарные права, которые имеют женщины»; «она говорит об одинаковом уровне зарплаты для

¹ URL: <http://blogs.reuters.com/talesfromthetrail/2015/10/05/fiorinas-feminism-comes-to-the-fore/>

женщин, но не может ответить на простой вопрос о зарплате, которую получают работники в ее офисе»; «Клинтон ничуть не лучше Трампа, если считает, что комментарии против Мегин Келли – это и есть война Республиканской партии с женщинами. Выходит, все, кто по-настоящему угнетает и оскорбляет женщин, виновны в той же мере, что и Трамп?»; «Аборты? Да, деликатная тема. Но наука уже доказала, что ДНК зиготы является такой же, как ДНК в день смерти, – по этому вопросу у нас нет разногласий. Большинство американцев теперь думают, что аборты на позднем сроке являются проблемой. Я лишь транслирую мнение большинства»¹.

Словно издеваясь, Карли «копипастит» методы ранней Хиллари – тональность ее кампании не уступала лучшим традициям левого пиара: собирает молодых женщин из Республиканского женского клуба на деловые завтраки, где обращается к гендерному признаку аудитории; как и Хиллари, просит называть ее «просто Карли». Правда, в отличие от Клинтон Фиорина предлагает женщинам другие вдохновляющие слова – в духе модных мотивационных речей Стива Джобса: «Тянитесь к тем, кто дает вам шанс проявить ваш потенциал, и не важно – мужчины это будут или женщины».

Как и ее оппонентка, Фиорина часто прибегает к гендерной карте, парируя сексистские выпады. Например, в Далласе на комментарий о том, что женщина не должна быть президентом, поскольку на нее сильно влияют гормоны, она намекнула на сексуальный скандал экс-президента Билла Клинтона: «Как будто мы не видели, как мужская способность к здравым суждениям замутняется гормонами, в том числе в Овальном кабинете». И еще она нападает. Обвинила Барака Обаму... в женоненавистничестве, заявив, что президент не любит женщин, поскольку сократил 92% рабочих мест, занимаемых женщинами. А это ущемляет их права. Иными словами, столкнувшись лицом к лицу с мировым «феминистическим халифатом» в лице Клинтон, Фиорина продемонстрировала, что выступать «на равных» с Хиллари не так уж и страшно, если применять те же методы.

Соперничество между Клинтон и Фиориной поначалу действительно выглядело как шоу для привлечения женской части электората «голосовать за своих». Некоторые избирательницы с многолетним демократическим стажем перешли на сторону Фиорины. На фоне скандалов вокруг бывшего госсекретаря Карли им кажется более честной и «земной». Сама Клинтон воздерживается от прямой критики в адрес Фиорины. Вместо этого она абстрактно подчеркивала, что республиканцы будут плохими представителями прав женщин в Овальном кабинете, и поспешила заявить на страницах «Time», что к республиканке Карли Фиорине не следует относиться как-то особенно только потому, что она – женщина. Мол, «то, что она женщина, – это конечно хорошо, но вот прежде всего – что она за политик?»².

И в этом Хиллари Клинтон права. Рано или поздно домашние заготовки закончатся, и вопрос «кто станет следующим президентом США?» прозвучит со всей серьезностью. Сможет ли в прямом столкновении с опытным политиком звезда туше играть на выборах первую роль?

Обращение Фиорины к избирателям-женщинам вряд ли поможет ей на всеобщих выборах. Республиканские женщины меньше мотивированы проголосовать за другую женщину. Гендерная политика играет гораздо большую роль для либералов, в то время как у консерваторов «партийность всегда превосходит пол»³.

¹ URL: <http://www.ijreview.com/2015/06/346810-whoopi-asks-carly-fiorina-if-she-could-be-president-of-everyone-in-spite-of-her-christian-beliefs/>

² URL: <http://time.com/4070291/hillary-clinton-carly-fiorina-planned-parenthood/>

³ По прогнозам аналитиков, гендерная составляющая будет мотивировать лишь 15–18% избирателей.

К тому же, еще в ходе первых дебатов вдруг выяснилось, что главным препятствием для уважаемых представителей известных династий на пути к Овальному кабинету является вовсе не Хиллари Клинтон, а родной республиканский избиратель, который хочет новых лиц.

Шансы на успех

Если дебаты Демократической партии правильнее было бы назвать ток-шоу «Клинтон выбирает лучшего вице-президента», то в предложенной республиканцами комбинации подобных вариантов масса. Там есть все составляющие столь любимой избирателями «американской мечты»: и черный хирург, и два латиноамериканца, и эксцентричный миллионер, и успешная деловая женщина. Невиданное ранее разнообразие.

Фиорина – кандидат, расположенный к бизнесу, и у нее есть талант выражаться резко и критически. Отчасти поэтому на нее обратили внимание братья Чарльз и Дэвид Кох, известные своей поддержкой Движения Чаепития¹. Впрочем, Кохи сейчас готовы помочь любому несистемному правому кандидату², и их поддержка скорее говорит о том, что Фиорина послужит хорошим тараном против истеблишмента, но не о реальных шансах выиграть номинацию.

Своей программы у Фиорины, по большому счету, нет. Все ее высказывания – стандартный республиканский набор. Попав под обаяние неоконсерваторов, она слово в слово повторяет за Маккейном, советницей которого была: «В любой непонятной ситуации вводи войска». Так же как однопартийцы, Фиорина высказывается против «большого правительства», абортот и однополых браков, против предоставления амнистии нелегальным иммигрантам³.

По ряду экономических вопросов ее позиции более консервативны, чем у оппонентов. В отличие от Карсона и Санторума она выступает против увеличения минимального размера оплаты труда. Еще в 2009 году, когда Акт о справедливой зарплате пришел в Сенат на обсуждение, Фиорина, единственная в женской части сенаторов-республиканцев, отказалась поддержать его, сказав, что «никакого здравого смысла в этом законопроекте нет», а «равноправия нам и так уже хватает».

Главный упрек, который адресуют Фиорине, – число потерянных рабочих мест во время ее пребывания на посту генерального директора Hewlett-Packard. В контексте остающейся в стране тревоги по поводу безработицы умение увольнять сотрудников недрогнувшей рукой едва ли сослужит ей хорошую службу. Ее ответ на осуждение таков: «Деревья иногда необходимо обрезать, чтобы они оставались здоровыми, а компаниям иногда необходимо “урезать” число сотрудников для того, чтобы выплачивать дивиденды акционерам и в итоге нанять больше людей, в том числе, на места некоторых ранее уволенных».

Свой опыт оптимизации за счет сокращения рабочих мест она собирается применить к государственному аппарату, чтобы уменьшить число бюджетных сотрудников.

¹ Фиорина уже выступала на «чайных» мероприятиях – вспоминается ее «Дайте нам свободу, а не долги!» в городке Плезантон на митинге Чайной партии. Как написала тогда «New York Times», «Фиорина отбарабанила дробь стратосферических цифр о национальном долге и привела пример за примером того, что она считает перегибом правительства, заявив, что оно не создает, а уничтожает американскую мечту».

² На одной из встреч доноров фонда братьев-миллиардеров «Партнеры свободы» Кохи пообещали потратить 889 млн долл. во время выборов в 2016 году.

³ Впрочем, в ходе дебатов она вспомнила, что иммигранты помогли создать Силиконовую долину.

Она выступает за бюджет с нулевой базой, чтобы заставить каждый государственный орган отчитаться по своим затратам: «Ежегодно каждый государственный орган тратит каждый доллар, который ему дается – и не важно, нужен он ему или нет, – потому что процесс ассигнования якобы должен был ориентирован на темпы роста следующего года. В результате правительство и стало таким раздутым, коррумпированным и оторванным от народа».

Возможно, ей стоит зайти еще дальше и принудить каждый орган не только оправдать свой бюджет, но само свое существование. Но сможет ли она дойти до этого «дальше»?

Все, что касается гендерных вопросов, у Фиорины получалось великолепно. Однако слишком много факторов вмешивается в процесс нынешней избирательной кампании. Так, после парижских терактов настроения и риторика в мире изменились. Во Франции введен «режим закрытости». На смену стратегиям и доктринам неоконсерваторов в мир снова может вернуться принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Все это не может не влиять на риторику кандидатов, как бы ни желали США следовать старому курсу и защищать его. Неоконсерваторы и либералы-«ястребы» предсказуемо и на все лады начали ругать Обаму за «мягкость». Берни Сандерс заговорил о социализме¹ и заявил, что хочет, чтобы Россия и члены Лиги арабских государств вошли в состав «НАТО 2.0». Дональд Трамп, все активнее поддерживаемый Движением Чаепития², уверял, что будь он тогда президентом, смог бы предотвратить теракты 11 сентября, поскольку придерживается «очень, очень жесткой позиции» по вопросу иммиграции.

На этом фоне Фиорина стала заметно «тише». Ее рейтинги во второй половине ноября уже не превышали 2–4%. Ей не догнать ни Трампа, ни Карсона, но она по-прежнему не отстает от Буша и Кэйсича. Ее способность держать удар стала слабее, а манера выступать – менее уверенной. Это чувствуют не только оппоненты.

Когда Фиорину спросили, почему она считает, что сможет лучше всего противостоять ИГИЛ, она ответила: «Потому что у меня ученая степень по средневековой истории». Ведущий в шутку предложил ей возглавить ИГИЛ, чтобы обрушить его на 45%, как в свое время она поступила с Hewlett-Packard.

Еще в начале кампании Фиорина любила повторять, что как бывший генеральный директор понимает принципы работы мировой экономики, а «стране необходим кризис-менеджмент». Это же о себе регулярно транслируют и миллионер Трамп («я бизнесмен, а не политик»), и нейрохирург Карсон («я врач, а страна нуждается в излечении»). Все эти кандидаты исповедуют применение бизнес-методов и кризисного управления, а не политических процедур. «Получилось в корпорации – получится и в государстве».

Но подходит ли сегодня корпоративный кризис-менеджмент с его «короткими», ограниченными во времени стратегиями для управления государством?

В США до сих пор нет внутреннего согласия о том, как вести политику на Ближнем Востоке или как сотрудничать с Юго-Восточной Азией, а внешние попытки повлиять на любую ядерную страну могут обойтись миру очень дорого. С распадом постялтинского мира перестала действовать хоть какая-то система сдержек и противовесов, построенная за годы противостояния СССР и США.

¹ URL:<http://abcnews.go.com/Politics/sanders-means-democratic-socialism/story?id=35315871>

² В начале ноября Трампа горячо поддержала звезда Движения Чаепития Сара Пэйлин, а активистка этого движения Катрин Пирсон стала сотрудницей его штаба.

Сегодня выстраивается новая. А это – долгий политический процесс, в котором важны не временные союзы и раздел сфер влияния, а общие для мира правила игры. Одной деловой хватки здесь может быть недостаточно.

Едва ли новый тип людей, идущих из бизнеса со своими «ясными представлениями об экономических процессах» и «рецептами для страны», способен полностью заменить собой «отмирающий истеблишмент».

Кое-кто из ранее незнакомых и еще не совсем оформленных «новых не-политиков», вероятнее всего, выстоит к началу лета 2016 года (именно к этому сроку обе партии США должны определиться со своими кандидатами на президентский пост). Обозреватель “The Washington Post” Крис Силицца в середине ноября призвал общество расстаться с мифом о том, что рейтинг Трампа лопнет и он «пошумит и уйдет»¹. Как бы там ни было, у Дональда Трампа куда больше средств на счету для продолжения кампании...

Карли Фиорина – идеальная пара любому республиканскому кандидату традиционного типа. Трампу и Карсону она не нужна. Им в вице-президенты может понадобиться сенатор или конгрессмен, чтобы отбиваться от обвинений в том, что они не знакомы с государственным управлением. Поэтому победа любого из этих оставшихся аутсайдеров может поставить крест на дальнейшей политической карьере Фиорины.

Первые «кокусы» в кампании республиканцев пройдут 1 февраля в Айове. По прогнозам вашингтонского издания “The Hill”, к этому времени из предвыборной обоймы выпадут Рэнд Пол, Бобби Джиндал, Рик Санторум, Линдси Грэм, Джим Гилмор и Джордж Патаки, у которых истощатся либо деньги, либо нервы. На комбинацию, при которой Фиорине, вероятно, достанется роль вице-президента, останется не так много вариантов.

По правилам «кокуса» в этом штате, всё, что меньше 15%, обнуляется. Но, учитывая сложность и непредсказуемость нынешних праймериз, возможно, до февраля Карли и дотянет. А вот запомнится она звездой или очередным метеором Республиканской партии? Время покажет.

¹ URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2015/11/19/yes-donald-trump-could-absolutely-be-the-republican-nominee-in-2016/>

Аннотация. После победы в 2012 году Барака Обамы, которого поддержали 55% избирательниц-женщин, в итоговом докладе Республиканской партии был сделан вывод: «Нам нужно выработать ориентированную на будущее позицию, чтобы убедить женщин». В 2015 году появилась Карли Фиорина, объявившая женские проблемы искусственным конструктом и противопоставившая себя Хиллари Клинтон, чья гендерная повестка устарела. Феномен Карли Фиорины заключается в том, что она соответствовала запросу, преподнося электорату не только свежий образ консервативной женщины, но и новый тип правого лидера, идущего из бизнеса со своими «ясными представлениями об экономических процессах» и «рецептами для страны».

Ключевые слова: президентская избирательная кампания 2016 года в США, Республиканская партия, Карли Фиорина, Хиллари Клинтон.

Natalia Voikova, journalist, publicist. E-mail: editor34@yandex.ru

Carly Fiorina; Star or Meteor of the Republican Party?

Abstract. After the victory of Barak Obama in 2012 when he was supported by 55% of the women-voters, the Republican Party stated in its concluding report: “We need to work out our new future-oriented position to convince female voters”. In 2015 Carly Fiorina joined the political realm announcing that female problems were an artificial construct and opposing herself to Hillary Clinton whose agenda based on gender issues was out of date. The phenomenon of Carly Fiorina consists in her program compliance to public needs, when she can offer the electorate not only a fresh image of a conservative woman, but also a new type of a right leader arising from business community and having “clear understanding of economic processes” and “success formula for the nation”.

Keywords: The 2016 US Presidential Election Campaign, Republican Party, Carly Fiorina, Hillary Clinton.

Майк Хаккаби – ревнитель христианской Америки

К ноябрю 2015 года «кандидат в кандидаты» от Республиканской партии США на пост президента Майк Хаккаби, кажется, растерял весь свой предыдущий успех. Зимой 2014-го рейтинг Хаккаби достигал 16%¹, и это было его самой серьезной победой; несколько недель он удерживал лидерство и симпатии республиканцев, обойдя при этом тогдашних фаворитов гонки – Рэнда Пола, Криса Кристи и Джеба Буша.

О том, что он намеревается участвовать в этой борьбе, Майк Хаккаби официально заявил только в мае 2015-го. Тогда же он стал делать смелые заявления, подвергая жесткой критике действующую администрацию и утверждая, что он «единственный, кто может противостоять клинтоновской машине»². Подразумевал он не только то, что наиболее вероятным кандидатом и соперником республиканцев в президентской гонке станет экс-госсекретарь, но и то, что ранее уже сталкивался с четой Клинтонов, будучи губернатором, и знает, с кем имеет дело.

Однако со временем рейтинг его становился все ниже и ниже, затормозив в районе 3%, в связи с чем его даже исключили из республиканских дебатов первого уровня³, для участия в которых необходимо было набрать 2,5% голосов избирателей, но тогдашние опросы такой результат Хаккаби не давали. Экс-губернатор Арканзаса был расстроен этими обстоятельствами и заявил: «Правила есть правила. Но все-таки тяжело в то время, когда вы можете и готовы рассказать, почему так важна для пожилых людей программа медицинского страхования (medicare), а также почему необходимы решительные перемены в сфере налогообложения, получать вопросы вроде «имеет ли моральное право Трамп стать президентом?»⁴. Позже, кстати, Хаккаби ответил и на этот вопрос,

¹ Суммированные данные опросов взяты с сайта RCP (2016 Republican Presidential Nomination). URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/us/2016_republican_presidential_nomination-3823.html

² Hensch M. Huckabee: I'm 'only person' to take on Clinton machine // The Hill. June 6, 2015. URL: <http://thehill.com/blogs/ballot-box/gop-primaries/244219-huckabee-im-only-person-to-take-on-clinton-machine>

³ Parker A., Corasaniti N. Chris Christie and Mike Huckabee, in Blow to Their Campaigns, Are Cut From Main Debate Stage // NYTimes. November 5, 2015. URL: <http://www.cnbc.com/2015/11/06/chris-christie-and-mike-huckabee-in-blow-to-their-campaigns-are-cut-from-main-debate-stage.html>

⁴ Sherfinski D. Mike Huckabee on bump from main GOP debate stage: 'Rules are rules' // The Washington Times. November 9, 2015. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/nov/9/mike-huckabee-bump-main-gop-debate-stage-rules-are/>

сказав, что верит в моральные качества Дональда Трампа, глядя на его семью и его детей. А до этого он подчеркивал, что ему «нравится в Трампе одна вещь: он – бизнесмен и знает, как вытащить нас из долгов. Люди устали от профессиональных политиков».

Взгляды и программы Трампа и Хаккаби во многом совпадают. Оба они «ультраконсерваторы», не старающиеся заигрывать с «толерантностью», оба «ястребы», оба жестки в иммиграционных вопросах. Некоторые аналитики предсказывают, что Хаккаби может примкнуть к кампании Трампа в качестве вице-президента. Сам Хаккаби открыто заявляет, что «любит Дональда Трампа и его линию галстуков» и что Трамп «хороший парень, и он будет куда лучшим президентом, чем Хиллари Клинтон. Я всю жизнь веду политику борьбы с клин-тоновской машиной»¹. Правда, пока Майк Хаккаби не спешит отказываться от солирующей партии и братья за роль второго плана. Охлаждение электората к такому яркому персонажу, как он, не означает, что американское общество остыло к нему окончательно.

Кому-то его фигура может показаться даже карикатурной. Образ Хаккаби вмещает в себя практически все стереотипы американского общества: он безгранично предан религии (в течение двенадцати лет был баптистским пастором, регулярно читал телепроповеди); играет на бас-гитаре в основанной им рок-группе; некоторое время назад вел ток-шоу имени себя на канале “Fox News”. За тем, как Хаккаби боролся с лишним весом (о чем он написал книгу), наблюдала практически вся Америка. Теперь некоторые журналисты шутят, что эта кампания станет весьма успешна для Хаккаби как писателя, похоронив шансы на успех Хаккаби-политика.

Но все же игра еще не окончена. Экс-губернатор штата Арканзас (губернаторство его было весьма успешным, в 2005 году Хаккаби был назван журналом “Time” одним из пяти лучших губернаторов²) вполне может еще вернуть расположение публики. Тем более что в 2008 году он финишировал вторым в гонке за позицию кандидата республиканцев, к сожалению, уступив пальму первенства Джону Маккейну.

Несмотря на то что в нынешней кампании Хаккаби остается в тени неожиданно возвысившихся кандидатов-аутсайдеров – Бена Карсона и Дональда Трампа, – решимости продолжать борьбу он не теряет, напоминая прессе примеры Рудольфа Джулиани, который считался фаворитом Великой Старой партии, но из-за скандала с любовницей снял свою кандидатуру в 2008 году, и Рика Перри, который также считался фаворитом, но уступил Митту Ромни в 2012-м.

Однако сойти с дистанции Хаккаби может по весьма прозаичным причинам – отсутствию денег на финансирование кампании. Та же проблема у Рэнда Пола и Рика Санторума, но у Хаккаби – самый низкий финансовый уровень – за третий квартал 2015 года он потратил всего лишь 1,3 млн долл. и то в основном на выплату заработной платы сотрудникам своей команды³. Для сравнения Рэнд Пол обошелся примерно двумя миллионами, а Бен Карсон потратил за тот же период около двадцати. Сам Хаккаби уверяет, что знает,

¹ Garcia C. Mike Huckabee says he ‘loves’ Donald Trump and his line of ties // The Week. October 28, 2015. URL: <http://theweek.com/speedreads/585792/mike-huckabee-says-loves-donald-trump-line-ties>

² Time names the five best governors in America // Time. November 13, 2005. URL: http://content.time.com/time/press_releases/article/0,8599,1129509,00.html

³ DelReal J.A. For Mike Huckabee, it may be the journey – not the destination // The Washington Post. November 17, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/for-mike-huckabee-it-may-be-the-journey--not-the-destination/2015/11/17/4b72edf4-87e1-11e5-be39-0034bb576eee_story.html

как вести малобюджетную кампанию, поэтому не сдает позиций и не сдается сам.

Будучи абсолютно медийной персоной, он умеет использовать любой информационный повод. Шесть лет Майк Хаккаби работал политическим обозревателем "Fox News", ведя свое еженедельное ток-шоу. Лишь в январе 2015 года он оставил эту работу¹, чтобы ринуться в политическую борьбу. Это лишило его значимого дохода, но приобретенный опыт играет на руку экс-губернатору, который знает, как привлекать аудиторию.

Иной раз по острым проблемам сегодняшнего дня Хаккаби выступает даже решительнее и жестче Трампа, стиль кампании которого называют теперь «трампизмом». Хаккаби и прежде славился своими резкими заявлениями и уникальными метафорами.

«Ядерную сделку» Вашингтона с Ираном теперь в той или иной степени критикует каждый республиканец. Но после июльского этапа переговоров и подписания документов представители ведущих кандидатов в президенты от Республиканской партии – Трампа и Джебба Буша – оставили этот сюжет без комментариев. Рик Санторум выступил с заявлением, что это «худшая внешнеполитическая инициатива президента». Но только Майк Хаккаби не сдерживал эмоций и без обвиняков заявил следующее: «Это самая идиотская выходка – эта сделка с Ираном. Так наивно со стороны Обамы доверять иранцам. Внешняя политика этого президента – самая безответственная в американской истории. Поступая таким образом, он отправляет израильтян к створкам печей»².

Метафора о Холокосте мгновенно взбудоражила как еврейскую общину, так и вообще общественность. Хаккаби из всех кандидатов является самым произраильским. Если Рэнд Пол мягко заявляет, что стоит прекратить публичную критику действий Иерусалима, то в симпатиях Майка Хаккаби сомневаться не приходится. Он фактически единственный из кандидатов, кто открыто называет Израиль «лучшим другом США в регионе» и кто поддерживает создание палестинского государства за пределами Израиля, в качестве альтернатив предлагая Египет и Саудовскую Аравию. В августе 2015 года, по горячим следам своих неполиткорректных метафор Хаккаби посетил Израиль, где имел встречу с Беньямином Нетаньяху, а также собирал деньги для своей избирательной кампании³.

В вопросах внешней политики Хаккаби если не самый открытый «ястреб» из кандидатов, то самый откровенный. Когда Трамп, критикуя Обаму, говорит, что «сумел бы поладить с Владимиром Путиным»⁴, Хаккаби от дипломатических маневров действующего американского президента не оставляет камня на камне, называя их «международным бедствием» и абсолютно без стеснения говоря о своих патриотических амбициях: «Люди должны уважать, дове-

¹ *DelReal J.A.* For Mike Huckabee, it may be the journey – not the destination // The Washington Post. November 17, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/formike-huckabee-it-may-be-the-journey--not-the-destination/2015/11/17/4b72edf4-87e1-11e5-be39-0034bb576eee_story.htm

² *Pengelly M.* Huckabee defends claim that Iran deal will 'march Israelis to oven door' // The Guardian. July 26, 2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/jul/26/huckabee-iran-nuclear-deal-obama-marching-israelis-to-door-of-the-oven>

³ *Beaumont P.* Mike Huckabee blunders his way through Israel press conference // The Guardian. August 19, 2015. URL: <http://www.theguardian.com/us-news/2015/aug/19/mike-huckabee-blunders-his-way-through-israel-press-conference>

⁴ *Johnson S.* Donald Trump: I'd get on 'very well' with Putin if I were president // The Telegraph. July 31, 2015/ URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/northamerica/usa/11775145/Donald-Trump-ld-get-on-very-well-with-Putin-if-I-were-president.html>

рять и даже побаиваться Соединенные Штаты Америки, сейчас ничего этого нет. Это происходит потому, что наш президент не на той стороне в Сирии, он выбрал не ту сторону в Ливии, он недооценил Йемен, он оказался не на той стороне в Египте. Он дает обещания, которые не собирается выполнять. Он объявил о своих намерениях в Афганистане, которые привели к катастрофе. Обама терпит одну неудачу за другой»¹.

Опять-таки Хаккаби нашел общий язык с Трампом и по вопросу сирийских беженцев: оба они, стремясь отмежеваться от потока иммигрантов еще и с этого направления, говорят, что беженцы просто замерзнут в суровом американском климате². «Мне кажется безумием, что мы собираемся взять людей, которые живут в пустыне, не говорят на нашем языке, не понимают нашу культуру – и привезти их в Миннесоту зимой», – рассуждает Хаккаби на животрепещущую международную тему.

Разумеется, когда в ночь на 14 ноября 2015 года Париж подвергся атакам террористов, которые сами исламисты назвали «французским 9/11», Хаккаби поспешил сделать ряд заявлений, подвергнув критике мягкую иммиграционную политику президента Обамы и требуя от него решительнейших действий³. В частности, он указал на необходимость «введения немедленного моратория на прием сирийских беженцев, чтобы остановить этот импорт террора»⁴. К этому же, но в более мягких выражениях, призывали практически все другие кандидаты-республиканцы, в едином порыве осудившие терроризм и – с разной степенью сдержанности – толерантность современного общества.

Но не по всем векторам внешней политики кандидаты так едины, как в вопросах борьбы с ИГИЛ. Например, сенатор Рэнд Пол говорит о необходимости активного диалога с Китаем как одном из первейших приоритетов американской дипломатии, подчеркивая, что времена холодной войны и ожидания угрозы со стороны «красного Китая» кончены⁵. Майк Хаккаби относится к этой идее не только скептически, а даже весьма агрессивно. Он обвиняет Китай в краже интеллектуальной собственности и нарушении торговых соглашений. При Хаккаби-президенте американец с китайцем уж точно не станут братьями навек⁶.

Конечно, внешняя политика – лишь часть кампании Хаккаби, часть, которая в последнее время все более на виду в связи обострением международной ситуации. Что же касается внутренней политики, то экс-губернатор Арканзаса ратует за так называемый социальный консерватизм. Со стороны либеральной обществен-

¹ Хаккаби: Во внешней политике Путин свернул Обаму, как ролл «Калифорния» // РИА «Новости». 2015. 9 октября. URL: <http://ria.ru/world/20151009/1299448416.html>

² *Kaczynski A.* Donald Trump And Mike Huckabee Argue The U.S. Is Too Cold For Syrian Refugees // BuzzFeedNews. November 17, 2015. URL: <http://www.buzzfeed.com/andrewkaczynski/donald-trump-and-mike-huckabee-argue-the-us-is-too-cold-for#.kdG2ZmYmM>

³ *Pengelly M., Dart T., Siddiqui S.* Cruz and Rubio lead Republican charge against Obama over Syria policy // The Guardian. November 15, 2015. URL: <http://www.theguardian.com/us-news/2015/nov/14/republican-candidates-ted-cruz-mike-huckabee-paris-terror-attacks>

⁴ Governor Mike Huckabee: “If Anybody Ought to be Taking in Syrian Refugees, it Ought to be People in the Middle East” // FOX news. November 14, 2015. URL: <http://radio.foxnews.com/2015/11/14/governor-mike-huckabee-if-anybody-ought-to-be-taking-in-syrian-refugees-it-ought-to-be-people-in-the-middle-east/>

⁵ *Paul R.* Rand Paul on Diplomacy // The National Interest. January 16, 2014. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/rand-paul-diplomacy-9714>

⁶ *Weigel D.* Mike Huckabee open to tariffs on China // The Washington Post. August 13, 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/08/13/mike-huckabee-open-to-tariffs-on-china/>

ности Хаккаби уже давно получил клеймо «гомофоба» и «сексиста», но он упорно продолжает проповедовать христианские догматы, не боясь, что часть электората отвернется от него. Этим он заслуживает уважение другой части избирателей, которые устали от безбрежной политкорректности и ультралиберализма.

Год за годом Хаккаби привлекает к себе внимание прессы, обращаясь к теме аборт и стоя здесь на самых решительных позициях. В августе 2015 года он поддержал власти Парагвая, которые отказали десятилетней изнасилованной отчимом девочке в праве прервать беременность, заявив: «Если уж человеческая жизнь имеет значение, то каждая»¹.

Тот же Дональд Трамп относится к проблеме запрета абортов куда менее трепетно, а вот другие кандидаты (например, Бен Карсон) разделяют взгляды Хаккаби². Карсон даже может претендовать на то, чтобы отобрать у Хаккаби первенство по этому вопросу. Когда Джеб Буш заявил, что, будь у него возможность, он отправился бы назад в прошлое на машине времени, чтобы убить младенца Адольфа Гитлера, Карсону задали вопрос, разрешил бы он прервать беременность матери будущего германского канцлера, на что тот ответил, что аборты делать не следует никому вообще³.

Но в чем никто не опередил Хаккаби, так это в вопросах отношения к ЛГБТ-сообществу. Даже Дональд Трамп не идет так далеко в вопросах неприятия официального положения геев, как Хаккаби. Вопрос этот для Соединенных Штатов Америки в 2015 году стоял особенно остро. Летом было принято историческое решение Верховного суда о легализации гей-браков на всей территории государства, хотя ранее подобные вопросы оставались в ведении властей штатов. Это вскоре вылилось в скандал с участием государственной служащей Ким Дэвис из штата Кентукки. Она отказалась осуществлять регистрацию однополых браков, вследствие чего была не только лишена должности, но даже отправлена в тюрьму за отказ подчиняться закону.

Все это вызвало небывалый отклик американской общественности, потребовавшей свободы для Ким Дэвис. Этой кампанией руководил Майк Хаккаби, бывший в прошлом баптистским пастором. Он страстно свидетельствовал о преследовании за религиозные убеждения, требовал свободы вероисповедания, чем встретил самый горячий отклик в обществе, расколовшемся после легализации гей-браков. Столкнувшись с такой реакцией граждан, власти сдались и выпустили Дэвис из тюрьмы. Встречал освобожденную поборницу морали Хаккаби лично. «Я говорил с Ким Дэвис сегодня утром, предложив ей свои молитвы и свою поддержку. Она должна знать, как я горжусь тем, что она не отказывается от своих религиозных убеждений. Она выказала куда больше мужества и смирения, чем любой из видных государственных служащих в Вашингтоне»⁴, – заявил он журналистам.

Высказывания опасующихся лишиться части либерального электората других кандидатов звучали куда менее уверенно и более дипломатично.

¹ *Worland J.* Mike Huckabee Supports Denying Abortion to 10-Year-Old Rape Victim // Time. August 16, 2015. URL: <http://time.com/3999799/mike-huckabee-abortion-rape/>

² *Zaimov S.* Ben Carson: Abortion Like 'Slavery'; Wrong in Cases of Rape and Incest // The Christian Post. October 28, 2015. URL: <http://www.christianpost.com/news/ben-carson-abortion-slavery-rape-incest-politics-republican-148566/>

³ *Pithey N.* Ben Carson: I Would Not Abort Baby Hitler // The Huffington Post. November 12, 2015. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/ben-carson-baby-hitler_5643f6d9e4b045bf3dedcac9

⁴ *Zezipa K.* Mike Huckabee offers support to Kentucky clerk who refuses to issue gay marriage licenses // The Washington Post. September 2, 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/09/02/mike-huckabee-offers-support-to-kentucky-clerk-who-refuses-to-issue-gay-marriage-licenses/>

Джеб Буш по-прежнему отстаивает традиционный брак, а вопрос о регистрации однополых пар предпочитает оставлять в ведомстве каждого штата. Рэнд Пол высказался в поддержку Ким Дэвис весьма и весьма сдержанно. Карли Фиорина заявила, что какими бы ни были личные убеждения, обязанности перед государством следует исполнять, если уж ты состоишь на государственной службе. Бен Карсон заметил, что ему не особенно нравится движение ЛГБТ и что никто не должен иметь «сверх-права», а все должны быть равны¹.

Хаккаби же на теледебатах решительно и весьма успешно отстаивал религиозную свободу граждан США, гарантированную Конституцией, доказывал, что решение Верховного суда само противоречит Конституции, так как вынуждает должностных лиц к исполнению обязанностей, которые официально не существуют ни как законы штата, ни как федеральные законы.

Отличается от своих соперников-республиканцев Майк Хаккаби и взглядами на экономику. Здесь он даже ближе к демократам. Еще будучи губернатором, он зачастую дистанцировался в экономических вопросах от идеалов своей партии – повышал налоги, выдавал пособия иммигрантам. И сегодня Хаккаби говорит о так называемом Справедливом налоге – FairTax². Эту экономическую доктрину он продвигал и в 2008 году. Она базируется на инициативе группы политиков по созданию общего универсального налога, который, по мнению Хаккаби, мог бы привести к экономическому возрождению США. Помимо прочего, Справедливый налог, как предполагается, смог бы решить и проблему нелегальных иммигрантов, которых работодатели используют теперь на самых низкооплачиваемых работах. При установлении же универсального налога работодатель не получит выгоды от найма нелегалов. Впрочем, так или иначе, все кандидаты-республиканцы сходятся в одном: ограничить или вовсе прекратить деятельность Налогового управления США (IRS).

Для современной Америки непримиримая ультраконсервативная позиция Хаккаби, возможно, действительно, слишком «ультра». Сам он уверен, что такой подход – «это не то, из-за чего мы проигрываем выборы, это то, из-за чего мы побеждаем»³. Ведь во многом благодаря таким «ультра»-высказываниям в гонке за республиканское лидерство близок к победе Дональд Трамп. Но высказывания последнего по поводу толерантности носят в большей степени провокативный характер, тогда как взгляды и экспрессивность Майка Хаккаби более походят на праведный гнев христианина.

Их возможный тандем с Трампом, вполне вероятно, снискал бы симпатии публики и привел бы их к победе. Хаккаби способен уравновесить не-политика Трампа своим истовым христианством и успешным политическим опытом губернатора Арканзаса. Трамп видит многие проблемы Америки в нелегальной иммиграции и выступает с позиции «белого господина», Хаккаби же говорит, что в Соединенных Штатах «нет проблем с цветом кожи, есть проблемы с грехом». Но согласится ли Майк Хаккаби играть вторую скрипку? Вполне возможно, что и согласится, особенно если финансирование его избирательной кам-

¹ *Boguhn A.* Campaign Week in Review: Mike Huckabee Pushes 'Personhood' to Outlaw Abortion // RH Reality Check. November 6, 2015. URL: <http://rhrealitycheck.org/article/2015/11/06/campaign-week-review-mike-huckabee-pushes-personhood-outlaw-abortion/>

² *Swoyer A.* Mike Huckabee: Fair Tax Changes "Whole Idea of Illegal Immigration" // Breitbart News. October 30, 2015. URL: <http://www.breitbart.com/big-government/2015/10/30/mike-huckabee-fair-tax-changes-whole-idea-illegal-immigration/>

³ *Cunningham P.* Huck: Saving unborn same as elderly // Politico. March 12, 2014. URL: <http://www.politico.com/story/2014/03/mike-huckabee-abortions-104616>

пани полностью иссякнет. Пока же он остается в конце турнирной таблицы. И как бы хороши ни были способности и интуиция политических аналитиков, в любом случае, достоверно предсказать результаты американских выборов не в состоянии никто.

Аннотация. В статье проанализированы возможности Майка Хаккаби стать кандидатом в президенты США на выборах 2016 года, а также некоторые детали его биографии и его предвыборной программы. Рассмотрены позиции Хаккаби по ключевым вопросам политики США.

Ключевые слова: президентская избирательная кампания-2016 в США, Республиканская партия, «ястребы», Майк Хаккаби.

Morgana Devlin, historian, publicist, the author of several historic art-projects on the contemporary history of Great Britain and North America. E-mail: schneekonigin@gmail.com

Mike Huckabee: Ardent Defender of a Christian America

Abstract. This article analyses the chances of Mike Huckabee in the 2016 US presidential race and offers an in-depth look at his background and his election program. The piece also explores Huckabee's stand on the most important issues of the US politics.

Keywords: US Presidential Elections 2016, GOP, Hawks, Mike Huckabee.

Сэмюэль Хантингтон
Консерватизм как идеология
[Samuel P. Huntington
*Conservatism As An Ideology // The American Political Science
Review. Vol. 51 (June 1957). P. 454–473*]

Первая публикация на русском языке статьи выдающегося американского политического теоретика и философа Сэмюэля Хантингтона (1927–2008) – событие, которое наверняка не будет обойдено вниманием как специалистов в области теории идеологии (теории консерватизма прежде всего), так и более широкого круга читателей, интересующихся политической наукой и политикой. Имя мэтра, прославленного такими книгами, как «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968), «Третья волна: демократизация в конце двадцатого столетия» (1991) и, в особенности, «Столкновение цивилизаций и передел миропорядка» (1996), уже обязывает к ее прочтению, гарантируя образцовое научное качество и оригинальность.

Тем не менее у читателя могут возникнуть вопросы: почему статья, впервые опубликованная еще в 1957 году, сразу не сделала имя ее автору (подобно тому, как это случилось в 1993-м после статьи «Столкновение цивилизаций»)? И насколько она остается актуальной сегодня?

Ответ на первый вопрос заключается в том, что парадоксальный, но фундаментально обоснованный тезис Хантингтона, согласно которому подлинными консерваторами в США могут и обязаны быть только либералы, – не удовлетворил ни тех, ни других. Ответ на второй вопрос видится таким. Количество публикаций о консерватизме вообще и об отечественном в особенности в последнее десятилетие растет неуклонно. Повышается и общественный интерес к консервативной проблематике и консервативным фигурам в нашей истории. Именно сегодня хантингтоновская методология анализа консерватизма поможет очередным исследованиям в этой области выйти на новый уровень. С ней можно не соглашаться, но обойти ее без серьезного критического рассмотрения невозможно.

Как невозможна была бы публикация этой статьи без специально предоставленного нам права на это Американской ассоциацией политической науки (APSA) в лице директора отдела публикаций Барбары Уолтхолл (Barbara Walthall). За что редакционный совет выражает ей глубокую признательность.

Перевод выполнен А.А. Закутиным под редакцией Л.В. Полякова.

Консерватизм как идеология*

Существует ли сегодня в Америке консервативная политическая мысль? Ответ на этот вопрос зависит от понимания общей природы консерватизма как идеологии: ее отличительных характеристик, ее содержания, а также условий, при которых она возникает. Под идеологией я понимаю систему идей, имеющую отношение к распределению политических и социальных ценностей, разделяемых многочисленной социальной группой¹. Интерпретации роли и значимости современной консервативной мысли существенно различаются. В основе дискуссии тем не менее находятся три распространенных и конфликтующих представления о природе консерватизма как идеологии. В этом эссе будут в сравнении рассмотрены достоинства данных подходов.

I. Теории консерватизма

Первая – *аристократическая* теория, которая определяет консерватизм как идеологию одного конкретного и уникального исторического движения: реакцию феодально-аграрного класса аристократии на Французскую революцию, либерализм, подъем буржуазии в конце восемнадцатого века и в течение первой половины девятнадцатого столетия. По словам Мангейма, современный консерватизм является «функцией одной конкретной исторической и социологической ситуации»². Либерализм – это идеология буржуазии, социализм и марксизм – идеологии пролетариата, а консерватизм – идеология аристократии. Консерватизм, таким образом, оказывается неразрывно связан с феодализмом, статусом, старым режимом, землевладельческими интересами, средневековьем и нобилитетом; эта идеология непримиримо противостоит среднему классу, труду, торгашескому духу, индустриализму, демократии, либерализму и индивидуализму. Подобная концепция консерватизма пользуется популярностью среди критиков «Нового консерватизма». По причине того, что

¹ В данном эссе рассматривается исключительно консервативная теория. Оно не связано с консервативными инстинктами, взглядами, политическими партиями или государственной политикой. Для понимания спектра значений идеологии см. Karl Mannheim, "Ideology and Utopia" (New York, 1949), p. 49 и далее, Carl J. Friedrich and Zbigniew K. Brzezinski, "Totalitarian Dictatorship and Autocracy" (Cambridge, 1956), p. 71 и далее.

² Karl Mannheim, "Conservative Thought", Essays on Sociology and Social Psychology, ed. Paul Kecskemeti (New York, 1953), p. 98–99. О современном использовании аристократического определения с отсылкой к «Новому консерватизму» см. Arthur M. Schlesinger, Jr., "The New Conservatism in America: A Liberal Comment", Confluence, vol. 2, p. 61–71 (December 1953) и "The New Conservatism: Politics of Nostalgia", Reporter, vol. 12, p. 9–12 (June 16, 1955); Bernard Crick, "The Strange Quest for an American Conservatism", Review of Politics, vol. 17, p. 361–363 (July 1955); Gordon K. Lewis, "The Metaphysics of Conservatism", Western Political Quarterly, vol. 6, p. 731–732 (December 1953).

* Samuel P. Huntington, "Conservatism As An Ideology", The American Political Science Review, vol. 51 (June 1957), p. 454–473.

Хантингтон, Сэмюэль Филлиппс (1927–2008), Гарвардский университет.

в США, как блестяще продемонстрировал Луис Харц, отсутствует феодальная традиция. Следовательно, усилия интеллектуалов и публицистов, направленные на пропаганду консервативных идей среди среднего класса Америки, должны быть обречены на провал.

Второе – это *автономное* определение консерватизма, которое говорит о том, что консерватизм не обязательно связан с интересами какой-либо конкретной группы. Его появление не зависит от какой-то определенной исторической конфигурации социальных сил. Консерватизм – это автономная система идей, которые являются общезначимыми. Данная система определяется в терминах универсальных ценностей, таких как справедливость, порядок, баланс, умеренность. Разделяет ли конкретный индивид эти ценности, преимущественно зависит не от его социального статуса, но от его личной способности увидеть заключенную в них истинность и желательность. Консерватизм в этом смысле является, как отмечал Рассел Кёрк, просто вопросом «воли и понятливости»; принципы консерватизма «не ограничиваются интересами одного отдельного класса», консерваторами могут быть представители «всех классов и профессий...»¹. Эта теория консерватизма, очевидно, популярна среди Новых консерваторов. Она подразумевает не только то, что консерватизм актуален и желателен в современной Америке, но и то, что он является наиболее предпочтительной политической философией при любых исторических обстоятельствах.

Третье – это *ситуационное* определение консерватизма, в котором он рассматривается в качестве идеологии, возникающей при особых, но повторяющихся исторических ситуациях, когда существует фундаментальная угроза устоявшимся институтам и при которых сторонники данных институтов используют консервативную идеологию в качестве защиты². Таким образом, консерватизм здесь является системой идей, направленной на оправдание любого установленного общественного порядка, независимо от того, где и когда он существует, она выступает против любых фундаментальных угроз его бытию и природе, от какой бы стороны они ни исходили. Суть консерватизма состоит в страстном утверждении ценности существующих институтов. Это не означает, что консерватизм выступает против любых изменений. Действительно, для того чтобы сохранить основные элементы общества, порой необходимо согласиться на изменения во второстепенных вопросах. Ни один человек не может поддерживать консервативную идеологию, если он не удовлетворен установленным порядком всецело и не нацелен на его защиту перед лицом любой серьезной угрозы. Консерватизм в этом смысле возможен в Соединенных Штатах только при условии наличия серьезного вызова существующим американским институтам, который побудил бы защитников этих институтов провозглашать консервативные ценности.

Теперь было бы правомерно задать вопрос: чего можно достигнуть путем сопоставления определений? Не являются ли все определения по своему существу произвольными? Каким образом продемонстрировать превосходство одного над другим? Подобные вопросы были бы уместными, если бы среди конфликтующих теорий не существовало общих оснований. Но это не работает в случае с тремя определениями консерватизма. Они отличаются лишь в

¹ Russell Kirk, "A Program for Conservatives" (Chicago, 1954), p. 22, 38–39; Peter Viereck, "Conservatism Revisited" (New York, 1949), p. 9.

² См. Clinton Rossiter, "Conservatism in America" (New York, 1955), p. 9; Francis G. Wilson, "A Theory of Conservatism", this Review, vol. 35, p. 39–40 (February 1941); Raymond English, "Conservatism: The Forbidden Faith", American Scholar, vol. 21, p. 399–401 (October 1952); Arthur M. Schlesinger, Jr., "Conservative vs. Liberal – A Debate", New York Times Magazine, March 4, 1956, p. 11 и далее.

том, как консервативная идеология соотносится с историческим процессом. Аристократическое определение ограничивает консерватизм рамками определенного социального класса в конкретном обществе. Автономное определение допускает появление консерватизма в любой исторический момент. Ситуационное определение утверждает, что консерватизм появляется тогда, когда бросающие вызов и обороняющиеся социальные группы находятся в определенном отношении друг к другу. И все три подхода единодушны в том, что составляет сущность консерватизма как идеологии, – в ценностных установках и идеях, в которые верят консерваторы. Рассел Кёрк, например, критикует Артура Шлезингера-младшего за отождествление консерватизма и феодализма, но он в целом соглашается с тем, как Шлезингер определяет сущностное содержание консервативной идеологии¹.

Более того, все исследователи консерватизма едины в провозглашении Эдмунда Бёрка консервативным архетипом и в утверждении, что основные элементы его философии являются определяющими компонентами консерватизма. Эти области консенсуса позволяют дать обоснованную оценку трем определениям. Историческую функцию консерватизма необходимо вывести из самой его природы. Предпочсть же стоит ту теорию консерватизма, которая наиболее адекватно и полно способна объяснить проявления бёрковской идеологии в различные моменты истории. Основной тезис этой статьи состоит в том, что ситуационная теория в наибольшей степени соответствует данному критерию.

II. Идеационные и институциональные идеологии: отсутствие консервативного идеала

Среди авторов, принимающих все три определения консерватизма, существует определенное соглашение о существовании основных компонент консервативной мысли, в качестве которых выступают основные элементы теории Бёрка.

(1) Человек по своей сути животное религиозное, и религия является основой гражданского общества. Божественная санкция пронизывает существующий законный социальный порядок.

(2) Общество является естественным, органичным продуктом медленного исторического развития. Существующие институты воплощают мудрость предыдущих поколений. Право является функцией времени. «Право давности», по словам Бёрка, «является самым веским из всех правооснований».

(3) Человек есть существо, сотканное из инстинктов и эмоций, равно как и из разума. Благоразумие, предрассудок, опыт и привычки являются лучшими путеводителями, нежели разум, логика, абстракции и метафизика. Истина существует не в виде универсальных положений, но в конкретном опыте.

(4) Сообщество важнее индивида. Права людей проистекают из их обязанностей. Зло коренится в человеческой природе, а не в каких-либо конкретных социальных институтах.

(5) Отвлекаясь от конечного морального чувства, нужно признать, что люди не равны. Социальная организация является сложной и всегда включает в себя множество классов, разрядов и групп. Дифференциация, иерархия и лидерство являются неотъемлемыми характеристиками любого гражданского общества.

¹ См. Kirk, ранее цит. произведение, р. 37, и сравните, как Шлезингер резюмирует консервативные концепты: *Confluence*, vol. 2, р. 64–65, с изложением, которое дает Кёрк: “The Conservative Mind” (Chicago, 1953), р. 3–10. См. также далее, сноска 1 на с. 244.

(6) Существует презумпция «какой-либо устоявшейся схемы управления, против любого неиспытанного проекта». Людские надежды велики, но их прозорливость мала. Усилия, направленные на устранение существующих зол, как правило, приводят к еще большему злу.

Допуская, что перечисленные утверждения справедливо резюмируют и раскрывают консервативные идеи, что они говорят нам о преимуществах аристократической, автономной, и ситуационной теории? Ни один из этих консервативных принципов не сводится исключительно к феодально-аристократической реакции. Разумеется, идеология подчеркивает неизбежность существования классов и лидерства в обществе, но она не утверждает какую-либо определенную форму общественной организации или источник власти. Нет в идеологии и ничего такого, что указывало бы на склонность к аграрному обществу, феодальной системе землевладения, монархии или титулованной аристократии. Аналогичным образом не может считаться адекватной и автономная теория, поскольку консервативной идеологии не хватает широты охвата и вселенского воззвания идеологии универсальной и непреходящей значимости. В действительности консерватизм сам подчеркивает специфическую природу истины и предупреждает об опасности излишне общих принципов. Очевидно, что данная идеология не обращается к кому-либо, кто был бы недоволен существующим порядком. Иными словами, аристократическое определение не годится из-за отсутствия необходимой связи между аристократией или феодализмом, с одной стороны, и консерватизмом – с другой: неаристократ может быть приверженцем консервативной идеологии; аристократ может быть приверженцем неконсервативных идеологий.

Автономное определение оказывается несостоятельным, потому что появление консерватизма в определенные моменты истории – это не вопрос случайности. В аристократическом определении консерватизм сводится к слишком узкому сегменту общественного процесса. Автономное определение, напротив, слишком радикально лишает консерватизм какой бы то ни было связи с социальным процессом. Характерные элементы консервативной мысли: «божественная тактика» в истории; право давности и традиция; неприятие абстракции и метафизики; недоверие к индивидуальному человеческому разуму; органическая концепция общества; акцент на неизбежной порочности человека; принятие социальной дифференциации – все выше перечисленное служит важнейшей цели оправдания устоявшегося порядка. Сущность консерватизма состоит в обосновании существующих институтов с точки зрения истории, Бога, природы и человека.

Пригодность консервативной идеологии для обоснования любого существующего порядка доказывается приведенным выше кратким изложением принципов Бёрка. Нигде в этом изложении нет четких указаний на характер институтов, на защиту которых могут быть направлены эти идеи. В этом отношении консерватизм отличается от всех прочих идеологий, кроме радикализма: ему не хватает того, что можно было бы назвать сущностным идеалом. Большинство идеологий постулируют некоторое видение того, как должно быть организовано политическое общество. Слова «либерализм», «демократия», «коммунизм», «фашизм» определенным образом намекают на то, каким образом должно осуществляться распределение власти и других ценностей в обществе, какова значимость государства и других социальных институтов, каковы отношения между экономическими, политическими и военными структурами, как выглядит общая система правительства и представительства, каковы формы исполнительной и законодательной власти. Но каковы политические воззрения консерватизма? Можно ли описать консервативное общество? Напротив, суть консерватизма в том, что он буквально, по выражению Мюленфельда, представляет собой “Politik ohne Wunschbilder” [«политику без идеалов». – Примеч. перев.].

Можно утверждать, например, что португальская политическая система ближе к авторитарному идеалу, нежели британская и американская, что британская система ближе к социалистическому идеалу, нежели португальская и американская, что американская система ближе к демократическому идеалу, нежели португальская и британская, и что все три системы далеки от коммунистического идеала. Но какая из трех систем наиболее близка к консервативному идеалу? Португалия? Великобритания? Соединенные Штаты? Ответ невозможен, потому что консервативный идеал в качестве стандарта или критерия не существует. Нет политического философа, описавшего консервативную утопию. В любом обществе могут быть институты, которые можно сохранять, но никогда не будет именно консервативных институтов. Отсутствие консервативного идеала неизбежно подрывает позиции автономного определения консерватизма.

Идеалы неконсервативных идеологий меняются от мыслителя к мыслителю и от поколения к поколению, но все их отличает одно и то же: первостепенное значение приобретают теоретические формулировки, и оценка существующей реальности осуществляется в терминах этих формулировок. Неконсервативные идеологии, таким образом, по своей природе *идеационны* или *трансцендентны*, в то время как консерватизм институционален или имманентен. Все общепринятые идеационные идеологии современного западного общества подходят к существующим институтам с позиций «требования должного», – чтобы институты были реорганизованы, с тем чтобы соответствовать ценностям идеологии. В этом смысле все *идеационные* теории подразумевают некоторую степень радикализма, а именно, критику существующих институтов. Чем больше разрыв между существующей институциональной реальностью и идеалом неконсервативной идеологии, тем более радикальна идеология в своем отношении к этой реальности. Радикализм, таким образом, являет собой противоположность консерватизму, но, как и консерватизм, он скорее подразумевает определенное отношение к институтам, нежели веру в какие-то конкретные идеалы. Консерватизм и радикализм проистекают из определенной позиции по отношению к самому процессу изменений, а не к цели и направлению этих изменений.

Консервативная идеология представляет собой продукт напряженного идеологического и социального конфликта. Она появляется только тогда, когда противники существующих институтов отвергают основы идеационной теории, в рамках которой эти институты были созданы. Если эти противники не ставят под сомнение базовые ценности господствующей философии, противостояние между теми, кто выступает за институциональные изменения, и теми, кто выступает против них, протекает в рамках общепринятой идеационной философии. Каждая группа пытается показать, что ее политика в большей степени соответствует главным идеалам, чем у другой группы. Например, после гражданской войны в Америке конфликт между американскими вигами и американскими демократами разворачивался, как это продемонстрировал Харц, в границах общей рамки локковских ценностей. Консенсус стал препятствием для консерватизма.

Когда противники системы в корне не согласны с идеологией существующего общества и утверждают принципиально иную систему ценностей, общая рамка для дискуссии оказывается разрушена. Отрицание противниками системы господствующей идеологии заставляет отказаться от нее и ее защитников. Никакая идеационная теория не может быть продуктивно использована для защиты устоявшихся институтов, даже если эти институты в целом соответствуют ценностям данной идеологии. Совершенная природа «идеологического идеала» и несовершенная природа институтов вкупе с их неизбежной мутацией создают разрыв между этими двумя сторонами. Идеал становится тем мерилom, по

которому судят институты, осложняя жизнь тем, кто верит в этот идеал и все же по-прежнему желает институты защитить¹. В конце концов защитники сталкиваются с неизбежным выбором: либо они должны отказаться от своей идеологии, для того чтобы защитить свои институты, заменив прежнюю идеационную теорию на консерватизм, либо они должны остаться верны своей идеационной теории, рискуя поспособствовать дальнейшему разрушению тех институтов, которые по большей части отражают их идеалы. Защита любого набора институтов в условиях серьезной угрозы, следовательно, должна быть сформулирована в терминах консервативной логики, неприкосновенности и необходимости институтов как таковых, независимо от того, в какой степени они соответствуют предписаниям той или иной идеационной философии².

Бросающие вызов социальные силы должны представлять явную и непосредственную опасность для институтов. Само по себе провозглашение диссидентской идеологии не способствует возникновению консерватизма до тех пор, пока данная идеология не получит поддержку многочисленных социальных групп. *Философы* середины восемнадцатого века не вызвали к жизни никакой консервативной идеологии; а вот события 1789 и последующих годов как раз сделали это. Консерватизм, по словам Мангейма, «впервые становится сознательным и рефлексивным, когда иные способы жизни и мышления выйдут на сцену – в идеологическом сражении против них он вынужден брать за оружие»³. Если защитники установившегося порядка окажутся успешны, со временем они всё меньше провозглашают консервативную идеологию, а на смену ей приходит новая версия их старой идеационной теории. Если же их оборона терпит поражение, они отказываются либо от старых идеационных предпосылок, либо от своей новой консервативной идеологии. Если у них обнаружива-

¹ Следовательно, любая теория естественного права как набор трансцендентных и универсальных моральных принципов по существу своему не является консервативной. Мангейм, соответственно, совершенно прав, говоря о том, что противопоставление естественному праву является отличительной характеристикой консерватизма – цит. произведение, р. 116–119. Об отрицании Бёрком естественного права см.: Alfred Cobban, “Edmund Burke and the Revolt against the Eighteenth Century” (London, 1929), р. 40 ff., 75, и Leo Strauss, “Natural Right and History” (Chicago, 1953), р. 13–14, 318–319, которые заявляют, что Бёрк отличался от предыдущих мыслителей как раз в том, что он не оценивал британское устройство мерками, его превосходящими. В попытках современных публицистов, таких как Рассел Кёрк, выглядеть консерваторами, в то же время поддерживая универсальные законы естественного права, существует явное противоречие.

² Поскольку консерватизм служит идеологическим оправданием устоявшихся социальных и политических институтов, осуществление консервативной защиты сплошного хаоса или общества в состоянии непрерывных стремительных революционных изменений было бы невозможным, за исключением разве что для человека столь проворного, хитрого, столь сильного, чтобы быть уверенным в своих способностях несмотря на положение вне закона. Отсюда встает вопрос о возможностях консерватизма в современном тоталитарном государстве. Если тоталитарное общество представляет собой, как в описании Францем Ньюманом нацистской Германии, «не государство, а хаос, царство беззакония и анархии», консервативная защита такого общества немислима. С другой стороны, если тоталитарный режим, находясь под угрозой, провозглашает теорию, которая отличается рядом консервативных элементов, это уже само по себе подтверждает, что такое общество уже «остепенилось» и более не находится в состоянии бесконечной революции. Ответ на этот общий вопрос, очевидно, зависит скорее от природы тоталитаризма, нежели от природы консерватизма. См. Carl J. Friedrich (ed.), “Totalitarianism” (Cambridge, 1954); Hannah Arendt, “Ideology and Terror: A Novel Form of Government”, *Review of Politics*, vol. 15, p. 303–327 (July 1953); Franz Neumann, “Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism” (New York, 1942); Zbigniew K. Brzezinski, “Totalitarianism and Rationality”, *this Review*, vol. 50, p. 751 (September 1956).

³ Ранее цит. произведение, р. 115.

ется склонность к тому, чтобы стать подлинными консерваторами, они примут новый порядок как неизбежный поворот судьбы. Бёрк, Бональд и де Местр, например, все в той или иной мере считали, что победа Французской революции могла быть предопределена Провидением, и как только это стало очевидным, решение противостоять ей «было бы не решительным и твердым, но строптивым и упрямым»¹.

С другой стороны, неудачливый консерватор, который остается приверженцем своей старой идеационной философии, становится реакционером, то есть критиком существующего общества, желающим воссоздать в будущем идеал, который, по его мнению, процветал в прошлом. Он является радикалом. Не существует значительной разницы между «изменением во имя прошлого» и «изменением во имя будущего». Изменения есть изменения; история не отступает и не повторяется; и любые изменения подразумевают уход от статус-кво. С течением времени реакционный идеал оказывается все менее связанным с каким-либо конкретным обществом прошлого. Прошлое романтизируется, и в конце концов реакция приходит к тому, чтобы поддерживать возвращение к идеализируемому «Золотому веку», который никогда не существовал в действительности. Реакционера становится не отличить от прочих радикалов, и он, как правило, воплощает все отличительные особенности радикальной психологии.

Природа консерватизма как институциональной идеологии исключает какое-либо неизменное и неотъемлемое согласие либо противостояние между ним и любой конкретной идеационной идеологией. Таким образом, не существует непрременной дихотомии между консерватизмом и либерализмом. Предположение о том, что такая оппозиция действительно существует, проистекает, несомненно, из аристократической теории консерватизма и отражает сосредоточенность на определенном этапе западной истории на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков. Попытка возвести эти эфемерные отношения в статус продолжительного явления политической истории лишь затемняет тот факт, что при соответствующих исторических обстоятельствах консерватизм может оказаться необходим для защиты тех же самых либеральных институтов. Истинный враг консерватизма – не либерал, но ультрарадикал, независимо от того, какой идеационной теории он следует. Различные радикалы продвигают различные панацеи, но для всех характерна единая психология, которую консервативные мыслители незамедлительно сумели обнаружить. Хукеровский пуританин шестнадцатого века, «самонадеянный человек» Меттерниха, «метафизический писака» Бёрка, Холлингсворт Готорна, «самопоклоняющийся человек» Кортеса, хофферовский «истинно верующий» двадцатого столетия – все они суть одно.

Различие между консерватизмом и идеационными идеологиями привело некоторых неконсерваторов к отрицанию интеллектуального наполнения консерватизма, параллельно подтолкнув некоторых консерваторов к атакам на все существующие идеологии. Однако и критики, и защитники консерватизма не правы, когда они умаляют его интеллектуальную значимость. Консерватизм служит интеллектуальным обоснованием неизменных институциональных условий человеческого существования. Он выполняет важную и необходимую функцию. Это разумная защита бытия от ума, порядка от хаоса. Когда основы общества находятся под угрозой, консервативная идеология напоминает людям о необходимости определенных институтов и желательности тех, что уже существуют.

¹ См. известное замечание Бональда: «Когда Бог захотел наказать Францию, он отнял власть у Бурбонов». *“Pensées sur Divers Sujets”, Oeuvres (Paris, 1817), vol. 6, p. 172.* Также: Joseph de Maistre, *“Considerations sur la France”, Oeuvres (Bruxelles, 1838), vol. 7, ch. 1, 2;* также рассуждения Штраусса о Бёрке, ранее цит. произведение, p. 317–319.

Не все идеологии должны быть идеационными. Теория консерватизма иного порядка, ее цели отличаются от тех, что разделяют другие общепринятые политические теории, но при этом она все-таки является теорией. Консерватизм – это не просто отсутствие изменений. Это четко сформулированное, систематическое, теоретическое сопротивление изменениям.

III. Внутренне укорененные и позиционные идеологии: отсутствие консервативной традиции

Большинство авторов согласны, как это подразумевается и нами, что Бёрка по праву называют консерватором. Отсюда встает вопрос: стоит ли рассматривать Бёрка как сторонника феодального аристократического порядка, провозглашающего универсально значимые ценности и идеалы, либо же защитника устоявшихся институтов? Ярлык аристократа оказывается непригодным для объяснения идей Бёрка по ряду причин: 1) английское общество, которое защищает Бёрк, не являлось ни преимущественно феодальным, ни исключительно аристократическим; 2) Бёрк выступал в защиту и других устоявшихся обществ, в особенности в Индии и Америке; 3) поскольку у Бёрка имелись представления о желательной организации общества, он был либералом, вигом, сторонником свободной торговли. Автономное определение также не полностью объясняет Бёрка, поскольку: 1) предметом политических трудов и выступлений Бёрка всегда были актуальные проблемы и вызовы; 2) он отрицал желательность и возможность создания моральной или политической философии, которая была бы применима повсеместно; 3) ключевые элементы его политических размышлений релевантны лишь для решения конкретной задачи оправдания устоявшихся институтов.

На континенте в начале девятнадцатого века идеи Бёрка привлекали для защиты аристократии и феодализма от набирающего силу среднего класса. Между тем, английское общество и английская конституция, о которых писал Бёрк, значительно отличались от континентальных образцов. Факт того, что идеи мыслителя могли быть с успехом использованы для оправдания устоявшегося порядка на разных территориях, говорит не о сходстве ситуации в Англии и на континенте, а о широкой применимости философии Бёрка. Согласно остроумной эпиграмме Луиса Харца, «В Америке Бёрк равняется Локк». И это в достаточной степени верно, но верно это и в отношении Англии. Бёрк защищал английское общественное устройство своего времени прежде всего от попыток Георга III вновь закрепить влияние Короны на Парламент, а также от попыток демократов расширить контроль населения над Парламентом. Он был консерватором, поскольку сто лет спустя после Локка он все еще пытался защищать институты 1689 года. Будучи поборником смешанного правления, он писал о том, что полон решимости «поддерживать устоявшуюся Церковь, устоявшуюся монархию, устоявшуюся аристократию, а также устоявшуюся демократию – причем каждый из этих институтов в том виде, как он существует, – и не более того»¹. Бёрк осознавал, что народ играл важную, хотя и ограниченную роль в английской системе². Принимая аристократию как неотъемлемый и необходимый элемент британского устройства, он между тем не обнаруживал к ней особенного пристрастия. Не будучи человеком знатного происхождения, он неоднократно претерпевал на себе аристократическое презрение со стороны великих лордов, которые склонны были воспринимать его как «ирландского авантюри-

¹ “Reflections on the Revolution in France”, Works (Boston, 1865), vol. 3, p. 352.

² См., например, “Thoughts on the Cause of the Present Discontents”, Works, vol. 1, p. 436, 440–441, 469, 472–474, 491–493, 508.

ста». Подобно Джефферсону и Адамсу, Бёрк был сторонником «естественной», а не искусственной аристократии¹.

Социальный порядок, поборником которого являлся Бёрк, был в значительной степени торговым, а также становился все более промышленным. На восемнадцатый век пришлось подъем Банка Англии, Компании Южных морей, акционерных обществ, расширение судоходства и торговли, накопление коммерческой прибыли и индустриальных капиталов, гонка промышленных изобретений, а также устойчивый рост мануфактурного производства. Торговля была «фактором номер один» в Англии восемнадцатого века². Изумление Вольтера в связи с тем, что важный английский джентльмен не находит занятия торговлей зазорным, было одним из многих свидетельств тех различий, которые существовали между английским и континентальным обществом. За тридцать лет до того, как Бёрк приехал в Лондон в 1750 году, развитие промышленности уже было выбрано в качестве главной цели английского правительства. К 1790 году, когда Бёрк, в соответствии с аристократической теорией консерватизма, выступал в защиту феодального корпоративного порядка, промышленная революция шла в Англии уже целое поколение. Вызывало ли развитие торговли и промышленности неприязнь у Бёрка? Желал ли он возвращения феодально-аграрного устройства? Во все нет. Для Бёрка, отмечает Нэмир, «торговля была душой империи». Ещё в 1770 году Бёрк вполне недвусмысленно обозначил свою позицию: «Невозможно вообразить существование землевладельческого интереса в отсутствие торгового интереса. ...*Обратите свою землю в рынок*»³. Является ли это высказывание советом от поборника феодализма? Спустя шесть лет Бёрк превозносил до небес книгу «Благосостояние наций», которая в точности отражала его собственные взгляды на экономику, «за проницательность и дальновидность, широту взглядов, уместные разделения, обоснованные и естественные связи и зависимости между элементами»⁴. В Парламенте Бёрк стабильно выступал за политику *laissez-faire*, настаивая на том, что государство должно держаться в стороне от экономических вопросов, законы торговли – это законы природы, а рабочая сила сама по себе является «предметом торговли». Стоит

¹ О взглядах Бёрка на аристократию см. там же, vol. 1, p. 458; “An Appeal from the New to the Old Whigs”, там же, vol. 4, p. 174–175; “Reflections on the Revolution in France”, там же, vol. 3, p. 297; “Speech on the Second Reading of a Bill for the Repeal of the Marriage Act”, *The Works of Edmund Burke* (London, World’s Classics), vol. 3, p. 385; John MacCunn, “The Political Philosophy of Burke” (London, 1913), p. 157–160, 173 ff., 258–268. О трениях между Бёрком и аристократией, см. John Viscount Morley, “Burke” (London, 1923), p. 198–208.

² L.V. Namier, “England in the Age of the American Revolution” (London, 1930), p. 15, 38, 40: “Торговлю не презирали в Англии восемнадцатого века – напротив, она стала главным делом нации...”. См. также W.E.H. Lecky, “A History of England in the Eighteenth Century” (New York, 1878), vol. 1, p. 433: «Немного было таких периодов в политической истории Англии, когда коммерческая составляющая была так важна в управлении... Больше всего внимания привлекали те вопросы, которые носили преимущественно финансовый либо торговый характер». Также J.L. and Barbara Hammond, “The Rise of Modern Industry” (New York, 1926), p. 64–65: «В Англии восемнадцатого века производство, казалось, было самой важной вещью на свете. Представители всех классов отводили промышленному развитию первостепенное значение среди прочих целей государственной политики...». О зарождении промышленной революции в Англии и престиже торговли и промышленности см. также: W. Cunningham, “The Industrial Revolution” (Cambridge, 1908), p. 494; W.T. Selley, “England in the Eighteenth Century” (London, 1934), p. 218–219; Witt Bowden, “The Rise of the Great Manufacturers in England”, 1760–1790 (Allentown, 1919), в разных местах.

³ Cavendish Debates, vol. 1, p. 476, цит. по Robert H. Murray, “Edmund Burke: A Biography” (Oxford, 1931), p. 192 (курсив добавлен).

⁴ Annual Register, 1776, vol. 19, p. 241.

ли удивляться, что Адам Смит после обсуждения с Бёрком вопросов политической экономии оказался вынужден признать, что Бёрк «был единственным человеком, который, в отсутствие каких бы то ни было контактов между ними, придерживался по этим вопросам ровно такого же мнения, как и он сам»¹? И если при этом назвать Бёрка поборником феодального корпоративного порядка, то кем же тогда оказывается Адам Смит? Очевидный факт состоит в том, что в той мере, в которой Бёрк имел представления о желательной организации общества, он был либералом и вигом, сторонником локковского государственного устройства; в экономических вопросах он был приверженцем свободной торговли, сходясь во взглядах с Адамом Смитом. В нем был минимум или вообще ничего от корпоративного, феодального или же аристократического.

Поскольку Бёрк отдавал предпочтение конституционному балансу и рыночной экономике, он делал это, исходя не столько из их конкретных достоинств, сколько из факта их существования. Монтескьё и Адам Смит развили идеационное обоснование тех институтов, в поддержку которых выступал Бёрк. Вклад самого Бёрка был иного характера. Его интересовала не сущность институтов, а их сохранность. Будучи беспристрастным, он защищал институты вигов в Англии, демократические институты в Америке, автократические институты во Франции, а также индусские институты в Индии. Он обращал внимание на то, что индийские институты, к примеру, должны основываться «на своих собственных принципах, а не на наших», осуждая тех британцев в Индии, которые подрывали «наиболее устоявшиеся правила, самые древние и почитаемые институты всех времён и народов»². «Он менял свою позицию, – согласно классическому определению Морли, – но никогда не изменял своим принципам». После Морли исследователи объединились в том, чтобы оправдать Бёрка от обвинений в непоследовательности. Но если Бёрк был последователен, то как он мог быть аристократом? Если его главной идеей была защита феодального корпоративного порядка в Европе, почему его волновали Америки или Индия? Большинство консерваторов использовали идеи консерватизма, с тем чтобы защищать конкретный устоявшийся порядок. В этом смысле их консерватизм скорее можно назвать инструментальным, нежели самодостаточным (*primery*). Бёрк, между тем, представлял собой архетип консерватизма, поскольку стремился защищать существующие институты где бы то ни было, и каким бы нападкам они ни подвергались.

Сторонники аристократической теории консерватизма утверждают, что современный консерватизм проистекает из реакции на Французскую революцию. Они ошибаются. Можно выделить как минимум четыре основных проявления консерватизма в западной политической истории. Первый – это ответная реакция на события шестнадцатого и семнадцатого веков, когда централизованная национальная власть вступила в борьбу со средневековыми политическими институтами, а Реформация поставила под угрозу устоявшиеся взаимоотношения между государством и церковью. На континенте, например, Фрэнсис Хотман в своем произведении *“Franco-Gallia”* и Хуан де Мариана в произведении *“De Rege et Regis Institutione”* предпринимали попытки консервативной защиты средневекового плюралистического порядка от набирающих силу национальных монархий. Неважно, что Хотман был французом и протестантом, а Мариана испанцем и иезуитом. У них были схожие цели и схожие аргументы. К несчастью для обоих, исторические факты не в полной мере соответствовали их интер-

¹ Robert Bisset, “The Life of Edmund Burke”, 2 vols. 2d ed. (London, 1800), vol. 2, p. 429.

² Цит. по Morley, Burke, p. 190–191, 245, and George H. Sabine, “A History of Political Theory” (New York, 1950, rev. ed), p. 616.

претациям, а большая часть значимых институтов старого порядка в результате усиления монаршей власти уже была подорвана. В результате аргументы монархомахов переключились с консервативной основы на идеационную. Они были переформулированы в терминах скорее принципа, нежели прецедента. Франко-Галлию затмила “Vindiciae”, а на смену Мариане пришел Суарез¹.

С другой стороны, в Англии, существование сильной национальной монархии и национальной церкви допускало существование консервативной защиты этих институтов. Идеи, которые на континенте использовались в целях защиты сословности от королевской власти, в Англии были направлены на защиту королевской власти от политических диссидентов и теологов-радикалов. Политическая мысль апологетов Тюдоров – Тиндейла, Гардинера, Хупера, а также многих других – была полна консервативных призывов к порядку и повиновению². Мятеж и анархия считались худшими из зол, неподчинение рассматривалось как попытка нарушить божественно установленный порядок вещей. Вновь и вновь в тюдоровской литературе воспроизводилось предостережение Шекспира: «Забыв почтение, мы ослабим струны – и сразу дисгармония возникнет...».

К концу шестнадцатого века, по мере того как пуританские нападки набирали силу и становились всё более радикальными – епископат подвергался постоянной критике начиная с 1570 года, – возникла необходимость в более основательной консервативной защите национального гражданского и религиозного порядка. Эта необходимость была удовлетворена Ричардом Хукером в книге «Законы церковного устройства», вышедшей в свет в 1594 году. Этот многотомный труд является выдающимся и красноречивым утверждением консервативной идеологии. В нем, за двести лет до Бёрка, были очерчены все основные направления мысли, изложенные впоследствии Бёрком³. Сущность их консерватизма практически одинакова. Вместе с тем институты, которые они защищали, и вызовы, на которые они отвечали, отличаются. Тюдоровское государственное устройство 1590 года было не похоже на виговское устройство 1790 года. Угроза институтам, современником которых был Хукер, исходила от пуританских сект, выступающих за полное отделение Церкви от государства, примат веры над разумом и авторитет Писания против авторитета Церкви. В глазах пуритан человек был развращенным и злым; их отличали спиритуализм, детерминизм, антиинтеллектуализм, фундаментализм и

¹ Отдельные консервативные элементы сохранялись и в “Vindiciae”, но они отходили на задний план на фоне призыва к социальному контракту и естественному закону. Cf. J.N. Figgis, “From Gerson to Grotius” (Cambridge, 1916), p. 174–179 and Sabine, “A History of Political Theory”, p. 375–377.

² См. Charles Nevinson (ed.), “Latter Writings of Bishop Hooper” (Cambridge, 1852), esp. “Annotations on Romans XIII”, p. 93–116; Pierre Janelle (ed.), “Obedience in Church and State: Three Political Tracts by Stephen Gardiner” (Cambridge, 1930); Henry Walter (ed.), “Doctrinal Treatises by William Tyndale” (Cambridge, 1848), esp. p. 173 ff., 195–197, 240 ff.; Christopher Morris, “Political Thought in England, Tyndale to Hooker” (London, 1953), p. 15, 17, 57, 68–77. Сто лет спустя Брэмхолл в точности воспроизвел те же аргументы в своих дебатах с Гоббсом. См. John Bramhall, “Works” (Oxford, 1844), vol. 3, “A Fair Warning to take Heed of the Scotch Discipline”, and “The Serpent-Salve, or, the Observator’s Grounds Discussed”, esp. p. 236, 241, 272, 298, 309, 318; John Bowle, “Hobbes and His Critics” (New York, 1952), p. 114 ff.; T.S. Eliot, “For Lancelot Andrewes” (Garden City, 1929), p. 27–46.

³ Типичные консервативные суждения, встречающиеся в *Законах церковного устройства*, см.: Pref., i, 2, iii, 7, iv, 4, vi, 5–6; I, v, 1, x, 4; IV, i, e, iv, 2, xii, 2, xiv, 1–2; V, vii, 3, lxxi, 4; VII, i, 1–2; VIII, ii, 2, 17. О консерватизме Хукера в целом см. Sheldon Wolin, “Richard Hooker and English Conservatism”, *Western Political Quarterly*, vol. VI, p. 28–47 (March 1953) О природе пуританского вызова и истоках труда Хукера см.: C.J. Sisson, “The Judicious Marriage of Mr. Hooker and the Birth of the Laws of Ecclesiastical Polity” (Cambridge, 1940), passim, and E.T. Davies, “The Political Ideas of Richard Hooker” (London, 1946), ch. 1, 2.

пессимизм. Вызов институтам Бёрка, в свою очередь, представляли демократические группы, которые утверждали силу разума, безгранично верили в возможности человеческой природы и способность человека к прогрессу. Они являли собой полную противоположность пуританам: материализм, рационализм, антирелигиозность, оптимизм и либертарианизм. И все же, несмотря на эти различия, схожие ситуации, в которых оказались Хукер и Бёрк, привели их к схожим политическим идеям.

Вторым значительным проявлением консерватизма был ответ на Французскую революцию. Этот социальный переворот, идеологии, которые он вывел на авансцену, классы, которые он привел к власти, были, несомненно, величайшей угрозой существующим институтам за всю историю западной цивилизации вплоть до того времени. Соответственно, это способствовало невиданному подъему консервативной мысли в западной истории. Консервативный ответ на Революцию состоял преимущественно, но не исключительно, в защите феодального, аграрного, аристократического порядка от растущего, урбанизированного, просвещенного среднего класса. Однако Революция ставила под угрозу не только феодальные аристократические институты, но и все прочие существующие институты. В Англии Бёрк выстраивал консервативную защиту коммерциализированного общества и умеренных, либеральных порядков. В Америке федералисты – от Джона Адамса до Гамильтона и Фишера Эймса – излагали консервативные идеи, чтобы защитить либеральный порядок от всего, что (как они считали) грозит демократической революцией. На континенте, аналогично, изначальная консервативная реакция исходила не от феодалов-аристократов, а от мыслителей, которые ассоциировались скорее с более либеральными, коммерциализированными, бюрократическими элементами. В Германии, к примеру, Брандес, Рейберг и Мозер, выходцы из городов Северной Германии, где средний класс был наиболее силен, первыми раскритиковали революцию¹. Некоторые из континентальных представителей консерватизма, например, Гентц, в своих экономических воззрениях были либералами. Даже среди сторонников аристократии существовали различия в том, какое общество они защищали: Франция Бональда и де Местра, Пруссия фон дер Марвитца и Халлера, Австрия Гентца, Меттерниха и Мюллера имели различное социальное устройство. Тем не менее общие линии консерватизма пронизывали политические идеи мыслителей Реакции вне зависимости от того конкретного социального порядка, который они желали сохранить.

Консерватизм феодально-аристократических мыслителей времен Реакции был скорее продуктом их временной оборонительной позиции, нежели неизменной и неотъемлемой природы их классовых интересов. Фундаментальный характер этих интересов остался неизменным и в 1789 году. Хотя до этого времени представители аристократии и не произвели серьезного вклада в консервативное мышление. У них не было в этом необходимости. С другой стороны, после того как аристократы были отстранены от власти, они перестали быть консерваторами, не отказываясь от своих аристократических идеалов. В частности, во Франции, аристократическая мысль, некогда консервативная, стремительно превратилась в реакционную и, в конце концов, стала радикальной. Де Местр превозносил порядок и стабильность. Во времена буржуазной демократии Третьей республики в *“L’Action Francaise”*

¹ См. Reinhold Aris, “History of Political Thought in Germany” (London, 1936), p. 54–58, 256. Брандес и Рейберг создали свои консервативные труды еще до ознакомления с Бёрком. Мозер был ближе к феодализму, но даже он, как отмечает Мангейм, “Conservative Thought”, p. 144–145, действовал больше не в интересах дворянства, а был прежде всего озабочен сохранением средневековой общественной системы как таковой.

проповедовались насилие и «государственный переворот». Теперь правые оказались революционерами¹.

Третье проявление консерватизма состояло в ответе правящих классов на распространенные в середине девятнадцатого века требования низшего класса права на участие в общественном управлении. Единственным наиважнейшим символом этого вызова было требование расширения избирательных прав. Между тем этот вызов подразумевал лишь частичное отклонение от общепринятых ценностей, а потому за ним последовал довольно слабый консервативный ответ. Во Франции, в частности, где представители среднего класса были вынуждены действовать сразу в двух направлениях, типичные выразители их позиции – Руайе-Коллар и Гизо, например, – излагали либеральные идеи в пику аристократам и консервативные идеи в пику массам. В Германии, где не было крупных потрясений, подрывающих общественное устройство, Шталь, Ранке, Савиньи и Людвиг фон Герлах сформулировали консерватизм в более широком смысле, делая упор на органический рост общества. В Англии Кольридж, а затем Ньюман, Мейн и Леки предостерегали от опасности замены народовластия на классовое правление. В Соединенных Штатах неофедералисты, в частности, Стори, Чот (Choate), Кент защищали с консервативных позиций узкогрупповые интересы правящего класса, пока их не одолел подъем джексонианства².

Четвертое проявление консерватизма состояло в подъеме политической мысли на юге США, обусловленном вызовами индустриализма, свободного труда и аболиционизма в середине девятнадцатого века. До 1830 года политическая мысль на Юге формировалась преимущественно как продолжение джефферсоновского идейного комплекса³. После 1830-го политические воззрения на Юге всё в большей степени приобретали консервативный характер как следствие получавших все большее распространение теорий аболиционизма и роста промышленности и населения на Севере. Уильям Ллойд Гаррисон – воплощение радикального реформатора – основал газету *“The Liberator”* в 1831 году, и в том же году Нет Тёрнер возглавил восстание рабов. Комбинация сил, которые символизировали эти события, подтолкнула Юг к оборонительной позиции и привела к отрицанию джефферсоновского наследия и развитию консервативной апологии в терминах Бёрка. Возможность быть одновременно последователем Джефферсона и рабовладельцем существовала до тех пор, пока никто не столкнулся с Декларацией независимости с фактом рабства. Когда же это случилось, рабовладелец был вынужден отказаться либо от своего либерализма, либо от средств к существованию. Идеационная философия неизбежно была принесена в жертву и заменена на полноценный консерватизм⁴. Аналогично тому, как усиление пуританского радикализма против тюдоровского порядка породило Хукера, нарастающая волна аболиционистской реформы в итоге породила Кэлхуна и Фитцью. В их трудах, как и в трудах других представителей «реакционного просвещения» – Холмса, Хэммонда, Хьюза и Харпера, в частности, – «в точности воспроизводились все главные аргументы европей-

¹ Joseph C. Murray, “The Political Thought of Joseph de Maistre”, *Review of Politics*, vol. 11, p. 86 (January, 1949); Charles A. Micaud, “The French Right and Nazi Germany, 1933–1939” (Durham, 1943), p. 1–15.

² Имеется в виду седьмой президент США Эндрю Джексон (1829–1837), избранный при поддержке тогдашней Демократической партии, боровшейся за большее равенство среди белых и против господства финансовой олигархии. – *Примеч. перев.*

³ Имеется в виду один из отцов-основателей США, автор Декларации независимости, третий президент США (1801–1809) Томас Джефферсон.

⁴ О смене южного мышления в 1830 году см. William E. Dodd, “The Cotton Kingdom” (New Haven, 1921), p. 48 ff., и Arthur Y. Lloyd, “The Slavery Controversy” (Chapel Hill, 1939), p. 119 ff.

ской феодальной реакции»¹. Все основные идеи Бёрка были воспроизведены в трактатах и памфлетах, с которыми они выступали на защиту установившегося социального порядка от угрозы, которая была вполне конкретной, мощной и в конце концов победившей.

Луис Харц высказал предположение, что южный консерватизм был «подделкой»². Отталкиваясь от аристократической концепции консерватизма, Харц утверждал, что существовало внутреннее противоречие между попытками южан использовать идеи Бёрка в защиту рабовладения, с одной стороны, и политической традицией, которая содержала в себе много либеральных элементов – с другой. Несмотря на существование определенной несогласованности в системе южан в том, как они применяли идеи Бёрка для защиты своей системы, никакой непоследовательности не было. Консервативная философия вполне подходила для защиты джефферсоновских институтов, «специфического института» рабовладения, либо их сочетания в любых комбинациях. Объединять идеи Бёрка и рабовладение было со стороны Кэлхуна не большей подделкой, чем объединение идей Бёрка с политикой *laissez faire* самим Бёрком. И тот факт, что консервативной мысли на Юге был положен конец вместе с Гражданской войной, не является подтверждением идеи о том, что южане были «поддельными бёркианцами, полубёркианцами». Когда южная социально-политическая система была разрушена, теория, разработанная в целях защиты этой системы, неизбежно должна была умереть вместе с ней. Сам Харц описывал южный консерватизм как «один из наиболее великих и творческих эпизодов в истории американской мысли». Возможно ли это, если бы он был не более чем «подделкой», неестественным заимствованием, не имевшим связей с американской ситуацией? Нельзя ли избежать этой проблемы путем более простого объяснения южного консерватизма? Опыт южан – яркий пример общества на переходном этапе от либеральной идеационной теории к бескомпромиссному консерватизму в результате появления существенной угрозы для существования этого общества. Принимая во внимание изменения в положении южан, изменения в их мышлении были столь же необходимыми, сколь и естественными.

Основной недостаток аристократической теории консерватизма состоит в том, что консерватизм в ней рассматривается как внутренне укорененная, а не позиционная идеология. Внутренне укорененная идеология представляет собой теоретическое выражение интересов неизменной социальной группы. Она проистекает из основополагающих, общих характеристик, которые делают эту группу группой. Соответственно, внутренне укорененная идеология развивается и изменяется по мере того как интересы и потребности этой группы меняются, но в то же время, она служит сохранению ключевых характеристик, отражая непрерывную и присущую группе идентичность. Оставаясь верным своей сущности как идеология буржуазного среднего класса, либерализм одного поколения отличался от либерализма предыдущего поколения, хотя и возрастал на его почве. Внутренне укорененная идеология может быть интерпретирована по-разному и представлена конфликтующими школами, существующими в одно и то же время. Американский либерализм делился на виговскую версию «прав собственности», с одной стороны, и на народную версию «прав человека», с другой стороны. Тем не менее и американские виги, и американские демократы разделяли ключевые идеи Локка. Марксизм также существовал в виде многочисленных вариаций и в процессе развития прошел несколько этапов, каждый из которых при этом сохранял одни и те же базовые принципы, отличающие марксизм как теорию. Таким образом, вполне возможно соотнести

¹ Louis Hartz, "The Liberal Tradition in America" (New York, 1955), p. 146.

² Там же, с. 147 и далее.

различные вариации внутренне укорененной теории друг с другом, проследить повторяющиеся образцы развития и воздействия, выделить расколы и разделения внутри общей интеллектуальной традиции. Говоря кратко, суть внутренне укорененной теории развивается и обогащается, а возможные проявления этой теории взаимосвязаны и взаимозависимы. Теория и различные ее толкователи образуют в совокупности *школу мысли*.

Позиционные идеологии носят совсем иной характер. Они не отражают постоянные интересы и потребности конкретной социальной группы. Скорее они находятся в зависимости от отношений, существующих между группами. Группа может поддерживать одну позиционную идеологию, когда ее отношения с другими группами принимают одну форму, и другую позиционную идеологию, когда эти отношения изменяются. Позиционные идеологии отражают изменения внешней среды вокруг группы, а не какие-то неизменные внутренние характеристики самой группы. Внутренне укорененные идеологии выступают в качестве функций групп, вне зависимости от того, какие позиции эти группы занимают; позиционные идеологии – это функции ситуаций, вне зависимости от того, какие группы вовлечены в эти ситуации¹. В случае позиционных идеологий нужно задавать не вопрос «кто», а вопрос «где». Так, теория «прав штатов» в Соединенных Штатах была преимущественно позиционной идеологией, которую различные сменяющие друг друга группы поддерживали всякий раз, когда их власть по отношению к конкурирующим группам в центральном правительстве была меньше, чем их власть внутри штатов.

Если ситуационное определение консерватизма верно, консерватизм представляет собой позиционную идеологию. Консерватизм развивается для того, чтобы удовлетворить специфические исторические потребности. Когда такая потребность исчезает, консервативная философия уходит в тень. В каждом случае проявление консерватизма становится ответом на особую социальную ситуацию. Обнаружение консерватизма в определенное время и в определенном месте зачастую не имеет ничего общего с появлением консерватизма в любое другое время и в любом другом месте. Консерватизм, таким образом, не отражает неизменных интересов какой-либо группы. Зависит от существования конкретных отношений между группами, а не от существования групп самих по себе, он живет столько, сколько длятся эти отношения, а не столько, сколько существуют эти группы. А отношения всегда преходящи, немногие сохраняются на срок более одного поколения. Соответственно, консервативная идеология не развивается и не передается, будучи измененной, доработанной и пересмотренной от одной эпохи к другой. Также она не обладает набором базовых трудов, которые группы последователей могли бы комментировать, интерпретировать и вступать в споры между собой. Проявления консерватизма представляют собой не более чем параллельные идеологические ответы на схожие социальные ситуации. Содержание консерватизма по существу своему статично. Консервативная мысль – это повторение, а не эволюция. Ее проявления исторически изолированы и дискретны. Таким образом, хотя это и может показаться парадоксальным, консерватизм, поборник традиции, сам по себе традиции не имеет; консерватизм, апеллирующий к истории, своей истории не имеет.

Статичный и повторяющийся характер консервативного мышления нашел свое отражение в том, насколько консерватизм поддается рубрикации. В большей мере, чем любая другая политическая идеология, консерватизм может

¹ Важное значение позиционных идеологий оставалось неочевидным в связи с утверждением, проистекающим из мангеймовской социологии знания, состоящим в том, что каждая идеология имеет своего «носителя» в виде особой социальной группы либо класса. Аргумент здесь в том, что идеологии тоже могут иметь «носителя» в виде воспроизводящихся образцов взаимоотношений между группами.

быть сведен к краткому списку принципов или концептов, которые составляют консервативный катехизис, разделяемый всеми консервативными мыслителями. И сторонники, и критики консерватизма сходятся в том, что сущность консерватизма можно уложить в небольшое число основных идей. Число этих идей может варьироваться при различных формулировках, но само их содержание остается преимущественно неизменным. Хиршноу, к примеру, перечисляет «двенадцать признаков консерватизма», Кёрк – «шесть канонов», а Росситер – «двадцать один пункт» консервативной традиции»¹.

Отчасти эти краткие и схожие списки консервативных идей попросту отражают общий консенсус относительно существования консерватизма как идеологии. Но помимо этого они отражают статичность и ограниченный характер этой идеологии. Прочие идеологии обладают базовыми принципами, которые воспроизводятся в различных их проявлениях. Но эти идеи служат отправной точкой, а не суммой и содержанием данной идеологии. Либерализму присущ индивидуализм, но индивидуализм Локка значительно отличается от индивидуализма Бентама. Для марксизма классовый конфликт основополагающ, но классовая борьба у Каутского непохожа на классовую борьбу у Ленина. Консерваторы, меж тем, не подразделяются на отдельные школы, также они, в отличие от либералов и марксистов, не вступают в ожесточенные споры относительно смысла их веры. Отдельные консервативные мыслители, конечно, могут формулировать свои идеи несколько иначе, могут модифицировать их в свете собственных идеационных наклонностей. Но в целом они лишь воспроизводят их катехизис, и как только катехизис озвучен, они сказали уже всё, что можно было сказать о содержании консервативной мысли. История либеральной или марксистской мысли обнаруживает видоизменения идеологии в разные времена и в различных обстоятельствах. История консервативных мыслителей, таких как Кёрк с его «Консервативным разумом», необходимо подразумевает повторение вновь и вновь одних и тех же идей.

Этот особый характер консервативной мысли объясняет часто упоминаемый аспект консерватизма, отмеченный в следующей цитате Мангейма: «Карьерные пути большинства консерваторов и реакционеров позволяют обнаружить революционные периоды в их молодости»². Многие консерваторы начала девятнадцатого века – Гёррес, Гентц, Мюллер в Германии; Коулридж, Вордсворт, Саути в Англии – изначально с энтузиазмом отнеслись к Французской революции. Федералисты начинали как успешные революционеры, а главный консерватор Америки, Джон К. Кэлхун, начинал свою карьеру как пламенный джефферсоновский националист. Отчего существует такой паттерн? Не оттого ли просто, что консерватизм не является неизменным идеологическим выражением интересов какой-либо социальной группы? Никто не рожден для консерватизма, подобно тому как Милль рожден для утилитаризма. Импульс для консерватизма исходит главным образом от некоего социального вызова, а не от интеллектуальной традиции, предшествующей теоретику. Люди обращаются к консерватизму, испытав потрясение в связи с определенными событиями, из-за ужасающего ощущения того, что общество либо институты, которые они одобряли и воспринимали как данность и с которыми они были тесно связаны,

¹ F.J.C. Hearnshaw, "Conservatism in England" (London, 1933), p. 22 ff.; Kirk, *Conservative Mind*, p. 7–8; Rossiter, "Conservatism in America", p. 61–62; Mannheim, "Conservative Thought", p. 114; Lord Hugh Cecil, "Conservatism" (London, 1937), p. 48; William O. Shanahan, "The Social Outlook of Prussian Conservatism", *Review of Politics*, vol. 15, p. 222–225 (April 1953); R.J. White (ed.), "The Conservative Tradition" (London, 1950), p. 1–10.

² "Conservative Thought", p. 120.

внезапно могут исчезнуть. Консервативные мыслители одной эпохи, следовательно, имеют минимальное влияние на мыслителей эпохи последующей. Есть лишь немного примеров второго поколения консерваторов. Хукер, к примеру, предвосхитил Бёрка во всех ключевых моментах консервативной философии; но бёрковский консерватизм возник не из изучения Хукера, а под влиянием окружавших его событий. Аналогично, во Франции «у Местра никогда не было, так сказать, школы». В Соединенных Штатах Фитцхью, апологет Юга, едва ли черпал вдохновение из работ предшественников-консерваторов¹. Более того, каждое индивидуальное заявление консервативной позиции само по себе чаще возникает в связи с определенным интеллектуальным вызовом. Кристофер Моррис описывает «Законы церковного устройства» как «книгу по случаю». Аналогичной фразой можно охарактеризовать «*Основы искусства управления государством*», «*Размышления о революции во Франции*» и «*Рассуждения о правительстве*»².

IV. Востребованность консерватизма

Какую роль играет консервативная идеология в современной Америке в свете вышеприведенного анализа? Действительно ли Новый консерватизм по-настоящему консервативен? Существует ли возможность более глубокого и масштабного представления консервативных идей?

В своей большей части Новый консерватизм как консервативное движение отмечен тремя недостатками. Во-первых, многие новые консерваторы не определились с тем, что они желают защищать. Некоторые просто продолжают по-старому идентифицировать консерватизм с предпринимательским либерализмом. Другие являются аристократическими радикалами, чувствующими отчужденность и отвращение по отношению к американскому обществу в том виде, в котором оно существует сегодня. Желая импортировать европейскую аристократию в буржуазную Америку, они мечтают об эпохе с меньшим количеством демократии, равенства, промышленности, когда элиты правили, а массы знали свое место. Их отрицание существующей в Америке политической и социальной системы закрывает для них возможность быть по-настоящему консервативными. К примеру, взгляд Рассела Кёрка на современную Америку вряд ли бы мог быть более нелестным: «близкая к самоубийству», «дешевая»,

¹ Murray, "Review of Politics", vol. 11, p. 86; Arnaud B. Leavelle and Thomas I. Cook, "George Fitzhugh and the Theory of American Conservatism", *Journal of Politics*, vol. 7, p. 146–147 (May 1945).

² Отсутствие как интеллектуальной традиции, так и основных идеалов объясняет другой примечательный аспект консерватизма: степень, в которой его игнорируют политологи, пишущие о политической теории. В учебниках по политической теории консерватизм если и появляется, то крайне редко, и когда о нем пишут, то делают это в весьма скудной форме. Аналогично не существует достойной истории консервативной мысли. Причина этого кроется частично в самой природе консерватизма и частично – в образовании политологов. Последних учат анализировать исторические школы мысли, с тем чтобы проследить развитие идей, выявить влияние одного мыслителя на другого, отыскать идеологические расколы и доктринальные расхождения внутри той или иной школы мысли. Также их учат анализировать основные идеалы, которые лежат в сердце идеологий, в терминах их внутренней логики и единства, теории человека и общества, которые они отражают, а также группы интересов, которые они обосновывают и выражают. В отсутствие интеллектуальной традиции и сущностного идеала консерватизм не может стать объектом для плодотворного анализа по такой схеме. Не зная, какие вопросы о консерватизме стоит задавать, как оценивать его значимость, политологи были склонны игнорировать его.

«материалистическая», «бесплодная», «однообразная»¹. Разве это язык консерватора? Или же это язык злобного ненавистника существующего общества? Вместо энергичной защиты американской конституционной демократии книги Кёрка наполнены натужным, сентиментальным, ностальгическим, антикварным стремлением к обществу, которое осталось в прошлом. Он и его единомышленники не вписываются в рамки современной Америки.

Во-вторых, многие Новые консерваторы удивительным образом не определились с природой и источником угрозы тому, что они желают сохранить. Исторически консерватизм всегда был ответом на прямой и непосредственный вызов. Консерваторы обычно не сомневались по поводу того, кем являются их оппоненты. Однако у Новых консерваторов враг выглядит нечетким и расфокусированным. Для кого-то из них противник – это либерализм, хотя не существует согласия по поводу значения данного термина. Другие видят врага в модернизме, тоталитаризме, популизме, секуляризме или материализме. Для одних Новых консерваторов противником выступает иррационализм, а для других – рационализм. Эта путаница, конечно, всего лишь отражает тот факт, что экономическое процветание и политический консенсус американского общества делают любой консерватизм, направленный против внутренних врагов, до абсурда ненужным. Хукер, Бёрк и Кэлхун участвовали в настоящих политических сражениях против реальных политических противников. Недостаток реальных социально-политических вызовов Новые консерваторы восполняют за счет конструирования вымышленных угроз из абстрактных «измов».

Третий изъян Нового консерватизма заключается в попытке открыть консервативную интеллектуальную традицию Америки. Очевидно, желая предстать в качестве интеллектуального движения, Новые консерваторы копаются в американском прошлом, воскрешая фигуры давно забытых политиков и интеллектуалов. Немногие предприятия могут быть более бесполезными или неуместными. Например, в работе «Консервативный разум» Расселл Кёрк определяет консерватора как того, кто поддерживает существующие институты. Несмотря на это в своих попытках найти в Америке консервативную традицию Кёрк причисляет к консерваторам Джеймса Расселла Лоуэлла, который был «испуган» тем, что видел вокруг себя; Брукса Адамса, которому «американское общество внушало отвращение»; Генри Адамса, ставшего классическим символом фрустрированной отчужденности²; Ирвинга Баббитта, сбежавшего от Америки в буддизм; и Джорджа Сантаяну, который покинул Америку ради своего уединения в Риме. Все эти люди были недовольными, и во многих отношениях они были более фундаментально недовольны чем Дебс, Генри Джордж, де Леон и Лафоллетт, которых Кёрк скорее всего никогда не стал бы причислять к консерваторам. Поиск Новыми консерваторами своих предшественников отражает только их неуверенность в собственной цели, играемой ими роли и идентичности. Они стремятся сохранить несуществующую интеллектуальную традицию вместо институтов, которые существуют. Если бы они были настоящими консерваторами, непосредственно вовлеченными в защиту институтов общества от реально нависшей угрозы, они бы так сильно не интересовались поиском консервативной родословной.

¹ «Консервативный разум», с. 10, 428, и «Программа для консерваторов» целиком. Важно различать между такими, как Кёрк, критикующими институты и теорию современной либеральной демократии, и такими, как Рейнольд Нибур, критикующими только теорию либерализма и в то же время восхваляющими непреходящую мудрость его институтов.

² См. переосмысление его творчества в работе Генри С. Кэриэла "The Limits of Social Science: Henry Adams' Quest for Order", в Review, vol. 50, p. 1074 (December 1956).

Однако сомнительные стороны Нового консерватизма не исчерпывают возможностей консерватизма в современной Америке. Некоторые Новые консерваторы признают сущностно ситуационный характер консервативной идеологии. Они осознают бесплодность консервативной защиты одной части американского общества против другой. Сегодня единственной угрозой, достаточно масштабной и глубокой чтобы вызвать консервативный ответ, является вызов коммунизма и Советского Союза, бросаемый всему американскому обществу. В этом смысле, как отметил Макс Беллофф, существует определенная параллель между позицией Юга в 1850-х годах и положением США в 1950-х годах: обоим обществам был брошен вызов со стороны расширяющегося внешнего порядка¹. Подобно тому как Юг породил консервативную защиту в лице Фицхью и Кэлхуна, можно ожидать, что Америка тоже будет иметь своих консервативных апологетов. Недавние весьма основательные труды Нибура, написанные в консервативном ключе, являлись во многих отношениях прямым ответом на вызов зарубежного тоталитаризма. Как острову изобилия и свободы в стесненном мире Америке есть что защищать.

Как бы там ни было, американские институты являются либеральными, народными и демократическими. Лучше всего их могут защищать те, кто верит в либерализм, народный контроль и демократическое правительство. Подобно тому как аристократы были консерваторами в Пруссии в 1820 году, а рабовладельцы – на Юге в 1850 году, так и либералы должны быть консерваторами в сегодняшней Америке. Исторически американские либералы являлись идеалистами, стремившимися к большей свободе, большему социальному равенству и более полноценной демократии. Отчетливое выражение либеральной идеологии было необходимо для того, чтобы обращать других к либеральным идеям и непрестанно реформировать существующие институты в соответствии с либеральными образцами. Однако сегодня главная потребность заключается не столько в создании более либеральных институтов, сколько в успешной защите уже существующих. Эта защита требует от американских либералов отложить их либеральную идеологию и принять ценности консерватизма на то время, пока сохраняется угроза. Только отказавшись от своих либеральных идей в настоящем, либералы смогут успешно защитить их либеральные институты в будущем. Либералы не должны бояться этой перемены. Является ли либерал менее либеральным по причине того, что подстраивает свое мышление под задачи более эффективной защиты наиболее либеральных институтов в мире? Продолжать излагать философию либерализма означает просто давать врагу оружие для атаки на либеральное общество². Защита американских институтов требует сознательного, ясно сформулированного консерватизма, который может исходить только от либералов, глубоко озабоченных сохранением своих институтов. Как указывали Бурстин, Нибур и другие, американский политический гений проявляет себя не в наших идеях, а в наших институтах. Стимулом консерватизма являются не устаревшие убеждения третьесортных мыслителей, а успешная работа первосортных институтов. Текущий конфликт, а не древняя догма породит по-настоящему консервативный Новый консерватизм.

¹ "Foreign Policy and the Democratic Process" (Балтимор, 1955), p. 5–7.

² Хорошим примером является широко распространенный опыт тех американцев в Европе, которые превозносят США как землю свободы, равенства и демократии, а в ответ получают вопрос: «А как насчет негров на Юге?». Отвечая, американцы всегда подчеркивают размеры имеющихся социальных проблем, необходимость постепенности, невозможность одномоментного изменения привычек с помощью законодательного акта, а также напряженность, вызванную слишком быстрыми социальными переменами. То есть они отказываются от либерального языка равенства и свободы в пользу изначально консервативных концептов и аргументов.

Консерватизм вопреки аристократической интерпретации не является исторической монополией одного определенного класса. Не является он вопреки заявлениям автономистской школы и применимым для любого времени и места. Наоборот, консерватизм уместен лишь в определенном типе исторической ситуации. Такова ситуация, в которой сегодня находится американский либерализм. До тех пор, пока вызов со стороны коммунизма и Советского Союза не будет уничтожен или нейтрализован, основной задачей американских либералов является сохранение того, что они создали. Это хотя и ограниченная, но необходимая цель. Консерватизм не задает последних вопросов и, следовательно, не дает окончательных ответов. Вместо этого он напоминает людям об институциональных предпосылках социального порядка. И когда эти предпосылки находятся под угрозой, консерватизм не только оправдан, но и соответствует сущностному запросу. В деле сохранения достижений американского либерализма либералам Америки не к чему обратиться за помощью кроме как к консерватизму. В современной Америке консерватизм востребован именно для них.

*Перевод А.А. Закутина
под редакцией Л.В. Полякова*

*Д.О. Дробницкий
Бизнесмен-харизматик на пути в Вашингтон*

*Е.С. Холмогоров
Путешествие в геополитику и обратно*

Бизнесмен-харизматик на пути в Вашингтон

Trump, Donald J. Crippled America: How to Make America Great Again. Threshold Editions; Simon & Schuster, 2015.

Политический нон-фикшн – жанр в Америке не менее популярный, чем беллетристика. А накануне важных политических событий, таких как президентские выборы, – возможно, даже более востребованный. Особняком стоят книги популярных политиков, книги, способные всерьез повлиять на будущий политический ландшафт в США. Такие произведения, как правило, становятся бестселлерами. И сегодня, в век телевидения и Интернета, миллионы американцев, как и полвека назад, запоем читают труды тех, кто вступает в борьбу за их голоса.

Политический сезон 2015–2016 годов не стал исключением. Застрельщиком дискуссии выступила Хиллари Клинтон, опубликовавшая свои мемуары-рассуждения «Сложные решения» еще в 2014 году. Тогда же издал свою книгу «Путь вперед» [2]¹ конгрессмен Пол Райан, который позже отказался от участия в президентской гонке, чтобы сосредоточиться на работе в Конгрессе. И, кстати, уже через год после выхода в свет его сочинения он стал спикером Палаты представителей. Свои книги выпустили кандидаты в президенты: Бен Карсон, Рэнд Пол, Тед Круз, Карли Фиорина, Марко Рубио и уже выбывший из борьбы губернатор штата Висконсин Скотт Уокер. Не стал исключением и единственный серьезный конкурент Хиллари на демократических праймериз – сенатор от штата Вермонт Берни Сандерс.

¹ Рецензия на эту книгу подготовлена автором для сайта «Русская idea»: [1].

Все ждали, быть может, главного издания 2015 года – книги лидера республиканской гонки, неполиткорректного миллиардера, грозы нелегальных иммигрантов, человека, обещавшего «прекрасно договориться с Владимиром Путиным», Дональда Трампа.

3 ноября книга увидела свет. Пресс-конференцию, на которой автор презентовал свой труд, посетили представители всех ведущих американских СМИ, а телеканал ABC News вел прямую трансляцию. Уже через четыре дня книга «Сломанная Америка: как нам сделать Америку снова великой» [3] стала бестселлером № 1 в разряде общественно-политической литературы по версии глобальной торговой площадки Amazon.

О чем же поведал несистемный политик, остановить которого на пути к победе в республиканских праймериз вашингтонскому истеблишменту становится все сложнее и сложнее?

* * *

Прежде всего следует отметить, что перевод заголовка книги (*Crippled America* – «Сломанная Америка»), пожалуй, самый мягкий из возможных. Поскольку я, наверное, первым в России пишу рецензию на эту книгу, то и взял на себя такую смелость. Любой словарь выдаст первыми вариантами перевода слова «*crippled*» такие эпитеты, как «искалеченная», «изуродованная», «хромая», «доведенная до состояния инвалида». Именно такой страной, по мне-

нию Трампа, и является нынешняя Америка. И именно этим, как следует из книги, объясняется выбранное для обложки книги фото автора. При таком заголовке (да и содержании) с обложки, по мнению автора, не должен смотреть улыбающийся счастливый человек. «Это была самая ужасная фотография из сессии», – утверждает Трамп. Но ее-то он в результате и выбрал. На ней он злой, недовольный, раздосадованный. Такое выражение на лице босса огромной бизнес-империи может означать для его визави только одно: «Ты не просто уволен, парень. Ты уволен с волчьим билетом!».

Именно так Дональд Трамп предлагает поступить с каждым вторым политиком и бюрократом в Вашингтоне. Не раз и не два в книге, описывая, насколько неразумно, расточительно, заорганизованно, а в ряде случаев и коррумпированно действуют Белый дом, Капитолий, Госдепартамент, Пентагон и иные органы власти, Трамп повторяет: «Работали бы они в моей корпорации, давно были бы уволены!»

Однако помимо «злой» компоненты в книге много позитива, типично американской энергии, энтузиазма, буквально брызжущего через край. Пожалуй, только столь эмоциональный и харизматичный человек, как Дональд Трамп, мог поставить рядом со столь удручающим заголовком оптимистичный подзаголовок: «Как сделать Америку снова великой». По его мнению, сделать страну снова великой может лишь не-политик, поскольку «политики только говорят, но ничего никогда не делают» и именно политики с их «профессиональным опытом» довели страну до ее нынешнего состояния.

И Трамп рисует просто катастрофическую картину. Образование, медицина, занятость, инфраструктура, налогообложение, вооруженные силы, внешняя политика – все это находится в плачевном состоянии: Соединенные Штаты начинают отставать от многих других стран, прежде всего азиатских. Виной тому, по мнению миллиардера, – «профессиональные» политики. Они не выполняют своих предвыборных обещаний. Они ведут переговоры, не заботясь об американских интересах, и даже не помышляют о том, чтобы что-то исправить. Они думают лишь о предвы-

борном фонде для следующих выборов. Политики, суммирует Трамп, разучились выигрывать, управлять и бороться за Америку. Себя же автор считает человеком, который всей своей жизнью доказал, что он победитель, человек дела, детально знающий экономику.

Трамп, успешный бизнесмен и селебрити, «продает» читателю вовсе не свою программу, ибо какой ее пункт ни возьми, точно такой же или очень похожий мы найдем у одного из его соперников по республиканским праймериз. Кандидат в президенты «продает» себя – мотивированного и опытного бизнесмена, харизматика и пассивария, который обязательно добьется поставленных целей, потому что всегда так делал в жизни и потому что не будет играть по «скучным и неэффективным» вашингтонским правилам.

При этом Трамп не стесняется в каждой главе хвалить себя. И по прочтении книги начинаешь понимать, что здесь дело не только в нарциссизме автора, в этом проявляется сознательно выбранная стратегия: продвигать себя как лидера и эффективного менеджера. Что бы ни предлагали Тед Круз, Рэнд Пол, Джеб Буш или даже члены демократического лагеря, Дональд Трамп выполнит любое их предложение лучше каждого из них. Для того чтобы убедить избирателей в этом, доказываются три простых тезиса. Во-первых, Трамп будет играть по другим правилам. Во-вторых, он всегда добивался успеха там, где многие другие пасовали, тогда как его сегодняшние оппоненты из числа кадровых политиков свою работу явно провалили. И, наконец, третье: Америка находится в состоянии запустения, американцы перестали добиваться побед как внутри страны, так и на внешнеполитическом поле, и если дело пойдет так дальше, то ситуация испортится окончательно, станет совсем худо. Трамп подчеркивает в своей книге, что странно было бы ожидать изменений к лучшему, если страной будут управлять, по сути дела, те же люди, что и до выборов 2016 года.

Логика Трампа проста и понятна. Ее несложно деконструировать, учитывая, что практически все претенденты на президентский пост от обеих партий в своих

программах и предвыборных речах объявляли федеральную власть по крайней мере «дисфункциональной» (Джеб Буш), а иной раз и «тотально коррумпированной» (Тед Круз). Решительных изменений в Вашингтоне обещают добиваться все. Трамп просто пошел чуть дальше других своих оппонентов и сказал избирателю: ну, так и выбирайте другого человека, который не проработал в этом «дисфункциональном» и «коррумпированном» Вашингтоне ни дня.

И как автор книги он последовательно бьет в эту точку:

«Даже самые ленивые журналисты понимают, что Дональд Трамп – это все-рвез, что люди реагируют на личность, которая радикальным образом отличается о любого политика. Мне никто не платит, чтобы я говорил эти слова.

Я сам плачу за себя, мной не владеют лоббисты и группы специальных интересов. Я не играю по обычным правилам в стиле статус-кво. Я не политик, который смотрит в данные опросов, чтобы понять, во что я должен “верить” или что я должен говорить. Я говорю то, что есть на самом деле, и в самом сердце моих суждений лежит то, что сделает Америку снова великой.

Я не дипломат, который хочет всех осчастливить. Я практик, бизнесмен, который за свою жизнь понял, что если ты веришь во что-то, ты не останавливаешься, не отказываешься от цели, и если тебя сбили с ног, ты снова встаешь, чтобы драться до тех пор, пока не победишь. Это было моей стратегией всю мою жизнь, и я был чрезвычайно успешен, следуя ей.

Побеждать важно. Быть лучшим важно.

Я собираюсь сражаться за нашу страну до тех пор, пока она снова не станет великой».

Когда читаешь такого рода пассажи Трампа в первых главах, то снисходительно улыбаешься, но под конец относительно небольшой книги (в твердой обложке – 193 страницы) невольно начинаешь верить автору. Начинаешь проникаться простой логикой человека дела. Все можно исправить и всего можно добиться, если не жаловаться, не болтать понапрасну, а, засучив рукава, действовать, отдавая всего себя работе на свою страну. Не этому ли с молодых

ногтей учили в каждой приличной семье по обе стороны Атлантики?

Из простого призыва следуют три очень важных, на мой взгляд, выводы.

1. Книга написана популистом, каким Трампа и считают. Но при этом в Штатах термин «популист» не носит той очевидной негативной окраски, которую он имеет в России. Автор «Сломанной Америки» действительно отвечает на определенный социальный запрос американцев, уставших от того, что избираемые ими лидеры не в состоянии решить их насущных проблем. Порой Трамп, как это принято говорить, «выступает за все хорошее против всего плохого», но как человек с многолетним опытом руководства большим сложным бизнесом он объективно имеет на это больше прав, чем профессор из университетского кампуса, врач или потомственный политик.

2. Правящий политический класс США умудрился настолько разочаровать и американцев, и граждан других государств, что уже само выражение готовности начать «все делать иначе» вызывает определенный оптимизм. А это, в свою очередь, означает, что, даже если у Трампа и совсем немного шансов победить на президентских выборах, то та встряска, которую он учинил политическому олимпу США, заставит истеблишмент и оппозицию действительно менять свои подходы и сложившиеся десятилетиями правила игры, пусть и не так радикально, как это предлагает Дональд Трамп.

3. Кандидат-миллиардер безошибочно бьет в главную болевую точку американского политического истеблишмента середины второго десятилетия XXI века – успешность во внутренней и международной политике сегодня не связывается избирателем с какими-либо специальными компетенциями и политическим опытом. Скорее наоборот – чем дальше человек от такого рода компетенций и опыта, тем больше к нему доверия. Отчасти в этом «виноваты» информационные технологии. Раньше даже для чтения, скажем, журнала «Коммунист» в СССР или «Foreign Affairs» в США уже требовалась определенная подготовка. Сегодня же всякий пользователь социальных сетей обладает (или думает,

что обладает) достаточной подготовкой, чтобы судить об успехах и неудачах тех или иных политических проектов и инициатив.

А поскольку американская двухпартийная машина и правда увязла в самых различных специальных интересах, профессия политика стала, по видимости, требовать единственного умения – удовлетворения интересов спонсоров; для остальных сограждан остаются одни только разговоры, на что и указывает Дональд Трамп. Возникает естественный вопрос: неужели кандидат в случае успеха собирает всю свою администрацию составить из людей, никогда не работавших на государственные учреждения?

Оказывается, в правительстве, по мнению автора, были и есть достойные и профессиональные люди, но они или уже «убежали из Вашингтона», или собираются это сделать в ближайшее время. Специалисты в области финансов, международных отношений, налогов, образования и т.д. – причем лучшие из них – должны прийти в министерства и ведомства, но для этого их надо убедить в том, что правила игры поменялись.

Вот как пишет об этом Трамп:

«Сделать Америку снова великой означает убедить самых умных и лучших людей прийти в Вашингтон и принять участие в выведении нашей страны на первое место. Правда состоит в том, что политики создали правительству плохую репутацию. Какой позор! Лучшие люди не хотят становиться частью бюрократической возни, в ходе которой, похоже, ничего никогда не бывает сделано. Можем ли мы винить этих людей?».

Трамп посвящает целую главу необходимости поменять правила игры. Он доказывает, что в правительстве остались только некомпетентные и/или жуликоватые люди, которым комфортно в среде, где «ничего никогда не делается», и что лучшие люди из всех индустрий, включая некоммерческие, придут во власть, стоит лишь харизматичному лидеру, не связанному по рукам и ногам лоббистами, въехать в Белый дом и призвать их на службу Америке.

Чтобы убедить в этом предположении читателей, Трамп прибегает к проверенному приему – он предлагает спросить у сотрудников его компании, каково им ра-

ботается под его началом. Автор утверждает, что компания потому и не испытывает дефицита квалифицированных и честных людей, что она «существует для того, чтобы делать большие дела», и в ней сотрудники становятся «частью будущего». Разницу между правительством и коммерческой корпорацией Трамп видит лишь в том, что «ввиду бюджетных ограничений» сотрудников будет меньше, чем в его фирме, так что это сделает конкуренцию за место еще сильнее. Такая конкуренция, по словам автора, будет соревнованием за право «стать одним из самых лучших».

Судя по тому, как свободно Трамп рассуждает о работе полиции и военных, у него, во-первых, появились советники в области охраны порядка и обороны, а во-вторых, рассказ о некомпетентности Вашингтона и жесткости менеджмента в компании Трампа, по-видимому, был с одобрением воспринят в вооруженных силах и правоохранительных органах. Убрать бюрократов, навести порядок и повысить дисциплину – эти призывы людям в форме не могли не понравиться. В книге Трамп обещает полицейским и военным, что никто при его президентстве не посмеет их не уважать. На дебатах другие кандидаты-республиканцы часто говорили, что у Трампа нет ни знаний, ни опыта в управлении вооруженными силами и силами правопорядка. Часто пишет об этом и пресса. В своей книге миллиардер парирует этот аргумент простым утверждением: управление бизнесом – это на две трети делегирование полномочий и контроль, управление страной – это на три четверти делегирование полномочий и контроль. И далее без ложной скромности: «Я всегда был чемпионом по делегированию полномочий и контролю. И я редко ошибался в людях, которым поручал сделать дело. Спросите любого в моей компании».

* * *

Разумеется, те люди, которые следили за политической кампанией Дональда Трампа, ждали разъяснений или новых откровений по женскому вопросу, вопросам иммиграционной политики, взаимоотношений со СМИ, а также ответов на обвинения в том, что он человек нерелигиозный и неконсервативный.

Средствам массовой информации Трамп посвятил целых две главы своей книги. Он не стал скрывать, что для него любое внимание медиа, даже негативное, весьма ценно и что он заработал бешеную популярность в самом начале своей кампании, не потратив на нее почти ни цента, – все за него сделала пресса. «Мы используем друг друга», – признался Трамп. К тому времени, как книга вышла из печати, он превратился из объекта насмешек в медиа в любимчика всех центральных СМИ. Кандидата пришлось воспринимать всерьез и задавать ему серьезные вопросы. Трамп также сменил гнев на милость и стал хвалить большинство журналистов, демонстрируя при этом прекрасную память, называя десятки репортеров, фотокорреспондентов и даже операторов по имени. В то же время автор предсказал СМИ не слишком хорошее будущее, если они сохраняют свою ангажированность и будут продолжать использовать нечистоплотные методы в работе. Свою решимость миллиардер подкрепил рассказами о нескольких крупных исках, которые он выиграл у медиа-корпораций.

В главе, посвященной иммиграции, пожалуй, не содержится ничего нового, но название этой главы подобрано талантливо: «За хорошими стенами живут хорошие друзья». Трамп решительно отверг все обвинения в расизме и нелюбви к мексиканцам. «Я люблю мексиканцев, – пишет автор в своем обычном стиле, – огромное количество испаноязычных американцев и легальных иммигрантов работает в моей компании». Отчасти Дональд Трамп использует привычную риторику республиканских политиков (на теледебатах 2012 года мы слышали ее от Митта Ромни): Америка – страна мигрантов, однако это не значит, что в страну можно проникать нелегально. Миграционная амнистия для нелегалов – странное решение, когда столько достойных людей с необходимыми Америке навыками и знаниями годами и десятилетиями ждут своей очереди на легальное переселение в страну.

Трамп пошел тем не менее несколько дальше. Он уже неоднократно говорил, что Четырнадцатая поправка (точнее, ее первая часть, дарующая право на гражданство всем рожденным на территории США) интерпретируется неверно. Она, по

мнению автора (впрочем, не его одного), была в свое время введена для освобожденных рабов, и ее применение к кому-то еще никогда не предусматривалось. Расширенное толкование Верховного суда, по мнению Трампа, можно рассматривать как «дар» детям тех людей, которые на момент рождения ребенка, находились в стране легально. В остальных же случаях практика так называемых «якорных детей» (когда у нелегалов рождается ребенок, который получает право на гражданство и дает основание родителям оставаться в стране до его совершеннолетия) является, по мнению миллиардера, одним из главных приводных механизмов прибытия все новых и новых нелегалов в страну, их бедственного положения и, как следствие, – преступности и наркомании.

Трамп повторил, что как чрезвычайно искусный в строительстве человек он сможет осуществить постройку недорогой и очень эффективной стены на границе с Мексикой «с хорошей красивой дверью» для тех, кто въезжает в страну легально. Стена, по утверждению автора, окупится с лихвой, стоит только исправить торговый дисбаланс с Мексикой и пресечь вывоз капитала нелегальными иммигрантами, – и в этом смысле Мексика сама заплатит за стену.

Дональда Трампа одно время выставляли гендерным шовинистом, ссылаясь на его неполиткорректную риторику. К сегодняшнему дню это несколько подзабылось, но Трамп тем не менее решил «выяснить отношения» до конца. Из книги можно узнать, что он все-таки «любит женщин» (Трамп вообще много кого и чего любит – *latinos*, женщин, работать и даже СМИ), более того, его фирма начала практику равной оплаты за равный труд мужчинам и женщинам еще тогда, когда «в стране все это движение только зарождалось».

В качестве примера автор приводит некую женщину (имени которой не называет), которую поставил во главе большого девелоперского проекта в Нью-Йорке вопреки возражениям многих коллег, и она справилась и была за это вознаграждена так же, как был бы на ее месте вознагражден любой мужчина. И далее – фирменное: «Спросите у любой женщины, которая

когда-либо работала на меня». Что касается ценностей, то в книге есть специальная глава, названная соответствующим образом – «Ценности». В ней Дональд Трамп рассказывает о своей семье и о своих отношениях с религией. По его словам, «рабочая этика» была ему привита отцом, а религиозные ценности – матерью.

У Трампа сейчас уже третья жена, и он признается, что «был больше хорошим отцом, чем мужем, потому что слишком много работал». Он с теплотой отзывается о «матерях своих детей» и пишет, что вместе они воспитали «работящих и уважаемых взрослых людей», у которых никогда не было проблем с наркотиками или алкоголем.

В детстве и юности Трамп ходил в Первую пресвитерианскую церковь в Квинсе (Нью-Йорк), а уже будучи самостоятельным человеком, стал прихожанином Коллегиальной церкви, возглавляемой преподобным Норманом Винсентом Пилом (автором знаменитой книги «Сила позитивного мышления»), а позже, во Флориде, стал посещать Епископальную церковь в приморском городке Бетесда.

Трамп признается в своей религиозности: *«Я хожу в Церковь, я люблю Бога и люблю мои отношения с Ним. Как я уже не раз говорил, я думаю, Библия является самой важной книгой из когда-либо написанных. Даже близко к ней нет ни одной. Ну, может быть, “Искусство сделки”¹ является второй (шучу, шучу!)».*

* * *

Нас, разумеется, более всего интересует внешнеполитическая программа Дональда Трампа. В книге есть глава, посвященная именно этому аспекту его программы. В отличие от ярких интервью, данных Fox News и CBS, в которых Трамп обещает договориться с Владимиром Путиным «по-деловому», в «Сломанной Америке» гораздо меньше подробностей, однако есть важные указания на то, что кандидату-миллиардеру претит быть интервенционистом, но роль США как мирового полицей-

ского он тем не менее воспринимает как данность. Название этой главы примечательное: «Внешняя политика: сражаться за мир».

Трамп с порога отмечает все аргументы о том, что заниматься внешней политикой должны карьерные дипломаты и вообще опытные люди, эксперты:

«Посмотрите, во что превратился сегодня мир. Это полный бардак. И это еще мягко сказано. Никогда еще не было таких опасных времен. Так называемые кадровые политики, люди из правящего класса в Вашингтоне – вот кто привел нас к таким проблемам. Так зачем продолжать их слушать? Некоторые из этих так называемых “экспертов” пытаются испугать людей, говоря, что мой подход сделает мир опаснее. Опаснее?? Опаснее, чем когда? Опаснее, чем сейчас? Вот что я знаю точно: то, что мы делаем сейчас, не работает. Много лет назад, когда я только начинал свой бизнес, я выработал очень простой подход, который всегда работал очень хорошо. Когда ты закапываешь себя все глубже и глубже в яму, перестань копать».

Трамп вслед за многими республиканцами повторяет, что действовать США надлежит с позиции силы. И поэтому предлагает создать настолько современные и боеспособные вооруженные силы, что их применение даже не понадобится ввиду их явной устрашающей мощи.

Однако – и тут сказывается бизнес-подход, который миллиардер продвигает во всех своих речах, – Дональд Трамп полагает, что раз уж роль мирового полицейского остается за США, другие страны должны «скинуться» на перевооружение американской армии. Вот что он пишет:

«В зависимости от цены на нефть Саудовская Аравия зарабатывает что-то между полумиллиардом и миллиардом долларов ежедневно. Она бы не существовала, – я уж молчу об их богатстве – если бы не наша защита. Мы за это ничего не получаем. Ничего. Мы защищаем Германию. Мы защищаем Японию. Мы защищаем Южную Корею. Это сильные и богатые страны. Мы ничего от них не получаем. Пора поменять правила игры».

Но здесь у Трампа возникает серьезная проблема. На самом деле все и так

¹ «Искусство сделки» – книга Дональда Трампа, написанная им в 1989 году. Было продано несколько миллионов экземпляров.

«скидываются» на услуги армии, авиации и флотов США. И не Соединенные Штаты «покупают мир» (как пишет автор), а все перечисленные страны (и не только они) покупают у Америки мировой порядок. А платят они через увеличивающийся год от года внешний долг США, через вливания в избирательные фонды американских политиков, да и просто через использование доллара в качестве резервной валюты.

По сути дела, Трамп предлагает прекратить эту практику и напрямую финансировать вооруженные силы США с использованием бюджетов других стран. Получаются какие-то Акционерные Вооруженные силы США инкорпорейтед! Затрудняюсь даже сказать, что хуже и опаснее – тотальное управление Вашингтона посредством всемогущих иностранных агентов влияния и лоббистов от ВПК или прямое и «честное» долевое участие в самой смертоносной армии мира.

В остальном внешнеполитическая риторика Дональда Трампа очень напоминает риторику другого кандидата-республиканца – сенатора от штата Кентукки Рэнда Пола. Трамп осуждает вторжение в Ирак и считает, что любая интервенция должна быть ответом на прямую и неотвратимую угрозу безопасности США, что прежде, чем начать военную операцию, необходим ясный план, как победить и убраться подобру-поздорову. Желательно, конечно, вообще не начинать...

Мне представляется, что все размышления Трампа об акционерной армии вкуче с критикой специальных интересов нацелены на то, чтобы в случае невозможности получить финансирование (а это настолько безумная идея, что вряд ли удастся убедить союзников воплотить ее в жизнь) начать сворачивать полицейские функции США в наиболее проблемных и затратных для главной державы НАТО регионах. Трамп как бы хочет сказать: если Германия желает, чтобы США поучаствовали в решении украинского вопроса, то пусть заплатит за разработку новых спутников и гиперзвуковых бомбардировщиков. Нет, она не готова это сделать? Ну, извините, тогда я полетел в Москву...

И автор отчасти подтверждает мою гипотезу, когда пишет: «Я до сих пор не по-

нимаю, почему Германия и другие европейские страны безучастно смотрели, как Путин марширует на территорию Украины».

Стоит сложить два и два – эту фразу и высказывания Дональда Трампа о том, что у него с Путиным будут прекрасные отношения, – и окажется, что этот селебрити не так уж прост.

Имя российского президента упоминается в книге всего лишь пять раз, и, за исключением вышеприведенной цитаты, Путин в основном ставится в пример Обаме как эффективный лидер, который его «переиграл». Поругивая 44-го президента, Трамп попутно признает, что Путин в Сирии добился создания такой коалиции, с которой придется считаться и которая за несколько недель добилась большего, чем США за два года. Но поскольку автор предпочел не раскрывать детали своих планов по Ближнему Востоку (и прямо об этом говорит – это, мол, даст преимущество нашим врагам), довольно сложно сказать, как он будет взаимодействовать с Россией в регионе, если станет президентом.

* * *

Несмотря на то что Трамп в своей книге делает постоянные реверансы в сторону Конституции и разделения властей, перед нами программная декларация не только популиста, но и человека, который явно собирается решать многие вопросы волюнтаристски, по своему собственному усмотрению, это декларация не-политика или, если угодно, политика нового типа.

Если многое, о чем он пишет, останется всего лишь предвыборной бравадой, то не очень понятно, чем Трамп всерьез отличается от таких своих соперников, как Тед Круз или Марко Рубио. Да, предвыборную кампанию он оплатит самостоятельно, но что будет потом, когда он победит? Он ведь не станет оплачивать все расходы государственного бюджета из своего кармана! Он также вряд ли станет лично пополнять предвыборные фонды конгрессменов обеих партий. А значит, ему придется считаться и с лоббистами, и с союзниками, и с самыми различными центрами силы как внутри страны, так и за ее пределами. И тогда принцип делегирования полномочий, который так превозносит Трамп, сделает его

не самым сильным (как он обещает), а самым слабым президентом США за последние несколько десятилетий – ведь даже его собственная партия с самого начала президентской гонки особой любви к нему не испытывала.

Если же Трамп всерьез вознамерился применить в Вашингтоне свои бизнес-наработки, то он станет причиной самого большого перекоса в сторону исполнительной ветви со времен Никсона. У последнего были великолепные внутри- и внешнеполитические прорывы, но дело закончилось позорной отставкой – именно из-за перекоса в сторону исполнительных полномочий эффективного менеджера.

Однако главное, думаю, в другом. Дональд Трамп ворвался на политическую сцену и наделал на ней много шума в условиях, когда в Республиканской партии происходит смена элит. Демократам еще только предстоит аналогичная смена. Безнадежно проиграв промежуточные выборы 2014 года, либералы остались без молодых лидеров, и бунтарей представляет лишь убеленный сединами профессор Берни Сандерс, который в качестве карбонария выглядит несколько гротескно. Впрочем, очевидно, что и за Хиллари нет никакой

«скамейки запасных». Все это у «ослов» впереди. Пока у них есть кандидат от старого истеблишмента...

В Республиканской же партии старый истеблишмент практически полностью отстранен от власти. Почтенные конгрессмены старой генерации не могут удержать инсургентов из Чайной партии, а кандидаты в президенты от традиционных республиканцев имеют, мягко говоря, невысокие рейтинги. В то же время низы партии требуют немедленных перемен. И именно этим объясняется невероятная популярность несистемных претендентов, Дональда Трампа и Бена Карсона.

У Трампа (и это лишний раз показывает его книга) есть энергетика, честолюбие и харизма лидера-популиста, который привлекает внимание избирателя-республиканца, пока новая элита еще не до конца нарастила мускулы и не определилась с основными приоритетами. Станет Дональд Трамп президентом или нет, через некоторое время нам и всему миру придется иметь дело именно с этой новой элитой республиканцев, которые на сей раз консолидированно и веско заявят о себе в тот самый момент, когда в Демократической партии процесс смены элит будет в разгаре.

Литература

1. *Дробницкий Д.* Ребрендинг мечты или консерватизм по-американски // Русская idea. 2014. 17 сентября. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/rebranding-mechty-ili-konservatizm-po-amerikanski>
2. *Rayan P.* The Way Forward: Renewing the American Idea. Twelve, 2014.
3. *Trump, Donald J.* Crippled America: How to Make America Great Again. Threshold Editions (Simon & Schuster), 2015.

Аннотация. Дональд Трамп в своей книге «Сломанная Америка» рисует почти катастрофическую картину нынешних США: образование, медицина, занятость, инфраструктура, налогообложение, вооруженные силы, внешняя политика – все это находится в плачевном состоянии, и Соединенные Штаты начинают отставать от многих других стран. Виной тому – «профессиональные» политики. Они не выполняют своих предвыборных обещаний и ведут международные переговоры, не заботясь об американских интересах. Политики, считает Трамп, разучились выигрывать, управлять и бороться за Америку. Себя же автор считает человеком, которой всей своей жизнью доказал, что он человек дела. Эта предвыборная книга – пиар образа победителя, не-политика, «продажа» несистемного кандидата разгневанному избирателю, уставшему от Вашингтонских завсегдатаев.

Ключевые слова: Дональд Трамп, Америка, «Сломанная Америка», книга, президентская кампания 2016 года в США, «Сделать Америку снова великой», бизнес-подход, не-политик.

Dmitry Drobniński, Americanologist, standing author, “Russian Idea” site; editor-in-chief, “Terra America” portal (2012 – 2014). E-mail: drobnitski@yandex.ru

Charismatic Business on His Way to Washington

Abstract. Donald Trump’s “Crippled America” draws nearly catastrophic picture of the modern day US: education, medicine, jobs, infrastructure, taxes, military, foreign policy everything is a disaster, and the United States are falling behind many other countries. Professional politicians are to blame for that. Politicians do not follow their election pledges; they carry on international negotiations neglecting American best interests. According to Trump politicians have lost will and skills to win, govern and fight for America. He considers himself a man of action whose life is the best proof of that. This election campaign book is a wonderful example of PR showing a winner, a non-political figure, “selling” an outsider candidates to angry electorate who is already tired of Washington insiders.

Keywords: Donald Trump, America, Crippled America, Book, Elections, President of the United States, Make America Great Again, Business Approach, Negotiations, Deal, Non-politician.

Путешествие в геополитику и обратно

Каплан, Роберт. Месть географии: Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2015.

Книга Роберта Каплана «Месть географии» может быть прочитана как минимум тремя способами. Это яркая политическая публицистика – спор политика-«реалиста» с либеральными интервенционистами о границах и формах репрезентации американской имперской мощи. Это трактат по геополитике, введение в историю геополитических идей для начинающих. Это каталог политико-географических образов стран и регионов, который Каплан пытается предложить интересующемуся политикой американцу. Так сказать, карманный справочник американского империалиста.

Автору удалось совместить в книге все три линии, и по каждой из них текст обладает как несомненными достоинствами, так и внушительными недостатками. Оценка этих недостатков будет различаться в зависимости от того, смотрим мы на книгу глазами субъекта имперской политики, самих американцев, объектов имперской политики или же субъекта альтернативной имперской политики, которым, возможно, снова становится Россия.

Авиация свободы и география порядка

Роберт Каплан – влиятельный американский политический писатель и журналист, мнение которого вот уже несколько десятилетий оказывает влияние на внешнюю и оборонную политику США. Громкую известность принесла ему работа «Грядущая анархия», опубликованная в 1994 году

в журнале “The Atlantic Monthly”, в которой Каплан представил видение развития мира после падения Берлинской стены, альтернативное «Концу истории» Фрэнсиса Фукуямы и «Столкновению цивилизаций» Самюэля Хантингтона.

Каплан провидит не торжество либеральной утопии и даже не борьбу сложных высокоидеологизированных систем – цивилизаций, а ренессанс варварства, возрождение бесчисленного множества конфликтов, лишь ненадолго притушенных биполярным порядком холодной войны, коллапс цивилизации под давлением демографического взрыва и исчерпания ресурсов. Мы еще пожалеем о холодной войне как о золотом веке человечества, предупреждал Каплан, и сегодня, два десятилетия спустя, с ним, пожалуй, многие согласны.

Актуальное политическое содержание книги сводится к следующему: в эпоху либерального интервенционизма, начавшегося с американского вмешательства на Балканах и заведшего США в тупики афганской и иракской войн, политический реализм был немодной идеей. Многим в США представлялось, что нежелание «свободных» наций вмешиваться в дела поработанных народов, останавливать геноцид, нести им демократию – это эгоизм, который должен быть категорически преодолен. Никаких границ, естественных барьеров и неподходящих условий для экспорта демократии не существовало. Свобода, подобно крылатой ракете, могла прилететь куда угодно.

Каплан подчеркивает, что глобальное превосходство США, позволяющее нести демократию под крыльями бомбардировщиков, было иллюзией. «1990-е не столько являлись периодом американской военной мощи в целом, сколько десятилетием полного превосходства в воздухе. Именно военно-воздушные силы сыграли решающую роль в победе над иракской армией в Кувейте в 1991 году. В этот раз география пришла на помощь высокотехнологичной войне, так как операции проводились в пустыне, где редко выпадают осадки... География было подняла голову на Балканах, но наша военно-воздушная мощь с этим справилась» (с. 37–38).

Однако еще Хэлфорд Маккиндер в своей последней работе «Круглая Земля и обретение мира» подчеркивал: «Воздушная мощь всецело зависит от эффективности ее наземной организации». Оказалось, что ресурсы аэрократии не безграничны, и если бомбить Югославию, расположенную в Средиземноморье и окруженную странами НАТО, – дело легкое, приятное и остающееся практически без последствий, то совсем иное дело забраться в глубь горного Афганистана или попытаться разрешить конфликты суннитов и шиитов в Ираке.

Точкой поворота в американской авантюре Каплан считает «22 февраля 2006 года. В этот день в иракском городе Самарра экстремистами-суннитами из “Аль-Каиды” была взорвана главная шиитская мечеть Аль-Аскарри, что послужило началом массовой межконфессиональной резни в Ираке, которую американские солдаты были просто не в состоянии остановить. Перед лицом ужасающей ненависти и полного хаоса наши сухопутные силы оказались абсолютно беспомощными... Миф о всемогущей американской армии... разбился вдребезги, как и сопутствующий ему идеализм» (с. 41).

Месть географии свершилась. «Этот этап последовал за поражением географии ввиду полного превосходства американской авиации в воздухе над зонами конфликта и триумфа гуманитарных интервенций... нас отбросило назад, на базовый уровень человеческого существования, где нам пришлось согласиться, что вместо постоянного улучшения мира...

мир, как и раньше, является ареной борьбы за выживание среди суровых лишений» (с. 50). Выяснилось, что и горы, и пустыни, и конфессионально-племенная вражда, всё это по-прежнему имеет значение в сегодняшнем мире. На самом деле даже большее, чем вчера, когда биполярная упорядоченность высших этажей мировой политики транслировала порядок и на этажи, расположенные ниже.

Каплан предлагает вынести из пережитого разочарования два урока. Во-первых: «Положение государства на карте является определяющим больше, чем его политическая система... Карты определяют само понятие равенства и единства человечества, так как напоминают о разных природных условиях и связанном с ними неравенстве людей» (с. 49). Во-вторых: «Для реалистов порядок важнее свободы. Для них свобода приобретает значение после того, как установлен порядок» (с. 48).

Не следует разрушать структуры порядка, свержать диктатуры, устраивать революции, и вообще вести себя, как слон и осел в посудной лавке, «во имя свободы», если не уверен, что на месте свергнутой диктатуры может быть установлен хотя бы элементарный порядок. Не стоит прибегать к либеральному интервенционизму, если не уверен, что на смену десяткам человек, убитым спецслужбами диктатора, не придут сотни тысяч убитых в кровавой гражданской войне и миллионы, умершие от сопровождающих ее голода и эпидемий.

Впрочем, политическую вменяемость самого Каплана не следует преувеличивать. Он дает понять, что «реалиста» в американской внешней политике от «либерального интервенциониста» отличает не уважение к суверенитету государств и народов, не признание их права на собственный путь, а исключительно осознание границ американской военной мощи. Он не призывает «дать жить другим», а лишь отмечает, что некоторые цели для американской политики недостаточно удобны, слишком опасны или имеют сомнительную ценность. Спор Каплана с либеральными интервенционистами напоминает порой спор двух людоедов о том, нужно ли отваривать костлявых злых стариков или лучше ограничиться стейком из филе юных дев.

Особенно характерна в этом смысле пространная апологетика политики США в 1990-х годах против Сербии, когда под предлогом «предотвращения геноцида» был произведен геноцид сербского населения в Краине (Хорватия) и Косове.

Вот бриллиант лицемерия: «В 1991 году Югославия распалась, а сербские войска вторглись в Славонию и Краину, ставшие местом этнических чисток, массового убийства сербами хорватов. Позже, когда хорваты вновь заняли этот регион, этнические сербы вынуждены были спасаться бегством в Сербию. С сербско-хорватской границы война перекинулась на территорию Боснии, где сотни тысяч людей были убиты с ужасающей жестокостью» (с. 34). Когда сербы нападают на хорватов – это «массовое убийство и этнические чистки». Когда хорваты нападают на сербов – это «занятие региона и вынужденное бегство». Резня в Вуковаре, где погибло 265 хорватских военнопленных, это, конечно, массовое убийство. А что такое резня в Сисаке, где погибло 595 гражданских сербов? Из рассуждений американского «реалиста» ответ на этот вопрос совершенно не ясен.

Примечательны и попытки Каплана изобрести некое географическое детерминирование возможностей осуществления либеральной «свободы», чтобы подвести какую-то географическую базу под «арабскую весну» и объяснить, как так получается, что в Ираке под непосредственной американской оккупацией никакого либерализма не вышло, а вот в Тунисе и Египте – при посредстве «твиттер-революций» – должно выйти. Оказывается, поскольку Тунис – это Карфаген, органическая часть Римского мира, то условия для демократии там благоприятны. А вот в разобщенной Ливии может ничего и не получиться: тут автор оказался, безусловно, прав.

Впечатляет враждебный антисаудовский тон регионоведческих заметок Каплана, призывающего США к дружбе с Ираном. Его фаворитом на Аравийском полуострове является Йемен, о котором до развертывания в минувшем году хуситского движения вспоминали довольно редко. Каплан рассматривает Йемен как настоящую кашееру иглу Саудовской Аравии, которая (игла) однажды положит ко-

нец процветанию, а может быть, и самому существованию этой нефтяной монархии.

«Никогда не забуду, что американский военный эксперт сказал мне в столице Йемена Санае: “В Йемене более 20 млн агрессивных хорошо вооруженных людей с коммерческим чутьем, которые еще к тому же очень трудолюбивы по сравнению со своими соседями из Саудовской Аравии. У него есть будущее, и оно до чертиков пугает правительство Эр-Рияда”» (с. 279).

Сирию Каплан описывает как конгломерат с весьма слабо сформированной идентичностью, поддерживаемой в основном идеями панарабизма и культом президента Асада-ст. Над этой страной всегда витала угроза распада, в котором таится угроза для мира. Каплан отмечает, что в 2012 году «вслед за Ираком и Афганистаном следующей целью суннитских джихадистов могла бы стать сама Сирия. В лице сирийского режима джихадисты видят врага, который “одновременно является тираническим, светским и еретическим”... Алавитскому меньшинству успешно удавалось поддерживать в Сирии мир. Вряд ли суннитским джихадистам это по силам. Они действовали бы так же жестко, но без значительного опыта и знаний в сфере руководства страной, которые алавиты приобрели за 40 лет при власти» (с. 329).

Как видим, перспективы Сирии Каплан оценивает довольно трезво, и как раз к Сирии в наибольшей степени применима его концепция сохранения авторитаризма ради порядка. Но как раз применительно к этой стране он поддерживает ее крайне нерешительно, до некоторой степени «подпевая» проектам «демократической» революции, хотя сам же предсказывает вероятность ее джихадистской трансформации.

Забавно выглядит попытка Каплана обосновать необходимость сильной диктаторской власти для Ирака и возможность демократии в Египте, обращаясь к авторитету Уильяма Мак-Нила и его грандиозной всемирной истории – «Восхождение Запада». Каплан пересказывает Мак-Нила таким образом: «Географическая среда, ставшая основой для необычного уровня тирании и бюрократии в Месопотамии, также способствовала развитию несколько менее депотичного режима в Египте» (с. 62).

Но у Мак-Нила нет ничего подобного! Напротив, сравнение географических условий Месопотамии и Египта приводит его к прямо противоположным (и гораздо более согласным с историей) выводам. То, что в Месопотамии непрерывно менялись племена, царства и цивилизации, требовало от ее правителей раннего развития достаточно плюралистичной социальной модели. Напротив, Египет его географическая изолированность от внешних вторжений подтолкнула не к мягкости правления и демократизму, а к формированию монолитного деспотически-патриархального общества. Даже Небо и Земля в древней Месопотамии управлялись, по сути, республикой богов, в то время как строй египетского пантеона всегда был монархичен.

«В то время как в Месопотамии торговцы и другие светские предприниматели находили поле для своей деятельности в промежутках между отдельными храмовыми общинами, в Египте монолитное устройство Древнего царства этого не допускало. В конце концов монолитная структура должна была помешать развитию египетской цивилизации...» [2, с. 125–126].

Всем построениям Каплана, несмотря на обилие громких имен, к которым он обращается, – Мак-Нил, Тойнби, Бродель, Маккиндер, Спайкмен, Мэхен, присущ некоторый привкус шарлатанства. Он подверстывает исторические и географические факты под сегодняшнюю политическую конъюнктуру. Впрочем, тем же занимался и сэр Хэлфорд Маккиндер, чьи геополитические работы всегда подводили обоснование под сложившуюся на момент их написания политическую ситуацию и за счет этого быстро устаревали...

Назад к Маккиндеру: гидрология Хартленда

Здесь мы обращаемся ко второму аспекту книги Каплана, представляющей собой введение в классическую геополитику для американского «чайника». «Я познакомлю читателя, – обещает автор, – с решительно немодными мыслителями, которые выступают категорически против того тезиса, что *география больше не имеет никакого значения*» (с. 16).

Русский читатель здесь испытывает определенную растерянность. За последние годы мы привыкли, что геополитика для всего «цивилизованного мира» – это позапрошлый век, что рассуждения о «Хартленде», «Римленде» и «Мировом острове» могут быть интересны только городским сумасшедшим в нашей таежной глуши, в то время как весь остальной мир обсуждает «креативный класс», «нейрономику» и прочие новинки сепулькария. И вдруг обнаруживаешь, что модный в США интеллектуальный продукт не слишком отличим от «Основ геополитики» Александра Дугина. Причем трактат российского автора гораздо полнее.

Каплан сосредоточивает внимание читателей на ключевых идеях классиков геополитики – Хэлфорда Маккиндера, Карла Хаусхофера, Николаса Спайкмена и Альфреда Тайера Мэхена. При этом заметно, что сам он обратился к геополитике сравнительно недавно и еще не совсем освоил материал.

Так, пересказ Капланом идей Маккиндера довольно бестолков, бессвязен, пестрит ошибками. Например, он все время путает две работы Маккиндера – «Демократические идеалы и действительность» и «Круглая Земля и обретение мира», хотя их разделяют четверть века и целая политическая эпоха: первая написана в 1918 году, вторая – в 1943-м, а высказанные там концепции существенно разнятся¹.

Понять смысл концепции Хартленда из текста Каплана затруднительно. Каплан все-таки политик, а Маккиндер – географ, и решающим моментом в выработке им идеи Хартленда были географические соображения. Хартленд для Маккиндера – это совокупность пространств, недоступных воздействию морской силы, район Евразии, не имеющий выхода и речного стока в открытый океан, то есть бассейн Волги, впадающей в Каспийское море, и бассейны северных русских рек, проход к которым закрыт льдами. Именно здесь, где суша недоступна морю, куется чрезвычайно мощная сила, которая обрушивается на окраинные приморские пространства, прежде все-

¹ Подробнее разбор эволюции взглядов Х. Маккиндера см.: [3; 4].

го на Европу, в виде кочевых нашествий. Ритм этих нашествий задает ритм мировой истории, поэтому «сердцевина Евро-Азии» (Маккиндер первоначально не употреблял слово *heartland* как термин) выступает как ось мировой истории.

Надо сказать, что концепция Маккиндера базируется на определенной исторической и географической ошибке. В «Географической оси истории» он описывает современную эпоху в истории мира как созданную двумя событиями – морским расширением мира мореплавателями Васко да Гама и его сухопутным расширением казаками Ермака.

«Пока “морские” народы Западной Европы заполняли поверхность океана своими судами, направлявшимися в отдаленные земли, и тем или иным образом облагали данью жителей океанического побережья Азии, Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных кочевников против кочевников-татар. Эпоха Тюдоров, увидевшая экспансию Западной Европы на морских просторах, лицемерила и то, как Русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири. Бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же самой мере чреватым политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносили друг с другом... Романо-тевтонцы плыли по морям... греко-славяне скакали по степям, покоряя туранские народы».

Базовый миф геополитики, как видим, возник из-за недостаточного знания русской истории и поверхностного взгляда на русскую географию. Движение России на восток было не сухопутным, а речным и океанским движением. Ермак и его команда были не «всадниками», а судовой ратью, и их подвиг состоял в том, что они нашли пути сплава и волоки между реками, бассейны которых не смогли отделить друг от друга даже Уральские горы.

«Казачья», которых боялась Европа, – отважные кавалеристы-донцы, имели не так уж много общего с казаками эпохи Великой Русской Экспансии. Да, впрочем, и донской казак Стенька Разин, если Маккиндер услышал бы знаменитую песню о нем,

оказался рекоплателем, приносящим прекрасную персиянку в жертву матери-реке Волге.

Географическое мышление Маккиндера грешит чрезмерной масштабностью, с высоты которой «Хартленд» и в самом деле кажется обезвоженным участком суши, дороги из которого – Волга и Сибирские реки – идут в никуда. Более пристальный географический взгляд покажет нам, что главной характеристикой русского Хартленда оказывается не сухопутность, а чрезвычайно интегрированная речная сеть, которая вместе с доступными для России озерами, морями и Арктическим океаном составляет тот колониционный ресурс, который в полной мере был использован в XVI–XIX веках. Хартленд – не пустыня, а Остров, подходы к которому извне чрезвычайно затруднены, зато он интегрирован внутри. И маккиндеровская *Lenaland*, вынесенная за пределы «Хартленда», если размышлять в сухопутной логике, притянута к нему прочнейшими речными и морскими нитями, составляя неразрывную часть Русского острова. Кстати, когда Каплан смотрит на Россию собственными, а не маккиндеровскими глазами, он прекрасно осознает роль речных коммуникаций в русской истории – и про движение всадников-казаков на восток читателям не рассказывает.

Но вернемся к Маккиндеру. Сила, сосредоточенная в Хартленде, велика, но слишком косна, поэтому главную задачу океанских держав Маккиндер видел в том, чтобы не допустить объединения сил Хартленда с той или иной приморской державой – будь то Германия, Япония или Китай. Маккиндера занимает не столько борьба с осевой державой Хартленда, сколько обеспечение баланса между «Внешним полумесяцем», в конечном счете оказавшимся под контролем англосаксов, и «Хартлендом» (по большей части тождественным России), за счет пространств «внутреннего полумесяца». Задача англосаксонской геополитики состоит как в том, чтобы осевая держава Хартленда не слишком выдвинулась за пределы своего географического ядра, так и в том, чтобы ни одна из стран ближней периферии не овладела Хартлендом.

Поразительно, насколько неверно понимается мысль Маккиндера и в американской, и в российской геополитике,

в том числе и Капланом. Знаменитый афоризм Маккиндера: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом, кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом, кто контролирует Мировой остров тот командует миром», – традиционно трактуется как констатация необходимости держать Восточную Европу в англосаксонских руках, чтобы не дать России овладеть миром. Так это положение интерпретируется и у нас, и тем же Капланом, приписывающим Маккиндеру анекдотическое построение о «ряде государств, расположенных к востоку от Центральной Европы. Беларусь, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан и Дагестан могли бы бросить вызов планам социалистической России».

Нелепость подобной интерпретации формулы Маккиндера видна из следующего. Россия, несомненно, командует Хартлендом, независимо от того, владеет она Восточной Европой или нет. Однако это не дает ей господства над Мировым островом и миром. Мало того, когда СССР в годы холодной войны владел Восточной Европой, это его к господству над миром не приблизило. Другими словами, как формула сдерживания России афоризм Маккиндера попросту абсурден.

Совсем иначе он видится, если вспомнить, что книга «Демократические идеалы и реальность» писалась Маккиндером в 1918 году, когда революция фактически обрушила Россию, Германия после Брестского мира оказалась хозяйкой всей Восточной Европы и на короткое время замаячил призрак объединения Восточной Европы и Хартленда в немецких руках. Формула Маккиндера имеет именно антигерманский смысл. Британский геополитик полагал, что в условиях краха России Германия должна быть изолирована от доступа к Хартленду путем создания барьера из славянских и квазиславянских государств, решительно настроенных отстаивать свою независимость от Германии. В момент написания книги никто не мог предположить, что эти государства совсем скоро превратятся в «санитарный кордон» уже против СССР и будут размолоты между жерновами стремительно возродившихся двух великих империй, которые, с подачи Хаусхофера стали мыслиться как потенциальный «континентальный блок».

С работами Карла Хаусхофера в оригинале Каплан, по всей видимости, не знаком. Он ссылается на них преимущественно по книге американского геополитика и дипломата Роберта Штрауса-Хюпе (учителя Г. Киссинджера), посвященной защите идей Маккиндера от их «нацистского искажения» Хаусхофером. По большому счету, эта глава превращается в панегирик Штраусу-Хюпе как патриарху американского политического реализма. Впрочем, автор отмечает интересные моменты и у Хаусхофера – прежде всего понимание границ как живой и гибкой реальности, как рубежей военной силы, а не географического абсолюта, хотя сам, в целом, тяготеет скорее к географическому детерминизму.

Николас Спайкмен и оборона Карибской империи

Одна из лучших во всей книге глава, посвященная идеям Николаса Спайкмена, – создателя концепции «Римленда». Она читается с особым интересом еще и потому, что Спайкмен в России недостаточно известен, а его идеи пересказываются чрезвычайно упрощенно, как какие-то директивы НАТО. Анализ Спайкмена, пожалуй, в наибольшей степени вдохновляет Каплана.

США предстают в географических оценках Спайкмена как держава, господствующая над своим «Средиземным морем» – Карибским бассейном. Кстати, приоритет в разработке географического представления о трех средиземных морях – Средиземном, Восточно-Китайском и Карибском – принадлежит выдающемуся русскому географу и геополитику В.П. Семенову Тянь-Шанскому. На Карибах США может противодействовать любой внешней силе, устанавливая блокаду, а раздробленность региона на множество малых государств лишает США серьезных соперников. Эта геополитическая конфигурация обеспечивает Соединенным Штатам господство над всем Западным полушарием, в котором у них нет и не может быть геополитических соперников, подобно тому как в Евразии могут соперничать Россия, Китай, Европа или ее гегемон.

Однако власть США в Западном полушарии имеет свою ахиллесову пяту – богатые и густозаселенные атлантические реги-

оны, расположенные южнее Амазонии. Юг Бразилии, Уругвай, Аргентина находятся в положении «равноудаленности» от США и от Европы. От Нью-Йорка до Буэнос-Айреса лишь немногим ближе по воздуху и дальше по морю. Это создает угрозу проникновения державы, доминирующей в Европе, в Западное полушарие через Южную Америку. «Даже если США смогли бы избежать войны с Германией за Европу, возможно, борьбы за доминирование над Южной Америкой избежать не удалось бы», – цитирует Каплан Спайкмена.

Таким образом, оборона Европы, по Спайкмену, оказывается дальними рубежами обороны Южной Америки, которая, в свою очередь, прикрывает американское Карибское средиземноморье. И антироссийская геополитическая архитектура «Римленда» подчинена у Спайкмена именно этой задаче: «Двести лет, со времен Петра Великого, Россия пыталась пробиться через кольцо приграничных государств и выйти к океану. География и морская мощь постоянно ей мешали».

Переименовав «Внутренний полумесяц» Маккиндера в «Римленд», который удобно контролируется с моря, Спайкмен как бы превращает Римленд в грандиозный передовой бастион для отражения русской экспансии. Каплан здесь вспоминает стратегический манифест холодной войны – «Длинную телеграмму» Кеннана с ее доктриной сдерживания. Насколько уместно обращение к Кеннану в контексте геополитики – позволительно усомниться: в центре «Длинной телеграммы» вопросы идеологического противостояния с СССР, борьбы мировоззрений, а не геополитических программ. Впрочем, именно здесь доктрина Кеннана сохраняет свое значение для Запада и до наших дней. Ее основная мысль: Запад как целое гораздо сильнее России, поэтому главный шанс русских – сыграть на противоречиях в западном мире, а основная задача США – любой ценой сохранить единый фронт против России. В холодной войне 2.0, начавшейся в 2014 году, мы наблюдаем тот же паттерн – Москва пытается расколоть Запад, Вашингтон цементирует все щели. Так будет продолжаться до тех пор, пока Вашингтон однажды пропустит удар и значимый элемент альянса с США

оторвется, либо пока Москва не сменит стратегию и не сумеет противопоставить Западу коалицию более мощную, нежели он сам.

Но вернемся к Спайкмену. Успешность «стратегии Римленда» кажется доказанной практикой – падением Советского Союза, которое традиционно интерпретируется как поражение в холодной войне. Но если игнорировать эту спорную аберрацию (падение коммунистического режима в России имело гораздо больше внутренних, чем внешних причин, а энергичное внешнеполитическое отступление Горбачева было попыткой консолидации режима), то выигрышность стратегии «по Спайкмену» с интенсивным окружением СССР американскими базами по морским направлениям оказывается более чем спорной.

Сложная система спайкменовского геополитического домино (кто контролирует Римленд, тот контролирует Южную Америку, кто контролирует Южную Америку, тот угрожает Карибам, кто угрожает Карибам, угрожает США) была опрокинута самым неожиданным образом – нож советской экспансии оказался запущен прямо под карибское ребро. Спайкмен писал задолго до кубинской революции, и ему в страшном сне не могло привидеться, что Вашингтон пропустит такой удар, а занимающий центральное положение в Карибах остров более чем на полвека выйдет из-под американского контроля. Мало того – окажется площадкой советских военных баз, радиолокационных центров и лишь угрозой глобальной ядерной войны предотвращенного размещения советских ракет.

Господство в своем средиземноморье оказалось для США гораздо более проблематичным, чем это представлялось Спайкмену. Именно здесь один за другим возникают чрезвычайно устойчивые режимы, которые хранят лояльность глобальному геополитическому оппоненту США – СССР и России. В некотором смысле Кубу, Никарагуа и Венесуэлу можно рассматривать как аналог последовательно антироссийских Польши и некоторых других стран Восточной Европы. Самые ближние соседи оказываются наиболее враждебными.

Если североатлантическое ядро американского господства и в самом

деле стояло довольно крепко, то весь глобальный юг год за годом все в большей степени прошивался советскими базами и дружественными режимами. Иногда США удавалось выдернуть тот или иной опасный участок из-под советского влияния, как Чили в 1973 году, но советским реваншем стала консолидация красного Вьетнама и захват остатков португальской империи – Анголы и Мозамбика. Во всех этих операциях СССР чрезвычайно интенсивно использовал свою морскую мощь. Если в 1962 году США еще удалась морская блокада Кубы, а рвавшиеся к «Острову Свободы» советские подводные лодки были остановлены и принуждены к всплытию, то за 1960–1970-е годы был создан большой океанский флот, практически сравнявший морские потенциалы двух сверхдержав.

В конечном счете США поскользнулись именно в «Римленде», составной частью которого, несомненно, был отлично простреливаемый с моря Вьетнам. А вот СССР споткнулся в самых что ни на есть глубинах Хартленда – Афганистане, территория которого представляет, пожалуй, абсолют гидрологической изоляции, которая только может существовать в Евразии. Так что позволим себе усомниться, что спайкменовская концепция Римленда была действительно эффективным интеллектуальным инструментом холодной войны, а не опасной для Запада иллюзией, продолжением ошибки Маккиндера, рассматривавшего Хартленд как гидрологически изолированную территорию.

Последний океан. Удивительное будущее Арктики

Гораздо большего интереса заслуживает другой аспект идей Спайкмена, подчеркнутый Капланом, – акцентирование полярной геополитики, где его внимание приковывает «концентрация участков суши в Северном полушарии и то, что они расположены в виде звезды, стремясь от центра, в котором расположен Северный полюс, к Африке и мысу Доброй Надежды, Южной Америке и мысу Горн, а также к Австралии».

Каплана чрезвычайно занимает этот арктический сюжет, и он его развивает с еще большей подробностью: «Главной идеей этой карты полярной области является естественная связь между Северной Америкой и Евразией... В следующие десятилетия Арктика, особенно если она немного оттаит, придаст новое значение морским и особенно военно-воздушным силам. Сверхзвуковой транспорт может на две трети сократить расстояние между западным побережьем США и городами в Азии. Более активное использование полярных маршрутов еще сильнее свяжет США, Россию и Китай. Став более доступной, география, как это ни странно, приобретет еще большую важность» (с. 123).

И, надо сказать, в подобной оценке будущего Арктики Каплан не одинок. Вот что думает английский историк цивилизаций Фелипе Фернандес Арместо: «Остался последний океан. Последнюю фазу океанической истории можно усмотреть в пересечении Арктики подводными лодками и в воздушных перелетах по большим окружностям Земли: если глобальная цивилизация действительно возникнет, я могу представить себе, что историки будущего опишут ее формирование на новых маршрутах, как это делали их предшественники на своих “домашних” океанах. Возможно, и Северный Ледовитый океан будет рассматриваться как домашний океан всего мира».

Особенно показательна здесь статья Кэйтли Энтрим «Следующая географическая ось: Русская Арктика в XXI веке» [5]. Автор предлагает пересмотр маккиндеровской геополитической схемы с учетом климатических изменений и все возрастающей доступности Арктики для военного и торгового судоходства. Вместо «Черной дыры» Хартленд оказывается огромным пространством, развернутым к «Последнему океану», и владычицей этого пространства является именно Россия – она освоила его и включила почти половину в свои границы. Цепь островов от Земли Франца Иосифа до острова Врангеля создает здесь огромное «четвертое Средиземное море», по которому проходит Северный морской путь и которое полностью заключено в пределы территориальных вод России, прикрытых островами, каждый из которых

может быть превращен в хорошо укрепленную крепость. И здесь, конечно, неизбежно встанет роковой вопрос о Груманте-Шпицбергене – единственной брешии в этой системе северных крепостей, так коварно уведенной из-под носа в отсутствие полномочной России в 1920 году.

Тем не менее вместо океанической Золушки Россия, с реализацией потенциала Арктики, вступит в число крупнейших океанских держав. И здесь, по всей видимости, придется уже задним числом пересматривать учебники истории и геополитики, описывая не параллелизм европейского продвижения в океаны и сухопутного продвижения России, а единое океанское движение европейских цивилизаций, одна из которых выбрала легкий путь в Атлантику и Индийский океан, а вторая ввязалась в долгую, но исключительно перспективную игру в Арктике. Движение России в Сибирь предстанет не покорением Степи, а укрощением арктических путей.

Мэхен и психоанализ «русской агрессивности»

Глава, посвященная Капланом наследию американского теоретика морской мощи Альфреда Тайера Мэхена, начинается со своеобразного геополитического психоанализа России.

«Мэхен... нашел слабость России в слишком большом расстоянии, отделяющем ее от теплых вод Индийского океана. «Безнадежная удаленность от открытого моря, характеризующая Россию, лишила ее удобного положения для накопления материальных благ», и, как продолжает Мэхен, «по этой причине совершенно естественно и понятно, что она испытывает недовольство, которое легко переходит в агрессию». Таким образом, Мэхен обнаруживает глубокие психологические тенденции, – основанные в действительности на географии, – русско-го национального характера» (с. 126).

Поразительно то, что, сделав эту констатацию, Каплан тут же переходит к обсуждению «сдерживания» России. Тем самым он невольно вскрывает иррациональные корни противостояния англосаксонских «морских держав» с Россией.

Из поставленного Мэхеном диагноза следует, что нет ничего проще, чем излечить Россию от «агрессивности». Достаточно предоставить ей хотя бы один удобный выход к теплому морю – и стресс от холода и агрессия сами собой исчезнут. По большому счету, никаких других конфликтов у России с «морской державой» не останется – все остальное может быть урегулировано в рабочем порядке.

Однако вместо такой очевидной уступки англосаксы столетиями тратят множество сил, средств и человеческих жизней для того, чтобы «сдерживать» Россию в ее единственном очевидном и законном желании – иметь выход к теплым морям. То есть они искусственно поддерживают уровень агрессии России на гораздо более высоком уровне, чем этого хотелось бы даже самим русским.

«Индийские и китайские стратеги жадно читают Мэхена. Они строят флот, предназначенный для крупных сражений на море, тогда как европейские адмиралы в наше время рассматривают военноморские силы исключительно в качестве морских полицейских», – предупреждает Каплан (с. 132). Но потенциальный рост морского могущества России – один из тех факторов, которые Каплан, пожалуй, не учел в главе об идеях Мэхена. У России существует собственная доктрина морской мощи, разработанная адмиралом Горшковым, и собственные большие океанские амбиции. И если мировая история и в самом деле сделает зигзаг в сторону Арктики, – невозможно думать, что Россия откажется им воспользоваться.

Однако русской геополитики для Каплана, увы, не существует – он ничего не слышал ни о Данилевском, ни о Горшкове, ни, тем более, о В.П. Семенове Тянь-Шанском и лишь немного знает о евразийстве, к которому относится скептически. Автор «Мести географии» не в курсе, что у России имеется собственная традиция геополитического самоосмысления. Это несомненный минус его книги, но в то же время и плюс: когда Каплан переходит от геополитической теории к регионоведческим главам, его очерк о России дает достаточно оригинальный взгляд, часто отличный от привычной оптики.

Русский Феникс. Империя, расширяющаяся из страха

Знание Капланом России, впрочем, чисто книжное. Он любит сопровождать свои очерки зарисовками от первого лица, посвященными прежде всего горам: какое впечатление на него произвели Балканы, какое – Курдистан, какое – горы Афганистана. Вместо личной зарисовки главу о России открывает панорама Кавказа из «Красного колеса» Александра Солженицына. Так становится ясно, что Россию автор видел только на картах.

Это, впрочем, не делает его взгляд враждебным или тяготеющим к русофобии. Напротив, очерк Каплана написан с пониманием и уважением. В его представлении Россия – это огромная страна, которая вынуждена еще больше расширяться из страха перед нападением. Не будучи естественной географической крепостью, Россия вынуждена постоянно присоединять всё новые и новые земли, которые послужат буфером между нею и ее сильными врагами.

Россия «с ее бескрайними степями и равнинами, которые не предоставляют естественных границ и которые не могут серьезно защитить от вражеского вторжения. Страх России перед вторжением с суши у Маккиндера является главной темой. Россия значительно продвинулась вглубь Европы с ее восточной части, чтобы противостоять Франции в XIX и Германии в XX веке. Россия была заинтересована в Афганистане, чтобы остановить британцев в Индии и получить выход к теплому Индийскому океану. Покорение Дальнего Востока имело целью заблокировать продвижение Китая. Что же касается Кавказа, то эти горы представляют собой барьер, где Россия должна доминировать, чтобы оградить себя от политических и религиозных взрывов на Большом Ближнем Востоке» (с. 176).

Интересно, что здесь вопреки собственной ссылке Каплан приходит в чувствительное противоречие с Маккиндером, который в «Круглой Земле и обретении мира» высказал взгляд на Россию прямо противоположный. Британский геополитик считал Россию грандиозной естественной крепостью, прикрытой с Севера Арктическим океаном, с Юга – цепями гор, с Вос-

тока и тихоокеанскими морями, и горами «Леналенда». В этом смысле Россия начала XX века предстает, в конечном счете, практически достигшей своих естественных границ, а весь ее предыдущий исторический путь может быть представлен как движение к этим чрезвычайно широко очерченным границам. Открытой эта крепость Хартленда является только для вторжения с Запада, но и здесь пространство является ее союзником, коль скоро вынуждает врага чрезмерно растягивать фронт и истощать резервы.

«Россия воспроизводит в основных чертах паттерн Франции, но в укрупненном масштабе и с границей, открытой на запад, а не на северо-восток. В нынешней войне российская армия развернулась, перекрыв открытую часть границы. В тылу у нее – огромная равнина Хартленда, подходящая и для глубокой обороны, и для стратегического отступления. А еще дальше позади [армии] эту равнину замыкает на востоке природный крепостной вал, образуемый “недоступным” арктическим побережьем, пустошами земли Лены за Енисеем и горной цепью от Алтая до Гиндукуша, за которой и Гоби, и тибетские, и иранские пустыни. Эти три заграждения – широкие и весьма вещественные, далеко превосходящие в своем оборонном значении те побережья и горы, которыми окаймлена Франция» [1].

Маккиндер отметил, что, развивая в ходе индустриализации ресурсы своего Востока, Россия становится всё менее уязвимой для атаки с Запада, так как всё меньше зависит от экономического потенциала своих западных окраин. Однако маккиндеровская параллель с Францией гораздо глубже, чем кажется. Наряду с физической и экономической существует еще и культурная география.

Даже если Франция перенесет свой индустриальный потенциал подалее от германской границы, в глубь страны, она никуда не сможет перенести Реймс, готические соборы Пикардии и Иль-де-Франса, которым и так был нанесен чудовищный ущерб Первой мировой войной. Точно так же и Россия, имея возможность отступить экономически хоть до Урала, хоть за Урал, не может передвинуть опорные для своей культурной идентичности регионы Москвы,

Замосковья и Петербурга, не сможет пере-двинуть ни Василия Блаженного, ни Покрова на Нерли, ни Эрмитаж. Поэтому внезапное приближение западных границ к этому культурному Хартленду, тем более что ряд исторических русских центров уже оказался за нашей границей, причем в чрезвычайно враждебном контексте, воскрешает в России именно тот тип оборонного сознания, о котором говорит Каплан.

Борющаяся с суровостью северных холодов и с агрессией соседей Россия представляется Каплану вечно разрушаемой и вечно возрождающейся империей. «В то время как другие империи возникали, расширялись, рушились – и о них никогда больше не слышали, – Российская империя расширялась, и разваливалась, и возрождалась уже неоднократно. География и история показывают, что Россию никогда нельзя сбрасывать со счетов» (с. 178), – такими словами предвещает автор небезынтересный и в целом точный очерк русской истории.

В этом очерке он отмечает синтез варяжского и византийского начал, роль речных путей в развитии России и возвышении Московского княжества, чрезвычайно высоко оценивает монументальную фигуру Ивана Грозного как первого великого строителя русской империи, адресует к «Тарасу Бульбе» Гоголя, чтобы отметить пересечение названий «русский», «украинец» и «казак» и подчеркнуть, что «насилие в повести является выражением географических особенностей степей России и Украины».

«Очевидно, что русским нечего стыдиться, так как они могут быть только теми, кто они есть, – народом, который построил империю в условиях жуткого континентального ландшафта и климата, и в результате они стучались в ворота Леванта и Индии... В то время как такие морские державы, как Франция и Британская империя, сталкивались со своими врагами за морями, Россия встречалась с врагом на собственной территории. Таким образом, русские люди очень рано научились относиться ко всему с подозрением и не терять бдительности. Это нация, которая всё время так или иначе находилась в состоянии войны» (с. 184).

Каплан даже находит в русской истории свой вариант «явного предначертания». «Мотивом для такой новой российской версии “предопределенной Судьбы” было чувство незащищенности: незащищенности любой сухопутной державы, которая вынуждена нападать сама, разрастаясь во всех направлениях, чтобы не исчезнуть» (с. 186).

Геополитику современной РФ Каплан понимает откровенно плохо. Его источниками по теме оказываются Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский и почему-то Дмитрий Тренин. Скептицизм нашего автора вызывают евразийство и программа Евразийского Союза, поскольку он считает, что география не может служить объединяющим началом, и нужна какая-то общая идеология. Однако и здесь целому ряду его высказываний не откажешь в проницательности.

Каплан замечает, что внимание российского руководства к Украине «свидетельствует о желании приблизить Россию к Европе» (с. 195). Он полностью согласен с Бжезинским, утверждающим, что без Украины Россия может оставаться только азиатской империей, в то время как добавление Украины делает из нее европейское государство. Перспектива, которой Бжезинский хотел бы избежать, но Каплана она, похоже, мало смущает.

Однако все же он спешит успокоить тех, кто боится восстановления Российской империи: в XXI веке это является маловероятным, поскольку состав России покинул Казахстан, развивающееся центральноазиатское государство, которое и является якобы «Хартлендом» в собственном смысле слова. «Маккиндер верил, что Хартленд будет контролировать некая сверхдержава. Но в наше время Хартленд находится в руках его коренных жителей» (с. 199). Сказано скорее сильно, чем верно, с учетом того, что никогда, ни в одной из версий своих теорий Маккиндер не сводил Хартленд к Центральной Азии.

Взгляд Каплана на Россию, как мы видим, скорее благожелателен. Он отказывается подыгрывать русофобской мифологии о вечно агрессивной России, объясняет русскую экспансию вполне очевидными географическими мотивами,

рекомендует не сбрасывать Россию со счетов и уж точно не торопится записывать ее во второстепенные державы. Прошло всего три года с выхода книги Каплана, а Россия уже вновь «стучится в ворота Леванта». Такая скорость регенерации империи явно шокирует западные элиты, но если бы они внимательно читали Каплана, они были бы лучше подготовлены.

Геополитика России. Герой без поэмы

Однако даже в чуждом заикленности на вражде к России изложении Капланом геополитической традиции Запада трудно не заметить, что в целом она посвящена проблеме «сдерживания» России. Российская экспансия рассматривается западной геополитикой как данность, а программа этой геополитики сводится к набору рецептов сдерживания России, лишь ненадолго отклоняясь от этого основного сюжета в сторону сдерживания Германии, как у позднего Маккиндера, или сдерживания Китая, которое пытается обсуждать Каплан.

В целом, геополитический прорыв России и его агрессивное «сдерживание» англосаксонской морской державой представляют собой ключевой геополитический метасюжет. И здесь возникает следующий вопрос: если существует теория геополитического сдерживания России, то почему не существует теории геополитической экспансии России? Почему ее приходится выдумывать самому же Западу, сочиняя фальшивки вроде «Завещания Петра Великого»?

Отговорки, что мы мирные люди и экспансии не планируем, здесь не уместны. Россия весьма значительно страдает от мероприятий по так называемой «обороне» от нее, но не имеет даже самого приблизительного плана «наступления». Все наши движения по расширению своего влияния судорожны, плохо скоординированы, лишены серьезного теоретического обоснования, базируются на случайных и противоречивых идеологемах. В этом смысле русская геополитика, в отличие от западной, по-прежнему не существует.

Вадим Цымбурский видел в геополитике «тип политического проектирования, стремящийся мобилизовать народы и эли-

ты при помощи географических образов (моделей) с заложенным в них зарядом политических ориентаций и установок... Геополитика – это форма внесения в мир политической воли» [3, с. 136].

Однако никакого целостного *видения*, симметричного или асимметричного стержневой для Запада доктрине Маккиндера, в русской геополитике по-прежнему не присутствует, есть лишь ее постмодернистские симуляции. Как следствие, мы не можем осмыслить даже происходящие с нами перворазрядные политические события.

Являются ли возвращение Крыма и сирийская операция выражением единого неовизантийского геополитического вектора, и тогда конфликт с Турцией, который неизбежно напоминает нам о Константинополе, является естественным результатом движения по этому вектору? Или перед нами ряд не связанных между собой геополитических эпизодов, каждый из которых существует в своей логике.

Какова геополитическая конфигурация нашего глобального противостояния с США, и выльется ли оно в новую холодную войну, и если да, то во имя каких целей? И как бы могла быть сформулирована наша «Длинная телеграмма», если бы кто-то решился ее написать?

Книга Каплана хороша уже тем, что возникла в толще традиции продуманного геополитического и геостратегического планирования и действия. Автор ясно отдает себе отчет, как и во имя каких интересов он формулирует те или иные тезисы. Его высказывания, ввиду проработанной традиции взаимодействия между лицами и структурами, определяющими политику, и экспертами-интеллектуалами, имеют ясный смысл. Отсутствие аналогичной традиции в нашем Отечестве делает книгу «Мечь русской географии», написанную в логике геополитических интересов России, попросту невозможной. Но это не значит, что русская география не отомстит тем, кто с нею не считается.

Литература

1. Маккиндер Х. Круглая Земля и обретение мира / Пер. Вадима Цымбурского // Космополис. Зима 2006/2007. № 2 (16).
2. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев: Ника-центр, 2013.
3. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. М.: Европа, 2011.
4. Цымбурский В.Л. Хэлфорд Маккиндер. Трилогия хартленда и призвание геополитика // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007.
5. Antrim, Caitlyn L. The Next Geographical Pivot: The Russian Arctic in the Twenty-first Century // Naval War College Review. Vol. 63, № 3, Summer 2010.

Аннотация. В статье обсуждается книга американского политолога Роберта Каплана «Мечь географии». Рецензент отмечает, что эта работа является манифестом американского политического «реализма», подвергающего сомнению уверенность либеральных интервенционистов в возможности принести народам свободу на крыльях бомбардировщиков. Ограниченность американской воздушной мощи, устойчивые географические структуры и исторически длительные временные протяженности кладут предел американской экспансии, ведущей лишь к хаосу. В конечном счете порядок важнее свободы, и не следует разрушать диктатуры без уверенности, что им на смену придет что-то лучшее, нежели кровавый хаос. Геополитическое содержание работы Каплана – это реставрация теорий классической геополитики – Маккиндера, Мэхена, Спайкмена. Рецензент отмечает, что основной пафос геополитических классиков – «сдерживание» российской экспансии к теплым морям. Однако практическая применимость этих теорий ограничена фундаментальной ошибкой Маккиндера – он квалифицировал русскую экспансию как сухопутную, а Хартленд определил как гидрологически изолированную территорию, в то время как русская экспансия была речной и арктической, а главное – своею «Хартленда» – теснейшее переплетение речных бассейнов. По наблюдению рецензента – Россия гораздо чаще обыгрывала Запад на океанских направлениях, нежели считают геополитики – в пример чего приводится геополитическое вторжение в самое средоточие американской мощи – в Карибское море, на Кубу. Регионоведческий очерк Каплана, посвященный России, рецензент оценивает как пример взгляда на Россию без русофобских очков. Каплан рассматривает русскую империю как вынужденно расширяющуюся из опасения нападения извне, а историю России – как циклический процесс «расширение – упадок – возрождение» и призывает никогда не сбрасывать Россию со счета.

Ключевые слова: Роберт Каплан, реализм, либеральный интервенционизм, геополитика, география.

Yegor Kholmogorov, Essayist; Editor-In-Chief, “Russian commentator” and “New Chronicle” Online Magazines. E-mail: holmogorow@yandex.ru

A Journey to Geopolitics and Back Again

Abstract. In this article the author discusses the book of American Political Scientist Robert Kaplan «The Revenge of Geography». The reviewer remarks that this book is the manifest of American political “realism”, doubting the confidence of liberal interventionists in the possibility of bringing freedom to peoples on the wings of their bombers. The limitations of American Air Force, stable geographic structures and historically long time spans impede American expansion that can result only in the total chaos. In the long run the proper order is more important than freedom, and dictatorships should not be destroyed when there exists no confidence that they will be replaced with a better order and not with the murderous chaos. The geopolitical content of Kaplan’s work represents the restoration of classic geopolitical theories of Mackinder, Mahan and Spykman. The reviewer points out that the main idea of geopolitical scholars consists in “the containment” of Russian expansion in the direction of warm seas. But practical implementation of these theories are limited by Mackinder’s fundamental error – when he classified Russian expansion as limited by “hard land”, and he defined “Hardland” as

hydrologically isolated territory, when Russian expansion was mostly realized along rivers and in the arctic regions, and the main feature of “Hardland” was the close interweaving of river basins. According to the reviewer Russia won its battles against the West in the ocean regions more often than the geopolitists are ready to acknowledge, and as an example of said victories he cites the intrusion into the centre of American power – the Caribbean sea and Cuba. The reviewer sees Kaplan’s essay on region study devoted to Russia as an example of the approach to studying Russia without “rusophobic” preconception. Kaplan thinks that Russian empire was forced to expand due to the fear of foreign assaults, he views the history of Russia as the cyclic process of “expansion – decline – renaissance”, and he urges never to discount Russia.

Keywords: Robert Kaplan, Realism, Liberal Interventionism, Geopolitics, Geography.

Альманах Фонда ИСЭПИ
Тетради по консерватизму
№ 1 2016

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

Издатель
*Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических
и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)*
www.isepr.ru

Подписано в печать 01.07.2016. Формат 60x90¹/₈. Усл. печ. л. 34,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 491

Отпечатано в ООО «Богородский полиграфический комбинат»
142400, Московская обл., г. Ногинск, ул. Индустриальная, д. 40б